

1894.

Годъ 2-ой.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

АСТА

ВЪ

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JUR

(OLIM DORPATENSIS)

№ 1.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Матисена.

1894.

1894.

Годъ 2-ой.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 1.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Матисена.

1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 28 Марта 1894 г.

Ректоръ : А. Будилевичъ.

№ 554.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Официальный отдѣлъ.

	Стр.
Обозрѣніе лекцій въ I сем. 1894 г.	1— 16
Краткій отчетъ за 1893 г.	17— 38

II. Неофициальный отдѣлъ.

А.

Проф. Е. В. Пассекъ Императоръ Адрианъ	1— 16
Prof. Dr. J. Kvaszala Irenische Bestrebungen zur Zeit des dreisigjährigen Krieges	17— 38
Prof. Mag. Kersten Zur genaueren Abgrenzung der Aufgabe des Systems der Dogmatik mit besonderer Berücksichtigung der „Prolegomena“ und der Ethik	39— 68
Проф. А. М. Гуляевъ Памяти О. Ф. Мейкова	69— 72
Проф. Е. Ф. Шмурло Постниковъ	73—238

Б.

Приложенія.

Проф. А. Н. Филипповъ, Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета.	
--	--

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ОБОЗРѢНІЕ
ЛЕКЦІЙ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ЮРЬЕВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1894 г., семестръ I.

I. Богословскій факультетъ.

Маг. **Іоаннъ Керстенъ**, испр. должн. ординарнаго профессора систематическаго богословія, Деканъ: 1) система догматики (продолженіе), 6 ч. въ нед., по понед., вторн., четв., пятн. и субб. отъ 12—1 ч. и по сред. отъ 1—2 ч.; — 2) упражненія по догматикѣ (объ Августинѣ), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

Докт. **Вильгельмъ Фолькъ**, заслуженный ординарный профессоръ симитскихъ языковъ: 1) библейская исторія Ветхаго Заѣта, 3 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 9—10 ч.; — 2) избранные псалмы, 3 ч. въ нед., по вторн., четв. и субб. отъ 9—10 ч.; — 3) репетиторій еврейской грамматики, 2 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 4—5 ч.; — 4) продолженіе сирійскаго курса, по 1 ч. въ нед., по сред. отъ 4—5 ч.

Докт. **Фердинандъ Мюлау**, ординарный профессоръ экзегетическаго богословія: 1) объясненіе посланія къ Римлянамъ, 4 ч. въ нед., по понед. отъ 10—11, по вторн., четв. и субб. отъ 11—12 ч.; — 2) введеніе въ Новый Заѣтъ, 5 ч. въ нед., въ послѣдніе 5 дней нед. отъ 10—11 ч.; — 3) упражненія по новозавѣтной экзегезѣ (бесплатно), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 6—8 ч.

Докт. **Фердинандъ Гершельманъ**, ординарный профессоръ практическаго богословія: 1) гомилетика, 4 ч. въ нед., по понед. и пятн. отъ 11—12, по четв. и субб. отъ 1—2 ч.; — 2) практическая семинарія, 3 ч. въ нед., по сред. отъ 11—1 и отъ 6—7 ч.

Докт. **Іоаннъ Квачала**, ординарный профессоръ историческаго богословія: 1) церковная исторія, ч. IV, 4 ч. въ нед., въ первые 4 дня нед. отъ 5—6 ч.; — 2) церковь и школа въ ихъ взаимномъ отношеніи со временъ реформации, по 1 ч. въ нед., по сред. отъ 6—7 ч.; — 3) практическія упражненія по церковной исторіи (бе-

сѣды о важнѣйшихъ церковныхъ стремленіяхъ новѣйшаго времени), 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 6—7 ч.

Маг. **Альфредъ Зебергъ**, доцентъ: символика, 4 ч. въ нед., по понед., сред., четв. и пятн. отъ 8—9 ч.

II. Юридическій факультетъ.

Докт. **Иванъ Энгельманъ**, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ русскаго гражданскаго права и судопроизводства, Деканъ: русское гражданское судопроизводство, 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и сред. отъ 11—12 ч.

Маг. **Александръ Филипповъ**, испр. должн. ординарнаго профессора государственнаго права, Проректоръ: русское государственное право, ч. II, 6 ч. въ нед., по вторн., четв. и субб. отъ 12—2.

Докт. **Петръ Пусторослевъ**, ординарный профессоръ уголовного права: 1) уголовное право (особенная часть), 4 ч. въ нед., по понед. отъ 12—2 и по вторн. отъ 4—6 ч.; — 2) уголовное судопроизводство, 4 ч. въ нед., по сред. отъ 12—2 и по пятн. отъ 4—6 ч.

Маг. **Михаилъ Дьяконовъ**, экстраординарный профессоръ исторіи русскаго права: 1) исторія русскаго права, ч. II, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.; — 2) практическія занятія (бесплатно), по 1 ч. въ нед., по сред. отъ 10—11 ч.

Маг. **Алексій Гуляевъ**, экстраординарный профессоръ римскаго права: 1) пандекты, ч. II, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.; — 2) практическія занятія, по 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 6—7 ч.

Маг-нтъ **Владиміръ Дерюжинскій**, испр. должн. экстраординарнаго профессора полицейскаго права: 1) полицейское право, общій курсъ, ч. II, 4 ч. въ нед., по четв. и пятн. отъ 12—2 ч.; — 2) практическія занятія, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 12—2 ч.

Маг. **Евгеній Пассенъ**, сверхштатный экстраординарный профессоръ римскаго права: 1) институціи, 6 ч. въ нед., по четв., пятн. и субб. отъ 12—2 ч.; — 2) практическія занятія (чтеніе источниковъ и рѣшеніе практическихъ случаевъ въ си-

стемъ пандектовъ, необязательно), для прослушавшихъ курсъ пандектовъ, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 6—8 ч.

Маг-нтъ Левъ Кассо, испр. должн. экстраординарнаго профессора мѣстнаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ лифляндской, эстляндской и курляндской, а также юридической практики: 1) мѣстное право, ч. II (семейное и наслѣдственное права), 5 ч. въ нед., въ первые 5 дней нед. отъ 10—11 ч.; — 2) практическія занятія (бесплатно), по 1 ч. въ нед., по субб. отъ 10—11 ч.

Маг-нтъ Адамъ Зачинскій, испр. должн. сверхштатнаго экстраординарнаго профессора энциклопедіи права, объявить о своихъ лекціяхъ по возвращеніи изъ командировки.

Маг-нтъ Василій Нечаевъ, испр. должн. экстраординарнаго профессора русскаго гражданскаго права и судопроизводства: 1) русское гражданское право съ практическими занятіями, 6 ч. въ нед., по вторн. отъ 12—2, по четв. и пятн. отъ 11—1 ч.;

Маг. Михаилъ Краснонень, сверхштатный экстраординарный профессоръ церковнаго права, объявить о своихъ лекціяхъ по прибытіи въ г. Юрьевъ.

Маг-нтъ Александръ Невзоровъ, испр. должн. доцента торговаго права: 1) торговое право, ч. II (торговья сдѣлки), 3 ч. въ нед., по понед. отъ 12—1 и по вторн. 12—2 ч.; — 2) практическія занятія, по 1 ч. въ нед., по понед. отъ 1—2 ч.

Маг-нтъ Митрофанъ Петровъ, испр. должн. доцента финансоваго права: финансовое право, 4 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 3—5 ч.

Маг-нтъ Владиміръ Грабарь, испр. должн. доцента международнаго права: международное право (продолженіе), 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 11—1 ч.

III. Медицинскій факультетъ.

Докт. Степанъ Васильевъ, ординарный профессоръ специальной патологіи и клиники, Деканъ: 1) клиническія лекціи, 6 ч. въ нед., по вторн., сред., четв. и пятн. отъ $\frac{1}{2}$ 10—11 ч.; — 2) амбулаторная клиника (бесплатно), 4 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 12—2 ч.; — 3) практическія занятія по клинической діагностикѣ (бесплатно), 6 ч.

въ нед., по вторн., сред. и четв. отъ 6—8 ч.; — 4) избран-
ные отдѣлы по общей терапіи, по 1 ч. въ нед., по
пятн. отъ 6—7 ч.

Докт. Георгій Драгендорфъ, заслуженный ординарный профессоръ
фармаціи: 1) фармацевтическая химія, ч. I, 5 ч. въ
нед., въ послѣдніе 5 дней нед. отъ 8—9 ч.; — 2) судебная
химія, 3 ч. въ нед., по понед., сред. и четв. отъ 3—4 ч.; —
3) фармація для студентовъ-медиковъ, 4 ч. въ нед., въ по-
слѣдніе 4 дня нед. отъ 11—12 ч.; — 4) практическія
упражненія для студентовъ-медиковъ и фармацевтовъ, 4 ч.
въ нед., по вторн. и пятн. отъ 2—4 ч.

Докт. Александръ Шмидтъ, заслуженный ординарный профессоръ
физиологіи: 1) специальная физиологія человѣка,
ч. II, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 9—10 ч.; — 2) изслѣ-
дованія по физиологіи въ лабораторіи, для старшихъ
студентовъ, ежедневно отъ 10—12 и отъ 4—7 ч.

Докт. Бернгардъ Керберъ, ординарный профессоръ государствен-
наго врачевновѣдѣнія: 1) судебная медицина, 5 ч. въ
нед., въ первые 5 дней нед. отъ 5—6 ч.; — 2) судебно-
медицинская казуистика, по 1 ч. въ нед., по субб.
отъ 5—6 ч.; — 3) судебно-медицинскія вскрытія,
4 ч. въ нед., утромъ отъ 8—10 ч., по мѣрѣ представляю-
щихся къ тому случаевъ; — 4) практическія занятія
по судебно-медицинской техникумъ вскрытій,
4 ч. въ нед., утромъ отъ 8—10 ч.

Докт. Эдуардъ Рельманъ, ординарный профессоръ офтальмологіи и
офтальмологической клиники: клиника глазныхъ болѣз-
ней, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Докт. Рихардъ Тома, ординарный профессоръ общей патологіи и
патологической анатоміи: 1) специальная патологиче-
ская анатомія (аппаратъ кровообращенія и дыханія, ор-
ганы пищеваренія, мочевой и половой аппаратъ), 6 ч.
въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.; — 2) курсъ ученія о
патологическихъ тканяхъ, 3 ч. въ нед., въ двухъ отдѣ-
леніяхъ, по понед., четв. и субб. отъ 2—4 ч.; — 3) практиче-
скія упражненія въ патологическомъ инсти-
тутѣ (бесплатно), ежедневно отъ 9—7 ч.

Докт. Августъ Рауберъ, ординарный профессоръ анатоміи: 1) си-
стематическая анатомія человѣка, ч. II, 6 ч. въ
нед., ежедневно отъ 8—9 ч.; — 2) демонстраціи по

микроскопической анатоміи, ч. II, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 2—4 ч.; — 3) топографическая анатомія, 4 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 2—4 ч.; — 4) практическія упражненія въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ, ежедневно отъ 9—1 и отъ 3—6 ч.; — 5) занятія на препаратахъ и моделяхъ, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

Докт. Рудольфъ Кобертъ, ординарный профессоръ фармакологіи, діететики и истории медицины: 1) фармакотерапія, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 6—7 ч.; — 2) работы въ лабораторіи, для старшихъ студентовъ, ежедневно отъ 9—2 и отъ 3—7 ч.; — 3) курсъ ученія о прописываніи лѣкарствъ (*privatissime*), въ началѣ семестра, въ теченіи 20 ч., ежедневно отъ 12—1 ч.

Докт. Карль Дегіо, ординарный профессоръ специальной патологіи и клиники: 1) поликлиника, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 3—4 ч.; — 2) госпитальная клиника, 4½ ч. въ нед., по понед., сред. и четв. отъ ½10—11 ч. — 3) избранныя отдѣлы дѣтскихъ болѣзней (болѣзни пищеварительныхъ и дыхательныхъ органовъ), 2 ч. въ нед., по сред. и субб. отъ 4—5 ч.

Докт. Дитрихъ Барфуртъ, ординарный профессоръ сравнительной анатоміи, эмбриологіи и гистологіи: 1) эмбриологія, 3 ч. въ нед. по понед., сред. и пятн. отъ 10—11 ч.; — 2) сравнительная анатомія позвоночныхъ животныхъ, 2 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 11—12 ч.; — 3) практическія упражненія по гистологіи, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 1—2 ч.; — 4) самостоятельныя работы, для старшихъ студентовъ (*privatissime*, бесплатно).

Докт. Вильгельмъ Кохъ, ординарный профессоръ хирургіи и хирургической клиники: 1) хирургическая поликлиника, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 12—1 ч.; — 2) хирургическая клиника, 6 ч. въ нед., отъ 1—2 ч.; — 3) оперативныя курсы на трупѣ, 9 ч. въ нед., ежедневно отъ 6—½8 ч.; — 4) хирургическія болѣзни груди и живота, за исключеніемъ грыжей, по 1 ч. въ нед., по понед. отъ 4—5 ч.

Докт. Владиміръ Чинъ, ординарный профессоръ психіатріи: 1) психіатрическая клиника и поликлиника, 4 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии; — 2) клиническая психіатрія, 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 8—10 ч.

Докт. Александръ Губаревъ, экстраординарный профессоръ аку-

шерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней: 1) акушерская и гинекологическая клиника, 6 ч. въ нед., по понед., сред., четв. и субб. отъ $\frac{1}{2}$ 9—10 ч.; — 2) гинекологическія операціи (безплатно), по вторн. и пятн. утромъ; — 3) наблюденіе клиническихъ и поликлиническихъ родовъ и послѣродоваго времени (безплатно); — 4) наблюденіе клиническихъ гинекологическихъ больныхъ (безплатно); — 5) курсъ акушерства съ ученіемъ объ акушерскихъ операціяхъ, съ упражненіями на фантомѣ и въ изслѣдованіи больныхъ (безплатно), 5 ч. въ нед., по понед. отъ 7—8 ч., по пятн. и субб. отъ 5—7 ч.

Докт. **Леонгардъ Кесслеръ**, доцентъ акушерства: ученіе о гинекологическомъ изслѣдованіи и общая діагностика въ связи съ упражненіями, 4 ч. въ нед., по вторн. и пятн. утромъ отъ 8—9 ч. и по вторн. и четв. вечеромъ отъ 7—8 ч.

Докт. **Эрнстъ Штадельманъ**, доцентъ клинической пропедевтики: 1) физическая діагностика съ практическими упражненіями, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 5—6 ч.; — 2) о поданіи первой помощи при скоропостижныхъ несчастныхъ случаяхъ, для студентовъ всѣхъ факультетовъ, по 1 ч. въ нед., по понед. отъ 7—8 ч.

Докт. **Вернеръ Цеге фонъ Мантейфель**, доцентъ хирургіи: 1) хирургическія демонстраціи, 3 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ $\frac{1}{2}$ 10—11 ч.; — 2) хирургическія операціи (безплатно), 2 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 11—12 ч.

Докт. **Фридрихъ Крюгеръ**, доцентъ физиологической химіи: физиологическая химія, 4 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Маг. **Рудольфъ Греве**, испр. должн. ученаго аптекаря: фармацевтическая пропедевтика, 2 ч. въ нед., по сред. и пятн. отъ 12—1 ч.

Докт. **Германъ Адольфи**, прозекторъ при анатомическомъ институтѣ: кости, связки и суставы человѣка, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Докт. **Викторъ Шмидтъ**, прозекторъ при институтѣ сравнительной анатоміи: практическія упражненія по гистологіи желудочно-кишечнаго тракта, 2 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 4—5 ч.

Маг. Николай Кромеръ, приватъ-доцентъ фармаціи: изслѣдованіе и опредѣленіе доброкачественности химическихъ и химико-фармацевтическихъ препаратовъ россійской фармакопеи, изд. IV, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

*

*

*

Фердинандъ Витасъ-Роде, учитель зубно-врачебной техники: клиника зубныхъ болѣзней, 3 ч. въ нед., по вторн., четв. и субб. отъ 8—9 ч.

IV. Историко-филологическій факультетъ.

Маг. Яковъ Озе, экстраординарный профессоръ философіи и педагогика, Деканъ: 1) исторія древней философіи, ч. II, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 6—7 и по пятн. отъ 5—6 ч.; — 2) исторія новѣйшей философіи, 4 ч. въ нед., по понед., вторн., четв. и пятн. отъ 4—5 ч.

Докт. Левъ Мейеръ, заслуженный ординарный профессоръ нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія: 1) сравнительная грамматика греческаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ (продолженіе), 4 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 6—8 ч.; 2) упражненія по языковѣдѣнію, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 6—8 ч.

Докт. Вильгельмъ Гершельманъ, ординарный профессоръ древне-классической филологіи и исторіи литературы: 1) *Adelphi Теренція*, 3 ч. въ нед., по вторн. и сред. отъ 1—2 ч. и по четв. отъ 4—5 ч.; — 2) латинскій синтаксисъ, 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 4—5 ч.; — 3) въ упражненіяхъ по филологіи: *Эсхиль*, латинская стилистика, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 5—7 ч.

Докт. Людвигъ Мендельсонъ, ординарный профессоръ древне-классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей: 1) греческія древности, 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и сред. отъ 2—3 ч.; — 2) обзоръ римской исторіи, 2 ч. въ нед., по четв. и пятн. отъ 2—3 ч.; 3) латинскія надписи (по „*Dessau, Inscriptiones latinae selectae, I. Berol. 1892*“, продолженіе), по 1 ч. въ нед., по сред. отъ 3—4 ч.

Докт. Рихардъ Гаусманъ, ординарный профессоръ всеобщей исторіи: 1) хронологія среднихъ вѣковъ, 3 ч. въ нед., по сред., четв. и пятн. отъ 11—12 ч.; — 2) избранные

отдѣлы изъ археологіи среднихъ вѣковъ (окончаніе, бесплатно, *privatissime*), по 1 час. въ нед., по вторн. отъ 11—12 ч.; — 3) упражненія по исторіи, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 5—7 ч.

Докт. **Оттонъ Вальтъцъ**, ординарный профессоръ всеобщей исторіи: 1) исторія XIX столѣтія, 4 ч. въ нед., въ первые 4 дня нед., отъ 12—1 ч.; — 2) упражненія по исторіи, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 3—5 ч.

Докт. **Павель Висковатовъ**, ординарный профессоръ русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще: общій курсъ: 1) объясненіе писателей XVІІІ и XIX вѣка (продолженіе), 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и сред. отъ 6—7 ч.; — специальный курсъ: 2) исторія русской литературы, древній періодъ, 3 час. въ нед., по понед., вторн. и сред. отъ 12—1 ч.

Докт. **Рихардъ Мунке**, ординарный профессоръ географіи, этнографіи и статистики: 1) статистика населенія и хозяйства, въ связи съ практическими упражненіями, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 10—11 ч.; — 2) политика земледѣлія, промышленности и торговли со включеніемъ политики денежной и кредитной (*privatissime*), 8 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 и по понед. и вторн. отъ 1—2 ч.; — 3) репетиторій финансовой науки (*privatissime*), на что время будетъ назначено впоследствии.

Докт. **Антонъ Будилевичъ**, ординарный профессоръ сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій, Ректоръ: 1) обзоръ русскаго синтаксиса, сравнительно съ прочими славянскими нарѣчіями, 2 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 1—2; — 2) практическія упражненія по западнославянской діалектологіи (чтеніе и объясненіе текстовъ словенскихъ, чешскихъ, серболужицкихъ, кашубскихъ и польскихъ), 2 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 12—1 ч.

Маг. **Владиміръ Мальбергъ**, экстраординарный профессоръ древне-классической филологіи и археологіи: 1) исторія греческой живописи по вазамъ, 2 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 12—1; — 2) обзоръ исторіи искусства, 2 ч. въ нед., по четв. и пятн. отъ 12—1 ч.; — 3) практическія занятія (избранныя главы изъ Плиніевой *Historia naturalis*), 2 час. въ нед., по субб. отъ 10—12 ч.

Маг. **Евгеній Шмурло**, экстраординарный профессоръ исторіи Россіи, объявить о своихъ лекціяхъ по возвращеніи изъ командировки.

Докт. **Леонгардъ Мазингъ**, доцентъ русскаго языка и литературы: 1) грамматика древне - церковнославянскаго языка, ч. I, 2 ч. въ нед., по сред. и пятн. отъ 3—4 ч.; — 2) сербскій языкъ (продолженіе), по 1 ч. въ нед., по четв. отъ 3—4 ч.; — 3) коллоквиумъ о новѣйшей литературѣ по языковѣдѣнію, особенно по славистикѣ, по 1 ч. въ нед., по субб. отъ 3—4 ч.

Докт. **Леопольдъ фонъ Шредеръ**, доцентъ древне - индійскаго языка и литературы: 1) интерпретація санскритскихъ текстовъ (по христоматіи Stenzler'a), 2 ч. въ нед., по сред. и субб. отъ 1—2 ч.; — 2) избранные отдѣлы изъ исторіи индійской литературы, 2 ч. въ нед., по сред. и субб. отъ 7—8 ч.

Маг-нтъ **Евгеній Бобровъ**, испр. должн. доцента философіи: 1) психологія, 3 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 11 до 12 ч.; — 2) коллоквиумъ (философскія собесѣдованія, разъясненія, чтеніе рефератовъ и разборъ классическихъ мѣстъ изъ сочиненій великихъ философовъ), по 1 ч. въ нед., по субб. отъ 11—12 ч.

Докт. **Вольфгангъ Шлютеръ**, приватъ-доцентъ нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія: древне-саксонская грамматика и чтеніе Heliand'a (по изданію Behaghel'я), по 1 ч. въ нед., по понед. отъ 6—7 ч.

Маг. **Александръ Придикъ**, приватъ-доцентъ древне-классической филологіи: 1) исторія аттическаго краснорѣчія, ч. II, по 1 ч. въ нед., по четв. отъ 9—10 ч.; — 2) въ упражненіяхъ: Геродотъ, 2 час. въ нед., по сред. отъ 9—11 ч.

V. Физико-математическій факультетъ.

Маг. **Францъ Левинсонъ - Лессингъ**, экстраординарный профессоръ минералогіи, Деканъ: 1) кристаллографія, 4 ч. въ нед., въ первые 4 дня нед. отъ 4—5 ч.; — 2) минералогія и геологія для студентовъ — медиковъ и фармацевтовъ, 2 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 12—1 ч.; — 3) практическія занятія по кристаллографіи, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 10—12 ч.; — 4) коллоквиумъ (бесплатно), 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 5—7 ч.

Докт. **Людвигъ Шварцъ**, ординарный профессоръ астрономіи: 1) теоретическая астрономія, ч. II (теорія возмущеній), 6 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 5—7 ч.; — 2)

практическія упражненія (вычисленіе элементовъ орбитъ планетъ и ихъ возмущеній), 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 5—7 ч.

Докт. Эдмундъ Руссовъ, заслуженный ординарный профессоръ ботаники:

1) общая ботаника (морфологія и физиологія съ объясненіями посредствомъ микроскопическихъ демонстрацій), 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 9—10 ч.; — 2) практическія упражненія по микроскопической ботаникѣ, 4 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 11—1 ч.; — 3) ботаническія экскурсіи въ удобное для сего время года.

Докт. Юлій фонъ Кеннель, ординарный профессоръ зоологіи: 1)

животные паразиты человѣка, 2 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 5—6 ч.; — 2) вымершія позвоночныя животныя, для студентовъ всѣхъ факультетовъ, 2 ч. въ нед., по сред. и пятн. отъ 5—6 ч.; — 3) избранныя отдѣлы изъ біологіи животныхъ (симбіозъ, сотрапезничество, колоніи и т. п., общедоступно), 2 ч. въ нед., по четв. и субб. отъ 5—6 ч.; — 4) практическія упражненія по зоологіи (сравнительная анатомія и гистологія), для лучшаго ориентированія въ вопросахъ изъ общей зоологіи, 6 ч. въ нед. по приглашенію съ слушателями.

Докт. Иванъ Лембергъ, сверхштатный ординарный профессоръ минералогіи: практическія занятія (безплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Докт. Адольфъ Кнезеръ, ординарный профессоръ прикладной математики: 1)

аналитическая механика, ч. I (статика), 3 ч. въ нед., по вторн., сред. и четв. отъ 10—11 ч.; — 2) дифференціальныя уравненія, со включеніемъ варіаціоннаго исчисленія, ч. II, 3 ч. въ нед., по пятн. отъ 10—11 и по субб. отъ 10—12 ч.; — 3) упражненія, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 4—6 ч.

Докт. Густавъ Тамманъ, экстраординарный профессоръ химіи: 1)

органическая химія, 5 ч. въ нед., въ первые 5 дней отъ 10—11 ч.; — 2) аналитическая химія, 4 ч. въ нед., въ первые 4 дня нед. отъ 12—1 ч.; — 3) аналитическія упражненія и практическія работы, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Маг. Леонидъ Лахтинъ, экстраординарный профессоръ чистой математики: 1)

дифференціальное исчисленіе, ч. II, 4 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 12—

2 ч.; — 2) аналитическая геометрія въ пространствѣ, 3 ч. въ нед., по понед. отъ 4—5 ч. и по сред. отъ 12—2 ч.; — 3) интегральное исчисленіе, ч. II, 3 ч. въ нед., по вторн. отъ 4—5 ч. и по четв. отъ 12—2 ч.; — 4) теорія функцій комплекснаго переменнаго, 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 12—2 ч.

Маг-нтъ князь **Борисъ Голицынъ**, испр. должн. экстраординарнаго профессора физики: 1) опытная физика (акустика, свѣтъ, электричество, магнетизмъ), 5 ч. въ нед., въ первые 5 дней нед. отъ 11—12 ч.; — 2) математическая физика, механическая теорія теплоты, 2 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 9—10 ч.; — 3) коллоквиумъ по физикѣ (бесплатно), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 5—7 ч.; — 4) практическія занятія въ физическомъ кабинетѣ, 6 ч. въ нед. ежедневно отъ 10—11 ч.

Докт. **Феодоръ Молинъ**, доцентъ чистой математики; новѣйшая геометрія и алгебра, 4 ч. въ нед., въ первые 4 дня нед. отъ 8—10 ч.

Рейнгольдъ Гулене, испр. должн. архитектора и преподавателя началъ архитектуры: 1) пропедевтика сельско-хозяйственной архитектуры, по 1 ч. въ нед. по сред. отъ 4—5 ч.; — 2) пропедевтика сельско-хозяйственнаго межеванія, по 1 ч. въ нед., по сред. отъ 3—4 ч.; — 3) практическія упражненія въ черченіи и проектированіи, для студентовъ сельско-хозяйственнаго отдѣленія, 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 3—4 ч.; — 4) практическія упражненія въ проектированіи, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 3—4 ч.

Докт. **Людвигъ фонъ Струве**, астрономъ-наблюдатель: 1) звѣздная астрономія, 2 ч. въ нед.; — 2) практическія упражненія по научнымъ вычисленіямъ, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

Докт. **Иванъ Клинге**, привать-доцентъ ботаники: 1) общая тельматологія (ученіе объ образованіи бураго и каменнаго угля), съ введеніемъ въ органогенезисъ, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии; — 2) практическія занятія по микроскопической тельматологіи (privatissime); — 3) тельматологическія экскурсіи съ буреніемъ на торфъ и нивелировкой, въ удобное для сего время года.

Маг. **Густафъ фонъ Грофе**, привать-доцентъ астрономіи: основы

высшаго анализа, 4 ч. въ нед., по вторн., четв., пятн. и субб. отъ 9—10 ч.

Маг. Арведъ Томсонъ, приватъ-доцентъ сельскаго хозяйства и технологии: 1) технология (крахмалъ, текстринъ, сахаръ, винодѣліе, пивовареніе, винокуреніе и т. п.), 4 ч. въ нед., въ первые 4 дня нед. отъ 12—1 ч.; — 2) кормовыя средства, по 1 ч. въ нед., по субб. отъ 11—1 ч.; — 3) болѣзни растений, по 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 12—1 ч.; — 4) практическія занятія для агрономовъ, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 10—11 ч.

VI. Профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія.

Маг. Арсеній Царевскій, священникъ: 1) догматическое богословіе, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 1—3 ч.; — 2) нравственное богословіе, 4 ч. въ нед., по четв. и пятн. отъ 1—3 ч.

VII. Уроки по языкамъ и искуствамъ.

Маг-нтъ Яновъ Лаутенбахъ, лекторъ латышскаго языка: 1) грамматика латышскаго языка, по 1 ч. въ нед., по понед. отъ 3—4 ч.; — 2) чтеніе латышскихъ писателей (продолженіе), по 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 3—4 ч.; — 3) практическія упражненія въ устномъ и письменномъ изложеніи, по 1 ч. въ нед., по сред. отъ 3—4 ч.

Докт. Августъ Германъ, лекторъ эстонскаго языка: 1) грамматика эстонскаго языка, по 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 1—2 ч.; — 2) исторія новѣйшей эстонской литературы (продолженіе), по 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 2—3 ч.; — 3) грамматика мадьярскаго языка съ сравнительными указаніями на другіе угро-финскіе языки, въ особенности на эстонскій, по 1 ч. въ нед., по субб. отъ 1—2 ч.

Августъ Самё, замѣститель лектора французскаго языка: 1) элементарный курсъ французскаго языка, 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 3—4 ч.; — 2) чтеніе избранныхъ французскихъ писателей, по 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 3—4 ч.; — 3) практическія упражненія, по 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 3—4 ч.

Александръ Пунга, учитель гимнастическихъ упражненій: гимнастическія упражненія, 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 7—8 ч.

Для обученія механическимъ работамъ предлагаетъ свои услуги испр. должн. университетскаго механика **Павель Шульце**.

УШ. Принадлежація къ составу Университета учебныя заведенія и музеи.

Въ клиникахъ будутъ обучать директора оныхъ, а именно: въ медицинской проф. Васильевъ, въ хирургической проф. Кохъ, въ акушерской и гинекологической проф. Губаревъ, въ офтальмологической проф. Рельманъ, въ клиникѣ для нервныхъ и душевныхъ болѣзней проф. Чижъ, въ поликлиникѣ и въ университетскомъ отдѣленіи окружной лѣчебницы проф. Дегио.

Университетская библиотена, которою завѣдываетъ въ качествѣ директора проф. Мюлау, открыта въ теченіе семестра ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10—2 ч., а во время ваканцій, за исключеніемъ воскресныхъ дней, ежедневно отъ 12—2 ч.

Директоромъ музея изящныхъ искусствъ состоитъ проф. Мальмбергъ, **музея отечественныхъ древностей** проф. Мейеръ, **астрономической обсерваторіи** проф. Шварцъ, **фармацевтическаго института** проф. Драгендорфъ, **химическаго кабинета** проф. Тамманъ, **физическаго кабинета** проф. князь Голицынъ, **математическаго кабинета** проф. Кнезеръ, **экономическаго кабинета и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи** проф. Лембергъ (испр. должн.), **минералогическаго кабинета** проф. Левинсонъ - Лессингъ, **зоологическаго музея** проф. фонъ Кеннель, **ботаническаго сада** проф. Руссовъ, **метеорологической обсерваторіи** проф. князь Голицынъ (испр. должн.), **анатомическаго института** проф. Рауберъ, **института сравнительной анатоміи** проф. Барфуртъ, **физиологическаго института** проф. Шмидтъ, **патологическаго института** проф. Тома, **фармакологическаго института** проф. Кобертъ, **судебно-медицинскаго института** проф. Керберъ, **коллекціи предметовъ по библейской археологіи** проф. Квачала, **статистическаго кабинета** проф. Мукке.

Задачи для соисканія наградъ на 1894 годъ.

I. Отъ богословскаго факультета.

- 1) „Ветхозавѣтныя Книги Царствъ по отношенію къ возникновенію, историческому содержанию и хронологіи“.
- 2) „Проповѣдь на текстъ Ев. отъ Луки, XVIII. 1—8 съ подробно обоснованною экзегетически и гомилетически диспозиціею.“

II. Отъ юридическаго факультета.

- 1) „Верховный Тайный Совѣтъ и Святѣйшій Синодъ въ ихъ взаимномъ отношеніи.“

III. Отъ медицинскаго факультета.

- 1) „Органо-терапия (клиническое и экспериментальное изслѣдованіе).“
- 2) „Современное состояніе ученія объ афазіи“

Для соисканія медали сенатора фонъ Брадке:

- 3) „Прослѣдить распространеніе проказы на островѣ Эзелѣ съ этиологической точки зрѣнія.“

Для соисканія медали Князя Суворова:

- 4) „Изслѣдовать составныя части одной или нѣсколькихъ употребительныхъ смоль или же камедныхъ смоль, по выбору соискателя.“

Для соисканія медали Креславскаго:

- 5) „Изслѣдовать химически существенныя составныя части одного или нѣсколькихъ луковичныхъ растений, происходящихъ отъ амариллидевъ или лиліацеевъ и при семъ принять въ соображеніе вопросъ о тождествѣ ихъ съ дѣйствующими составными частями морскаго лука.“

На 1895 годъ :

Для соисканія медали Князя Суворова:

- 1) „Химическое изслѣдованіе Folia Bucco и въ особенности содержащагося въ немъ Diosmin'a.“

Для соисканія медали Креславскаго:

- 2) „Химическое изслѣдованіе одного чаще встрѣчающагося въ Европѣ рода Thalictum на могущіе быть доказанными алкалоиды“.

IV. Отъ историко-филологическаго факультета.

- 1) „De Culex carminis Virgilio ascripto arte et sermone“.
- 2) „Черты національнаго юмора въ русскомъ звѣриномъ эпосѣ“.

V. Отъ физико-математическаго факультета.

- 1) „Подобныя отображенія многоугольниковъ, ограниченныхъ дугами окружностей; изложить общую теорію и сдѣлать нѣкоторыя самостоятельныя добавленія“.
- 2) „Значеніе воздушныхъ полостей летающихъ животныхъ для летательной способности; критически разобрать литературу и пополнить ее собственными наблюденіями и опытами“.
- 3) „Изоморфизмъ солей щелочныхъ металловъ; изложить состояніе вопроса и представить самостоятельныя опыты подъ солями калия, натрія и литія“.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Юрьевскаго Университета

ЗА 1893 ГОДЪ

прочитанный Ректоромъ въ торжественномъ собраніи
12-го декабря 1893 г.

Мм. Гг.!

Отъ имени Совѣта Императорскаго Юрьевскаго Университета я буду имѣть честь представить Вашему благосклонному вниманію краткій отчетъ: во 1) о конкурсныхъ сочиненіяхъ студентовъ, представляемыхъ въ текущемъ году, и во 2) о важнѣйшихъ измѣненіяхъ въ личномъ составѣ Университета и результатахъ дѣятельности его многочисленныхъ учрежденій съ 1 дек. 1892 по 1 дек. 1893 г.

На заданную богословскимъ факультетомъ тему: «Возникновеніе монархическаго епископата въ древней церкви, при чемъ слѣдуетъ особенно принять въ соображеніе и провѣрить мнѣнія, изложенныя профессоромъ Зомомъ въ I томѣ его Церковнаго права», представлены три работы.

Первая съ девизомъ «*πάντα δοκιμάζετε, τὸ καλὸν κατέχετε* 1 Посл. къ Фессал. 5, 21». Основаніемъ для рѣшенія данной задачи автору служить подробное разсмотрѣніе устройства апостольскихъ общинъ, при чемъ онъ подвергаетъ положенія Зомы во всѣхъ существенныхъ пунктахъ мѣткой и основательной критикѣ. Тщательно разсмотрѣвъ затѣмъ какъ высказанныя до сихъ поръ теоріи о возникновеніи монархическаго епископата, такъ и источники, имѣющіе отношеніе къ этому вопросу, а также вкратцѣ освѣтивъ, въ интересахъ своей темы, ближайшія ступени дальнѣйшаго развитія этого епископата, авторъ въ точномъ и ясномъ изложеніи далъ вполне опредѣленный отвѣтъ на заданный темою вопросъ.

Хотя выводы въ отдѣльныхъ пунктахъ иногда и могутъ возбуждать сомнѣнія, всетаки рѣшеніе главнаго вопроса является хорошо обоснованнымъ результатомъ изслѣдованія, произведеннаго

подробно, съ большимъ прилежаніемъ и умѣніемъ. Признавая въ этомъ трудѣ, помимо тщательности и осмотрительности въ обработкѣ обширнаго литературнаго матеріала, органическую систематизацию и законченность въ изложеніи предмета, факультетъ съ особеннымъ удовольствіемъ удостоиваетъ работу съ девизомъ: «*Πάντα δοκιμάζετε*» и т. д. золотой медали.

Конвертъ съ девизомъ: «*Πάντα δοκιμάζετε*» и т. д. содержитъ фамилію: Александръ Фауре, студ. богосл. изъ Лифляндской губерніи.

Вторая работа съ девизомъ: «*Πάντα δὲ εὐσχημόνως καὶ κατὰ τάξιν γινέσθω*» (1 Посл. къ Коринѳ. 14, 40). Обращая тщательное вниманіе на литературу по данному вопросу, авторъ прежде всего критически разсматриваетъ появившіяся до изданія труда Зома теоріи, затѣмъ подробно обсуждаетъ трудъ Зома, а наконецъ развиваетъ свои собственныя воззрѣнія по настоящему вопросу, пользуясь содержащимися въ теоріи Зома истинами. Къ дальнѣйшему разъясненію вопроса служить вторая часть, въ которой подробно изслѣдуются историческіе источники и изъ нихъ выводится доказательство правильности установленныхъ авторомъ положеній. Хотя сужденіе автора въ отдѣльныхъ пунктахъ иногда оказывается не совсѣмъ правильнымъ, въ особенности относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся первобытнаго христіанства, однако, главные результаты всетаки необходимо признать въ сущности вѣрными, при чемъ слѣдуетъ указать именно на самостоятельность сужденія какъ въ отношеніи анализа прежнихъ попытокъ рѣшенія этого вопроса, такъ и въ примѣненіи новыхъ точекъ зрѣнія при изслѣдованіи источниковъ, такъ что богословскій факультетъ находитъ работу съ девизомъ: «*Πάντα δὲ εὐσχημόνως*» и т. д. достойною золотой медали.

Конвертъ съ девизомъ: «*Πάντα δὲ εὐσχημόνως*» и т. д. содержитъ фамилію: Иванъ Куфельдъ, студ. богосл. изъ Самары.

Третья работа съ девизомъ: (хабѣль, хаба-лімъ) не даетъ столь полнаго изложенія матеріала, какъ обѣ предъидущія работы; равнымъ образомъ и литература предмета принята во вниманіе не въ столь же обширной мѣрѣ, и авторъ не вполне самостоятеленъ въ своемъ отношеніи ко мнѣніемъ Вейцекера, Гольцмана и Вильгенфельда и не входитъ въ подробное разсмотрѣніе противоположенныхъ мнѣній. Однако работа всетаки изложена ясно и методически и нѣкоторыя детальныя изслѣдованія весьма удачны. Факультетъ поэтому охотно признаетъ приле-

жаніе и умѣлость изложенія автора и удостоиваетъ его трудъ серебряной медали.

Конвертъ съ девизомъ: (хабѣль хабалимъ) содержитъ фамилію: Карль Танцшеръ, студ. мед. изъ Лифляндской губерніи.

На текстъ для проповѣди: «Исаи XL, 27—31», представлена проповѣдь съ девизомъ: «Per aspera ad astra», въ которой, послѣ предварительнаго краткаго экзегетически-гомилетическаго разбора текста, данный матеріалъ по формѣ и содержанію разработанъ соответственнымъ (требованіямъ) образомъ на столько, что факультетъ находить возможнымъ удостоить эту работу предназначенной для проповѣдей серебряной медали.

Конвертъ съ девизомъ: «Per aspera ad astra», содержитъ фамилію: Карль Фромгольдъ-Трей, студ. богосл. изъ Лифляндской губерніи.

Для соисканія преміи на 1894 годъ богословскій факультетъ предлагаетъ слѣдующія темы:

- 1) «Ветхозавѣтныя Книги Царствъ по отношенію къ возникновенію, историческому содержанію и хронологіи».
- 2) «Проповѣдь на текстъ Ев. Луки 18, 1—8 съ подробно обоснованною экзегетически и гомилетически диспозиціею».

На заданную юридическимъ факультетомъ тему: «Русско-нѣмецкіе договоры до конца XIV вѣка, поступило одно сочиненіе въ 266 стр. въ 4^о, съ девизомъ изъ Квинтилиана: ,Rationem praestat praecipue analogia, nonnunquam et etymologia'. Сочиненіе раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ, кратчайшемъ, авторъ, на основаніи русско-ливонской хронографіи Боннеля представляетъ очеркъ исторіи договоровъ, въ особенности двухъ древнѣйшихъ. Второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ главную часть работы, какъ по объему, такъ и по значенію; въ немъ авторъ анализируетъ нормы права договоровъ. Недостатки работы состоятъ: во 1) въ неправильности языка, во 2) въ обнаруженной мѣстами склонности автора къ оригинальнымъ, но недостаточно обоснованнымъ толкованіямъ. Но эти недостатки выкупаются многими достоинствами труда. Авторъ ста-

рательно изучилъ кромѣ договоровъ другіе источники древнерусскаго права, особенно Русскую Правду, обнаружилъ знакомство съ исторіею германскаго и мѣстнаго права и проявилъ безспорное трудолюбіе и пытливость. Поэтому юридическій факультетъ присудилъ ему серебряную медаль.

Конвертъ съ девизомъ: «*Rationem praestat*» и т. д. содержитъ фамилію: Абрамъ-Гершъ Фридманъ, студ. правъ изъ Гродненской губерніи.

На тему же для соисканія медали Сенатора фонъ Брадке: «Крестьянскія надѣльныя аренды», работъ не было представлено.

На 1894 годъ юридическій факультетъ объявляетъ слѣдующую тему: «Верховный Тайный Совѣтъ и Святѣйшей Синодъ, въ ихъ взаимномъ отношеніи».

На предложенную медицинскимъ факультетомъ тему: «На основаніи анатомическихъ и клиническихъ наблюденій представить критическій обзоръ настоящаго положенія легочной хирургіи», представлена работа подъ девизомъ: «*Nec temere, nec timide*», въ 10 обширныхъ главахъ, въ которыхъ авторъ съ одной стороны сгруппировалъ въ одно все тѣ болѣзни легкихъ, которыя могутъ быть предметомъ хирургическихъ операций, съ другой стороны обстоятельно разработалъ методику этихъ операций. По своей полнотѣ и полнотѣ, въ особенности, если-бы казуистическая часть была нѣсколько сокращена, работа эта заслуживаетъ быть отпечатанной, и авторъ вполне достоинъ награжденія золотой медалью.

Конвертъ съ девизомъ: «*Nec temere, nec timide*» содержитъ фамилію: Шліома Грольманъ, студ. мед. изъ Риги.

На предложенную медицинскимъ факультетомъ тему: «Представить критическій обзоръ методовъ изслѣдованія и достигнутыхъ при этомъ результатовъ относительно вліянія лекарствъ и ядовъ на

сосуды переживающихъ органовъ теплокровныхъ животныхъ. При этомъ необходимо будетъ произвести новыя опыты относительно сомнительныхъ пунктовъ», доставлена работа на премию подъ Motto: «Сарге diem» въ 374 страницы текста съ приложеніемъ 10 рисунковъ и 150 таблицъ.

Свѣжіе органы теплокровныхъ животныхъ, какъ почка, селезенка и нога, при пропусканіи черезъ нихъ теплой не разбавленной крови подъ извѣстнымъ давленіемъ сохраняютъ жизненную способность ихъ сосудовъ отъ 1—2 часовъ и эти «переживающіе» сосуды реагируютъ на средства, расширяющія и суживающія сосуды весьма сильно, такъ что по этому методу можно гораздо лучше и положительнѣе судить о вліяніи фармакологическихъ средствъ на периферическіе сосуды, чѣмъ по опытамъ надъ цѣлыми живыми животными. Въ интересѣ гуманности этотъ методъ изслѣдованія слѣдовало бы ввести во всѣхъ фармакологическихъ институтахъ.

Упомянутое заключеніе авторъ представленной на премию работы не только вывелъ изъ критическаго обзора данной литературы, но и подтвердилъ своими собственными опытами. Вслѣдствіе необыкновеннаго усердія, которое авторъ высказалъ при составленіи данной работы, медицинскій факультетъ находитъ автора вышеупомянутой работы вполне достойнымъ золотой медали.

Конвертъ съ девизомъ: «Сарге diem» содержитъ фамилію: Александръ Пальдрокъ, студ. мед. изъ Лифляндской губерніи.

На фармацевтическія темы для соисканія медалей Князя Суворова и Креславскаго работъ не было представлено.

Медицинскимъ факультетомъ предлагаются на 1894 годъ слѣдующія темы для соисканія наградъ медалями:

- 1) «Органо-терапія (клиническое и экспериментальное изслѣдованіе)».
- 2) «Современное состояніе ученія объ афазіи».

Для соисканія медали Сенатора фонъ-Брадке:

- 3) «Прослѣдить распространеніе проказы на островѣ Эзелѣ съ этиологической точки зрѣнія».

Для соисканія медали Креславскаго :

- 4) «Изслѣдовать химически существенныя составныя части одного или нѣсколькихъ луковичныхъ растений, происходящихъ отъ амариллидеевъ и при семъ принять въ соображеніе вопросъ о тождествѣ ихъ съ дѣйствующими составными частями морскаго лука».

Для соисканія медали Князя Суворова :

- 5) «Изслѣдовать составныя части одной или нѣсколькихъ употребительныхъ смоль или же камедныхъ смоль, по выбору соискателя».

На 1895 годъ :

Для соисканія медали Князя Суворова :

- 1) «Химическое изслѣдованіе Folia Bucco и въ особенности содержащагося въ нихъ Diosmina».

Для соисканія медали Креславскаго :

- 2) «Химическое изслѣдованіе одного чаще встрѣчающагося въ Европѣ рода Thalicttrum на могущіе быть доказанными алкалоиды.

На предложенную историко-филологическимъ факультетомъ для соисканія медалей тему: «Исторія и устройство епископства Эзельскаго до половины XIV вѣка» (Geschichte und Verfassung des Bisthum Oesel bis zur Mitte des XIV Jahrhunderts) поступило двѣ работы.

Первая съ девизомъ: «Et quia pacem forte noluerunt, pax eis fugit et ultio sola venit» обнимаетъ 123 стр. текста, 41 стр. примѣчаній и 2 приложенія. Авторъ ограничивается исключительно епископствомъ Эзельскимъ; еслибъ исторія остальной Лифляндіи вошла въ работу, то изложеніе оказалось бы болѣе связнымъ. Изслѣдованіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаточно глубоко, въ вопросахъ объ устройствѣ не всегда достаточно подчеркнута то, что составляло общее право. Въ общемъ слѣдуетъ отмѣтить прилежаніе автора, обработавшаго исторію и устройство названнаго епископства въ такомъ объемѣ, въ какомъ это до сихъ поръ еще не было сдѣлано. Особенное вниманіе обращено на трудный вопросъ о территориальныхъ отношеніяхъ, для коихъ приложена карта.

Факультетъ признаетъ работу съ девизомъ: «Et quia расет» и т. д. достойною золотой медали.

Конвертъ съ девизомъ: «Et quia расет» и т. д. содержитъ фамилію: Иванъ Сицка, студ. исторіи изъ Лифляндской губерніи.

Вторая работа съ девизомъ: «Cum Deo et die» обнимаетъ 130 стр. и 2 приложенія. Авторъ въ совершенствѣ владѣетъ матеріаломъ и излагаетъ его съ большой обстоятельностью. Онъ пользуется даже неизданнымъ цѣннымъ матеріаломъ. Способность къ научному труду и богатая познанія замѣтны повсюду. Работа представляетъ собою весьма дѣльный трудъ — расширяя во многихъ отношеніяхъ наши свѣдѣнія. Къ сожалѣнію, по видимому, по недостатку времени, не представлено изложеніе устройства Эзельскаго епископства. Не смотря на этотъ недостатокъ то, что дано, заслуживаетъ полнаго признанія.

Факультетъ удостаиваетъ работу съ девизомъ: «Cum Deo et die» золотой медали, выражая при этомъ желаніе объ окончаніи предпринятаго труда и о напечатаніи его.

Конвертъ съ девизомъ: «Cum Deo et die» содержитъ фамилію: Николай Бушь, студ. исторіи изъ Риги.

На предложенную историко-филологическимъ факультетомъ тему: «Математическія изслѣдованія Лейбница и ихъ вліяніе на развитіе монадологіи», подана работа съ девизомъ: «Il faut toujours expliquer la nature» и т. д. Первая часть работы, имѣющая своимъ содержаніемъ математическія изслѣдованія Лейбница, заслуживаетъ одобренія: авторъ очевидно серьезно ознакомился съ подлинными трудами Лейбница по этому предмету и сумѣлъ ясно изложить ихъ содержаніе. Неудачно къ сожалѣнію разработана вторая часть, трактующая о монадологіи. Не видно, изучилъ-ли авторъ подлинныя сочиненія Лейбница по этому предмету; по крайней мѣрѣ въ своемъ изложеніи онъ вполне слѣдуетъ Куно Фишеру, не подвергая выводовъ послѣдняго какой-либо критикѣ.

Историко-филологическій факультетъ признаетъ эту работу заслуживающей почетнаго отзыва.

Конвертъ съ девизомъ: «Il faut toujours» и т. д. содержитъ фамилію: Вильгельмъ Гиршбергъ, студ. химіи изъ Курляндской губерніи.

На 1894 годъ историко-филологическій факультетъ для соисканія наградъ медалями предлагаетъ слѣдующія темы :

- 1) «De Culex carminis Virgilio ascripti arte et sermone».
- 2) «Черты національнаго юмора въ русскомъ звѣриномъ эпосѣ».

На заданную физико-математическимъ факультетомъ тему: «Упругости паровъ спиртныхъ растворовъ», представлена работа съ девизомъ: «Numquam retrosum». Эта работа содержитъ измѣренія упругостей паровъ, произведенныя надъ многочисленными растворами 11 разнородныхъ веществъ въ различныхъ спиртахъ.

При скудости нашихъ свѣдѣній объ упругостяхъ спиртныхъ растворовъ представленная работа является цѣннымъ вкладомъ въ этой области.

Измѣренія сдѣланы по динамическому способу. Затрудненія, являющіяся при работѣ съ веществами, жадно притягивающими влагу, авторъ сумѣлъ преодолѣть. Результаты наглядно сопоставлены въ таблицахъ, при чемъ зависимость упругостей паровъ отъ концентраціи представлена графически. Полученные результаты интересны въ различныхъ отношеніяхъ. Самый важный выводъ заключается въ томъ, что спирты, въ видѣ растворителей, не относятся вообще такъ индифферентно къ растворенному веществу, какъ обыкновенно предполагаютъ. Кривая упругостей паровъ растворовъ треххлористаго желѣза въ изобутиловомъ спиртѣ указываетъ на то, что въ спиртныхъ растворахъ совершаются процессы, подобные тѣмъ, какіе давно извѣстны въ водныхъ растворахъ подъ названіемъ гидролитическихъ расщепленій.

Принимая во вниманіе какъ прилежаніе автора, такъ и важность добытыхъ имъ результатовъ, физико-математическій факультетъ считаетъ эту работу достойною золотой медали.

Конвертъ съ девизомъ: «Numquam retrosum» содержитъ фамилію: Константинъ Клеверъ, студ. химіи изъ Лифляндской губерніи.

На предложенную физико-математическимъ факультетомъ тему: «Разысканіе аналитическихъ критеріевъ 8 сортовъ особыхъ точекъ кривыхъ двоякой кри-

визны, которыя опредѣлены Штаудтомъ въ сочиненіи: *Geometrie der Lage* Nr. 205, и изслѣдованіе свойствъ эволюты и элементовъ, опредѣляющихъ кривизну кривыхъ въ этихъ точкахъ», представлены двѣ работы.

Авторъ первой работы подъ девизомъ: «*Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas*», выводитъ вполне вѣрные общіе аналитическіе критеріи для каждаго изъ восьми видовъ Штаудта особыхъ точекъ; онъ изслѣдуетъ кривизну, крученіе и соприкасающуюся сферу и доказываетъ интересныя теоремы объ особыхъ точкахъ эволюты. Работу можно разсматривать какъ полное рѣшеніе предложенной задачи; приведенные въ ней результаты имѣютъ значеніе для инфинитезимальной геометріи кривыхъ двойкой кривизны. Факультетъ присуждаетъ поэтому автору золотую медаль.

Конвертъ съ девизомъ: «*Ut desint vires*» и т. д. содержитъ фамилію: Альфредъ Медеръ, студ. мат. изъ Риги.

Вторая работа подъ девизомъ: «*Errare humanum est*», стѣснена значительно болѣе узкими рамками; авторъ получаетъ, правда, вѣрные критеріи для Штаудтовыхъ особыхъ точекъ, но они не имѣютъ общности, а касаются только простѣйшихъ случаевъ. Кривизна и крученіе не изслѣдованы, но выведены нѣкоторыя теоремы объ эволютахъ. Трудъ этотъ не представляетъ полнаго рѣшенія задачи; но такъ какъ авторъ работалъ самостоятельно и получилъ нѣкоторые отдѣльные интересные результаты, то факультетъ присуждаетъ ему серебряную медаль.

Конвертъ съ девизомъ: «*Errare humanum est*», содержитъ фамилію: Константинъ Цумфтъ, студ. мат. изъ Ковенской губерніи.

На 1894 годъ физико-математическій факультетъ предлагаетъ для соисканія награды медалями слѣдующія темы:

- 1) «Подобныя отображенія многоугольниковъ, ограниченныхъ дугами окружностей». — Изложить общую теорію и сдѣлать нѣкоторыя самостоятельныя добавленія.
- 2) «Значеніе воздушныхъ полостей летающихъ животныхъ для летательной способности». — Критически разобрать литера-

туру и пополнить ее собственными наблюдениями и опытами.

- 3) «Изоморфизмъ солей щелочныхъ металловъ». — Изложить состояніе вопроса и представить самостоятельные опыты надъ солями калия, натрія и литія.

* * *

Въ личномъ составѣ Университета произошли слѣдующія перемѣны.

Уволены отъ службы при Университетѣ :

Заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ физики Артуръ фонъ Эттингенъ, за выслугою 30 лѣтъ по учебной части.

Ординарные профессеры: по кафедрѣ мѣстнаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, а также юридической практики — Карль Эррманъ, по кафедрѣ сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій — Иванъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, за выслугою ими 25 лѣтъ по учебной части, по кафедрѣ историческаго богословія — Иоанъ Гаусслеитеръ и по кафедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней — Оттонъ Кюстнеръ, оба согласно прошенію.

Доценты: по нѣмецкой и всеобщей литературѣ — Вольдемаръ Мазингъ, за выслугою 30 лѣтъ, и по международному праву Карль Бергбомъ, согласно прошенію.

Учитель музыки Гансъ Гартанъ, согласно прошенію.

Штатные ассистенты: фармакологическаго института — Абрамъ Гринфельдъ, медицинской клиники — Вольдемаръ Герлахъ, женской клиники — Георгій фонъ Кнорре и Александръ Кейльманъ, поликлиники — Конрадъ Томбергъ, офталмологической клиники — Баронъ Гейнрихъ Криденеръ, госпитальной клиники — Гейнрихъ Бютнеръ и минералогическаго кабинета — Павелъ Арндтъ (и. д.).

Сверхштатные ассистенты: хирургической клиники — Вальтеръ Бартъ и фармакологическаго института — Александръ Пальдрокъ (и. д.).

Штатный лаборантъ фармацевтическаго института — Эдуардъ Ганъ.

Перемѣщенъ — ординарный профессоръ по кафедрѣ политической экономіи и статистики Николай Карышевъ на службу преподавателемъ Императорскаго Александровскаго лица.

Умеръ на службѣ — мастеръ хирургическихъ инструментовъ Рейнгольдъ Гремплеръ.

Назначены:

Проректоромъ Университета — и. д. ординарнаго профессора по кафедрѣ государственнаго права Александръ Филипповъ.

Деканами: богословскаго факультета — и. д. ординарнаго профессора по кафедрѣ систематическаго богословія Іоаннъ Керстенъ, медицинскаго факультета — ординарный профессоръ специальной патологіи и клиники Степанъ Васильевъ, историко-филологическаго факультета — экстраординарный профессоръ по кафедрѣ философіи и педагогики Яковъ Озе (и. д.) и физико-математическаго факультета — экстраординарный профессоръ по кафедрѣ минералогіи — Францъ Левинсонъ-Лессингъ.

Ординарными профессорами: по кафедрѣ уголовного права — экстраординарный профессоръ по сей кафедрѣ Петръ Пусторослевъ, по кафедрѣ сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій — сверхштатный ординарный профессоръ по кафедрѣ славянской филологіи, Ректоръ Университета Антонъ Будиловичъ и по кафедрѣ историческаго богословія — профессоръ Евангелическаго Лицея въ Прессбургѣ Іоаннъ Квачала.

Экстраординарными профессорами: по кафедрѣ древне-классической филологіи и археологіи — и. д. экстраординарнаго профессора по сей кафедрѣ Владиміръ Мальмбергъ, и по кафедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней — приватъ-доцентъ и прозекторъ Московскаго Университета Александръ Губаревъ.

Исправляющими должность экстраординарнаго профессора: по кафедрѣ мѣстнаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, а

также юридической практики — и. д. доцента по церковному праву Левъ Кассо, по кафедрѣ физики — привать-доцентъ Московскаго Университета князь Борисъ Голицынъ, и по кафедрѣ русскаго гражданскаго права и судопроизводства — привать-доцентъ Новороссійскаго Университета Василій Не-чаевъ.

Сверхштатными экстраординарными профессорами: по кафедрѣ римскаго права — привать-доцентъ по сему предмету Евгеній Пассекъ и по кафедрѣ церковнаго права — привать-доцентъ Московскаго Университета Михаилъ Красноженъ.

Исправляющимъ должность сверхштатнаго экстраординарнаго профессора по кафедрѣ энциклопедіи права — и. д. доцента по сему предмету Адамъ За-чинскій.

Исправляющими должность доцента: по между-народному праву — магистрантъ Владиміръ Грабаръ и по философіи — магистрантъ Евгеній Бобровъ.

Утверждены:

Предсѣдателемъ состоящаго при Универси-тетѣ Ученаго Эстонскаго Общества на 1893 г. — заслуженный ординарный профессоръ Левъ Мейеръ.

Доцентомъ по физиологической химіи — ассистентъ физиологическаго института и привать-доцентъ Фридрихъ Крю-геръ.

Прозекторами анатомическаго института и института сравнительной анатоміи — исправлявшіе эти должности Гер-манъ Адольфи и Викторъ Шмидтъ.

Оставлены на службѣ:

Заслуженными ординарными профессорами: по кафедрѣ семитскихъ языковъ — заслуженный ординарный профессоръ Вильгельмъ Фолькъ, по 8 июля, и по кафедрѣ ботаники — заслуженный ординарный профессоръ Эдмундъ Рус-совъ, по 1 июля 1894 г.

Сверхштатнымъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ русскаго гражданскаго права и судопроизводства — уволенный, за выслугою свыше 35 лѣтъ по учебной части, изъ штата профессоровъ Университета заслуженный ординарный профессоръ по сей кафедрѣ Иванъ Энгель-

манъ, съ сохраненіемъ за нимъ должности декана юридическаго факультета до 4 Марта 1894 г. и съ порученіемъ ему чтенія лекцій по русскому гражданскому праву съ вознагражденіемъ по 1000 руб. въ годъ.

Сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ минералогіи — сверхштатный ординарный профессоръ по сей кафедрѣ Иванъ Лембергъ, по 10 февраля 1896 г.

Избраны Совѣтомъ Университета:

Директоромъ университетской библіотеки на дальнѣйшее трехлѣтіе — ординарный профессоръ по кафедрѣ эзегетическаго богословія Фердинандъ Мюлау.

Редакторомъ Университетскихъ записокъ — экстраординарный профессоръ по кафедрѣ римскаго права Алексѣй Гуляевъ, на три года.

Администраторомъ стипендіальнаго фонда имени Альфонза фонъ Перейры — сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Иванъ Энгельманъ, на мѣсто уволеннаго, по прошенію, отъ сей должности бывшаго ординарнаго профессора Карла Эрдмана.

Назначены Правленіемъ Университета:

Штатными ассистентами: минералогическаго кабинета — Станиславъ Тугуть, фармакологическаго института — Маркъ Гершунъ, физиологическаго института — Оттонъ Петерсонъ (испр. должн.), поликлиники — Гейнрихъ Коппель, женской клиники — Александръ Пальховскій и медицинской клиники — Іосифъ Майбаумъ (испр. должн.).

Сверхштатными ассистентами: хирургической клиники — Вальтеръ Бартъ и Маріанъ Регульскій, медицинской клиники — Эдуардъ Линде и Александръ Биллигъ (испр. должн.), женской клиники — Арнольдъ Христіани, офтальмологической клиники — Федоръ Лакшевичъ, клиники для нервныхъ и душевныхъ болѣзней — Евгенийъ Свенсонъ, фармакологическаго института — Александръ Пальдрокъ (испр. должн.) и Іоаннъ Тирманъ (испр. должн.).

Сверхштатными лаборантами фармацевтическаго института — Эмилиѣй Эргардтъ и Рудольфъ Лилянталь.

Мастеромъ хирургическихъ инструментахъ Эдуардъ Гремплеръ.

Перемѣщены:

Штатный ассистентъ медицинской клиники — Петръ Турчаниновъ на должность штатнаго ассистента поликлиники и затѣмъ госпитальной клиники.

Сверхштатные ассистенты: женской клиники Александръ Кейльманъ и офтальмологической клиники — Вацлавъ Рымша на должности штатныхъ ассистентовъ означенныхъ клиникъ.

Сверхштатный лаборантъ фармацевтическаго института Николай Кромеръ на должность штатнаго лаборанта тогоже Института.

Личный составъ Университета въ настоящее время слѣдующій:

- 1 профессоръ православнаго богословія,
- 33 ординарныхъ профессора (въ томъ числѣ 2 испр. должн. и 3 сверхшт.),
- 16 экстраординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ испр. должн. 5 и сверхшт. 3, въ числѣ послѣднихъ 1 испр. должн.),
- 12 доцентовъ (въ томъ числѣ 4 испр. должн.),
- 1 преподаватель началъ архитектуры (онъ же архитекторъ Университета, испр. должн.),
- 1 ученый аптекаръ (испр. должн.),
- 1 астрономъ-наблюдатель,
- 2 прозектора,
- 5 приватъ-доцентовъ (изъ нихъ: 1 помощникъ директора ботаническаго сада, 1 ассистентъ обсерваторіи и 1 библиотекаръ Университета),
- 3 лектора (изъ нихъ 1 временно доцупецъ),
- 1 учитель гимнастическихъ упражненій,
- 1 учитель зубно-врачебной техники (сверхштатный),

всего 77 служащихъ по учебной части и кромѣ того 57 служащихъ по административной части.

Вакантны въ настоящее время: кафедры по политической экономіи и статистикѣ, по сельскому хозяйству и техноло-

логии и по физической географии и метеорологии, доцентура по философии права, должности лекторовъ англійскаго и итальянскаго языковъ, равно какъ учителей рисованія и музыки, всего 8 должностей.

На основаніи Высочайше утвержденного 28 декабря 1892 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта находившійся въ Вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія римско-католическій костелъ въ г. Юрьевѣ переданъ въ завѣдываніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, съ прекращеніемъ, съ 1 января 1893 г., производившагося, согласно Высочайше утвержденному штату Юрьевскаго Университета, расхода въ размѣрѣ 800 руб. въ годъ на наемъ помѣщенія и на жалованье ксендзу. Вслѣдствіе сего прекращено и чтеніе лекцій по католическому богословію.

Съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія учреждены при Университетѣ должности: 3-го сверхштатнаго ассистента хирургической клиники, сверхштатнаго ассистента клиники для нервныхъ и душевныхъ болѣзней, 2-го сверхштатнаго ассистента медицинской клиники и 2-го сверхштатнаго лаборанта фармацевтическаго института.

Студентовъ числилось къ 1 декабря сего года:

по богословскому факультету	235
по юридическому факультету	100
по медицинскому факультету	821
по историко-филологическому факультету	53
по физико-математическому факультету	138
	<hr/>
	всего 1347 студ.
кромѣ того: слушателей по фармаціи	199
	<hr/>
	итого 1546 студ.

и слушателей по фармаціи.

Постороннихъ слушателей состоитъ 9.

Въ теченіе года присуждены слѣдующія ученныя званія и степени:

Званіє дѣйствительнаго студента :

по богословскому факультету	15	лицамъ
по юридическому факультету	16	»
по историко-филологическому факультету	10	»
по физико-математическому факультету	11	»
	<hr/>	
всего	52	лицамъ.

Степень кандидата :

по богословскому факультету	7	лицамъ
по юридическому факультету	12	»
по историко-филологическому факультету	14	»
по физико-математическому факультету	26	»
	<hr/>	
всего	59	лицамъ.

Степень магистра :

по юридическому факультету	3	лицамъ
по историко-филологическому факультету	2	»
по физико-математическому факультету	1	»
	<hr/>	
всего	6	лицамъ.

Степень доктора :

по физико-математическому факультету	2	лицамъ.
По медицинскому факультету приобрѣли :		
званіє уѣзднаго врача	14	лицъ
степень доктора медицины	47	»
степень лѣкаря	117	»
степень магистра фармаціи	7	»
степень провизора	78	»
званіє дантиста	20	»
званіє аптекарскаго помощника	70	»
званіє повивальной бабки	23	»
	<hr/>	
всего	376	лицъ.

Итого присуждены академическія и медицинскія ученныя званія и степени 495 лицамъ.

Учительскимъ испытаніямъ подвергались 2 лица (по математикѣ и физикѣ 1 и по древнимъ языкамъ 1).

По окончаніи курса представлены къ опредѣленію на службу 3 стипендіата медицинскаго казеннаго института.

Относительно учебно-вспомогательныхъ учрежденийъ Университета должно упомянуть слѣдующее :

Въ продолженіе времени съ 1 декабря 1892 г. по 1 декабря 1893 г., отчасти клинически, отчасти амбулаторно и поликлинически пользовались въ университетскихъ клиникахъ 19 127 больныхъ, а именно :

въ медицинской клиникѣ	4093	больныхъ
въ поликлиникѣ	3940	»
въ хирургической клиникѣ	3882	»
въ офталмологической клиникѣ	3499	»
въ акушерской и женской клиникѣ	2026	»
въ клиникѣ для нервныхъ и душевныхъ болѣзней	749	»
въ университетскомъ отдѣленіи окружной лѣчебницы	274	»
въ отдѣленіи хирургической клиники для зубныхъ болѣзней	664	»

всего 19127 больныхъ.

Въ патологическомъ институтѣ въ продолженіе времени съ 1 декабря 1892 г. по 1 декабря 1893 г. были вскрыты 111 труповъ.

Въ судебно-медицинскомъ институтѣ въ продолженіе тогоже времени было произведено 137 вскрытій, а менно: судебно-медицинскихъ 19, полицейскихъ 44 и псевдо-медицинскихъ 74.

Въ университетской библиотекѣ числилось :

Къ 1 декабря 1892 г.	176,728	томовъ и 104,634	диссертаций
вновь поступило въ отчетномъ году къ 1 дек. 1893 г.	3,139	»	» 4,222

Состоить къ 1 дек. 1893 г. 179,867 томовъ и 108,856 диссертаций

Академическая читальня была посѣщена во II полугодіи 1892 г. и въ I полугодіи 1893 г. — 248 лицами. Выписаны были: 91 журналъ, изъ которыхъ не менѣе 60 были строго-научнаго содержанія по всѣмъ отраслямъ науки, и 25 газетъ, всего 116 періодическихъ изданій на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, польскомъ, латышскомъ и эстонскомъ языкахъ.

Поѣздки съ научною цѣлью предприняты были :

за границу: профессорами Керстеномъ, Рельманомъ, Дегио, Кохомъ, Кюстнеромъ, Барфургомъ, Мукке, Бодуэномъ-де-Куртенэ, Кнезеромъ, Шмурло и Зачинскимъ, доцентами — Зебергомъ и Крюгеромъ, привать-доцентомъ Грофе и помощникомъ бібліотекаря Кордтомъ ;

въ внутреннія губерніи Имперіи: профессорами — Эрдманомъ, Руссовымъ, Филипповымъ, Дьяконовымъ и Шмурло, а равно бібліотекаремъ Шлютеромъ, прозекторомъ Адольфи и хранителемъ зоологическаго музея Штиреномъ.

Относительно учрежденія Роберта Геймбюргера доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что Совѣтъ Университета присудилъ на этотъ годъ полную премію за ученныя изданія въ количествѣ 513 руб. профессору Лейпцигскаго Университета Вильгельму Оствальду за сочиненіе его подъ заглавіемъ: «Lehrbuch der allgemeinen Chemie». Т. I и II. Лейпцигъ 1885 и 1887 гг. Стипендія для научныхъ поѣздокъ осталась въ текущемъ году не израсходованною.

Для соисканія преміи Роберта Геймбюргера на 1894 годъ допускаются сочиненія на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ или латинскомъ языкахъ, вышедшія въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ и принадлежащія по своему содержанию къ наукамъ богословскаго факультета, авторы которыхъ состояли по крайней мѣрѣ три года имматрикулованными студентами Юрьевскаго Университета или во время удостоенія означенной преміи состоятъ уже три года на службѣ въ Юрьевскомъ Университетѣ въ качествѣ привать-доцентовъ, штатныхъ доцентовъ, прозекторовъ, астронома наблюдателя или ученаго аптекаря. Конкурсныя сочиненія должны быть представлены въ Совѣтъ Юрьевскаго Университета въ двухъ экземплярахъ не позже 1 мая 1894 г.

*

*

*

Закончивъ обзоръ обычныхъ явленій нашей университетской жизни, я считаю своимъ долгомъ, отмѣтить хоть въ краткихъ словахъ еще тѣ особыя событія, которыя придаютъ историческую важность истекшему 91-ому году существованія здѣшняго Университета, освѣщая его прошлое или опредѣляя будущее.

Къ числу этихъ событій нельзя не отнести, прежде всего, юбилея столѣтней годовщины со дня рожденія Вильгельма Струве, отпразднованнаго 3 апрѣля сего года Университетомъ, при соучастіи многихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ обществъ, во славу этого знаменитаго астронома, бывшаго ученикомъ, а потомъ профессоромъ и почетнымъ членомъ нашего Университета.

Вторымъ памятнымъ событіемъ истекшаго года останется въ лѣтописяхъ Университета недавнее посѣщеніе его г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Графомъ Ив. Дав. Деляновымъ. Оно, конечно, не можетъ не отразиться важными и благотворными послѣдствіями для дальнѣйшаго развитія нашего учрежденія, сообразно съ тѣми высокими задачами, которыя налагаются нынѣ на университеты какъ быстрыми успѣхами знаній, такъ и возрастающими требованіями жизни.

Но самымъ важнымъ и знаменательнымъ событіемъ отчетнаго года является послѣдовавшее по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Нар. Пр. въ 27-ой день февраля с. г. Высочайшее Государя Императора соизволеніе на переименованіе Университета дерптскаго въ юрьевскій. Переименованіе это, связавшее нынѣшнюю эпоху съ отдаленными преданіями временъ Ярослава Мудраго, свидѣтельствуя о высокомъ вниманіи къ нашему Университету со стороны его Державнаго Покровителя, служить съ тѣмъ вмѣстѣ яснымъ указаніемъ того пути, по которому предстоитъ отнынѣ развиваться этому учрежденію, чтобы оправдать неизмѣнное благоволеніе къ нему Могущественныхъ Государей, въ теченіе четырехъ уже царствованій.

На насъ же, призванныхъ учить или учиться въ этомъ учрежденіи, лежитъ священный долгъ еще усугубить свои посильныя старанія, чтобы Университетъ, уже приобрѣвшій столь почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, не уронилъ и

впредь ввѣреннаго ему знамени, а наоборотъ, поднять его еще выше, на пользу науки и отечества.

Да здравствуетъ Державный покровитель нашего Университета, **Его Величество Государь Императоръ Александръ III.**

Неофициальный отделъ.

ИМПЕРАТОРЪ АДРИАНЪ.

Рѣчь произнесенная на актѣ 12 декабря 1893 г.

Мм. Гг.!

Приглашая Васъ принять участіе въ празднованіи знаменательнаго въ жизни нашего Университета дня, 12 Декабря, Университетъ ежегодно поручаетъ одному изъ своихъ членовъ обратиться къ Вамъ, своимъ гостямъ, съ привѣтственной рѣчью. Этотъ древній и повсемѣстный обычай имѣетъ цѣлью поддерживать и оживлять ту естественную и тѣсную связь, которая существуетъ между жизнью Университета и жизнью общества, членомъ котораго онъ является. Вездѣ между Университетомъ и тѣмъ городомъ, въ чертѣ котораго онъ живетъ, быстро возникаетъ тѣсная связь; вездѣ общество съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ за университетскою жизнью и дѣятельностью; вездѣ, наконецъ, и Университетъ, въ свою очередь, смѣло можетъ заявить, что онъ чувствуетъ себя живымъ членомъ живаго организма — общества.

Переходя къ ближайшему исполненію почетной задачи, возложенной въ текущемъ году на меня, я буду имѣть честь просить Васъ вернуться со мною въ Римъ, какимъ онъ былъ за 18 вѣковъ отъ настоящаго момента, къ концу перваго вѣка по Рождествѣ Христовомъ.

Къ этому времени проходитъ сто, съ небольшимъ, лѣтъ отъ паденія Римской республики. Послѣ этого паденія во главѣ государства становится правитель, власть котораго юридически не носитъ характера строго монархическаго. Тронъ вновь возникающей Римской имперіи еще драпи-

руется республиканскими формами и республиканскими понятиями, которыя отбрасываются въ сторону лишь понемногу, для того, чтобы дать, впоследствии, мѣсто абсолютной монархіи Діоклетіана и Константина. За столѣтній промежутокъ времени передъ нами проходитъ двѣнадцать правителей, царствованіе которыхъ, за немногими исключеніями, оставляетъ по себѣ рѣки крови. Ни государство, ни сами правители не могутъ еще, повидимому, освоиться съ новымъ строемъ, государственная жизнь не можетъ сразу войти въ новое русло: одинъ за другимъ слѣдуетъ рядъ громовыхъ ударовъ, разбивающихъ обломки стараго и очищающихъ мѣсто новому.

Заря новой, болѣе покойной, болѣе нормальной жизни начинаетъ загараться съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ государства становится императоръ Нерва. Правленіе его пріемнаго сына, энергичнаго администратора и талантливаго полководца, императора Траяна, наполняется рядомъ почти непрерывныхъ, удачныхъ войнъ, расширившихъ территорию римской имперіи, обезпечившихъ ея границы и возстановившихъ начавшій уже было тускнѣть блескъ римскаго оружія. Преемникомъ Траяна былъ, въ свою очередь, родственникъ послѣдняго, усыновленный имъ, Публій Элій Адріанъ. На личности императора Адріана, одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ какъ въ древней, такъ и во всемірной исторіи, я и позволю себѣ остановить Ваше вниманіе.

Я долженъ, однако, оговориться заранѣе, что я не могу ставить своей цѣлью дать общую картину всей дѣятельности, всей жизни и всего значенія названнаго императора. Рѣшеніе та кой задачи есть дѣло специалиста въ области всеобщей исторіи, къ числу которыхъ я не принадлежу. Моей — можетъ являться лишь попытка обрисовать то значеніе, какое принадлежитъ императору Адріану въ исторіи права: вопросъ въ настоящее время еще далеко не выясненный, матерьялы для окончательнаго рѣшенія котораго только еще собираются.

Въ исторіи права императору Адріану давно уже отводится мѣсто, само по себѣ далеко не изъ послѣднихъ. Съ его именемъ издавна связывается значительное число реформъ въ области гражданскаго и государственнаго права. Въ общемъ — за нимъ признается первоклассный талантъ организатора; ¹⁾ его называютъ наиболѣе замѣчательнымъ изъ всѣхъ римскихъ императоровъ; ²⁾ предлагаютъ считать его царствованіе началомъ новаго періода въ исторіи римскаго права, подобно тому, какъ мы это дѣлаемъ съ правленіемъ Августа съ одной стороны, правленіемъ Діоклетіана и Константина — съ другой. ³⁾ Тѣмъ не менѣе, точныхъ данныхъ обо всемъ, что Адріаномъ, въ качествѣ реформатора, сдѣлано — еще не собрано; яснаго понятія о его общемъ значеніи — не составлено; еще въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ трудовъ тотъ же Гиршфельдъ, который не отказываетъ Адріану въ безусловномъ удивленіи его заслугамъ, выражаетъ желаніе „чтобы исторія права занялась, наконецъ, выясненіемъ вопроса: какія именно реформы обязаны своимъ происхожденіемъ Адріану а затѣмъ — дала бы отвѣтъ и на другой: не лежитъ ли въ основаніи всѣхъ этихъ реформъ какой нибудь общій планъ, не преслѣдуютъ ли всѣ онѣ какой нибудь общей цѣли, не служатъ ли выраженіемъ какой нибудь единой мысли.“ ⁴⁾ Изъ самой возможности постановки такого рода вопросовъ нетрудно придти къ убѣжденію, что точнаго понятія о значеніи императора Адріана еще далеко въ наукѣ не образовалось. Въ самомъ дѣлѣ: можемъ ли мы называть первокласснымъ талантомъ, наиболѣе замѣчательнымъ изъ правителей такого, дѣйствія котораго лишены, быть можетъ, общей мысли, не объясняются

1) Karlowa. Röm. Rechtsgesch. I, § 82, p. 628.

2) O. Hirschfeld. Untersuchungen auf dem Gebiet der römischen Verwaltungsgeschichte. I, p. 291.

3) Bremer. Götting. gelehrt. Anzeig. 1889, I.

4) Hirschfeld. l. c.

общей цѣлью, не являются средствами къ осуществленію какого нибудь одинаго, крупнаго по замыслу, плана?

Задача, поставленная Гиршфельдомъ, не можетъ, на первый взглядъ, представлять большихъ затрудненій. Для рѣшенія ея стоитъ только, казалось бы, рассмотреть въ совокупности все, что сдѣлано Адрианомъ, — общій планъ его дѣйствій, общія мысли и цѣли императора выяснятся при этомъ сами собой.

Такое заключеніе само по себѣ, конечно, правильно, но привести его въ исполненіи не такъ легко, какъ это могло бы казаться. Прежде всего помѣхой явится отчасти недостатокъ историческихъ свѣденій вообще, отчасти недостаточность разработки свѣденій уже добытыхъ. Такъ, напримѣръ, только въ послѣднее время начинаютъ приходиться къ убѣжденію, что Адрианомъ сдѣлано, въ сущности, гораздо больше, чѣмъ ему приписывалось до сихъ поръ. Обо всемъ этомъ я буду имѣть честь говорить подробнѣе ниже, здѣсь — ограничусь указаніемъ на слѣдующее: только позднѣйшіе труды Гаубольда, Моммсена, Гиршфельда, Карловы и, главнымъ образомъ, Кюка выяснили, что Адриану принадлежитъ организація *consilium principis*; ¹⁾ только Гиршфельдъ привелъ въ ясность реформы Адриана въ области управленія; ²⁾ Бремеръ указалъ на фактъ особаго, съ этого времени, оживленія дѣятельности юристовъ; ³⁾ Шульце — занялся вопросомъ о реформахъ Адриана въ области процесса и судоустройства. ⁴⁾ Нетрудно, послѣ сказаннаго, придти къ убѣжденію, что новыя, въ этомъ направленіи, изысканія, легко могутъ дать и новые результаты.

1) Haubold. Dissert. de constitut. princ. Mommsen. Staatsr. II. 989. Hirschfeld. cit. p. 215 сл. Karlowa. cit. p. 546. Суг. Въ Memoires présentés par divers savants и т. д. I сер. т. IX.

2) Hirschfeld. cit.

3) Bremer. Rechtslehrer u. Rechtsschulen im röm. Kaiserreich.

4) Schultze. Privatrecht und Proz. in ihrer Wechselbeziehung I. (ср. стр. 11 пр. 1).

Но и независимо отъ всего этого, изслѣдователя не можетъ не смущать самый характеръ личности, съ которой ему здѣсь приходится имѣть дѣло, личности императора Адриана. Весь характеръ императора, какъ его рисуютъ историки и биографы Адриана, кажется сотканнымъ изъ противоположностей и противорѣчій. Такимъ его рисуетъ Спартіанъ въ своемъ извѣстномъ рядѣ антитезъ, называя императора „угрюмо-веселымъ, благосклонно-недоброжелательнымъ, быстро-медлительнымъ, скупымъ расточителемъ, лицемерно-простодушнымъ, но всегда и во всемъ непостояннымъ.“¹⁾ То-же самое, воздавая, однако, должное богато одаренной природѣ Адриана, говоритъ, другими словами, и Аврелій Викторъ. „Никогда, говоритъ онъ, императоръ не оставался однимъ и тѣмъ-же, всегда и во всемъ онъ былъ инымъ. Это былъ прирожденный властитель, какъ въ добродѣтеляхъ, такъ и въ порокахъ, но онъ твердой рукой сдерживалъ свои истинныя наклонности, хитро и искусно скрывая зависть, жестокость и безграничный эгоизмъ подъ маской воздержанія, добродушія и кротости, не допуская наружнаго проявленія той жажды славы, которая внутри терзала его душу.“²⁾

Оба эти портрета рисуютъ не человѣка, а хамелеона и нельзя не спросить себя, можетъ ли вообще такое лицо, какое выступаетъ передъ нами изъ приведенныхъ строкъ, стремиться къ чему либо крупному, преслѣдовать какія бы то ни было великія цѣли. Сомнѣнію въ послѣднемъ склонны были поддаваться и дѣйствительно поддались, вмѣстѣ со всеобщей исторіей, и историки права. Императору Адриану, говорятъ намъ, являлся цѣлый рядъ блестящихъ идей, у него не было недостатка въ желаніи произвести тѣ или инныя реформы, но ему недоставало необходимыхъ для этого

1) Spartian. De vita Hadriani. 14. 11. Idem severus laetus, comis gravis, lascivus cunctator, tenax liberalis, simulator simplex, saevus clemens et semper in omnibus varius.

2) Aurelius Victor. Epit. 14.

свойствъ: энергіи, послѣдовательности и выдержки. Какая нибудь мысль начинаетъ быстро приводиться въ исполненіе, но на полудорогѣ императоръ останавливается, беретъ за другое, бросаетъ, въ свою очередь и это и т. д. При отсутствіи энергіи и послѣдовательности не можетъ быть и рѣчи о единствѣ плана: Адрианъ за многое брался, но ничего не довелъ до конца и нельзя, поэтому, говорить о томъ, что всѣ его реформы были отдѣльными шагами по пути къ достиженію какой нибудь одной, общей цѣли.

Не имѣя, къ сожалѣнію, времени вдаваться въ подробности, я считаю, однако, необходимымъ отмѣтить, что приведенныя разсужденія біографовъ Адриана о его характерѣ находятся въ полномъ противорѣчии съ тѣми данными, которыя сами же они, въ другихъ мѣстахъ, приводятъ относительно дѣятельности императора. Объясненіе этого страннаго факта лежитъ въ противорѣчии между собою тѣхъ первоисточниковъ, на которыхъ основаны дошедшіе до насъ труды *scriptorum historiae augustae*. Изъ послѣднихъ именно Спартіанъ особенно охотно пользуется такими авторами, которые принципиально расходятся между собою во взглядахъ на дѣятельность и личность даннаго императора: въ біографіи Адриана, въ частности, его первоисточниками были, съ одной стороны, автобіографія Адриана, съ другой — біографія императора, составленная Маріемъ Максимомъ. Первая, само собою разумѣется, рисовала императора въ возможно благопріятномъ свѣтѣ, зато вторая была ничѣмъ инымъ, какъ сборникомъ анекдотовъ и шутокъ (*jocularia*), причемъ къ Адриану Марій Максимъ въ общемъ относится крайне недоброжелательно. Ясно, что соединеніе двухъ противорѣчивыхъ описаній въ одно цѣлое, сдѣланное при этомъ безъ всякой критики, отнюдь не могло способствовать ясности общей картины. Сверхъ того надо замѣтить, что въ послѣдніе годы жизни, подъ вліяніемъ отчасти душевныхъ причинъ, отчасти чисто физической (жестокой и мучительной болѣзни) характеръ Адриана дѣйствительно измѣ-

нился; для этого времени утреки въ угрюмости, жестокости и т. п. вполне справедливы; но центр тяжести всей дѣятельности императора лежитъ, конечно, не въ этихъ послѣднихъ годахъ жизни.¹⁾

Оставляя въ сторонѣ противорѣчія источниковъ, разобратся въ которыхъ не представляется абсолютно невозможнымъ, намъ кажется, что попытка дать отвѣтъ на вопросъ, поставленный Гиршфельдомъ, въ той его части, гдѣ Гиршфельдъ предлагаетъ выяснить и опредѣлить общую идею всѣхъ реформъ Адриана, можетъ быть сдѣлана уже и въ настоящее время, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣденій. Весьма вѣроятно, правда, что новыя изысканія дадутъ еще новыя данныя; весьма вѣроятно, что вслѣдствіе этого мы принуждены будемъ признать Адрианомъ еще болѣе крупныя заслуги, чѣмъ мы это можемъ сдѣлать теперь, но общая картина сужденія, которое о немъ можетъ быть составлено, врядъ ли измѣнится существенно.

Подводя итогъ всему сдѣланному Адрианомъ, мы видимъ слѣдующее.

Въ высшей степени важное значеніе для гражданскаго права имѣетъ, какъ извѣстно, созданіе Адрианомъ такъ называемаго *edictum perpetuum*. Насколько можно коснуться этого сложнаго вопроса въ короткихъ словахъ, дѣло заключается въ слѣдующемъ. Съ давнихъ временъ римскимъ магистратамъ принадлежитъ такъ называемое *jus edicendi*, право издавать эдикты. Въ этихъ эдиктахъ, издаваемыхъ, обыкновенно, при вступленіи въ должность, но возможныхъ и по частнымъ случаямъ, магистратъ объявлялъ, какихъ нормъ онъ намѣренъ держаться при отправленіи своей должности. Наиболѣе важное значеніе получили, поэтому, эдикты тѣхъ магистратовъ, въ рукахъ которыхъ находилось

1) Объ источникахъ біографіи Адриана ср. Teufel. *Gesch. der röm. Litterat.*, 5 изд. § 414 и особ. Dürr, *Die Reisen des Kaisers Hadrian* (*Abhandlung d. archäolog.-epigraph. Seminar d. Universit. Wien*, II, 1881 г.). Exc. I, p. 73—88.

отправление правосудія — эдикты преторовъ и курульныхъ эдиловъ. Силу эдикты имѣли только на годъ и связывали только давшаго ихъ магистрата, но не преемниковъ его; весьма понятно, однако, что руководящія дѣятельностью магистрата нормы не могли, всѣ безъ исключенія, измѣняться ежегодно, со смѣной каждаго магистрата, поэтому въ эдиктахъ рано уже должна была образоваться извѣстная постоянная, неизмѣнная часть (*edictum tralaticium*) въ противоположность которой нормы вновь вводимыя получили названіе *edictum novum*. Этимъ путемъ эдицированія магистраты, особенно магистраты судебныя, могли вліять и дѣйствительно вліяли въ высшей степени существенно на развитіе гражданскаго права. — Такой порядокъ вещей былъ измѣненъ Адрианомъ. Императоръ поручилъ знаменитому юристу Сальвію Юліану „составить эдиктъ“ (*componere edictum*), т. е. произвести его общую редакцію, привести его въ разъ навсегда опредѣленный видъ. Проектъ редакціи Юліана былъ одобренъ императоромъ и по его предложенію сенатъ призналъ за проектомъ силу закона. Послѣдствіемъ такого шага было лишеніе отдѣльныхъ магистратовъ возможности измѣнять нормы права. Новый эдиктъ получилъ силу неизмѣннаго, т. е. независимаго отъ воли отдѣльнаго магистрата, закона и въ этомъ смыслѣ онъ носитъ имя вѣчнаго эдикта (*edictum perpetuum*). Старая форма еще нѣкоторое время продолжала соблюдаться. Эдиктъ все еще публикуется каждымъ магистратомъ при своемъ вступленіи въ должность, но теперь публикуется все одинъ и тотъ же *edictum perpetuum*, никакія измѣненія въ немъ магистратомъ дѣлаемы быть не могутъ, такія измѣненія, а равно и пополненіе пробѣловъ принадлежитъ исключительно императору. Цѣль этой мѣры разгадать не трудно: съ этихъ поръ дальнѣйшее развитіе гражданскаго права цѣликомъ переходитъ въ руки императора. 1)

1) Литературу о цѣли и значеніи *edictum perpetuum*, въ виду ея общеизвѣстности, указывать излишне. Общія свѣденія Karlowa, cit. § 82.

Рядомъ съ этимъ, Шульце старается доказать, что не менѣе важная реформа была произведена императоромъ въ области гражданскаго процесса и судоустройства. По мнѣнію этого автора уничтоженіе характернаго для стараго права раздѣленія производства на *jus* и *judicium*, уничтоженіе, которое до сихъ поръ приписывалось Діоклетіану, произведено еще раньше и именно Адрианомъ.¹⁾ Доказательства Шульце въ этомъ пунктѣ не могутъ, однако, быть названы вполне убѣдительными.

Въ связи со сказаннымъ мы можемъ еще остановиться на изысканіяхъ Бремера,²⁾ доказавшаго, на основаніи богатаго и тщательно собраннаго матерьяла, что именно со времени Адриана начинается значительное оживленіе дѣятельности юристовъ, научной и практической; вмѣстѣ съ тѣмъ юристы съ этого времени начинаютъ выдвигаться впередъ и въ общественномъ положеніи, въ занятіи государственныхъ должностей.

Можно, наконецъ, упомянуть и о томъ, что Адрианъ принималъ особенно живое участіе въ практическомъ примѣненіи права.³⁾ На всѣхъ его рѣшеніяхъ и постановленіяхъ, насколько эти послѣднія до насъ дошли, лежитъ печать высокой гуманности, уваженія къ человѣческой личности, къ естественнымъ правамъ человѣка.⁴⁾ Какъ послѣдующіе юристы, такъ и преемники Адриана на императорскомъ тронѣ особенно охотно, поэтому, цитируютъ рѣшенія этого императора; онъ является старѣйшимъ изъ тѣхъ, чьи конституціи приняты въ кодексъ Юстиніана.⁵⁾

1) *Schultze. cit.* (стр. 6 пр. 4) p. 533 сл. 543 сл. 546 сл.

2) *Bremer. cit.* (стр. 6 пр. 3).

3) *Dio Cass.* 69. 7. 1.

4) Ср. *Haenel. Corp. leg.* p. 85—101. *Corp. jur. rom. antejust. ed.* Böcking, p. 202 sq. *D. Adriani sentent. et epistolae.* *Spartian de v. Hadr.* 17. 2 и pass. У того же *Spartiana* 20. 3. передается слѣдующій мотивъ, лежавшій, по мнѣнію Марія Максима, въ основаніи гуманности Адриана: „*Marius Maximus dicit eum natura crudelem fuisse et idcirco multa pie fecisse, quod timeret, ne sibi idem, quod Domitiano accidit, eveniret.*“

5) *L. 1 C. de testam.* 6. 23.

Еще важнѣе и плодотворнѣе дѣятельность Адриана въ области государственнаго права и управленія, къ обзорѣнїю которой мы теперь и переходимъ.

Въ этомъ отношеніи за Адрианомъ должна быть, прежде всего, признана крупная заслуга приведенія въ порядокъ государственныхъ финансовъ. Діонъ Кассій замѣчаетъ, что организація финансовой части, данная Адрианомъ, была такова, что воспоминаніе о ней никогда не можетъ изгладиться. 1) Спартіанъ утверждаетъ, что Адрианъ до такой степени освоился въ области государственныхъ доходовъ и расходовъ, что наилучшій домохозяинъ не могъ бы такъ вести и знать свое частное хозяйство. 2) Въ связи съ этимъ стоитъ учрежденіе императоромъ новой должности *advocatus fisci*, повѣреннаго казны, на обязанности котораго лежала защита фискальныхъ интересовъ передъ судами. 3) Дѣленія государственной казны на *aerarium populi* и *fiscus Caesaris* Адрианъ, однако, повидимому не уничтожилъ.

Оставляя, затѣмъ, въ сторонѣ отношеніе Адриана къ войскамъ и военному дѣлу, какъ неимѣющее прямаго отношенія къ нашему предмету, мы должны упомянуть о другой его важной мѣрѣ, реорганизаціи императорскаго совѣта (*consilium principis*). Начиная съ глубокой древности мы можемъ констатировать въ Римѣ обычай, сохраняя за извѣстнымъ лицомъ, какъ должностнымъ, такъ и частнымъ, полную свободу дѣйствій — окружать его совѣтомъ опытныхъ и безпристрастныхъ лицъ, обращеніе къ которому для даннаго лица въ иныхъ случаяхъ обязательно, но рѣшеніе котораго его ничѣмъ не связываетъ. Обычай этотъ основанъ, очевидно, на томъ правильномъ соображеніи, что дѣйствуетъ лучше отдѣльное лицо, чѣмъ цѣлая корпорація, но что, съ другой стороны, полезныя указанія лучше

1) Dio Cass. 69, 14. 4.

2) Spartian. d. vita Hadr. 20. 11. Omnes publicas rationes ita complexus est, ut domum privatam quivis paterfamilias diligens non setius norit.

3) Spartian. d. v. Hadr. 20. 6. Hirschfeld. cit. p. 49 сл.

всего могутъ быть даны по всестороннемъ обсужденіи различныхъ мнѣній. Такой совѣтъ былъ и у императора, но не въ качествѣ постоянного учрежденія и Меценатъ даже совѣтовалъ Августу призывать къ совѣщаніямъ не постоянно одни и тѣ-же лица. 1) Съ теченіемъ времени императорскій совѣтъ превратился, однако, въ учрежденіе постоянное, организованное строго іерархически и новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что это превращеніе сдѣлано именно Адрианомъ. 2) Реформа эта стоитъ въ прямой связи какъ съ постояннымъ увеличеніемъ судебной компетенціи императорской власти, такъ, въ частности, и съ созданіемъ *edictum perpetuum*: взявъ въ свои руки наблюденіе за дальнѣйшимъ развитіемъ гражданскаго права императоръ, по необходимости, долженъ былъ окружить себя постоянными совѣтниками-специалистами, въ виду чего и членами *consilium* назначались, главнымъ образомъ, юристы.

Далѣе, новѣйшія изслѣдованія Гиршфельда 3) показали, какое важное значеніе имѣли реформы Адриана въ области управленія, въ организаціи должностнаго персонала имперіи. Выводы Гиршфельда, въ короткихъ словахъ, могутъ быть переданы такъ: въ первое время имперіи самъ императоръ юридически еще считался ничѣмъ инымъ, какъ магистратомъ и поэтому назначать другихъ магистратовъ права не имѣлъ. При той массѣ обязанностей, какая лежала на императорѣ, онъ не имѣлъ, однако, никакой возможности справиться съ ними единолично и поэтому рано уже долженъ былъ прибѣгнуть къ назначенію себѣ помощниковъ, которые становились къ нему въ извѣстное подчиненное положеніе, но магистратами въ точномъ смыслѣ этого слова не были. Чѣмъ болѣе измѣнялось положеніе самого императора, тѣмъ болѣе должно было измѣняться и положеніе его помощниковъ — частныя должности должны были необходимо

1) Dio Cass. 52. 33. 3.

2) Ср. стр. 6 пр. 1.

3) Hirschfeld. cit. (стр. 5 пр. 2).

превратиться въ должности государственныя и Гиршфельдъ доказаль, что перемѣна эта произведена была именно Адрианомъ, создавшимъ, такимъ образомъ, новую организацію имперскихъ должностныхъ лицъ. Къ этому остается прибавить, что вездѣ императоръ замѣщаетъ всѣ новыя должности преимущественно лицами юридически образованными, изъ сословія всадниковъ, создавая этимъ противовѣсъ господствовавшему прежде сенаторскому сословію.

Необходимо, наконецъ, отмѣтить отношеніе Адриана къ провинціямъ, число которыхъ достигало при немъ сорока пяти. Всякому историку извѣстно печальное положеніе римскихъ провинцій, придушенныхъ своей метрополіей — Италіей. Императорская политика съ самаго начала существованія имперіи стремилась къ уравненію правъ Италіи и провинцій. Рѣшительнаго шага въ этомъ направленіи не сдѣлалъ, однако, ни Августъ, ни кто либо изъ его преемниковъ до Карагаллы.¹⁾ Тѣмъ не менѣе, судьба провинцій обращала на себя особенное вниманіе именно Адриана. Этотъ императоръ изъ 21 года царствованія 16 лѣтъ провелъ въ непрерывныхъ путешествіяхъ по имперіи: онъ посѣтилъ всѣ провинціи, инья по нѣскольку разъ, вездѣ внося порядокъ, вездѣ подвергая строгому контролю своихъ подчиненныхъ, о провинціальныхъ дѣлахъ онъ имѣлъ свѣденія до такой степени подробныя, что его подозрѣвали въ организаціи систематическаго шпіонства.²⁾ Въ дорогѣ мы видимъ императора большею частью пѣшимъ, съ непокрытой головой, во главѣ своей свиты, состоящей не изъ войскъ, а изъ кузнецовъ, плотниковъ, каменщиковъ,

1) Меценатъ совѣтовалъ Августу дать провинціямъ равныя права съ Италіей и обложить всѣхъ гражданъ равными налогами. Веспасіанъ далъ *jus Latii* всей Испаніи. Адрианъ далъ то же право Нарбоніи и право римскаго гражданства Верхней Панноніи. Карагалла, какъ извѣстно, далъ право римскаго гражданства всему тогдашнему населенію имперіи. Цѣль императора при этомъ была, впрочемъ, исключительно фискальная.

2) *Spartian. d. v. Hadr. 13. 10.*

архитекторовъ и всевозможныхъ ремесленниковъ. 1) По пути его возстанавливаются старые города и возникаютъ новые, онъ оставляетъ за собой монументальныя постройки, тратя на нихъ колоссальныя суммы, но не разоряя населенія: посѣщенія его составляютъ не отягощеніе, а истинное благодѣяніе для посѣщенныхъ мѣстностей. Однимъ провинціямъ онъ даетъ право гражданства, другимъ латинское право. 2) Если мы припомнимъ сказанное выше о реформахъ въ области финансоваго вѣдомства и о реформахъ въ области управленія, плоды которыхъ также, главнымъ образомъ, пошли на пользу провинцій, то получимъ общую картину всего, что сдѣлалъ Адріанъ для различныхъ частей имперіи.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, все, что мы можемъ, при данномъ состояніи нашихъ свѣденій, сказать о дѣятельности Адріана. Намъ кажется, что общіе выводы изъ всего сказаннаго сдѣлать не трудно.

Идеаломъ Адріана, какъ государственнаго дѣятеля является, на мой взглядъ, государственное единство, стремленіе собрать всѣ нити государственной жизни въ руки императорской власти. *Edictum perpetuum* ставитъ въ исключительную зависимость отъ императора развитіе гражданскаго права; реформа управленія и финансовъ — подчиняетъ ему весь государственный организмъ; выдвигая впередъ сословіе всадниковъ — Адріанъ создаетъ новую опору трона и противовѣсь немаловажному еще значенію сената; забота о провинціяхъ — привязываетъ и эти послѣднія къ императорскому трону, приучаетъ все имперское населеніе къ мысли, что прямая задачей императорской власти есть защита его отъ злоупотребленій какъ со стороны должностныхъ лицъ, такъ и со стороны господствующей и привилегированной страны побѣдителей, Италіи. Словомъ — Адріанъ, не будучи основателемъ абсолютной монархіи,

1) Aurel. Vict. Epit. 14.

2) Ср. пред. стр. пр. 1.

какого въ немъ желаютъ видѣть иные, является, однако, главнымъ подготовителемъ ея появленія въ будущемъ.

Но еще важнѣе, въ общечеловѣческомъ смыслѣ, дѣятельность Адриана въ другой области. Въ эпоху этого императора римское государство, съ населеніемъ приблизительно въ 100 милліоновъ, простиралось съ Запада на Востокъ — отъ Атлантическаго океана до Евфрата, съ Сѣвера на Югъ — отъ Шотландіи до горъ Атласа и катарактовъ Нила. Въ составъ его входили, такимъ образомъ, всѣ культурные народы древняго міра и между ними первое мѣсто занимаютъ Римляне и Греки. Римлянинъ по происхожденію, Адрианъ является Эллиномъ по духу. 1) Богато одаренный отъ природы, философъ, поэтъ и художникъ, 2) человѣкъ высоко гуманный — императоръ Адрианъ воспринялъ въ себя всю сумму эллинской культуры и является ея живымъ носителемъ. Рядомъ съ идеаломъ государственнаго единства въ немъ живетъ идеалъ единства культурнаго. Проходя Римскую имперію изъ конца въ конецъ, отъ Испаніи до Сиріи, отъ британскихъ тумановъ до песковъ Египта, онъ вездѣ оставляетъ за собой благотворные слѣды своего пребыванія: каждый шагъ императора Адриана на его долгомъ пути есть въ то же время шагъ его подданныхъ на пути прогресса. 3)

1) „Graeculus“ было уже его школьнымъ прозваніемъ. *Spartian.* 1. 5.

2) Ср. цитиров. выше *Aurel. Vict. Epit.* 14 и *Spartian.* 14. 8 sq.

3) Блестящую общую характеристику Адриана и его эпохи даетъ *Gregorovius. Der Kaiser Hadrian. Gemälde der römisch-hellenischen Welt zu seiner Zeit.* 2 издан. 1884 г. Вопросъ о путешествіяхъ Адриана и объ ихъ значеніи обработанъ въ выше (стр. 9. пр. 1) названномъ изслѣдованіи Дюрра.

Irenische Bestrebungen

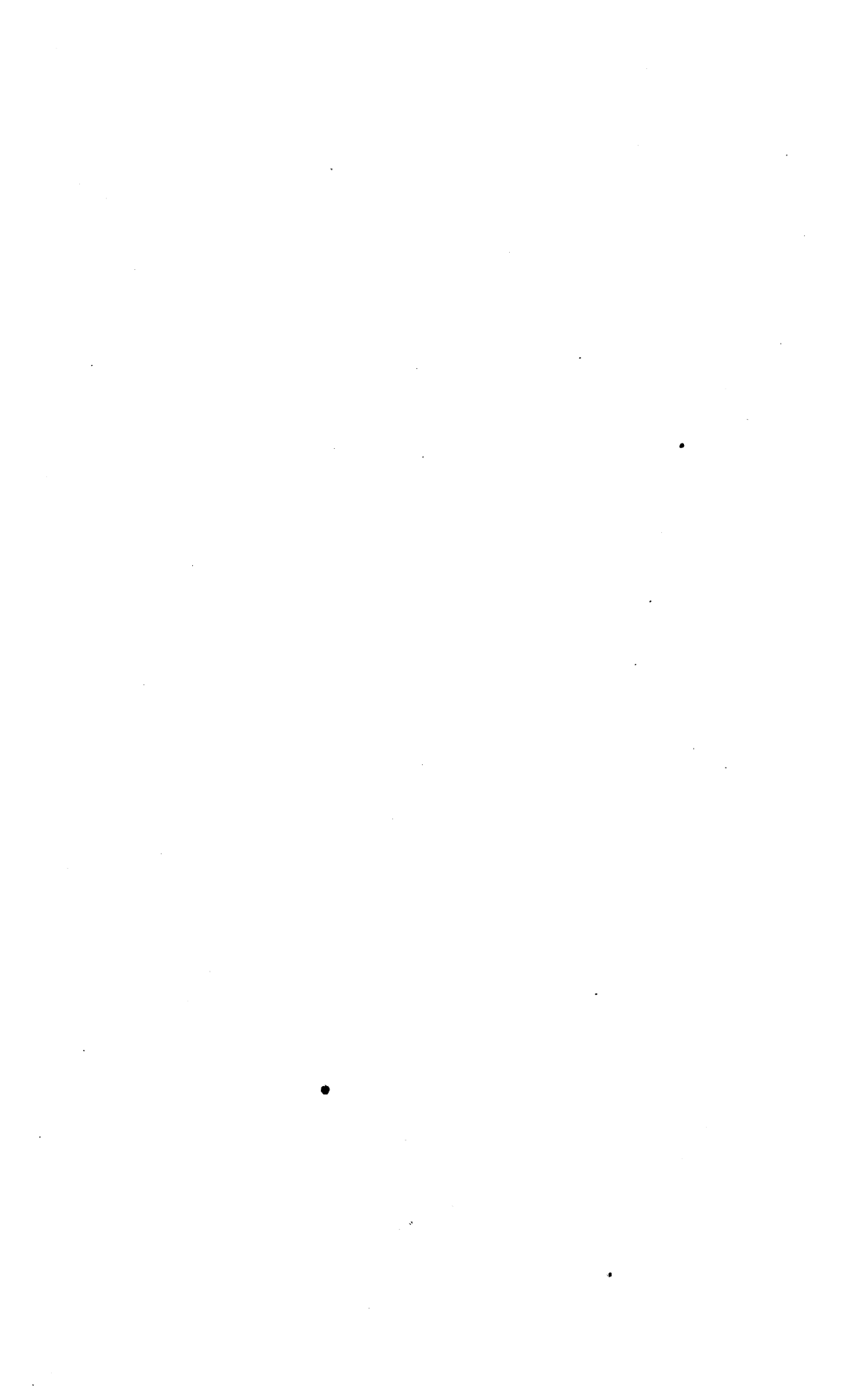
zur Zeit des dreissigjährigen Krieges.

Antrittsvorlesung

des

Dr. J. Kvac sala,

o. Prof. der hist. Theologie.

Das weite Gebiet der Vergangenheit der christlichen Kirche mit stets erneuertem Fleiss zu durchforschen und zu einer gründlichen historischen Kenntniss die künftigen Diener des Herrn zu führen, dies ist die hehre Aufgabe, in deren Erfüllung eintretend ich hiermit, der Tradition gemäss, einige Worte zu sagen habe. Indem ich in diesem für mich so feierlichen Momente, wo ich die Stelle von Männern wie Kurz und Bonwetsch, Engelhardt und Hausleiter einnehme, mit erhobenem Geiste das mir zugewiesene Gebiet betrachte, zieht eine bunte Menge von Ereignissen und Bildern, theilweise bald gänzlich verschwindend, theils von Neuem in anderer Form erscheinend, an dem prüfenden Blicke vorbei, stumm bezeugend: die Zeiten, die gehen und kommen, sie wechseln. — Doch der feste Faden, der all das verbindet, ohne dass sein Anfang sichtbar wäre, reisst mit der Gegenwart nicht ab, und wie der Anfang, so entzieht sich auch sein Ende auch den schärfsten Augen: in den wechselnden Zeiten steht die Kirche als ewig und unzerstörbar da.

Der Grund des Wechsels und der Veränderlichkeit vieler Erscheinungen auf diesem so heiligen Boden ist, dass die, welche ihn bevölkern, beleben, bebauen, Menschen sind mit endlicher Vernunft und endlichen Sinnen, und sich über die Art der Auffassung des Ewigen, Unvergängliche, bekämpfen.

Und wie die erhebensten Erscheinungen diejenigen sind, wo mit den edelsten Gütern des menschlichen Geistes, mit der folgerichtigen Einsicht und der unerschütterlichsten Treue, soweit sich diese in den Dienst der heiligen, göttlichen Norm stellen, der Kampf geführt und entschieden wird: so weckt die auf rohe äussere Gewalt gestützte Entscheidung über die heiligsten Rechte des menschlichen Gewissens — ein Bild, das leider nur zu häufig wiederkehrt — tiefe Trauer, in der nur der unerschütterliche Glaube, dass der göttliche Faden auch hierbei nicht zerrissen worden, Erleuchtung und Trost bietet. Doch giebt es keine Periode, die neben dem Schatten nicht auch Lichtseiten aufwies.

Indem ich nun kurz über eine Lichtseite in einer sehr trüben Zeit, über die uneigennütigen, selbstaufopfernden Bestrebungen geistig vornehmer Männer im Interesse des kirchlichen Friedens während des 30 jährigen Krieges berichten will, kann ich mich in die Einzelheiten der Versöhnungsmodalitäten, da die mir zustehende Zeit gemessen ist, nicht einlassen. Ich werde demnach nur einen Ueberblick derselben bieten, bekannte Sachen kurz berührend, neue Erforschungen näher angehend. Der geschichtlichen Continuität halber ist es aber nöthig einen wenn auch nur flüchtigen Blick auf die unmittelbaren Vorgänge zu werfen, da diese eine grössere Bedeutung, als man bisher annahm, haben, und vielfach zum Verständniss der zu beleuchtenden Bestrebungen dienen.

Die grossen Schäden, die der Christenheit die Risse im XVI. Jahrhundert verursachten, hatten viele ernsten Christen veranlasst über die Wege zur Versöhnung, etwa auch Wiedervereinigung nachzudenken, und die darin für richtig befundenen Mittel auch zu versuchen. Es lag nahe zunächst für die Einheit der beiden evangelischen Richtungen zu arbeiten; aber auch an Versuchen zur Wiedervereinigung der evangelischen Kirchen mit der katholischen hat es nicht gefehlt. In der letzteren Beziehung sind be-

sonders die wiederholten Schritte Ferdinands I. zu erwähnen; auf dessen Aufforderung verfasste Cassander einen recht versöhnlichen Entwurf, der sich zunächst an die Augustana hält, aber auch andere Streitfragen berücksichtigt. Cassander ist bereit, ohne seine Ausführungen für unfehlbar oder vollkommen zu halten, vieles, was nicht der Schrift entnommen ist, preiszugeben, doch sind seine Deductionen katholisch voreingenommen. Er selbst konnte seine Ideen nicht verfechten, krank lag er auch, als er daran arbeitete: doch, zum Erfolg hätte ihnen auch seine Gesundheit ebenso wenig verholfen, wie Ferdinands Wohlwollen; die Evangelischen fanden, dass er zu vieles in der Schrift begründet finde, und dachten nicht, auf seine Propositionen einzugehen. ¹⁾

Unter sich waren die Evangelischen auch nicht besser daran. Die versöhnlichere Richtung, die besonders in der in den Vordergrund gestellten Abendmahlsfrage nach einer Verständigung trachtete, wurde mit wachsender Energie bekämpft, bis mit der Formula Concordiae für Deutschland der Sieg der einer Versöhnung abholden Richtung besiegelt wurde, wodurch viele, die zwischen den beiden Auffassungen standen, von dem Anschlusse an die lutherische Kirche zurückgestossen, nunmehr reformiert wurden. Aber die Klärung der Lage trug zu deren Milderung wenig bei: die interconfessionellen Verhältnisse dieser Zeit bieten eines der traurigsten Bilder, das die Christenheit überhaupt aufzuweisen hat. Die Reformierten weisen den Lutheranern einen Platz unter den Heiden und Atheisten an; sie werden von den Lutherischen

1) Mir lag die Ausgabe von Hugo Grotius (Oper. theol. Tom. IV. Basil. 1732): „Georgii Cassandri De Articulis Religionis inter Catholicos et Protestantes controversis ad Invictissimos Imperatores Augustos, Ferdinandum I et Maximilianum II Ejus successorem, Consultatio. Paulus ad Roman cap. IV, 17. Itaque, quae Pacis sunt sectetur, et quae aedificationis sunt invicem“, vor. Dasselbst sind auch Briefe, die zwischen Cassander und Ferd. I., Max. II. gewechselt worden, abgedruckt, auch ein Epitaphium Cassanders ist dabei. — Lehrreich ist die lat. Preisarbeit A. C. Th. Friedrich's über Cass. Leben u. Theologie, Göttingen 1855, wo ein kleiner Anhang „Pauca in fine annotantur de irenico Cassandri studio“, auch einige seiner späteren Verehrer erwähnt.

Sacramentariet, Lügner, Häretiker u. a. genannt; beide waren darin, das der Papst der Antichrist sei, einig; Rom hingegen, das in den Jesuiten eine werthvolle Garde zum Kampfe erhielt, ergötzte sich an dem inneren Kampfe der Evangelischen, die es gleich verketzerte und zu vernichten trachtete, höchstens dass es sich den Lutherischen näher stellte, um diese gegen die Reformierten nur noch mehr aufzureizen. ¹⁾

Es ist dabei zu betonen, dass während im Allgemeinen ein unversöhnlicher Zug die Gemüther beherrschte, es auch an Stimmen nie fehlte, die die thatsächlichen Zustände im Allgemeinen als unchristlich tadelten, und besonders eine Annäherung der Evangelischen untereinander als ein Gebot der vernunftmässigen und sittlichen Nothwendigkeit hinstellten. Doch waren diese Stimmen meistens Stimmen in der Wüste. In den verschiedenen Ländern Deutschlands, kam es eigentlich zu keiner nennenswerthen Besprechung; die in Frankreich und in Ungarn blieben erfolglos. Es ist bei der sonst bekannten Uneinigkeit der slavischen Völker höchst bezeichnend, dass zwei solche Länder doch zu einer, wenn auch nicht ungestörten Vereinbarung gelangten. In Polen schloss man schon 1570 den berühmten Consens von Sendomir, gegen den sich Stimmen nur isolirt erhoben. In Böhmen übergaben die evangelischen Stände fünf Jahre später dem Kaiser eine gemeinsame, sog. böhmische Confession, die sich mit der Augsburgerischen Confession identisch erklärt. Zwar wollten die Brüder, ihrer Kirchendisciplin zu lieb trotzdem in den Lutheranern nicht aufgehen; und von Letzteren hiez zu gerade liebevoll ohn' Unterlass gedrängt, neigten sie immer mehr zum Calvinismus, was besonders in den öfteren Verhandlungen über die Abendmahlsfrage zur Geltung kam.

1) Dass ich durchaus nicht die heftigsten, eher die mässigeren Ausdrücke hervorgesucht, wird mir der mit jener Zeit Betraute gewiss zugeben.

Doch verstummten die Gegensätze nachdem der Majestätsbrief errungen und zu der gemeinsam bekannten, wenn auch theilweise abweichend erklärten einheitlichen Confession auch eine einheitliche Organisation hinzugefügt wurde. Dies geschah in der Vereinbarung 1609. Und hörten die Plänkeleien zwischen den Lutheranern und den Brüdern, besonders durch die nicht ganz präzise Fassung der Organisation verursacht auch nachher nicht auf, so war doch diese äussere Einheit ein gewaltiger Vortheil, den unbefangene Ireniker in Deutschland nicht hoch genug anzuschlagen wussten.

Solche, die Einheit des Protestantismus vertretende Männer gab es denn, gewiss auch aus äusseren Gründen, besonders unter den Reformirten, während die Lutheraner eine Annäherung fast ausnahmslos bekämpften. Aus dem XVI. und dem ersten Decennium des XVII. Jahrhunderts zählt Hugo Grotius über hundert meistens kleinere Schriften und Aufsätze irenischen Inhalts auf¹⁾; an Bedeutung übertrifft sie der genügend gewürdigte Heidelberger Theologe, David Pareus, der mit einem detaillierten Plan der vorzunehmenden Versöhnung in seinem Irenicum hervortrat und meinte, die evangelischen Theologen Deutschlands sollten sich bei der Betrachtung der versöhnlichen Annäherung der Evangelischen in Böhmen und in Polen schämen.²⁾ Eine ähnliche Annäherung in Deutschland würde der päpstlichen Herrschaft sicherlich bald Einhalt zurufen; doch die unbefangenen betrachtete Lage drohe, wenn sie nicht eine Aen-

1) Op. theol. T. IV. 634—636.

2) Ueber Pareus vgl. neben Hering's: Gesch. d. kirchl. Unionsversuche von der Reformation bis auf unsere Zeit. Leipzig 1836. 2 Bde., wo auch über Cassanders Vorschläge und auch einige andere die hier erwähnt werden, berichtet wird. Pareus meint, diese Versöhnlichkeit stamme aus der bedrängten Lage und citirt die Lutherschen Worte: „Theologus gloriae dicit malum bonum et bonum malum; Theologus crucis dicit id quod res est“ (Irenicum p. 86), doch ist diese Behauptung nicht unanfechtbar. Vgl. über ihn auch Herzog's Realencyclopädie.

derung erfährt, mit einer irreligiösen Conflagration in ganz Europa.

Sah der um dieser Schrift willen heftig angegriffene, und bald hernach verschiedene Pareus die Zukunft ziemlich correct voraus, so war die Verstocktheit der Gegner, besonders des einflussreichen Hofpredigers zu Dresden, Hoë von Hoënegg, fast unheilbar. Und es war verhängnißvoll für die Evangelischen, dass der Sturm in einer Weise ausbrach, dass sich Gelegenheit zur bedeutungsvollen Bethätigung des tiefen Grolles der Lutheraner gegen die Reformirten öffnete, in der eine bedeutende Rolle eben dem bereits genannten Hofprediger Dresdens, dessen persönlicher Charakter auch den stärksten Zweifeln ausgesetzt ist, zum Verderben der Evangelischen zugefallen war. Doch der Same, den Casander und Pareus ausgestreut, fiel auch auf einen fruchtbaren Boden, wie dies aus Folgendem erhellen soll.

I.

In demselben Jahre, in dem der Krieg ausbrach, hatte der Brüder-Pastor Bythner eine inhaltvolle Schrift über die Eintracht der Evangelischen veröffentlicht, aber sie ist uns unbekannt geblieben.¹⁾ Im folgenden Jahre erschien die Schrift von 6 mährischen Pastoren, die zu der Frage der Vereinigung der mährischen Brüder mit den mährischen Evangelischen Stellung nehmen sollte, und sich nur bedingungsweise für die Ausdehnung der in Böhmen bereits vor 10 Jahren eingeführten Vereinbarung zwischen den Lutheranern und den Brüdern auf die Markgrafschaft Mähren aussprach.²⁾ Doch die Schrift, die von den Aeltern der Kirche gar nicht gebilligt worden, schloss die Erörterung

1) Erwähnt wird diese Schrift: Gindely: Dekrety Jednoly Br. Č. Prag 1865. p. 310.

2) Diese Schrift ist abgedruckt in der Schrift des Martinus: XXXV dŭvodu etc. Pirna 1635.

dieser Frage zunächst ab: die traurige Wendung des Krieges drängte ähnliche Fragen in den Hintergrund. Aber nicht die gemeinsamen Leiden, die der Sieg der Liga den beiden Confessionen beigebracht, vermochten die Lutheraner den Reformierten gegenüber milder zu stimmen. Hoës blinden Hass gegen Letztere hat man mit Bestechungen von Seiten des Kaisers in Verbindung gebracht; doch, wenn diese vielleicht auch nicht wirkungslos waren so kommt sie gewiss erst in zweiter Linie in Betracht. Dass er ein eifriger Lutheraner war, steht ausser Zweifel, und dass er den Katholischen näher als den Reformirten zu stehen währte, ist auch kein isolierter Fall.¹⁾ — Erst das Restitutionsedikt brachte die Protestanten einander näher, aber es bedurfte einer Weile, bis eine conciliantere Auffassung platzgreifen konnte. Während des Krieges traten Prophezeiungen mit der Verkündigung auf, dass sich auch die Türken zum Christenthum bekehren werden; dies war der Anlass zu der Aeusserung eines Lutheraners, für die Türken sei es kein Gewinn, wenn sie Reformirte werden sollen.²⁾

Diese in der grossen Bedrängniss tröstenden Prophezeiungen hatten einen gemeinsamen chiliastischen Zug, und ob auch die bald eingetretene, fast ein halbes Jahrhundert umfassende Thätigkeit des Engländers Dury³⁾ nicht von solchen ihren Ausgang nahm, wäre schwer zu entscheiden. Aus späteren Schriften wissen wir, dass er ein entschiedener Anhänger der chiliastischen Lehre von einer baldigen Lösung des Weltproblems war. Die bekannten Daten über den Ursprung seiner Versöhnungsreisen berichtet er selbst. In Elbing, wo er Prediger der englischen Gesandtschaft war, wurde er von einem in Schwedendienst stehenden Rechts-

1) Vgl. über ihn den Artikel in Herzogs Realencyclopaedie.

2) Dieser war der böhmische Exulant Megander. Vgl. Lux e tenebr. I. V.

3) Ueber Dury (Dureus) vergleiche die Realenc. Herzog's, wo auch die Literatur über ihn angeführt. Neuerer Zeit schreiben die Engländer (auch in Amerika) recht viel über ihn, und drucken einzelne seiner Schriften vielfach ab.

gelehrten, Dr. Godemann, zum Nachdenken über die Frage der Irenik angeregt, und von dem englischen Residenten daselbst, P. Roe, ermuntert, gab er seine Stelle (1628) auf, um sich in England die zu einer grossen versöhnenden Reise nöthige moralische Unterstützung der englischen hohen kirchlichen Kreise zu erbitten. Nachdem ihm durch Empfehlung des obengenannten Residenten gelungen ist, sich die Empfehlungen zu verschaffen, ging er, mit Entwürfen, reich versehen, auf den Continent. Schon in Elbing hatte er 3 irenische Schriften verfasst:

I. *Theoria Pacis Ecclesiasticae.*

II. *De Pacis ecclesiasticae procurandae mediis Problema, ejusque demonstratio.*

III. *Exercitatio de viâ quaerendae Pacis Ecclesiasticae, accomodata ad Georgii Cassandri Consultationem ab ipso conscriptam.* Leider sind diese Schriften, von denen wir nur aus einem späteren Briefe¹⁾ Kenntniss haben, nicht vorhanden. Hochwichtig ist der Titel des letzteren, da aus ihm erhellt, dass die Cassandrische Arbeit auch auf Dureus Thätigkeit Einfluss übte. — Für diese Friedensthätigkeit nahm man noch einen ganzen Agitationsapparat in London in Sicht, und es war Dureus gewiss beruhigend, diese Aufgabe seinem jungen Freunde, Hartlib, überlassen zu können. Voll Begierde für das Wohl der Menschheit überhaupt, insbesondere der Christenheit, und über Allem der Evangelischen, widmete sich Letzterer ebenso eifrig den Interessen des Kirchenfriedens in London, wie Dury auf dem Continente.

Dury fand nun in Deutschland die Lage ganz anders als sie vor drei Jahren gewesen war. Allerdings war ihm dies nichts Neues. Wahrscheinlich war er von G. Adolfs Absichten schon bei seiner Abreise von Elbing unterrichtet,

1) Brief Hartlibs an einen Anonymen 1632 Oct. 10. Stadtbibl. Breslau. Ich verzichte auf eine nähere Angabe des M. S. Materials, da ich fast alle hier zum ersten Male benützten Acten wahrscheinlich noch im Laufe dieses Jahres mit Unterstützung der Kaiserl. Franz Jos. Akademie in Prag herausgeben werde.

die Verbindung mit Schweden unterhielt er auch von London aus; drei Briefe an Oxenstierna sind Anfangs 1631 datirt¹⁾: und ausser den Siegen G. Adolfs verhiess seiner Sache einen guten Erfolg auch die in demselben Jahre abgehaltene Besprechung lutherischer und reformirter Theologen in Leipzig, über die Dury von einem der Theilnehmer, Bergius unterwiesen wurde.²⁾ Die Veranlassung zu diesem übrigens genügend bekannten Colloquium war eine zufällige: die Fürsten von Brandenburg und von Hessen wollten eine gemeinsame politische Action gegen den Kaiser in's Leben rufen, und diesen Anlass benutzten die ihre Fürsten begleitenden reformirten Theologen um über die Bedingungen einer gegenseitigen Annäherung mit den sächsischen Collegen eine Besprechung anzuregen. Lutherischerseits ging man dabei mit einer fast übertrieben peinlichen Sorgfalt ans Werk, man behielt sich vor, dass die eventuellen Vereinbarungen nicht bindend seien, und sodann erfolgte diese Besprechung, sich an die Augustana haltend, wenn auch ohne positive directe Folgen, doch mit einer unverkennbaren Milderung der unnöthiger Weise so sehr aufgebauschten Gegensätze.

Dies wollte Dureus benützen, und in Deutschland erschienen, richtete er nun nach allen Seiten, an Einzelne und Gemeinden, Lutherische und Reformierte, inner- und ausserhalb des Reiches Briefe und ausführliche Schreiben, die die Aufmerksamkeit aller Evangelischen auf diese so wichtige Sache des Friedens lenken sollten. 103 Briefe dieses Inhalts bewahrt das Britische Museum; die Personen, an die sie gerichtet sind die vornehmsten Erscheinungen der evangelischen Welt dieser Zeit.³⁾ Man denke nur an das Ermüdende, denselben Gedanken so oft von Neuem und stets mit Rücksicht auf die besondere Lage der Einzelnen zu entfalten und zu

1) Die Briefe befinden sich im Reichsarchiv zu Stockholm.

2) Dies erhellt aus Landwehr's Abhandlung. Ztschr. f. Kg. '889 p. 466.

3) Sie machen einen besonderen MS. Band der Duryschen Correspondenz aus.

begründen, und man wird den Hauptmangel der Duryschen Schriften, eine gewisse Monotonie begreiflich finden.

Thatsächlich hat sich D. nur an Evangelische gewendet, aber, wie auch schon der Umstand, dass Cassanders Arbeit ihm zum Vorbild diente, zeigt, war ja principiell die Ausdehnung der Versöhnung auch auf die Katholische nicht ausgeschlossen. Er hatte sich auch mit einem Excerptieren aller Bücher und Schriften verwandten Inhalts beschäftigt, und der Titel des nach diesen Excerpten zu verfassenden Buches bestätigt diese Annahme ebenfalls.¹⁾

Die Ausdehnung des Wirkungskreises war jedenfalls grösser, als wir sie jetzt kennen. Laubanus, ein Prediger und Gelehrter in Brieg, der schon längst an dem Werke gearbeitet hatte, war zu der Friedensarbeit auch zugezogen; ein gewisser Buchwälder, über den ich nichts näheres finden kann, kam als wie von Laubanus betraut nach London, um zwei Friedenssöhnen Herzog Georg und Herzog Ludwig alle Details dieses Werkes mitzuthemen, und sie zur Einflussnahme bei ihrem Vater zu Gunsten dieser Angelegenheit zu bestimmen. Der Agent, wie er sich selbst nennt, in dieser Angelegenheit war der schon erwähnte S. Hartlib, dessen edle Persönlichkeit ich umsomehr auch für die Kirchengeschichte beschlagnehmen möchte, als er mit Leib und Seele der Kirche zu dienen für seinen Beruf erachtete.²⁾ Es mögen hievon seine eigenen Worte Rechenschaft ablegen:

„Sonsten habe ich schon zuvor angezeigt, aus was Ursachen wir unser Illustre Collegium . . aufschieben wollen. Unter anderen ist nicht die geringste gewesen eben dieser

1) Vgl. den Seite 26 angeführten Brief.

2) Masson sagt in seiner „The life of Milton III. 212.“ „Jedermann kennt Hartlib, den Freund Miltons“ u. s. w., und doch wird es stets klarer, wie ungenügend die Kenntnisse von ihm sind. Althaus hat eine Skizze über ihn in Raumer's Hist. Taschenbuch 1884 veröffentlicht; doch seit der Zeit ist es dem Verfasser gelungen zahlreiche Briefe von und an denselben (Breslau, Hamburg, London) aufzufinden, die wahrscheinlich in der erwähnten Publication miterscheinen werden.

Kirchenfrieden, indem meiner wenigkeit die ganze sachen als einem Agenten in diesen Ländern gleichsam allein befohlen worden. Ich schätze aber dieses werk so hoch, dass ich nechst meiner seeligkeit mir nichts höhres werde lassen befohlen seyn; jedoch was ich auch secundario in dem andern mit hülffe Göttlichen beystandes und segens werde verrichten und fortstellen können, werd' ich nichts an Unkosten und Mühe mir ermangeln lassen.¹⁾“

Zunächst wahrscheinlich unabhängig von diesen Anfängen hat auch der Senior der Brüder-Unität, J. A. Comenius (Komensky) sein Wort für den Kirchenfrieden eingelegt. Er, ein Schüler des bereits erwähnten Pareus, hatte schon in einer 1623 geschriebenen Schrift über die Zerfahrenheit des interconfessionellen Lebens geklagt, und als nun, infolge der Siege G. Adolfs, die Aussichten auf eine baldige Rückkehr Erwägungen über das Verhältniss zu den Lutherischen nahegelegt hatten, hatte er, als Notar der Unität die Pflicht, zu der Frage Stellung zu nehmen. In seinem „Haggaeus redivivus“ giebt er, als zur Schlichtung der Streitigkeiten führend, 4 Wege an: 1. die Liebe zur wahren Frömmigkeit; 2. Entfernung der menschlichen Namen aus denselben; 3. gegenseitiges Verständniss im Streite; 4. die einträchtige Regelung der Kirchenordnung und der Ceremonien. Ohne auf die ausführliche Begründung näher einzugehen, möchten wir die Aufmerksamkeit auf das letzte Capitel lenken.²⁾ In einer anderen Schrift hebt Comenius 3 Vorthelle einer Vereinigung mit den Evangelischen hervor: 1. das unter dem Antichrist stöhnende Volk käme

1) Dasselbst.

2) Ist es auffallend, dass die Brüder, bei der 1609 geschlossenen Vereinbarung nicht stehen bleibend, die Frage des Seins oder Nichtseins noch einmal aufwerfen, so dient die Frage der Kirchendisciplin als Erklärung hiezu. Man hat ja diese auch damals den Brüdern belassen; und wie sie sich den Worten der Augustana, oder des böhmischen Bekenntnisses leicht anschlossen, ebenso waren sie nicht geneigt die Kirchenordnung aufzugeben.

so leichter zur Wahrheit; 2. den Lutherischen würde dadurch der Weg zur Erlangung einer Kirchendisziplin erleichtert, und 3. es wäre dann diese, indem sie allgemein würde, leichter einzuhalten und zu überwachen.¹⁾

Diese Ausführungen büssten allerdings recht bald jeden practischen Werth ein, als nach dem Tode G. Ad., und des Exkönigs Friedrich von der Einführung einer Union zwischen den Verbannten keine Rede mehr sein konnte. Unbekümmert um die Schicksale des Krieges arbeitete Dureus weiter. Er hatte schon viele beistimmende Aeusserungen, so von Sachsen, Brandenburg, Kassel, Herborn, und nun richtete er, wahrscheinlich durch Letztere aufmerksam gemacht, ein Schreiben nach Siebenbürgen, wo drei berühmte deutsche Gelehrte an der Schule zu Weissenburg als Professoren thätig waren. Die Fragen, die er stellt, sind eigentlich allgemeiner, als man denken sollte, gefasst, weshalb sie auch miterwähnt werden mögen: 1. Wie könnte man die exotischen Kirchen mit den Deutschen in Verbindung bringen? 2. eine gemeinsame Vertheidigung und Ausbreitung der Evangelischen fördern? 3. eine allgemeine Connexion und Correspondenz unter den Evangelischen schaffen? 4. schliesslich wie wäre es möglich den allgemeinen Schäden (die neben anderem auch aus des Schismen der Evangelischen stammen) abzuhelfen? Mit grosser Freude gab die, zur Besprechung dieser Fragen einberufene Synode ihre Zustimmung zu den frommen Bemühungen des Dureus. Zweckmässig wäre es, — meinten sie — wenn der König von Dänemark und der König von England die angesehensten Männer der beiden Confessionen einberiefe, die dann die Bedingungen der Einheit besprächen; die Norm der Besprechung wäre die h. Schrift. Ein beigegebener ziemlich ausführlicher Entwurf soll doch nur als Skizze dienen; sollte die Versöhnung thatsächlich begonnen werden, wird auch

1) Es ist dies die Schrift: Einige Fragen über die Unität M. S. Mus. Boh. 55.

der Fürst mit seinem Beistand nicht fehlen. Diese Antwort, als deren Verfasser wohl Bisterfeld einer der erwähnten Professoren anzunehmen ist, sandte man in Begleitung eines Schreibens nach Frankfurt, wo sich zur Zeit Dury aufhielt.¹⁾

Etwas später verhandelten die Versöhnungsfrage die Brüderexulanten in Lissa, die sich zu ihr ebenfalls sehr freundlich stellten. Sie beschlossen Durys Wünschen gemäss, Gebete um Segen für das Friedenswerk zu veranstalten; Bythners oben bereits erwähnte Schrift übergab man dessen Sohne zur Durchsicht, bei der ihm Comenius helfen möge, dieselbe soll dann abprobiert im Namen aller poln. Evangelischen veröffentlicht werden. Die letzte Bitte Durys, dass die Patrone bei den einzelnen Herrschern Schritte die die Sache förderten, thun sollen, versprachen diese zu beherzigen.²⁾

Unterdessen war Dury bereits in Schweden. Auf eine ausführlichere Schilderung seiner unermüdlichen Arbeiten, über die besonders Henke recht treu berichtet, können wir nicht eingehen; es möge das Urtheil Pöhmers, eines Freundes von Hartlib und ihm genügen, derselbe schreibt, D. hätte tauben Ohren gepredigt und deshalb überdrüssig sei er einfach zurückgekehrt.³⁾ Früher schon war er in Frankfurt (1634) in persönliche Bekanntschaft mit dem gleichgesinnten Juristen, damals schwedischen Gesandten in Paris, Hugo Grotius getreten. — In London versah er sich mit neuen Vollmachten und im Juli 1636 war er bereits in Schweden, um, von dem mächtigen Kanzler Oxenstierna unterstützt, hier seine Bemühungen fortzusetzen. Aber hier hatte er nicht mehr Erfolg, als in Deutschland, aufzuweisen. Nicht die ermunternden und empfehlenden Schreiben des Hugo Grotius, nicht die Gunst Oxenstiernas vermochte die ablehnende Haltung des

1) Die Acten hierüber sind veröffentlicht worden von Dury im „*Prodromus conatum irenicorum*“ p. 37 ff., doch vgl. auch Henkes Artikel in Herzogs R. E.

2) Gindely: *Dekrety etc.* p. 310, 311.

3) Zeltner: *Historia Cryptosocinismi* Altorfini. II p. 693.

schwedischen Klerus zu ändern.¹⁾ So fühlte er sich bewogen zurückzukehren, und eine Zeit lang verweilte er noch in den nördlichen Theilen Deutschlands, kam sogar nach Dänemark hinüber; erfreute sich einer besonders günstigen Theilnahme an den Höfen von Braunschweig und Hildesheim, um dann durch Holland nach England zu gehen.

Schon der Umstand, dass er an seinen Wanderungen von 1636 her (oder gar schon von 1634) einen böhmischen Studenten als Genossen hatte, es war dies Petrus Figulus, eigentlich Jablonsky, Grossvater des später berühmten J. D. Jablonsky, eines der Mitbegründer der Akademie zu Berlin, schon dieser Umstand, deutet darauf hin, dass Comenius, der mit London ohnehin intime Beziehungen hatte, an diesen Bestrebungen lebhaften Antheil nahm.²⁾ Allerdings hatten die Brüder, wie sie in Lissa selbst, wo die Herrschaft auch der Unität angehörte, den Lutheranern gegenüber im höchsten Grade Entgegenkommen und Toleranz erwiesen, ihre Eigenart ebenfalls gar nicht aufgeben wollen, namentlich behaupteten sie die Kirchenordnung sogar den Reformirten gegenüber, und hatten auch mit den exulierenden Lutherischen heisse Kämpfe auszufechten. Doch auch bei diesen Kämpfen unterliess es Com. nicht sich für Kirchenfrieden auszusprechen, und in einer böhmisch geschriebenen Schrift, die auf das Colloquium zu Leipzig und die Thätigkeit Durys Rücksicht nimmt, empfiehlt er gegenüber den bisher üblichen Wegen des Friedens, als welche Gewalt, Disputieren und Sektieren zu nehmen seien, die Liebe, die Schlichtheit des Glaubens und die Verträglichkeit.³⁾ In seiner Pansophie versprach er auch eine universelle Behandlung der religiösen

1) Henke berichtet über diese Verhandlungen recht ausführlich. Doch ist das gesammte MS Material des Reichsarchiv's zu Stockholm nicht ausgenützt worden.

2) Dies hat D. Sander nach dem gleichzeitigen Stammbuch des Figulus herausgefunden und in einem interessanten Artikel verwerthet. (M. Allg. Zeitg. Beilage 1892, Nr. 291, 292.)

3) Dies ist die Schrift Cesta Pokoje (Der Weg des Friedens) 1638.

Wahrheiten, was auch ein Mittel zur Förderung der Einheit der Religion werden sollte. Doch bezweifelte der Franzose M. Mersenne, ein Freund des Des Cartes, mit Recht, ob jenes Vorhaben ausführbar sei, auch aus dem sehr ausführlichen Briefwechsel zwischen Comenius und Hübner ¹⁾ ist es schwer in dieser Frage eine Orientierung zu gewinnen. ²⁾

Auch in Siebenbürgen begleitete man Dury's Bemühungen mit grossem Interesse. Bisterfeld, als Bote des Fürsten von Siebenbürgen nach Paris gesandt, schrieb mit Bewunderung von den heroischen Versuchen Dureus; und dieser schrieb über Bisterfeld mit warmer Anerkennung an Oxenstierna. In Schweden selbst hinterliess Dureus an J. Matthiae einen Gesinnungsgenossen, den er selbst als furchtlos und unerschütterlich bezeichnete ³⁾. Doch überall blieb es bei Verhandlungen oder rein theoretischen Beschlüssen; theils weil an der Initiative der höheren Kreise, die wohl an der Geneigtheit der Theologen zu sehr zweifeln mochten, und die Erfahrungen der Reformationszeit vor den Augen hielten, fehlte, theils auch infolge der rein principiellen Fragestellung, an die Dury in seinen Schriften und Briefen, von keiner Seite bevollmächtigt, nothwendigerweise angewiesen war; und die Evangelischen blieben auch ferner auseinander.

II.

Von höherem Standpunkt hatte H. Grotius, der auch von ähnlichen französischen Bemühungen Richelieu's Kenntniss hatte, in seinem Werke „Ueber die Wahrheit des christlichen Glaubens“ das Christenthum als eine Einheit gegenüber den anderen Religionen vertheidigt, und seine Gesinnung, die wir aus einigen Briefen, die er an Dureus schrieb,

1) In diesem werden die Einzelheiten der Pansophie erörtert.

2) MS des Brit. Museums.

3) In einem Briefe, Reichsarchiv Stockholm.

kennen, führte ihn zur Abfassung einiger, besonders gegen Rivet gerichteten irenischen Werke, in denen er sich, sowohl der Form, als auch dem Inhalte nach, wesentlich an Cassander hielt. Er hat die ganze Christenheit vor den Augen, besonders aber den Katholicismus und den Protestantismus.¹⁾ Ein verwandtes Streben erfüllte den bedeutenden Helmstädter Theologen Calixt, dem Henke eine ausführliche Monographie gewidmet.²⁾ Zur gleichen Zeit schrieb Comenius, der vom englischen Parlament berufen in London weilte, einen gross angelegten Plan einer Weltreform. Von dem Glauben an ein nahes Ende der Welt und an die baldige Ankunft Christi beseelt verkündet er eine baldige Bekehrung der Völker, die noch nicht Christen sind, und die Verwirklichung des Bildes von einem Hirten und einer Heerde. Seine Ausführungen klingen ganz dithyrambisch.³⁾ Und es scheint, dass seinen Chiliasmus nicht nur die englischen Freunde, die dies auch anderswie bewiesen, sondern auch Oxenstierna theilte; in dem Gespräche, das sie über die künftige Thätigkeit des Comenius führten, stellte er sich auf den Standpunct, dass der Welt Ende nahe sei⁴⁾. Als nun Com. unter Schwedens Schutz in Elbing mit einem gewissen Barth. Nigrinus über die Vereinigung der Religionen öfters sprach, fühlte er sich durch eine directe Aufforderung bewogen, eine Skizze über die Vereinigung der christlichen Kirchen zu entwerfen. Mit der Unbefangenheit eines Historikers, dem man auch nicht Gleichgiltigkeit für seine Kirche, um die er alles geopfert, vorwerfen konnte, spricht er sich da über die Vortheile einer solchen Verständigung sowol für die Katholischen als auch die

1) Dieselben sind alle abgedruckt in dem bereits erw. Oper. theol. IV.

2) G. C. und seine Zeit Halle 1856. Dasselbst über sein Verhältniss zu Hugo Grotius, Dureus (vgl. d. Index); auch über andere hier nicht erwähnte Jreniker bes. N. Hunnius vgl. dessen I. p. 362.

3) Dies ist das überaus seltene und sehr wenig bekannte Werk: „Via lucis etc.“ herausg. erst 1668.

4) Vgl. die Vorrede zum Tom. II, Opera Didactica.

Evangelischen aus, eine Verständigung, die er nicht für sehr aussichtsvoll, aber doch für möglich hält.¹⁾ — Da nun Nigrin vom König von Polen unterstützt wurde, so schlug Com. vor, der König sollte, wie er's auch vorhatte, eine Versöhnung anbahnen, umsomehr, als sein Land von dem schrecklichen Religionskriege der Nachbarländer verschont geblieben war. Thatsächlich hatte der König, auch von Hugo Grotius und von Cassanders Schriften beeinflusst, eine solche Versöhnung in's Auge gefasst. Als Vorspiel dazu hat Com. eine Auseinandersetzung mit dem Mönch Valerianus Magni über das formale Princip des Protestantismus erscheinen lassen, welche die mit voller Entschiedenheit vertheidigte evangelische Lehre auch den Katholischen empfiehlt; falls sie aber dieselbe nicht mögen, bittet er, die Evangelischen in Ruhe zu lassen. Com. selbst nennt auch dies polemische Werk ein irenisches.²⁾

Die Zusammenkunft, von der sich Com. so viel versprach, wurde nun bald einberufen. Doch machten sich die Lutherischen in Danzig und Königsberg, die übrigens selbst gar nicht friedlich gesinnt waren, keine übermässige Illusionen. Calov schrieb an Oxenstierna, die Glaubensstreitigkeiten wären kein leeres Gezänke, sondern überaus nöthige Kriege des Herrn gegen verkappte Feinde der Kirche.³⁾ Er selbst greift Bergius an, der für eine Besprechung eine Lanze brach. Doch die Schilderung des Gesprächs, das zu Thorn (1645) stattfand, wie auch den Kampf zwischen Calixt und Calov übergehe ich.⁴⁾ Calixt's versöhnliche Auffassung des Christenthums war ebenso ver-

1) Hypomnemata quaedam de pace ecclesiae 1643.

2) De regula fidei judicium duplex 1644, 1645. Beide in Amsterdam und Danzig erschienen.

3) Der Brief befindet sich im Reichsarchiv Stockholm.

4) Die Acten des Convents erschienen ein Jahr später im Auftrage des Königs. Der Convent selbst ist vielfach geschildert worden, doch eine eingehende Monographie fehlt noch. Viel MS Material befriedet sich in Herrnhut, Lissa, Posen.

fehlt, wie sie von ihm treu und fromm verfochten worden war. Dass das Gespräch zu Thorn ohne Erfolg blieb ist bekannt. Doch als man bald darnach von einem nochmaligen einzuberufenden Convent sprach, schrieb Com. noch eine Schrift, des Inhaltes, dass die Christenheit zu versöhnen sei, wenn nur ihr Versöhner Christus ist. Die Schrift ist nicht aufgefunden worden.¹⁾

Unterdessen wurde der friedliebende Matthiae Bischof zu Strengnäs; Hartlib gab in London eine Schrift über die Nothwendigkeit einer näheren Verbindung unter den Protestanten heraus²⁾ und nach dem unterdessen verschiedenen Hugo Grotius entstand auch in Holland ein neuer Verkündiger der Toleranz und des Friedens, Godefr. Hotton, dessen lateinische Schrift, nachdem sie von der Synode als der reformirten Lehre conform und der Kirche nützlich approbiert wurde, Poirier in's Französische übersetzte und der Königin Christine widmete.³⁾ Hotton bezeichnet die sonst recht ausführliche Arbeit nur als einen Entwurf zu einem grösseren Werke, das folgen sollte. — Zunächst entwirft er das Bild der allgemeinen, ideellen Kirche; dann giebt er einen Ueberblick der sichtbaren Kirchen in Europa und auch ausserhalb derselben; im dritten Theil gelangt er zu den protestantischen Kirchen, deren gegenseitige Toleranz er zunächst mit der Motivirung begründet, es sei das, worin die beiden Confessionen übereinstimmen, zum Heil genügend, alsdann stellt er nach genauerer Analyse der strittigen Punkte, jene Toleranz als eine Pflicht der beiden hin.

Doch die Mächtigen waren zu der Zeit mit anderen Fragen beschäftigt. Schon 2 Jahre dauerten die Friedensverhandlungen, um mit dem darauffolgenden Jahre endlich

1) Christianismus reconciliabilis etc. nur aus Comenius anderen Schriften bekannt. Vgl. Epist. ad Montanum p. 95.

2) London 1642.

3) Mir ist nur die französische Uebersetzung (einziges mir bekanntes Exemplar besitzt die Stadtbibl. Riga) vorgelegen.

zum Abschluss zu gelangen. Die interconfessionellen Verhältnisse blieben unverändert, und so werden wir uns nicht wundern, dass sowohl Dureus nach einigen Jahren wieder den Continent mit irenischen Vorsätzen betrat, um ihn nicht mehr zu verlassen; als auch dass Comenius bis zum Ende seines Lebens nicht aufhörte in derselben Richtung thätig zu sein. Doch Bisterfeld, an den sich Dureus wendete, starb unterdessen, und in der Schweiz wie anderswo, hatte er nicht mehr Erfolge als früher aufzuweisen. Com. wurde infolge weiterer Versuche theils durch Socinianer in langwierige, fruchtlose Kämpfe eingezogen, theils geradezu für naiv erklärt.

Und doch opferten alle diese Männer sich selbst ihren Ideen. Dury blieb dem Vaterlande ferne und schlug die Annahme von Geschenken von hohen Personen aus.¹⁾ Comenius ordnete seine Person völlig dem Willen seiner Kirche unter, in deren Dienst er Unsterbliches geleistet, ohne sie vom Sterben retten zu können. Hartlib, ein Mann von reichen Einkünften, kam infolge seiner Wohlthätigkeit und Unterstützung alles Edlen oft in Geldnoth, bis er sich zuletzt im Alter um Hilfe an's Parlament wenden musste.²⁾ Hugo Grotius' ergreifende Geschichte brauche ich wohl nicht zu wiederholen. Bisterfeld opferte die sich ihm darbietenden Gelegenheiten, in die Heimat zurückzukehren mit dem Hinweis auf das Providentielle in seiner Stellung, in der er doch infolge der vielen Arbeiten, nach Com.'s Worten, kaum zum Schlafe kam.³⁾ Matthiae besiegelte seine versöhnliche Thätigkeit mit Verlust des bischöflichen Amtes. Hotton, selbst literarisch wenig fruchtbar, war ein unermüdlicher Vermittler zwischen Bedrängten und einem reichen wohlthätigen Patricierhause.

1) Diese interessante Thatsache erhellt aus einem Briefe des schwedischen Bibliothekars Ravius an Hartlib, MS des British Museum.

2) Vgl. seine Bittschrift ans Parlament, MS Brit. Mus.

3) *Historia revelationum etc.* 1659 p. 175.

Durch alle Länder hallte der Ruf: durch England, Holland, Deutschland, Schweden, Schweiz, Polen, Ungarn; die Männer selbst gehörten den verschiedensten Nationen an, in deren Kreise der Ruf vielfach wiederhallte — um zu verhallen, oft auch in Nachklängen eines frisch geweckten Streites, die fast als bitterer Hohn die Bemühungen verurtheilten. Doch die Gesinnung, aus der diese entsprossen, die wahrhaft christliche Gesinnung, sie erheischt eine unbedingte Würdigung; und sich in einer Zeit der grössten Risse und Kriege bewährend erklingt sie, neu besprochen, zugleich auch als eine Mahnung, als Summe jeder Irenik der Zukunft.¹⁾ Mehr Illusion wird nach der Lehre der Vergangenheit kaum jemand hegen. — Doch angesichts der sich immer mehr vollziehenden Scheidung einer christlichen und einer antichristlichen Weltanschauung²⁾ verdient auch der Grundgedanke dieser Männer, dass das Christenthum und besonders der Protestantismus, auch bei verschiedener Glaubens- und Lebensauffassung, doch eine Einheit sei, als ein echt christlich - evangelischer, hervorgehoben und anerkannt zu werden.

1) Dass die Irenik der angeführten Männer nicht immer die sogen. Union zum Ziele hat, erhellt schon aus dem kurzen Umriss, den ich hier von einer Schrift Dury's und Hottons Arbeit gab. Aber auch seitdem hat die Geschichte bestätigt, dass Union und Kirchenfriede nicht identisch sind; und so ist denn z. B. auf der vor 2 Jahren in Ungarn abgehaltenen Synode der Evang. A. C. der Generalinspector mit seinen Anträgen, die eine Richtung zur Union nahmen, fast völlig isoliert geblieben.

2) Vgl. die lebhaft Beschreibung der „Situation“ im letzten § der Kirchengeschichte im Grundriss“ von R. Sohm VIII. Auf. Leipzig 1893. p. 209 ff.

Zur genaueren Abgrenzung
der Aufgabe
des Systems der Dogmatik mit besonderer Berücksichtigung der „Prolegomena“ und der Ethik.

Von

Prof. Mag. **J. Kersten.**

Die Dogmatik hat als die Wissenschaft, welche auf Grund der Wiedergeburt des gotterleuchteten Subjektes „Geistliches geistlich richten“ und erkennen will, sich vor Allem mit dem Verhältniss des natürlichen Erkennens zum geistlichen auseinander zu setzen. Es wird hier hervorzuheben sein, wie alle Erkenntniss, auch die natürliche, durchaus subjektiv bedingt ist, wodurch aber keineswegs ihre objektive Wahrheit aufgehoben wird. Alles, was mich umgiebt, nicht nur die sichtbare Aussenwelt, sondern auch die Gesetze und Ordnungen, welche sie beherrschen, die Ursachen, welche sie treiben, wird mir gegenwärtig und real, sofern ich alles dieses mit meinem Subjekt innerlich erfasse und mir aneigne, assimiliere. Hierbei zeigt sich schon in der natürlichen Erkenntniss der Unterschied, dass etwas Sichtbares real zu sein scheint, während die tiefere Forschung diese angebliche Realität in Schein auflöst und die Ursachen, die treibenden Principien, welche diese Scheinrealität hervorrufen, nachweist, die nun ihrerseits durch tiefere Ergründung als das real Seiende nachgewiesen werden. Bei alledem bleibt die Realität der Erfahrung abhängig vom erkennenden Subjekt.

Bei dem geistlichen Erkennen ist nun die genannte Subjektivität noch in weit höherem Grade vorhanden. Das neuerdings so oft genannte „Werthurtheil“ will offenbar hervorheben, dass diese Subjektivität

vität des religiösen Erkennens entsprechend zur Geltung und Anerkennung gelange. Das Verkehrte dabei ist nur dies, dass man über der Betonung der Subjektivität oft gänzlich davon abstrahirt, ob diesem Werthurtheil die Realität eines wirklich vorhandenen Objektes entspreche, über welches ich dieses Urtheil fälle. Ist dieses Objekt nicht wirklich vorhanden, wie es wenigstens nach einigen Vertretern dieser Theorie angenommen zu werden scheint, so fällt das Werthurtheil in sich zusammen und wird zur vagen subjektiven Vorstellung oder Behauptung, die in keiner Weise wirklich begründet werden kann, darum auch Stützen der Begründung in philosophischen Theorien oder in bestimmten religiösen Reminiscenzen irgend einer Confession suchen muss. Dem gegenüber ist mit Entschiedenheit zu betonen, dass meiner subjektiven Erkenntniss eine objektive Realität entsprechen, mir dem erkennenden und empfindenden Subjekt ein entsprechendes Objekt real gegenüber stehen muss, wenn nicht meine Erkenntniss sich in Trug und Schein auflösen soll.

Erst so kommt aber auch das Berechtigte der im Subjekt sich vollziehenden und realisirenden geistlichen Erfahrung zur Geltung. In diesem Sinne genommen meint das Werthurtheil das Richtige, ohne dabei freilich irgend etwas zu sagen, was nicht schon früher in der kirchlichen Glaubenslehre wäre ausgesprochen worden. Das natürliche Erkennen mag noch so sehr interessirt sein, mag noch so sehr den ganzen Menschen in Anspruch nehmen und momentan die übrigen vielleicht materiellen Interessen und die leiblichen Bedürfnisse vergessen und hintansetzen lassen, bei dem geistlichen Erkennen ist dies doch in noch höherem Masse der Fall. Die Urtheile, die ich nach Erlangung dieses Erkennens ausspreche, sind im eminenten Sinne Werthurtheile d. h. sie entscheiden den Werth meiner ganzen Existenz in

Zeit und Ewigkeit, sie betreffen das Heil, die Heilsgewissheit, das ewige Leben und die endliche höchste Erlangung desselben in dem Genusse der göttlichen Herrlichkeit. Ist dieses tiefe innere Interesse nicht vorhanden, so ist die Erkenntniss in ihren Urtheilen schon nicht mehr geistlich, sondern natürlich. Im Vergleich mit dieser wahren Interessirtheit der Totalität des Menschen ist alle natürliche Erkenntniss verhältnissmässig kühl und uninteressirt, die Resultate der Forschung ruhig abwartend und von ihnen das Facit ziehend.

Noch deutlicher wird uns dieses, wenn wir auf den tieferen Ausgangspunkt zurückgehen, aus dem beide hervorquellen. Das natürliche Erkennen hat seinen Ursprung in dem natürlichen Ich, das geistliche in dem durch die Wiedergeburt gezeugten geistlichen Ich. Ersteres beurtheilt Alles, auch das Geistliche, so weit ihm dasselbe durch natürliche Ursachen vermittelt ist, also von der natürlichen Erfahrung aus. Es ist ein besonderes Verdienst der v. Frank'schen Systematik, dass dieser Theologe in seinem System der Gewissheit die Vermittelung des Geistlichen durch das Natürliche (nach seinem Ausdruck in den sogenannten „transeunten“ Glaubensobjekten) so klar hervorhebt. Da ist nun die Möglichkeit vorhanden, dass die natürliche Erkenntniss auch von dem Geistlichen nichts sieht, als eben die Schale seiner natürlichen „transeunten“ Vermittelung.

Der geistlich Erkennende dagegen setzt Alles in Beziehung auf das göttliche Objekt, von welchem aus ihm nicht nur über alles Geistliche, sondern auch über alles Natürliche das rechte und volle Licht zu Theil wird. Darum wird nun die natürliche Erfahrung und Erkenntniss, wenn sie auch an und für sich wahr ist, doch darum falsch, weil ihr diese letzte und alles Erkennen beherrschende Beziehung auf das einzige, wahre Objekt fehlt. Dazu kommt, dass in dieser wahrhaft

geistlichen Erfahrung das Sittliche zugleich miteingeschlossen ist. Das gilt ja schon bis auf einen gewissen Grad für die natürliche Erfahrung. Der mit dem Sittengesetz leichtfertig umgehende Beobachter wird uns nicht den Eindruck wissenschaftlicher Akribie und Treue machen. Dazu kommt, dass wahres Wissen auch im natürlichen Erkennen uns nur zu Theil wird in demüthiger Selbstentäußerung, in dem wir uns des Individuellen und Subjektiven unseres Erkennens bewusst werden und darum, gerade die Begabtesten am meisten, das von Andern, von der generellen Erfahrung der übrigen Menschheit Geleistete dankbar anerkennen und zur Vervollständigung unserer Erkenntniss benutzen. Dies ist unmöglich ohne Gehorsam gegen das Sittengesetz, welches uns Demuth, Treue, Entsagung, neidlose Anerkennung des früher vielleicht besser Geleisteten befiehlt. Der sich hiergegen Verfehlende wird trotz aller Begabung so leicht zum unzuverlässigen und untreuen Beobachter. Dennoch ist hier zwischen der natürlichen und geistlichen Erfahrung noch ein bedeutender Unterschied. Um die Stimme der geistlichen Wahrheit zu hören, muss man aus der Wahrheit, aus Gott sein, den ernstesten Vorsatz haben, die geistlichen Kräfte, welche in der Wiedergeburt zugeführt worden sind, nun auch in uns kämpfend, ringend auszugestalten, fortwährend auf das zu hören, was uns unser Herz in Bezug auf das wahrhaft Göttliche, Geistliche und Sittliche sagt. Im Vergleich damit ist alle natürliche Erkenntniss verhältnissmässig sittlich indifferent, und kommt darum oft, wie ein Rechner mit falschem Ansatz zu falschen Resultaten, wenn sie auch sonst noch so richtig rechnet.

Diese allgemeinen zur Orientirung gegebenen Bemerkungen mögen genügen, um den Unterschied angeben zu können, welcher zwischen natürlichem und geistlichen Erkennen, sagen wir es kurz, um zusammen-

fassende Begriffe zu geben, zwischen Theologie und Philosophie vorhanden ist.

Die Philosophie muss vom Subjekt ausgehend, das Weltganz e umfassend in seiner Totalität zu begreifen und im Einzelnen zu bestimmen suchen, die Theologie hat die Aufgabe, von einer geistlichen Erfahrung aus, die schon nicht ohne Wirkung des absoluten Objektes gedacht werden kann, also subjektiv und objektiv zugleich den Wirkungen dieses absoluten Objektes in dem Heilsgebiet, in der Heilsgeschichte, in dem Heilssubjekt u. s. w. nachzuweisen. Darum streift sie gewissermassen nur das natürliche Gebiet, berührt es nur in so weit, als dasselbe in das Heilsgebiet eingreift. Man könnte hier freilich fragen: hat denn nicht die Philosophie ebenfalls das Recht und die Pflicht, ihrerseits das Gebiet nicht nur der natürlichen Erfahrung, sondern ebenfalls gerade das der geistlichen Erkenntniss zu prüfen, zu bestimmen, und zwar nicht blos in ihren natürlich vermittelten (sog. transeunten) Momenten wie etwa in der Geschichte der Kirche, des Kirchenrechtes und anderer Gebiete, sondern auch an und für sich ohne die genannten vermittelnden Faktoren. Wir treten hier an eine schwierige Frage heran, über welche die Akten noch keineswegs geschlossen sind, die wir aber hier nur im Vorübergehen berühren können. An und für sich ist es ja nicht undenkbar, dass ein christlich geistlicher Philosoph auftrete, welcher selbst entschiedener Christ und entsprechend systematisch und philosophisch begabt, nun von der geistlichen „christocentrischen“ Erfahrung aus das ganze Gebiet des Natürlichen genauer zu bestimmen sucht in der Beziehung auf das absolute Objekt. Doch ist dies bisher in ausreichender Weise noch nicht geschehen und haben derartige Versuche, wenn auch oft mit Genialität entworfen (ich erinnere nur an Schelling in seiner letzten Periode) das Miss-

trauen sowohl der Fachphilosophen als auch der Fachtheologen hervorgerufen, zum grossen Theil mit Recht, da es sich hier leicht um Mischbildungen von mehr oder weniger christlicher Religionsphilosophie wenn nicht gar um selbsterfundene „mythologische und theosophische Gebilde“ handelt, denen jegliche Begründung fehlt und die nur beweisen, wie die grösste Begabung ohne feste Basis in Phantasterei ausartet. Werden aber derartige Versuche in systematisch methodischer Weise fortgesetzt, werden sie nüchterner und vollkommener, so wird auch die Theologie Gelegenheit haben, über sie ein Urtheil zu fällen, resp. das eben gegebene Urtheil zu modificiren, wenn nicht zu korrigiren.

Für unsre vorliegende Aufgabe genügt es, wenn wir die bisherigen Leistungen der Philosophie durchgehen und das Urtheil fällen: Auch den vollkommensten Versuchen fehlt das, was wir den geistlich „christocentrischen“ Mittelpunkt nannten, der Gesichtspunkt, wenn man will Brennpunkt, auf den Alles ankommt. Und darum haben wir im Blick auf die bisherigen Leistungen ein Recht, das natürliche Erkennen von dem geistlichen klar zu unterscheiden.

Damit sind nun auch die richtigen Gesichtspunkte gewonnen, um in kurzem orientirenden Ueberblick einige neuere theologische Versuche über das Verhältniss des natürlichen Erkennens zu dem geistlichen und die Einordnung desselben in das Gebiet der Dogmatik zu besprechen.

Es ist schon öfter, aber mit ganz besonderer Energie neuerdings von v. Frank darauf hingewiesen worden, wie unsystematisch und verkehrt es sei, etwa die Autorität der Schrift, das Wunder und Anderes mit dem Geisteszeugniss zusammen als Zeugen für die Wahrheit des Christentums anzuführen. Denn es ist ja ganz klar, dass bei dieser sogenannten Beweisführung Natürliches und

Geistliches gänzlich durcheinander gemischt wird. Es muss bei genauerem Nachdenken zugegeben werden, dass die v. Frank'sche Forderung einer tieferen Motivierung, wie dem gläubigen Subjekt Schrift, Wunder, Geisteszeugniss u. s. w. als das bewusst werden, was sie der Kirche sein sollen und thatsächlich sind, bei dieser, sagen wir offen, mechanischen und unsystematischen älteren Art der Behandlung durchaus nicht erfüllt wird und zwar darum, weil letztere auf einem verworrenen Ausgangspunkte ruht.

Nicht besser verhält es sich aber mit den oft wiederholten Versuchen, als Einleitung zur christlichen Glaubenslehre über Religion im Allgemeinen und christlicher Religion im Besonderen zu reden, oder (wie K a f t a n) nach zusammenfassender Vergleichung der bisherigen heidnischen und christlichen Religionsformen nun als eine Art Facit das Wesen der Religion anticipirend vor der eigentlichen Darstellung des Systems zu bieten. Aehnlich Fr. N i t z s c h¹⁾. Es ist ganz deutlich, dass auch in diesen Versuchen Natürliches und Geistliches durcheinander gemischt wird, was nur zur Verwirrung führen kann und jedenfalls, wenn man einmal die geistliche Erkenntniss von der natürlichen unterscheidet, inkonsequent und unsystematisch ist.

Dasselbe gilt auch für so kirchliche Dogmatiker wie P h i l i p p i und K a h n i s, die in einer ausführlichen Einleitung von Wesen, Wahrheit und Nothwendigkeit der Religion sprechen und sie als die wiederhergestellte Gemeinschaft zwischen Gott und dem Menschen definiren. Wer sieht hier nicht, ausser der etwa gänzlich unsystematisch Veranlagte, dass hier in der Einleitung etwas aus dem System der Glaubenslehre anticipirt wird, was erst später im System selbst besprochen

1) Lehrbuch der evangelischen Dogmatik 1892.

werden darf. Ist es da nicht viel natürlicher und dem System entsprechender, in der Lehre vom Menschen, die natürlich in das System selbst fällt, auch zugleich Religion zu besprechen und nachzuweisen, wie viel von Freiheit (vielleicht doch mehr als eine „scintilla“) das Göttliche zu erkennen, im Menschen noch geblieben, wie viel also in den vorhandenen Religionen noch Religion, das heisst wirkliche Gemeinschaft Gottes mit dem Menschen übrig geblieben ist. Wie würde man sich wundern, wenn man statt der Besprechung über Religion die Lehre vom Menschen in die Einleitung (die sog. „Prolegomena“) zöge. Und doch ist die bisherige Art der Auseinandersetzung in ihrer Abruptheit keineswegs weniger auffallend. Wir können dem gegenüber nur energisch betonen, dass die ganze bisherige Behandlung der „Prolegomena“ (auf den Namen kommt es uns dabei nicht an, der mag allenfalls stehen bleiben) als eine Durcheinandermischung von Natürlichem und Geistlichen und unsystematischer Anticipation von Dingen, die ins System selbst gehören, endlich einmal fallen müsste, wie es denn ein ganz besonderer Vorzug der v. Frank'schen Darstellung ist, hier mit vollem Ernst und voller Energie den Versuch unternommen zu haben, ein Neues zu pflügen und die systematische Wissenschaft weiter zu führen.

Damit ist aber auch die andere Form der Einleitung abgewiesen, welche in neuerer Zeit besonders Dorner (theilweise auch Kahnis) eingeschlagen hat, nämlich die ganze Einleitung als Apologetik zu bestimmen. Wir halten diesen Weg für einen gänzlich verkehrten, eben um seiner unklaren Vermischung von natürlichem und geistlichen Erkennen willen. Das geistliche Erkennen geht von der Wiedergeburt aus.

Dorner freilich bezeichnet diesen Gesichtspunkt als zu subjektiv, und in Subjektivismus hineinführend und

sucht in einem ziemlich komplizierten künstlichen Aufbau allmählig durch die Apologetik den Glauben aus einem Wähnen zu einem intellektuellen Fürwahrhalten und endlich zum vollen lebendigen Christenglauben stufenmässig hinaufzuführen. Uns scheint diese Ausführung, so Werthvolles sie im Einzelnen enthält, auf dem Grundfehler zu ruhen, dass es an einem klaren Ausgangspunkt, an einer deutlichen Unterscheidung von Natürlichem und Geistlichen fehlt. So klafft denn in der Gesamtdarstellung ein Riss, der nicht mehr künstlich überbrückt werden kann, man breche denn mit der ganzen Anlage.

Viel richtiger wird es sein, die Apologetik wie dies z. B. v. Frank verlangt, unter die praktischen Disciplinen zu versetzen, das heisst ihr besonders die Aufgabe anzuweisen, auf die jedesmaligen Einwürfe der verschiedenen Gegner des Christentums zu antworten. So gehört sie überhaupt nicht in die systematische Theologie hinein und soll nicht künstlich und durch verkehrte Zusammenschweissung in sie eingebürgert werden. Es ist nicht nötig dies hier weiter auszuführen. Es genüge nur noch einmal auf die schon oben besprochene Forderung hinzuweisen, die systematischen Disciplinen von einem einheitlichen geistlichen Gesichtspunkte aus zu konstruieren. Mag der von v. Hofmann und v. Frank versuchte Aufbau von der Thatsache der Wiedergeburt aus noch so viel Widerspruch finden, auch noch immer von angeblich kirchlicher Seite als eine Concession gegenüber dem modernen Bewusstsein erscheinen, in Wirklichkeit ist hier doch ein fester Punkt gewonnen, der subjektiv - objektiv zugleich genannt werden kann, und den passendsten Ausgangspunkt bildet, um zur Klarheit zu gelangen, wie dem christlichen Subjekt und der Kirche das Geisteszeugniss und die Schrift zu einer einheitlichen auch das Natürliche in seine Stelle einord-

nenden Weltanschauung verhilft. Dass damit aber die von v. Frank gestellte Forderung, an die Stelle der „Prolegomena“ wie sie in herkömmlicher Weise bisher behandelt wurden, eine weit systematischere, breitere und tiefere Grundlage als Unterbau für das System der Dogmatik zu geben, eventuell auch dieselben Dogmen, freilich in ganz anderer Fassung und Behandlung in dieser „Prinzipienlehre“ oder in einem „System der Gewissheit“ zu besprechen wie in der Dogmatik selbst, durchaus gerechtfertigt ist, bedarf nach unseren Ausführungen keines genaueren Nachweises mehr. Die scheinbare Wiederholung stört uns nicht, wird doch auch für die Ethik vielfach dasselbe gelten. Nur so gewinnen wir einen einheitlichen Ausgangspunkt und sind principiell aus dem oben gerügten Gemisch von Geistlichem und Natürlichen, von Philosophie und Theologie, von Apologetik und eigentlicher Systematik heraus. Und hierbei ist es noch ein besonderer Vorzug der v. Frank'schen Darstellung, dass der grosse Stoff des Antithetischen in geschickter Weise systematisch in die Gewissheitslehre untergebracht und damit die alte z. B. noch von Philippi geübte Weise abgethan wird, bei jedem dogmatischen Abschnitt das Antithetische fast ausführlicher als die Thesis und den Schriftbeweis zu entwickeln. Der Fortschritt der Systematik in dieser v. Frank'schen Methode leuchtet von selbst ein.

Wir benügen uns hier mit diesen Bemerkungen und bezeichnen, selbst wenn man den v. Frank'schen Ausgangspunkt verlassen sollte, diesen Theologen als den Bahnbrecher, der am Energischsten die bisherige unsystematische Lehrweise durchbrochen und auf die wahren Aufgaben der Systematik hingewiesen hat.

Ueber die Unterscheidung von Dogmatik und Ethik herrscht unter den bedeutendsten Systematikern der Neuzeit immer noch die allergrösste Differenz.

Zwar ist die Zahl derer gering, welche allen Ernstes beide Disciplinen in einem systematischen Aufriss zu vereinigen suchen. Von Dogmatikern der früheren Generation ist hier aber immerhin noch der seinerzeit in weitesten Kreisen hochgeschätzte I. A. Nitzsch¹⁾ zu erwähnen. Von lebenden Theologen seien hier besonders genannt R. Kübel und neuerdings H. Wendt²⁾. Wir kommen auf die Forderungen des Letzteren noch zurück. Schon die bedeutenden historischen Studien der neueren Zeit über die Geschichte beider Disciplinen scheinen eine getrennte Darstellung gebieterisch zu fordern³⁾. Aber wie ist diese Trennung zu bestimmen? Gehen wir auf den grossen Reformator aller neueren theologischen Systematik, auf Schleiermacher zurück, so kann seine Unterscheidung beider Gebiete kaum genügen. So genial der Aufriss seines „christlichen Glaubens“ ist, so sehr könnte doch in dieses System als der Schilderung christlich frommer Gemüths-zustände die Ethik miteingereicht werden, welche er selbst unterschieden wissen will⁴⁾. Ja man könnte noch weiter gehen und sagen: Wenn man es genau nimmt und den von Spinoza und Schleiermacher gemachten Unterschied von Physik (nämlich alle Wissenschaften der Natur) und Ethik (nämlich alle Wissenschaften des Geistes) auf Schleiermacher selbst anwendet, dann ist eigentlich Schleiermachers

1) System der christlichen Lehre, 6. Auflage 1851.

2) „Die Aufgabe der systematischen Theologie“ Göttingen 1894, auch Kähler gehört wohl hieher, da er die Ethik als 3. selbständigen Theil seiner „Wissenschaft der christlichen Lehre“ einfügt.

3) Ich verweise hier besonders auf die jüngst erschienene reiche Behandlung der Geschichte der Ethik bei Luthardt, zumal im II. Theil 1893, aber auch Gass und Ziegler sind zu nennen. Gass in selbständiger geschichtlicher Darstellung beider Disciplinen.

4) Wenn auch nicht immer gleich energisch. Vgl. Schleiermacher „Kurze Darstellung des theologischen Studiums“ 2. Aufl. 1830 S. 94.

„christlicher Glaube“ weiter nichts als Ethik, da dieser Theologe keine eigentlichen Heilsthatsachen als solche anerkennt. Ein Gefühl dafür scheint Schleiermacher selbst zu haben, in dem er an seinen „christlichen Glauben“ nicht die „Ethik“, sondern bloß die „Darstellung christlicher Sitt e“¹⁾ anreihet. Darum kann auch die dort gemachte Unterscheidung: Dogmatik bezeichne das christliche Selbstbewusstsein in seiner relativen Ruhe, Ethik dasselbe in seiner relativen Bewegung, als zu fließend uns nicht wesentlich weiterführen.

Aber auch in den neueren Darstellungen, welche auf Scheidung beider Disciplinen dringen, herrscht noch keine einigermassen abschliessende Klarheit.

Von R. R o t h e sehen wir hier ab, weil er, wie wir meinen, unberechtigter Weise die Spekulation, zumal die mystisch-theosophische in die Ethik hinein zieht, und zugleich der Dogmatik eine viel zu untergeordnete Stelle anweist, was zur Folge hat, dass die Disciplinen verwirrt werden und man umgekehrt wie bei Schleiermacher aus R o t h e s ethischem System ganz gut einen dogmatischen Aufriss zusammenstellen könnte.

Richtiger haben v. H a r l e s s, V i l m a r und v. O e t t i n g e n²⁾ die Sonderung der Disciplinen bestimmt, indem sie vom Unterschiede G o t t e s und des M e n s c h e n ausgehen.

v. H a r l e s s bestimmt den Unterschied folgendermassen: die Dogmatik beschäftigt sich mit der Frage: was dünkt dich um Christo? die Ethik mit der Frage: was dünkt dich um die rechte Art eines Christen? Vermissen wir vielleicht hier noch eine gewisse systematische Schärfe, namentlich wenn wir den Versuch machen,

1) Von J o n a s herausgegeben 1843.

2) Ich setze die Titel der viel genannten Werke als bekannt voraus und bemerke noch, dass von H a r l e s s' Ethik soeben die 8. Auflage erschienen ist.

auf Grund dieser Definition selbst einen Aufriss beider Disciplinen zusammenzustellen, so bieten uns Vilmar und v. Oettingen eine grössere Klarheit. Vilmar unterscheidet: die Dogmatik fragt: was thut die göttliche Barmherzigkeit für den Menschen? die Ethik: wie verhält sich der Mensch zur göttlichen Barmherzigkeit? v. Oettingen: In der Dogmatik handle es sich um das Christentum als gottgeoffenbarte Versöhnungswahrheit, in der Ethik um den Christen in seinem gottgeschenkten Heilsleben.

In wahrhaft genialer und zugleich denkbar einfachster Weise hat von Hofmann den Unterschied bestimmt. Nach ihm ist ähnlich wie bei dem weiter unten zu erwähnenden v. Frank vom christlichen Thatbestand, dem Bewusstsein von der Wiedergeburt auszugehen. Der christliche Thatbestand charakterisirt sich aber durch das Verhältniss zwischen Gott und Mensch, wie es durch Christum vermittelt ist. Inhalt desselben ist: „Ich weiss und bin dessen gewiss, dass Gott mich liebt, und dass ich Gott in Christo liebe.“ Das erstere, dass Gott mich liebt, behandelt die Glaubenslehre, das zweite, dass ich Gott in Christo liebe, die Sittenlehre.“ Wenn es möglich ist, in Bezug auf beide Wissenschaften so vom Subjekt auszugehen, ohne in Subjektivismus zu verfallen, so dürfte diese Eintheilung die einfachste und präziseste sein. Darüber siehe weiter unten.

Sehr eingehend, vielleicht etwas breit, aber in seiner bekannten geistvollen Art, hat Martensen diese Frage erörtert. Von einer starren, exklusiven Trennung beider Gebiete kann nach ihm nicht die Rede sein. Die Wissenschaften gleichen 2 Zwillingenbrüdern, welche gemeinschaftliche Züge tragen, wenn auch die Dogmatik der Erstgeborene ist und daher auch höhere Würde genießt. Die Dogmatik als christliche Glaubenslehre ist

ethisch, denn sie handelt von der Offenbarung des persönlichen Gottes, welcher sich an die freie Persönlichkeit des Menschen wendet; die Ethik als christliche Lebenslehre ist dogmatisch, denn sie handelt von einem solchen Freiheitsleben, welches im Glauben gelebt wird und alle ihre Lehren sind auf die Glaubenslehre zu gründen. Dennoch waltet nach Martensen ein Unterschied vor. In der Dogmatik erkennen wir vorwiegend Gott und sein Thun im Verhältniss zum Menschen und zur Welt, ferner des Menschen Abhängigkeit von Gott und seinem Thun; in der Ethik vorwiegend den Menschen und sein Thun, nach seinem selbständigen Verhalten gegen die ihm von Gott bestimmte Lebensaufgabe. Besonders fruchtbringend ist es nun, wenn Martensen in demonstrirender Weise diesen Unterschied des göttlichen und menschlichen Gesichtspunktes, worin ja auch mit v. Hofmann Uebereinstimmung vorhanden ist, an den einzelnen Lehrpunkten, welche in der Dogmatik und Ethik gemeinschaftlich zur Darstellung kommen müssen, zu entwickeln sucht. Gesetz, Sünde, Person Christi, Heiligung, Kirche und Reich Gottes werden unter dem doppelten Gesichtspunkt der dogmatischen und ethischen Behandlung besprochen. In der Dogmatik erscheint das Gesetz vom göttlichen Gesichtspunkt aus betrachtet, nämlich als göttliche Offenbarung und Erziehungsmittel des Menschen. In der Ethik unter dem Gesichtspunkt des menschlichen Handelns als verpflichtende Norm für Wille und Handlungsweise des Menschen, als Pflicht oder als System von Pflichten. Die Sünde erscheint nach Martensen in der Dogmatik als Störung der menschlichen Natur, die in Folge der menschlichen Freiheit eingedrungen und unter göttlicher Zulassung ihre nothwendigen Consequenzen nach sich zieht, in der Ethik dagegen als Abnormität der menschlichen Freiheit, nicht als Erbschaft, sondern

als freie That, zu welcher der Mensch sich selbst bestimmt. In der Dogmatik vorwiegend als Sündhaftigkeit in naturnothwendiger Entwicklung, mehr als Einheit; in der Ethik in ihrer Mannigfaltigkeit und Individualisierung, sowohl im Einzelnen als im Generellen, ferner in ihren Uebergängen von Möglichkeit zu Wirklichkeit vermittelst freier Selbstbestimmung. Die Dogmatik behandelt nach Martensen in der Christologie, Christum als Erlöser und Versöhner, die Ethik als Vorbild, zumal als Vorbild der Liebe. Die Heiligung erscheint nach demselben Autor in der Dogmatik als Gnadenwirkung Gottes, in der Ethik als sich bethätigende Willensfreiheit.

Diese reichen Beispiele mögen zur Veranschaulichung dessen, was Martensen meint, genügen. Vorausgesetzt, dass die Relativität dieser Unterschiede, wie dies Martensen durchaus hervorhebt, gewahrt bleibt, so werden wir uns im Allgemeinen an diese Auffassung anschließen und sagen können: Es ist an und für sich denkbar, dass beide Disciplinen in ein System zusammengefasst werden. Dazu würde aber eine bedeutende Gewandtheit der Darstellung erforderlich sein und die bisherigen Versuche sind uns nur ein Beweis von der Schwierigkeit der Sache. Bei der Fülle des Stoffes werden voraussichtlich in einer so vereinigten Gruppierung beide Disciplinen leiden, die Dogmatik wird unsystematisch und abrupt in einzelnen Sätzen die Heilsthatsachen und ihre Folge für die Menschheit besprechen, um der Ethik Raum zu lassen, wie für uns Beispiele in den alten „Locisten“ vorliegen, oder die Ethik wird sich mit kurzen Andeutungen, gewöhnlich auch ziemlich unsystematischen Einfügungen oder Nachträgen begnügen müssen, wodurch sie leicht, wie bei den altlutherischen Dogmatikern, den Eindruck einer praktischen Abschweifung macht, während

sie doch mit vollem Recht den Anspruch auf eine systematische Wissenschaft erhebt ¹⁾.

Dies wird auch von v. Frank zugegeben, obgleich dieser Theologe im Unterschied von den bisher genannten Systematikern und soviel wir sehen können, noch mehr als Martensen, die Einheit von Dogmatik und Ethik (nach ihm „System der christlichen Wahrheit und System der christlichen Sittlichkeit“) zu wahren sucht. Er verwirft die oben genannten Unterscheidungen und bezeichnet die Sittlichkeit als ein integrirendes Moment der christlichen Wahrheit. So wenig diese in jener aufgehe, so wenig lasse sich erstere von letzterer als etwas Anderes von Anderem unterscheiden. Aber auch ihn hat offenbar die geschichtliche, namentlich seit Calixt eingetretene Scheidung von Dogmatik und Ethik darauf aufmerksam gemacht, dass ein Bedürfniss zur Scheidung vorliege, selbst wenn dasselbe noch keineswegs in irgend einer der bisherigen Darstellungen genügend befriedigt sein sollte. Dazu kommt ihm der sachliche Gesichtspunkt, dass ein Lebens- und Wahrheitsgebiet an und für sich ganz gut in einem andern gelegen und enthalten sein könne, ohne dass darum die Möglichkeit, ja Nothwendigkeit, es apart zu behandeln, ausgeschlossen sei. Es sei verkehrt, systematische Gebilde nach logischen Classifikationen und Sonderungen zu beurtheilen. Sehr treffend sagt v. Frank: „Es handelt sich hier um organische Gebilde höherer Ordnung, deren eigentlicher Charakter es ist, dass ursprünglich Ineinanderliegendes allmählig auseinander hervorwächst, ohne die an sich seiende principielle Einheit zu verläugnen. Es ist ein

1) Vgl. auch A. Ritschl die Lehre von der Rechtfertigung u. s. w. III³. S. 14. H. Schultz Grundriss der evangel. Dogmatik, 2. Aufl. 1892 § 13. Beide Theologen gehen ebenfalls vom Unterschied Gottes und des Menschen aus, wobei wir über die Berechtigung ihrer Definition im Einzelnen nicht streiten.

Zeichen naturgemässen und gesunden Wachstums, wenn Glieder des einheitlich Ganzen in solcher Weise sich entfalten, dass sie zum Gegenstand gesonderter systematischer Betrachtung erhoben werden können.“

Mögen wir nun mit Martensen die sich ähnlichen und doch zu unterscheidenden Zwillingen betonen oder mit v. Frank, noch weiter gehend, die Sittlichkeit als einen integrierenden nur gesondert darzustellenden Theil der Dogmatik ansehen, jedenfalls haben wir nun Gelegenheit, nach diesen Besprechungen eine Art Facit zu ziehen und das Verhältniss der besprochenen Disciplinen zu einander zu entwickeln. Freilich kommt hier Alles darauf an, zu bestimmen, wie sowohl das System der Dogmatik als das der Ethik einzutheilen sei.

Ein Blick auf die neuere dogmatische Literatur zeigt uns, dass selbst unter den für kirchlich geltenden Theologen in Bezug auf die Eintheilung der Dogmatik die grösste Differenz herrscht. Um nur Einiges im Vorübergehen zu erwähnen, so versuchte Martensen die Dogmatik aus dem Princip der Dreieinigkeit aufzubauen, Thomasius sie als Christologie darzustellen, während neuerdings wieder der Versuch gemacht worden ist (von Kähler)¹⁾ die Dogmatik aus dem sogenannten Materialprincip der Reformation zu entwickeln, nach unsrer Meinung ein unmögliches Unternehmen. Auch der Versuch Dorners die Glaubenslehre in eine allgemeine und specielle einzutheilen, ist zumal bei den ihm eigentümlichen ihm für fundamental geltenden Dogmen (z. B. der Menschwerdung des Sohnes auch abgesehen von der Sünde) kaum als systematisch glücklich zu bezeichnen.

Dem gegenüber glauben wir es als einen immer noch nicht genug gewürdigten Vorzug der Schleier-

1) Wissenschaft der christlichen Lehre, 2. Auflage 1893.

m a c h e r ' s c h e n Theologie bezeichnen zu dürfen, dass er den Begriff der Erlösung in genialer Weise als Herstellung der Menschheit Gottes bestimmte. Sie ist ihm die Neuschöpfung, der gegenüber die erste Schöpfung freilich zu sehr zurücktritt. Somit sehen wir es auch als einen grossen Fortschritt sowohl der v. H o f m a n n ' s c h e n als der R i t s c h l ' s c h e n Theologie (trotz der Heterodoxien der letzteren) an, dass beide die Entwicklung der Menschheit oder des Reiches Gottes in energischer Weise als Hauptaufgabe aller dogmatisch-systematischen Darstellung bezeichnet haben ¹⁾.

So kann denn für uns im Anschluss an v. H o f m a n n im System der Dogmatik das Geschichtliche durchaus nicht fehlen und wir halten ein abstraktes Hinstellen dogmatischer Sätze, die nun als etwas fertig Abgeschlossenes in Cours gesetzt werden, für das denkbar Verfehlteste. So würde für uns ein ganz verkehrter Dogmatismus entstehen, den wir in keiner Weise brauchen können, weder praktisch religiös, noch wissenschaftlich. Sätze wie Gott, Welt, Natur u. s. w. werden sonach nicht abstrakt hingestellt werden können, sondern in der Bezogenheit aufeinander, in dem sich in ihnen ein göttlich geleitetes Werden vollzieht, welches aus einem ewigen Ursprung zu einem Ziel der Vollendung, der vollendeten Menschheit Gottes hinstrebt. Aus diesem geschichtlichen Gesichtspunkt ergibt sich aber zugleich, dass wir nicht, wie die alte, mit C a l i x t beginnende analytische Methode thut, das Ziel, das Reich oder die Menschheit Gottes mechanisch voranstellen können, zumal, wie wir aus der Geschichte der Dogmatik wissen, die abstrakte Voranstellung dieses Zieles doch nicht verhindern konnte, die Eschatologie noch einmal zum Schluss ausführlicher darzustellen, wo-

1) Vgl. J K ö s t l i n , Religion und Reich Gottes 1894 bes. 247 ff.

durch ein Riss ins System kam, so weit in dieser Zeit überhaupt von Systembildung die Rede sein kann. Musste doch auch ausserdem, gleich nach Calixt's Auftreten, das Ziel subjektiv und objektiv zugleich gefasst werden, während zudem der 2. Abschnitt des Systems, das Subjekt des Heiles (der Mensch) die Nothwendigkeit für die Darstellung ergab, die Voraussetzungen, unter denen sein Verhältniss zu Gott allein zu erklären ist (Schöpfung, Erhaltung, Angelologie u. s. w.) ausführlicher zu entwickeln. So entstand aus der anfangs geforderten und versuchten Dreitheilung ganz von selbst eine ziemlich unsystematische Viertheilung der Gesamtdarstellung.

Nach unsrer Meinung lässt sich die neuerdings klar und systematisch von v. Frank durchgeführte Dreitheilung sehr wohl festhalten, aber nicht mit dem Ausgangspunkt des Zieles alles Geschöpflichen, der Vollendung in Gott, sondern ausgehend von Gott selbst als dem produktiven Faktor allen Werdens, woran sich reiht das Werden selbst als göttliches Produkt in der Bestimmung, Reich, Menschheit Gottes zu sein, welche Bestimmung trotz des Zwischeneinkommens der Sünde in der Gründung der neuen Menschheit verwirklicht wird; endlich dem Ziele und der Vollendung dieses Werdens in der Vollendung des Reiches Gottes als zum Abschluss gekommener Menschheit Gottes. Man mag nun von dieser Eintheilung halten, was man wolle, jedenfalls wird sich von ihr ein Verhältniss zur Ethik gewinnen lassen. Ueber die Möglichkeit, eine selbständige Darstellung der Ethik geben zu können, trotzdem, dass der ganze Begriff des Reiches (der Menschheit) Gottes zugleich ethisch ist, brauchen wir uns kaum zu verständigen. Denn das, was in der Behandlung des Systems der Dogmatik nur ein durchgehendes Moment ist, nämlich die Menschheit Gottes, welche aus

dem göttlichen Ursprung trotz der Degeneration durch die Erlösung in die Vollendung tritt, aus dem ewigen Sein in ein Werden, und aus dem Werden wieder zurück ins ewige Sein, kann sehr wohl in diesem Durchgangspunkte allein systematisch behandelt werden. Dies wäre dann die Aufgabe der Ethik.

Wir gewinnen aber dann auch hier wieder die oben erwähnte und betonte Position, dass die Selbständigkeit beider Disciplinen auf dem selbständigen Unterschiede zwischen Gott und Mensch beruhe, worauf hin, wie wir oben sahen, die genannten Definitionen des Unterschiedes zwischen Dogmatik und Ethik tendirten, auch in der erwähnten originellen Fassung v. Hofmanns. Warum kann nun nicht das menschlich Durchgehende als eine Art Durchstich des nach v. Frank'scher Bestimmung zweiten dogmatischen Haupttheils apart zur Darstellung kommen können? Zumal, wie wir oben sahen, das Dogmatische und Ethische in eine Darstellung zusammengepresst, sich leicht drängen und gegenseitig hindern würde.

Und nicht nur die Möglichkeit, auch die Nothwendigkeit, wenigstens relative Nothwendigkeit einer aparten Darstellung des Ethischen ist vorhanden. Es verhält sich mit der Ethik nicht so, wie mit einem gesonderten dogmatischen Gebiet, das monographisch behandelt wird, etwa die Lehre von der Sünde, oder die Sakramentslehre oder die Lehre von Christi Person und Werk, wo die Darstellung (ausser wenn man wie bei Thomasius das ganze System der Dogmatik auf der Christologie aufbaut) den Eindruck eines monographischen Ausschnittes aus dem Gesamtsystem macht. Hier ist die Aufgabe eine andre und darum auch die Darstellungsweise: es wird die Entwicklung des Systems der Ethik nicht eine monographische Behandlung etwa des zweiten Theiles (wenn man der oben genannten Theilung folgen

will) des dogmatischen Systems sein, sondern die ganze Art der Darstellung ist eine andere, Ursprung und Ziel der Menschheit Gottes werden höchstens nur als Voraussetzungen, aber nicht in selbständiger Weise zur Darstellung kommen können. Dagegen um so mehr die detaillirte Schilderung dieser Menschheit Gottes, und zwar nicht sowohl vom göttlich produktiven ausführenden, als vom menschlich psychologischen Gesichtspunkte aus; die Kämpfe der neuen Menschheit Gottes mit den ihr feindlichen Principien und Kräften, die göttlichen Kräfte, welche in diesem Kampfe richtig angeeignet, das neue Leben, sei es individuell, sei es generell geartet, nähren und stützen, das Auf- und Abwogen des Kampfes zwischen diesen feindlichen und freundlichen Potenzen, das Verhältniss von natürlichem und geistlichem Leben, Alles dieses bietet einen solchen Reichtum, eine solche Mannigfaltigkeit, dass eine solche von der Dogmatik gesonderte Einzeldarstellung fast zum Bedürfniss, zur Nothwendigkeit wird. Ob man dabei in so reicher Weise wie Martensen die verschiedensten Dogmen nur unter verschiedenem Gesichtspunkte als in der Dogmatik, in die ethische Darstellung hineinzieht, das mag immerhin individueller Beanlagung und Neigung überlassen bleiben, obgleich wir bekennen müssen, dass die grosse Elasticität, mit der Martensen in seinem allgemeinen Theile der Ethik die verschiedensten Dogmen auf ihren ethischen Gehalt hin prüft, uns Bewunderung abnöthigt, während wir andererseits seine Eintheilung der Ethik in einen allgemeinen und speciellen Theil (ebenso wie bei Dorner in der Glaubenslehre) für systemhtisch verfehlt halten. Fasst man die Aufgabe der Dogmatik und Ethik scharf ins Auge, so wird die Unbestimmtheit und Verwirrung, welche bisher so oft in beiden Disciplinen sich zeigte, allmählig schwinden. Freilich könnte es den Anschein haben, als müssten die von uns gestellten Forderungen

in Bezug auf die Nothwendigkeit der Scheidung von Dogmatik und Ethik gänzlich zu nichte werden, wenn H. W e n d t in seiner oben genannten Schrift mit seinen Wünschen wirklich im Rechte wäre. Zunächst freuen wir uns, in mancher Beziehung mit dem verdienstvollen Gelehrten übereinzustimmen. Es bezieht sich dies namentlich darauf, wie er die Behauptung mancher früheren Theologen, die Dogmatik sei weiter nichts, als eine historische Disciplin widerlegt. So würde sie ja, um den S c h w e i z e r'schen Ausdruck zu brauchen, als „Kirchensatzungswissenschaft“ zu sehr nur referirend, allenfalls historisch kritisch auftreten, aber die lebendige Beziehung auf die Gegenwart verlieren. Diese lebendige Beziehung auch zum wissenschaftlichen und religiösen Bewusstsein der Gegenwart, wie es durch Predigt, Lehre und wissenschaftliche Arbeit weiter fortschreiten soll, sucht nun allerdings W e n d t, gemäss seinen sonst vertretenen Anschauungen, durch ein strengeres Zurückgehen auf die Lehre Jesu im Unterschiede von der übrigen Schriftlehre, namentlich der apostolischen, aber auch im Unterschiede von der späteren immerhin etwas verknöcherten, durch polemische Antithesen veranlassten Dogmenbildung zu gewinnen, welche letztere noch keineswegs den ganzen Kern des ursprünglichen Christentums eruiert habe, wie dies nun das moderne Bewusstsein fordere. So vieles Treffende auch hier W e n d t sagt, so ist es uns doch von vorn herein bedenklich, wie die ganze Darstellung den Eindruck macht, über der eifrigen Dogmenbildung und den polemischen Arbeiten der „Locisten“ sei das Ethische zu kurz gekommen, habe sich in philosophischen reichen Arbeiten abseits von der Theologie nun sein selbständiges Bett geschaffen. Dieses reiche ethische Gebiet müsse nun wieder in die Theologie hineingeleitet werden. Man wird freilich dem Verfasser zustimmen, wenn er sagt (S. 19): „die Themata, welche

das Separatgut der Dogmatik sein sollen, können nicht gehörig ausgeführt werden ohne Verwerthung derjenigen Begriffe und Anschauungen, welche in der christlichen Ethik genau zu definiren und im Zusammenhange darzustellen wären.“ Dagegen werden wir uns über den folgenden Satz vielleicht mit dem Autor nicht mehr ganz verständigen können, wenn er sagt: „Die für die christlich-ethische Anschauungsweise fundamentalen Vorstellungen von dem unbedingten Verpflichtetsein des Menschen zum religiös-ethischen Verhalten und von der unbedingten Kraft desselben zur Ausführung dieser Verpflichtung müssten gegründet sein auf einer solchen vollständigen christlichen Anschauung von der Heilsoffenbarung und Gnadenwirksamkeit Gottes, wie sie in dem dogmatischen Lehrkreis ausgeführt wird.“ Was meint der Verfasser mit dieser unbedingten Kraft? Wir kennen keine andere Kraft, als die in dem neuen Leben der Wiedergeburt durch Gott vermittelt des neuen Adam in uns hineingepflanzte und halten es mit dem Paulinisch-Augustinischen: Was hast du, das du nicht empfangen hast? 1 Cor. 4,7. Wir meinen hier nicht nur den Empfang der Gaben des Schöpfers, wie sie auch G ö t h e preisen konnte ¹⁾, sondern die specielle Gabe der Setzung eines neuen Lebens in uns, die wir von Natur todt in Sünden sind. Und dies vermissen wir in der eben citirten Wendt'schen Erklärung. Ist es nicht, als ob der ganze Strom des natürlichen Lebens mit seiner Aufgabe der Weltbeherrschung selbständig dahinflösse und das fromme religiöse Bewusstsein, der Glaube nur dazu da wäre, diesen schon an sich selbständigen Strom unter christliche Aufsicht, christliche Beleuchtung zu stellen? So fehlt uns hier die volle Un-

1) „Was ich bin und was ich habe
Ist Ueberlieferung, ist Gnade.“

terschiedenheit dessen, was wir oben Natürliches und Geistliches nannten. Und so wird es wohl auch im tieferen Grunde gemeint sein, wenn W e n d t. den Begriff der Rechtfertigung aus dem Glauben durch den Begriff der Vaterliebe Gottes korrigirt zu sehen wünscht¹⁾. Nicht, als ob wir das sogenannte Materialprincip der Reformation zum Eintheilungsprincip der Dogmatik zu machen suchten. Dies hat sich zur Genüge als unausführbar erwiesen und sollte endlich aufgegeben werden. Es ist aber ein Unterschied, ob man etwas als Eintheilungsprincip verwirft und doch dabei sachlich die volle Bedeutung dieses sogenannten Materialprincipes festhält, wobei wir zugleich davon absehen näher zu erörtern, ob der Ausdruck Materialprincip ein berechtigter ist. In der Betonung der Vaterliebe Gottes im Unterschiede von der Rechtfertigung bei W e n d t vermuthen wir, und wir meinen mit Recht, das in der Ritschl'schen Schule so stark hervortretende Urgiren des Natürlichen, welches sich schon in dem berühmten Bilde von dem doppelten Brennpunkte der Ellipse von Seiten des Meisters kund thut, und welches uns immer zu der Meinung drängt, dass das Religiöse, fasse man es nun rein diesseitig oder zugleich jenseitig, nur ein Deckmantel, wenn nicht eine Akkomodation an die bisherige Tradition ist, während das Sittliche eigentlich allein zurückbleibt. Wir sind weit entfernt, W e n d t selbst diese Consequenz in den Mund zu legen, wir fragen aber: ergiebt sie sich nicht als schliessliches Resultat ganz von selbst? Doch liegt es uns hier fern, in eine tiefere Controverse über die Unterschiedenheit unseres dogmatischen Standpunktes von dem W e n d t'schen einzutreten. Nur auf Eins möchten wir noch aufmerksam machen. Obgleich es W e n d t

1) Vgl. a. a. O. S. 8 ff.

darum zu thun ist, den religiös-sittlichen Lehrgehalt Jesu voll und ursprünglich gegenüber allem einseitigen Dogmenwesen und mit voller Berücksichtigung der bisher selbstständig seitab angebauten weltlichen (oder philosophischen) Ethik für das moderne Bewusstsein zumal in Theologie und Kirche zu retten, frisch zu erhalten und wissenschaftlich weiter zu bauen, so weiss er sich doch nicht anders zu helfen, als mit der Forderung, die ethische Aufgabe zu spalten, die allgemeine religiös-sittliche Aufgabe mit dem Glaubensinhalte zugleich gemeinsam in einem systematischen Aufrisse zu bieten, also in einer Combination von Dogmatik und Ethik, während die speciell-ethischen Gebiete in einer selbständigen Darstellung unter die praktischen Disciplinen unterzubringen seien? Wir fragen: ist dies wirklich der Fortschritt systematischer Wissenschaft, den Wendt fordert, den er anzubahnen wünscht? Wir unsrerseits halten die Unterbringung des Stoffes in einen allgemeinen und speciellen Theil, sei es in der Dogmatik, sei es in der Ethik, immer für einen systematischen Nothbau, wenn nicht für ein testimonium paupertatis. Es kann dieses Urtheil anmassend klingen, wenn wir erwägen, dass so grosse Forscher wie Dornier und Martensen, der Eine in der Dogmatik, der Andre in der Ethik, sich nicht anders zu helfen gewusst haben. Aber sollen wir uns wirklich durch das Beispiel einzelner Autoritäten imponiren lassen, wenn der Augenschein lehrt, dass dieser Weg unsystematisch und in sich verfehlt ist? Und, wenn man Autoritäten durchaus beanspruchen will, haben nicht Schleiermacher und v. Hofmann, gewiss nicht geringere Systematiker als die genannten, bewiesen, dass man diesen Ausweg nicht braucht, wie denn die v. Hofmann'sche ethische Darstellung, obgleich nur ein nachgelassenes Collegienheft, in geradezu wunderbarer wie selbstverständlicher Weise das Allgemeine und das

Specielle vereinigt! Und dabei in welch prägnanter und doch in sich abgerundeter Kürze! Wenn W e n d t, um seinen Vorschlag zu rechtfertigen, sich darauf beruft, dass die allgemeinen Gedanken der Gottesehrung nothwendig ihren Platz in der allgemeinen Darstellung der christlichen Lehre finden müssten, während doch für den Theologen ausserdem noch eine specielle Cultuslehre erforderlich sei; so könne auch ganz gut auf die allgemeine mit der Dogmatik zu vereinigende Ethik eine praktisch specielle folgen und sei wünschenswerth, so ist doch dieses Beispiel nicht stichhaltig. Dass die Cultuslehre eine praktische Disciplin sei, wird wohl kaum Jemand läugnen. Kann man dies aber ebenso von der speciellen Ethik sagen? Wer berechtigt mich, eine selbständig wissenschaftliche Disciplin, die in umfassenden und grossartigen Bearbeitungen vorliegt, willkürlich aus praktischen Rücksichten zu trennen? Und dazu kommt noch der Unterschied: die praktische Cultuslehre ist hauptsächlich für den praktischen Kirchendienst des Theologen erforderlich, für Laien nur im weiteren Sinne. Wie nahe liegt es nun, eine ähnliche Anwendung auf die specielle Ethik zu machen. Wie sehr werden wir da an die römisch-katholischen Breviere und Summarien erinnert, denen W e n d t gewiss nicht das Wort reden wird. Doch dies nebenbei; der Hauptgrund bleibt für uns die unberechtigte Zerreißung einer Disciplin in 2 Hälften, deren Zusammengehörigkeit durch bis auf einen gewissen Grad musterhafte Darstellungen dargethan ist. Aber auch wenn diese Darstellungen fehlten oder wenn alle bisherigen Darstellungen nicht genügten, so soll die Wissenschaft doch danach streben das wissenschaftliche Ziel zu erreichen, nicht durch Halbierung sichs bequem machen. Wir sehen also gerade umgekehrt wie W e n d t in der klaren schiedlich-friedlichen Trennung von Dogmatik und Ethik trotz ihrer „Zwillingsnatur“ den

wahren Fortschritt der Wissenschaft und können nicht verhehlen, dass wir in der W e n d t 'schen Forderung zugleich ein bedenkliches Zeichen wahrnehmen, nicht sowohl Dogmatik und Ethik zu vermischen, als die Dogmatik einzuschränken, in ihrer Bedeutung zu verkleinern, bis zuletzt nur noch Ethik, der Religion entkleidete „Moral“ zurückbleibt.

ПАМЯТИ
О. Ф. МЕЙКОВА.

ПРОИЗНЕСЕНО

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ПРОФ. О. Ф. МЕЙКОВА

9-го февраля 1894 года.

Предъ открытою могилой, прежде чѣмъ засыпать въ ней на вѣки прахъ человѣка, у каждаго запрашивается на мысль оцѣнка личности и дѣятельности покойника. Трудно въ такую минуту сохранить полное безпристрастіе, — трудно уже потому, что дѣятельность человѣка обрывается его смертью, а плоды дѣятельности принадлежатъ будущему . . .

Будущему историку предстоитъ сдѣлать оцѣнку личности и дѣятельности покойнаго профессора Мейкова; говоримъ — историку, потому что покойный принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, имена которыхъ не будутъ позабыты исторіей: Дерптскій университетъ и профессоръ Мейковъ останутся для будущаго историка представленіями, связанными неразрывно.

Богато одаренный отъ природы онъ былъ выдающимся учителемъ права въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; глубокой знатокъ своей науки онъ преподавалъ ея истины своимъ многочисленнымъ слушателямъ съ тою ясностью и изяществомъ, какими вообще отличался его умъ.

Свободный отъ узости взглядовъ, вырабатываемой тѣсными границами мѣстныхъ условій, онъ былъ патриотомъ въ истинномъ значеніи этого слова. И какъ патриотъ — онъ сознавалъ, что необходимо вдунуть душу живу въ обветшалую храмину мѣстной жизни; онъ чувалъ, что новыя силы должны обновить строй жизни, сложившійся исторически; онъ ждалъ обновленія своего роднаго края отъ притока свѣжихъ силъ со всѣхъ сторонъ нашего обширнаго отечества.

Горячо преданный этой идеѣ онъ былъ ея твердымъ выразителемъ и неуклонно проводилъ ее въ жизни учрежденія, призваннаго по преимуществу къ разрушенію предрассудковъ, сложившихся исторически, но уже утратившихъ свой смыслъ. Онъ шелъ на встрѣчу новымъ вѣяніямъ, глубоко вѣруя въ ихъ плодотворность. Онъ былъ борцомъ за эту идею . . .

Пусть же его жизнь послужитъ для насъ, людей здѣсь пришлыхъ и пока чужихъ, — пусть она послужитъ для насъ урокомъ! Пусть духъ его, витающій среди насъ, ободритъ насъ на разрѣшеніе предлагающихъ намъ задачъ! Да изсякнутъ тѣ источники враждебности и злобы, съ коими приходится считаться намъ, призваннымъ къ обновленію устарѣлыхъ традицій! Пусть трудъ нашъ не останется напраснымъ, и пусть мы, слѣдуя по стопамъ покойнаго, достигнемъ хотя бы въ отдаленномъ будущемъ тѣхъ цѣлей, къ коимъ стремился О. Ф. Мейковъ!

Миръ праху твоему, добрый человекъ, мудрый наставникъ, вѣрный сынъ нашего общаго отечества!

А. Гуляевъ.

П. В. ПОСТНИКОВЪ.

Нѣсколько данныхъ для его біографіи.

Е. ШМУРЛО.

Петръ Васильевичъ Постниковъ — одинъ изъ скромныхъ дѣятелей въ эпоху Петровскихъ преобразованій. Хотя крупнаго слѣда послѣ себя онъ и не оставилъ, затерявшись въ массѣ второстепенныхъ современниковъ великаго императора, тѣмъ не менѣе на немъ отразились характеристическія черты времени, и съ этой стороны онъ заслуживаетъ право на вниманіе историка. Свѣдѣнія о Постниковѣ, ставшія достояніемъ печати, болѣе чѣмъ недостаточны: они отрывочны, не полны, къ тому же отчасти не вѣрны. Первый сводъ данныхъ о немъ данъ въ книгѣ Рихтера: „Исторія медицины въ Россіи“. Не смотря на то что авторъ пользовался источниками первой руки, онъ внесъ въ біографію Постникова нѣсколько искаженій, которыя, къ сожалѣнію, держатся и до сихъ поръ въ нашей литературѣ. Такъ, на примѣръ, Рихтеръ, а за нимъ и другіе ¹⁾, ошибочно относятъ окончаніе Постниковымъ курса наукъ въ Падуанскомъ университетѣ къ 1696 г.; точно также большая часть ихъ ²⁾ не правильно отказываются отождествлять доктора Постникова съ дворяни-

1) Митрополитъ Евгеній, Бантышъ-Каменскій, Пекарскій, А. Г. Брикеръ, А. О. Бычковъ.

2) За исключеніемъ Бантыша-Каменскаго (Словарь достопамят. людей [М. 1836] IV, 183—186) и А. О. Бычкова (Письма и бумаги импер. Петра В., II, 383). Впрочемъ первый впалъ въ другую ошибку (см. ниже главу VII настоящаго очерка), и лишь послѣднему принадлежитъ заслуга вполне правильнаго рѣшенія вопроса.

номъ Постниковымъ, дипломатическимъ агентомъ русскаго правительства при французскомъ дворѣ въ первые годы XVIII столѣтія.

Въ архивѣ Падуанскаго университета намъ посчастливилось найти нѣсколько новыхъ и доселѣ неизвѣстныхъ данныхъ, относящихся до времени пребыванія Постникова въ Падуѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о службѣ его при Великомъ посольствѣ 1697—1698 гг. и на Карловическомъ конгрессѣ извлечены нами изъ „Австрійскихъ дѣлъ“ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; въ томъ же архивѣ, въ „Дѣлахъ французскихъ“, мы пересмотрѣли цѣлую серію депешъ Постникова изъ Парижа за періодъ 1702—1708 гг., доселѣ почти никѣмъ не тронутыхъ, и сочли возможнымъ напечатать ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами, почти полностью въ приложеніяхъ къ настоящему очерку. Наконецъ, въ самомъ Парижѣ, въ Archives du ministère des affaires étrangères, нашлось для нашей темы нѣсколько новыхъ документовъ, хотя правда, второстепеннаго значенія. Присоединяя ко всему этому и то не многое, что разбросано въ печатной литературѣ¹⁾, мы однако все еще далеки отъ обладанія

1) 1. Голиковъ, Дѣянія Петра В. т. I (по 2-му изд.), 527, 589. — 2. Richter, Geschichte der Medicin in Russland, Bnd. II (Moskau. 1815), Seit. 402—411 и приложенія, стр. 157—167; и по русски: Исторія медицины въ Россіи, часть II (М. 1820), стр. 321—328 и приложеніе № LVII, стр. 143—152. Текстъ приложенія (аттестатъ, выданный Постникову Падуанскимъ университетомъ) въ обоихъ изданіяхъ напечатанъ въ современномъ русскомъ переводѣ, искажившемъ имена, а частію даже и смыслъ подлинника. — 3. J. Scheltema, Rusland en de Nederlanden, Deel III (Amsterd. 1818), z. 134. — 4. (Митр. Евгеній) Биографіи древнихъ російскихъ писателей: П. В. Постниковъ. Сынъ Отечества 1822 г., ч. 76, № 12, стр. 226—228. Составлено по Рихтеру и впоследствии вошло въ „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, II, 135—136. — 5. Д. Вантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей (М. 1836), IV, 180—186. — 6. Памятники Дипломатич. Сношеній, тт. VIII и IX (см. указатель личныхъ именъ). — 7. Устряловъ, Исторія царствованія Импер. Петра Великаго, III, 144, 254—255, 480—481, 489, 556. — 8. Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 248; II, 370. —

матеріаломъ, достаточнымъ для того чтобъ нарисовать вполнѣ выпукло и отчетливо фیزیономію Падуанскаго доктора — и вотъ почему просимъ смотрѣть на наши изысканія лишь какъ на канву для будущей біографіи, лишь какъ на внѣшній сводъ біографическихъ данныхъ — не болѣе ¹⁾).

I.

Отецъ нашего Постникова, Василій Тимоѳеевичъ Постниковъ ²⁾, долгіе годы служилъ дьякомъ Посольскаго Приказа, то есть, въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ люди второй половины XVII вѣка всего легче привыкали смотрѣть на общеніе съ Западомъ, какъ на явленіе нормальное и не видѣть въ немъ непременно нарушенія стародавнихъ завѣтовъ. Къ

9. Елагинъ, Исторія русскаго флота. Періодъ Азовскій. Приложенія. II, 227—228. — 10. Соловьевъ, Исторія Россіи, XV (изд. 2-е), 65—66, 71. — 11. Токмаковъ, Матеріалы для исторіи русской и иностранной бібліографіи въ связи съ книжной торговлей. Библіографъ 1885 и отдѣльно: Спб. 1885, вып. I, стр. 2—4. — 12. Письма и бумаги импер. Петра Великаго, тт. I и II (см. указатель). — 13. Brückner, Die Aerzte in Russland bis zum Jahre 1800. Russische Revue 1887, 3. Heft, 283—284 (по Рихтеру). — 14. Протоколы засѣданій Археографической комиссіи I, 90. — 15. Загоскинъ, Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи, 67 (по Рихтеру). — 16. Recueil des instructions donnés aux ambassadeurs et ministres de France. Russie. Tome I, pag. 92, 93, 110 (по Соловьеву). — 17. Архивъ кн. Куракина III, 334.

1) Вспоминая условія, среди какихъ велась наша работа, не можемъ не выразить своей горячей благодарности профессору Падуанскаго университета г. Б. Бруджи (Dr. Blasio Brugi) и студенту того же университета г. А. Андричу (J. Aloysio Andrich), существенно облегчившимъ автору настоящихъ строкъ поиски въ университетскомъ Падуанскомъ архивѣ, равно какъ и полученіе необходимыхъ съ нихъ копій. Г. Бруджи сверхъ того, и послѣ отъѣзда нашего изъ Падуи, съ готовностью истиннаго ученаго, оказывалъ содѣйствіе тѣми справками и выписками, въ которыхъ мы нуждались для своей работы.

2) Въ старину эта фамилія писалась чаще: Посниковъ; такъ же подписывался и отецъ Петра Васильевича („Василей Посниковъ“. Архивъ Мин. Юстиціи. Дѣла правит. Сената по Малоросс. экспедиціи. № 1732, л. 81 об.); но самъ онъ, за рѣдкими исключеніями, писалъ свою фамилію съ буквою т (см. его письма изъ Франціи въ Мос. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ).

тому же старикъ-Постниковъ имѣлъ случай и непосредственно ознакомиться съ иноземными обычаями. Въ 1683 г. онъ отправлялъ „Царьгородскую посылку“ вмѣстѣ со старшимъ товарищемъ, окольнічимъ Хлоповымъ ¹⁾; позже, въ 1687 г., ѣздилъ, уже самостоятельнымъ посланникомъ, къ Бранденбургскому курфюрсту, въ Голландскіе Статы, къ Англійскому королю и Флоренскому дукъ съ объявленіемъ о Вѣчномъ мирѣ, который передъ этимъ Россія заключила съ Польшею ²⁾. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что Постниковъ смотрѣлъ на образованіе, хотя бы иноземное, отнюдь не враждебными глазами. Если даже не внутреннее убѣжденіе, то практическая сметка, житейскій тактъ заставляли его сообразоваться съ положеніемъ вещей. Въ 1701 году по собственному побужденію отправляетъ онъ младшаго сына за море въ науку ³⁾, а это даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что и за 9 лѣтъ передъ тѣмъ старшій сынъ его, Петръ, былъ посланъ въ Падуанскій университетъ тоже съ добраго согласія отца и, можетъ быть, даже прямо по его почину. Все это, конечно, не исключаетъ и вліянія со стороны правительства. Послѣднее въ ту пору чувствовало недостатокъ въ хорошихъ докторахъ и хирургахъ и охотно выписывало ихъ изъ за-границы, платя хорошіе оклады ⁴⁾. Падаютъ же выбрали, вѣроятно, отчасти потому, что въ это время нѣкоторые изъ докторовъ-иностранцевъ, состоявшихъ на русской службѣ, были питомцами ея университета ⁵⁾.

1) Памятники Дипломат. Сношеній, VII, 1002.

2) Ibidem, 997—998, 1001. Въ званіи дьяка Посольскаго приказа мы могли прослѣдить его до марта 1708 г. Архивъ Мин. Юстиціи. Дѣла Правит. Сената по Малороссійской экспедиціи, № 1735, л. 11—12. Сравни. Памятн. Диплом. Сношеній, VII, 1057, 1079, 1214, 1355. Письма и бумаги Петра В. II, 544. Въ апрѣлѣ 1708 г. сынъ говоритъ про него: „богатъ и пребогатъ онъ службами, а не деньгами.“ См. ниже въ приложеніи I, письмо 3 апрѣля 1708 г. Біографическій очеркъ В. Т. Постникова см. у Б а н т ы ш а - К а м е н с к а г о , Словарь достопамятн. людей (М. 1836) IV, 178—180.

3) Приложеніе I, письмо Постникова 30 марта 1702 г.

4) P o s s e l t , Der General und Admiral F. Lefort, II, 107.

5) Пеларино, Коминъ. Р и х т е р ь , II, 310, 312.

Такъ или иначе, но весной 1692 г. П. В. Постниковъ покидаетъ Москву. Въ провожатые и руководители ему данъ былъ грекъ Пеларино, докторъ медицины, воспитанникъ того же Падуанскаго университета, челоуѣкъ далеко еще не старый ¹⁾, прослужившій въ Россіи два года и теперь возвращавшійся въ Венецію съ тѣмъ, чтобы принять тамъ новую должность консула въ Смирнѣ и Египтѣ ²⁾. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Пеларино обязался не только сопутствовать молодому русскому въ его дальней дорогѣ, но и помочь ему устроиться въ самой Падуѣ. 27 мая 1692 г. Постниковъ переступилъ границу Московскаго государства на Литовскомъ рубежѣ ³⁾, чтобы нѣсколько мѣсяцевъ спустя быть зачисленнымъ въ студенты Падуанскаго университета. Современная запись университетской канцеляріи гласить, подъ 22 сентября 1692 г., что Постниковъ въ первый годъ своихъ занятій поселился на квартирѣ у Пападополи: *il signor Pietro Posicovio del signor Basilio di*

1) Въ 1688 году его называютъ „молодымъ.“ Памяти. Диплом. Сношеній VII, 325—326.

2) Рихтеръ, 308--311. Пападополи въ своей исторіи Падуанскаго университета слѣдующее сообщаетъ о Пеларино: Лейбъ-медикъ Валацкаго князя, пока поиски лучшаго не вызвали его въ Московію, онъ долго оставался въ Россіи и скопилъ большія богатства. Послѣднія Пеларино могъ бы безъ труда еще болѣе увеличить и получить разныя почести, если бы не варварская страна, гдѣ приходилось довольствоваться лишь вѣрнымъ и прочнымъ; ибо русскіе — прибавляетъ авторъ — въ ту пору еще не вступили на путь общенія съ сосѣдними народами и не успѣли смягчить свои грубые нравы. Пеларино старались удержать въ Россіи, но ему удалось выбраться, хотя и подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ вернуться; онъ направился въ Константинополь и вскорѣ за тѣмъ въ Смирну (*Paradoroli, Historia Gymnasii Patavini, II, 323*).

3) Рихтеръ, II, 322. Въ нѣмецкомъ изданіи книги Рихтера, нѣсколько отличномъ отъ русскаго, прибавлено, что существовало предположеніе обоимъ путникамъ съѣхаться у г. Орши, гдѣ Пеларино долженъ былъ дожидаться Постникова; но по случайности они продолжали свой путь совмѣстно лишь отъ Варшавы. Смоленскій воевода И. И. Головинъ получилъ приказъ снабдить Постникова деньгами и коннымъ отрядомъ, на всемъ протяженіи пути черезъ Польшу вплоть до Силезской границы, и кромѣ того дать знать въ Москву, когда и какъ переѣхалъ онъ черезъ рубежъ (*Richter II, 403—404*).

Moscovia, suo primo anno di studio in Padua, habita dal signor Papadopoli № 93 ¹).

Въ девяностыхъ годахъ XVII стол. въ Падуѣ дѣйстви- тельно жилъ Пападополи (Николай Комнинъ) — профессоръ университета, извѣстный ученый канонистъ. Онъ родился въ 1655 г. на островѣ Кандіи. Чистокровный грекъ, съ одиннадцати лѣтъ попалъ онъ въ католическій Римъ и получилъ тамъ воспитаніе въ іезуитской коллегіи св. Ава- насія, гдѣ изучалъ литературу, богословіе и каноническое право. Вступивъ на 18-мъ году жизни въ орденъ іезуитовъ (въ 1672 г.), онъ скоро покинулъ его и перешелъ въ бѣлое духовенство, а съ 1688 г. сталъ читать каноническое право въ Падуанскомъ университетѣ ²).

Ставши католикомъ, Пападополи проявилъ большую терпимость къ православію; болѣе того, онъ постоянно про- водилъ мысль о большомъ сходствѣ въ вѣроученіи и об- рядахъ обѣихъ христіанскихъ церквей. Съ этою цѣлью онъ даже издалъ въ 1697 г. специальное разсужденіе: *De differentia graecorum et latinorum episcoporum praenotationes mystagogicae ex jure canonico*, въ которомъ старался изобразить разницу между двумя вѣроисповѣданіями какъ самую ничтожную и несущественную ³), и въ этомъ смыслѣ даже энергически защищалъ церковь православную отъ нападокъ

1) Собственно: Il s.^r Pietro Posicovio del s.^r Basilio di Moscovia, suo p.^o anno di studio in Pad.^a hab.^a dal s.^r Papadopoli № 93. И далѣе на новой строчкѣ, другими чернилами: „1693 — 26 — 7bre. Mat.^o — № 119.“, то есть: 1693, 26 Settembre Matricolato № 119. — Архивъ Падуанскаго университета: Matricolazione degli studenti Artisti dall' anno 1680 al 1694. II, стр. 350.

2) Didot, Nouvelle biographie générale, vol. 39, pag. 155—156. — Jocher, Allgem. Gelehrt.-Lexicon, III, 1232.

3) Zedler, Universal-Lexicon, XXV, 613—614. — Das grosse Conversations-Lexicon von Meyer (1848), 2. Abth., Bnd. II, 422. Adelung's Fortsetzung und Ergänzungen zu Jocher's Gelehrt.-Lexicon, V, 1519—1520. Сравн. Васильевскій, Русско-Византійскія изслѣдованія. Выпускъ второй, стр. CXIV. — Отмѣтимъ еще другой трудъ Пападополи: *Historia Gymnasii Patavini*. 2 tomi. Venetiis. MDCCXXVI. Полный списокъ его сочиненій (числомъ 15) см. у Zedler'a.

Баронія и Беллармина 1). Эта тенденція принесла Пападополи въ практическомъ отношеніи большія выгоды. Для Венеціанскаго правительства, имѣвшаго обширныя связи съ православнымъ Востокомъ, было весьма существенно изобразить дѣло въ томъ видѣ, какъ его рисовалъ ученый грекъ и при томъ столь авторитетной рукою. Теперь легче было найти *modus vivendi* для сближенія православныхъ и католическихъ подданныхъ торговой республики, — и Сенатъ не умедлилъ щедро одарить автора, быстро повышая его на лѣстницѣ почестей 2).

Позволительно признать именно въ этомъ Пападополи то лицо, у котораго поселился Постниковъ. Онъ былъ грекъ по рожденію, единоплеменникъ Пеларино, во всякомъ случаѣ не врагъ православія³). Русскому правительству вообще и отцу Постникова въ частности естественно было, отправляя молодого студента на далекую чужбину, пристроить его къ лицамъ и учрежденіямъ, которыя хотя и не были вполне родными, но все же вызывали къ себѣ, какъ болѣе близкія, большее довѣріе, чѣмъ всѣ остальные. Если уже нельзя было перенести въ Падую цѣликомъ традиціонный укладъ старомосковской жизни, то, приспособляясь къ наличнымъ условіямъ, всего правильнѣе было выбирать тѣ, которыя хоть сколько-нибудь напоминали его. Не даромъ же Постниковъ, какъ сейчасъ увидимъ, вынужденный по университетскимъ правиламъ, записаться въ одну изъ корпорацій, выбралъ ту, гдѣ было всего больше грековъ и вообще лицъ съ православнаго Востока; хотя, можетъ быть, и существовали основанія поступить иначе. Нельзя упустить изъ виду и того, что впоследствии Постниковъ свободно владѣлъ

1) Larousse, Grand dictionnaire universel, XII, 137.

2) Meyer's Lexicon; Adelung's Fortsetzung, loco citato.

3) Напомнимъ, что и Пеларино былъ православнымъ и считался родственникомъ извѣстныхъ братьевъ Лихудовъ. (Памятники дипломат. сношеній, VII, 325.)

греческимъ языкомъ ¹⁾, которому, разумѣется, не всякій же студентъ-медикъ научался въ тогдашней Падуѣ ²⁾.

Говорить о какомъ либо вліяніи Пападополи на молодого русскаго у насъ нѣтъ никакихъ прямыхъ данныхъ. Но нельзя не замѣтить, что общеніе съ ученымъ папистомъ, сглаживавшимъ пропасть, отдѣляющую православіе отъ католичества, не могло пройти совершенно безслѣдно для Постникова. Въ концѣ XVII в. въ русскомъ обществѣ было не мало еще лицъ, которыя, представляя эту пропасть весьма значительною, не отдѣляли заимствованій тѣсно-культурныхъ отъ церковно-религіозныхъ и въ силу этого естественно должны были съ опасеніемъ смотрѣть на всякое сближеніе съ Западомъ. Такимъ образомъ, оберегая чистоту своихъ религіозныхъ вѣрованій, русскіе люди должны были невольно загоразживать дорогу для многоаго, что шло отсюда. За то какою заманчивою должна была показаться русскому юношѣ мысль о томъ, что и въ обрядахъ и въ самомъ ученіи римская церковь не расходится съ востокомъ, что отличія существуютъ лишь въ одномъ воображеніи излишне боязливыхъ людей! Устранялось такимъ образомъ одно изъ важныхъ препятствій къ заимствованію тѣхъ даровъ, которые щедрой рукою предлагала западная культура тогдашнему москвиту и которые для Постникова, какъ увидимъ далѣе, сохраняли въ теченіе всей его жизни заманчивую прелесть.

Въ ту пору Падуанскій университетъ собиралъ вокругъ себя слушателей со всѣхъ концовъ Европы, при чемъ студенты, въ духѣ средневѣковыхъ обычаевъ, дѣлились на

1) Памятники Дипломатич. Сношеній IX, 88, 188.

2) Намъ могутъ возразить, что кромѣ профессора Пападополи могли быть въ Падуѣ и другіе, носившіе ту же фамилію. Но кто же именно? Предполагать однофамильцевъ гораздо менѣе оснований, чѣмъ родственниковъ и вообще членовъ семьи Пападополи-профессора; а вполнѣ слѣдуетъ случаѣ вопросъ по существу мало измѣняется, ибо все дѣло въ средѣ, обстановкѣ и духѣ возрѣній; и для насъ совершенно достаточно признать хотя бы нѣкоторыя точки соприкосновенія молодого русскаго съ ученымъ кавонистомъ.

націи (*nationes*), то есть, корпораціи или землячества, въ составъ которыхъ входили обыкновенно лица одной мѣстности или государства. Каждая нація имѣла свой особый уставъ, организацію и привилегіи. Такихъ землячествъ въ Падуанскомъ университетѣ было очень много, и всѣ они, еще со времени основанія университета (1222 г.)¹⁾, дѣлились на двѣ группы: *nationes ultramontanorum* — такими были Германская нація (*Alemanna*), Чешская (*Bohema*), Польская, Венгерская, Бургундская, Англійская, Испанская, Заморская (*Ultramarina*) и др.; и *nationes citramontanorum*: Римская, Сицилійская, Ломбардская, Миланская, Генуэзская, Венеціанская, Фріулійская, Далматинская, Падуанская и др.²⁾ Число землячествъ, разумѣется, не могло быть постояннымъ; но Русская нація отсутствовала всегда, за малочисленностью лицъ, которыя могли бы образовать ее. Студенты изъ югозападныхъ русскихъ областей, въ то время подчиненныхъ Литовско-Польскому государству, примыкали къ Польской корпораціи³⁾, пришельцамъ же изъ „Московіи“ приходилось записываться или сюда же, или къ какому-нибудь иному землячеству. Такъ поступилъ и Постниковъ: онъ записался въ Заморскую націю⁴⁾, въ составъ которой входили греки и вообще уроженцы Восточныхъ земель⁵⁾.

1) Savigny, Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. 2. Ausg. (Heidelberg 1834), III, 278.

2) Rotulus et matricula D. D. Juristarum et Artistarum Gymnasii Patavini A. MDXCII—III p. Ch. n. Curantibus Dre Blasio Brugip. o. prof. et J. Aloysio Andrich iur. stud. in Patav. Ath. (Patavii MDCCCXCII), стр. XI—XII.

3) Сравни. Rotulus et matricula, стр. 10—11. Сравни. указанія на нѣкоторыхъ православныхъ студентовъ у Я. Головацкаго, Библиографич. находки во Львовѣ. Записки Акад. Наукъ, т. XXII, стр. 22.

4) Архивъ Падуанскаго университета: Atti Nazione Germanica. Artisti. Tomo VI, стр. 15.

5) Ultramarina natio Graecos omnesque, qui in regionibus ad Orientem versus nati erant, complectebatur. Rotulus et matricula, стр. XII.

Обособленность, на почвѣ того же средневѣковаго сепаратизма, чувствовалась и въ строѣ Падуанской школы: университетъ издавна дѣлился на два основныхъ отдѣленія, какъ бы на два отдѣльныхъ университета: *universitas juristarum*, то есть, юристовъ, изучавшихъ свѣтское и каноническое право, и *universitas artistarum*, въ которомъ числились медики и богословы ¹⁾. Каждое отдѣленіе имѣло своихъ представителей: ректора, синдика (съ 1639 г. совмѣстившаго въ своемъ лицѣ и должность проректора), совѣтниковъ (*consiliarii*), бывшихъ помощниками ректора и вмѣстѣ съ нимъ членами правленія; секретаря (*notarius*), педелей (*bidelli*) и пр. По издавна установившемуся обычаю почти всю администрацію Падуанскаго университета избирали сами студенты и при томъ изъ своей же среды ²⁾. Такъ напримѣръ, въ началѣ каждаго учебнаго года ³⁾ каждое землячество назначало отъ себя электоровъ (*electionarios*), которые въ особомъ засѣданіи — обыкновенно въ августѣ мѣсяцѣ — подъ предсѣдательствомъ правительственнаго представителя городской администраціи (подеста или капитана) въ свою очередь избирали ректоровъ ⁴⁾ и синдиковъ ⁵⁾. Съ теченіемъ времени, для избѣжанія большихъ расходовъ, сопряженныхъ съ выборомъ ректора, его должность обыкновенно оставалось вакантною и исправлялась синдикомъ (просиндикомъ) или проректоромъ ⁶⁾. Такъ во время сту-

1) Во времена Паладополи (его книга вышла въ 1726 г.) „*nomen artium*“ охватывало: „*theologos, paginarum sacrarum interpretes, philosophos, medicos, enarratores simplicium, botanicos, mathematicos, humaniorumque litterarum institutores*“ (P a r a d o p o l i, *Historia Gymnasii Patavini*, I, 123).

2) Объ избраніи ректора и вообще должностныхъ лицъ см. P a r a d o p o l i, *Historia Gymnasii Patavini* I, 91 слѣд.

3) Онъ начинался обыкновенно 19 октября и продолжался до 22 іюля. S a v i g n y, III, 298.

4) Лишь съ 1738 г. должность ректора перестала быть избирательною, ставши подчиненною непосредственно Венеціанскому правительству. *Rotulus et matricula*, XI. S a v i g n y, III, 280.

5) *Rotulus et matricula*, XI—XIV. S a v i g n y, III, 279—298.

6) S a v i g n y, III, 280.

денчества Постникова званіе ректора у „Артистовъ“ носили: далматинець Terzis, синдикъ и проректоръ (1692—1693); чехъ Мировичъ, просиндикъ (1693—1694), и Геклеръ изъ Страсбурга, тоже просиндикъ (1694—1695) ¹⁾.

За внѣшнимъ порядкомъ въ стѣнахъ университета слѣдилъ оберъ-педель съ помощниками (*bidelli*). На рукахъ у каждаго помощника была своя аудиторія. Кромѣ того педеля завѣдывали и финансовою частью: они принимали отъ студентовъ плату за слушаніе лекцій: сидѣвшіе впереди, на первой скамейкѣ, ближе къ профессору, платили всего дороже: по дукату; остальные по 8 солдовъ. Оберъ-педель такихъ дукатовъ (солдовъ) собиралъ съ каждаго студента дважды, а педель аудиторный — трижды въ годъ ²⁾.

Исторія Падуанскаго университета, написанная Фаччьолати, даетъ намъ возможность ознакомиться, какія именно лекціи читались на медицинскомъ факультетѣ во времена Постникова. Въ составъ тогдашняго преподаванія входили курсы практической и теоретической медицины, — „ординарной“ и „экстраординарной“, — хирургіи, анатоміи, фармаціи

1) Facciolati, *Fasti Gymnasii Patavini*, стр. 239.

2) Savigny, III, 286. Впрочемъ указанія Савиньи относятся собственно къ юристамъ, и неизвѣстно, приложимы ли они къ медикамъ конца XVII в. — Кромѣ цитированныхъ трудовъ Савиньи (1834), Фаччьолати (1757) и гг. Бруджи и Андрича (1892), см. для исторіи Падуанскаго университета вышеупомянутую книгу Пападополи; *De Gymnasio Patavino A. Riccoboni Commentariorum libri sex* (Pat. 1592); *Storia scientifico-letteraria dello studio di Padova* (Pad. 1824); Colle, *Fasti Gymnasii Patavini* (Pat. 1841). — Въ приложеніи къ III-му тому своей *Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter* Савиньи даетъ выдержки изъ устава Болонскаго университета, служившаго прототипомъ для устава Падуанскаго (стр. 643—666). Послѣдняя по времени работа по исторіи западно-европейскихъ университетовъ — *Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. Erster Band. Die Entstehung der Universitäten des Mittelalters bis 1400* (Berlin 1885), von H. Denifle. См. тамъ стр. 273—290, посвященныя Падуанскому университету и 800—807: *Statuti del comune di Padova*, XIII стол., предназначенныя для руководства студентовъ.

(de horto medico) и „simplicium“ 1). Въ числѣ профессоровъ выдѣлялись Иона, Патэнъ, Ринальдини и нѣкоторые другіе.

Франческо Иона преподавалъ высшую практическую медицину и считался болѣе практикомъ и опытнымъ докторомъ, чѣмъ ученымъ. Фаччьолати особенно подчеркиваетъ курсъ его de pulsibus et urinis. Иона умеръ въ 1695 г²).

1) Вотъ полный перечень ихъ. Въ скобкахъ ставимъ имена профессоровъ, занимавшихъ въ 1692—1695 гг. соответствующія кафедры.

1. Schola prima medicinae practicae ordinariae (Франческо Иона). *Facciolati*, 335.
2. Schola secunda medicinae practicae ordinariae (Иларіо Спинелли [1692] и Франческо Сполето [съ 1693 г.]). *Facc.*, 340.
3. Prima theoriae medicinae ordinariae schola — вакантна съ 1683 по 1700 г. *Facc.*, 345.
4. Secunda theoriae medicinae ordinariae schola (Помпилио Скотто) *Facc.*, 350.
5. Prima medicinae practicae extraordinariae schola (Шарль Патэнъ французъ). *Facc.*, 354.
6. Secunda medicinae practicae extraordinariae schola (Лоренцо Лангвиди). *Facc.*, 359.
7. De tertiae medicinae practicae extraordinariae loco (Карло Ринальдини). *Facc.*, 362.
8. Prima theoriae medicinae extraordinariae schola (графъ Аллессандро Борромейскій). *Facc.*, 365.
9. Secunda theoriae medicinae extraordinariae schola (Альфонсо Доноли). *Facc.*, 369.
10. De tertio theoriae medicinae loco (Лоренцо Бакетти). *Facc.*, 371.
11. De theorica medicina extraordinaria dierum vacantium (Георгій Калафатти, грекъ). *Facc.*, 373.
12. Prima schola practicae extraordinariae dierum vacantium quae in actis dicitur lectura universitatis et inscribitur ad tertium Avicennae librum — вакантна съ 1690 по 1698 г. *Facc.*, 378.
13. Schola secunda practicae extraordinariae dierum vacantium (Оттавіо Савіоли; съ августа 1694 — Кампалонго). *Facc.*, 382.
14. Ad secundam Fen primi canonis Avicennae de morbis de morborum caussis et symptomatibus, de pulsibus et urinis, hora secunda matutina dierum vacantium (Франческо Иона и Доменико Гильельмини). *Facc.*, 384. *Paradoroli*, I, 384—385.
15. De primo chirurgiae loco (Антоніо Маркетти). *Facc.*, 393.
16. De secundo chirurgiae loco — закрыта съ 1692 г. *Facc.*, 395.
17. De primo anatomes loco (Микель-Анджело Молинетти). *Facc.*, 396.
18. De secundo anatomes loco (Джакопо Вискарди). *Facc.*, 398.
19. De horto medico (Феличе Віалисъ). *Facc.*, 403.
20. De schola simplicium (Леаль Леалисъ). *Facc.*, 406.

2) *Facciolati*, 335.

Въ аттестатѣ, выданномъ Постшикову изъ Падуанскаго университета этотъ профессоръ поименованъ такимъ образомъ: „Маркграфъ и графъ Францискъ Юнасъ, патрицій Веронскій, философіи и врачевства учитель въ Падуанскомъ лиціѣ ко дѣянію учиненну врачевства, и о пульсахъ, сирѣчь о движеніи ручныхъ артерій, еще и о уринѣ во странноприемницѣ въ праздничные дни о мочахъ больницѣ народный профессоръ начальный имянитаго же чина господиновъ философіи и врачевства учителей и профессоровъ властію Венетскою предсѣдатель“ 1).

Едва ли не самую крупную величиною Падуанскаго университета былъ въ то время Ш. Патэнъ, французскій эмигрантъ (1633—1693). Онъ наследовалъ таланты своего отца, тоже медика, извѣстнаго своимъ широкимъ литературнымъ образованіемъ. Шести лѣтъ Патэнъ свободно говорилъ по латыни, какъ будто для него это было дѣломъ самымъ обычнымъ; одиннадцати, при поступленіи въ коллегію de Presle, онъ уже знакомъ съ писателями древности, а 14½ лѣтъ, съ успѣхомъ защитивъ тезисъ по всѣмъ отдѣламъ философіи, признанъ *maitre ès arts*. 23-хъ лѣтъ онъ докторъ и занимаетъ каяедру въ Парижскомъ университетѣ. Его лекціи по патологіи и особенно анатоміи привлекаютъ массу слушателей. Разносторонняя натура, Патэнъ не удовлетворяется одной медициною, но изучаетъ право и нумизматику. Въ послѣдней онъ оставилъ глубокой слѣдъ, и его многочисленныя нумизматическія работы очень цѣнятся специалистами. Вынужденный въ 1661 г. покинуть родину, Патэнъ съ 1676 г. пристраивается къ Падуанскому университету и съ 1681 г. становится *professor primarius medicinae* 2).

1) Рихтеръ, II, приложенія, стр. 143—144.

2) Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales. Directeur A. Dechambre. Serie 2-me, tome 21, pag. 637. — Didot, Biographie univers. génér. tom. 39, pag. 331—332. — Adelung-Jocher, Gelehrte-Lexicon V, 1663—1665. — Zedler, Universal-Lexicon, XXV, 1321—1322. — Paradolli, Histor. Gymn. Patavini I, 379—381. — Facciolati, 354.

Ринальдини принадлежалъ тоже къ числу широко-образованныхъ людей; медикъ, онъ считался хорошимъ математикомъ и богословомъ; одно время велъ въ университетѣ курсъ философіи¹⁾. О профессорѣ Молинетти Фаччюлати даетъ такой же сочувственный отзывъ, называя его не узкимъ специалистомъ, а литературно образованной личностью²⁾. Отличительными чертами Даноли (1635—1724), читавшаго въ Падуѣ съ 1660-хъ годовъ, были краснорѣчіе, память и живой умъ³⁾. За то Маркетти, лишенный дара слова, составилъ себѣ славу хорошаго диагноста⁴⁾. У Клафатти, „Падовскаго доктора“, лѣчился въ 1698 г. кн. Б. И. Куракинъ⁵⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что Постниковъ прослушалъ въ Падуѣ также и курсъ философскихъ наукъ, уже по одному тому, что въ ту пору таковой былъ тѣсно связанъ съ курсомъ медицинскимъ. Не даромъ впоследствии онъ иногда подписывался: „врачъ и философъ“⁶⁾. Но, будучи лишены возможности точно указать, что именно въ этомъ отдѣлѣ изучалъ молодой русскій, мы считаемъ болѣе удобнымъ отнести въ примѣчаніе перечень читавшихся при немъ философскихъ курсовъ⁷⁾.

Хотя нѣкоторые, какъ Цедлеръ, Фаччюлати и показываютъ годъ смерти Патэна 1694, но мы основываемся на лучшемъ и новѣйшемъ біографическомъ пособіи, — Словарѣ Дешамбра. Вопросъ этотъ не можетъ считаться вполне маловажнымъ въ примѣненіи къ Постникову.

1) *Facciolati*, 277. Сравни *Paradropoli*, I, 381.

2) *Facciolati*, 396. Сравни *Paradropoli*, I, 370.

3) Въ числѣ его печатныхъ работъ отмѣтимъ двѣ, написанныя до выхода Постникова изъ университета. Эти были: 1) *Il medico pratico, cioè è della vita attiva con la qual può regolarsi ogni medico, che intende professar medicina pratica*. Venezia. 1666. 12°. — 2) *Liber de iis qui semel in die cibum capiunt*. Venezia. 1674. 12°. *Adelung-Jocher*, II, 741.

4) *Facciolati*, 393. Сравни Леаль Леалиса (ум. 1726), автора книги: *Exercitatio epistolica de partibus semen conficientibus in viro*. Patav. 1686. 12°. *Adelung-Jocher*, III, 1451.

5) Архивъ кн. Куракина, III, 150—151.

6) Рихтеръ, II, 325; Письма и бумаги Петра Вел., II, 383.

7) 1. *De primae philosophiae ordinariae schola* (Карло Ринальдини, читавшій, какъ мы видѣли, и медицинскій курсъ). *Facciolati*, 277.

II.

Материалы Падуанскаго архива упоминають имя Постникова лишь при вступленіи его въ университетъ и при окончаніи имъ курса. Выше мы видѣли извѣстіе о его зачисленіи въ число студентовъ, съ именемъ квартирнаго хозяина, извѣстіе черезъ-чуръ краткое и лаконичное; нѣсколько подробнѣе говорятъ документы о полученіи Постниковымъ званія доктора.

Еще со временъ Рихтера установилось мнѣніе, что Постниковъ окончилъ курсъ ученія въ Падуѣ въ 1696 году²). По странной случайности никто однако до сихъ поръ не обратилъ вниманія на противорѣчія и несоотвѣтствія, встрѣчающіяся въ томъ документѣ, на которомъ основано это мнѣніе. Мы говоримъ о дипломѣ, что Падуанскій университетъ выдалъ Постникову и который напечатанъ у Рихтера

2. De secundo philosophiae ordinariae loco (Франческо Сполето, съ 1692 по 1693, до перехода на медицинскую кафедру. См. выше). *Facciol.*, 281.
3. De prima philosophiae extraordinariae schola (Тома Катанео, грекъ, съ 1692). *Facciol.*, 285—286.
4. De secunda philosophiae extraordinariae schola — закрыта съ 1692 по 1695 г. *Facciol.*, 290.
5. De tertia philosophiae extraordinariae schola (Камполонго, до перевода въ августъ 1694 г. на медицинскую кафедру. Преемникомъ ему былъ Джіованни Антоніо Казали). *Facciol.*, 292, 382.
6. De prima logicae schola (Альбано, „magnus peripatheticus“). *Facciol.*, 299.
7. De logicae schola secunda (съ 1692 Паоло Червини). *Facciol.*, 304.
8. De tertia logicae schola (Франческо Марино Поккини, „ex ordine praedicatorum“). *Facciol.*, 307.
9. De morali philosophia (Джузеппе Карлотти). *Facciol.*, 318.
10. De astronomia et mathematica (Стефано Анджели). *Facciol.*, 323.
11. De meteoris etc. — вакантная съ 1683 по 1694. (Съ 1694 г. Микель-Анджело Фарделла). *Facciol.*, 326.

2) Рихтеръ, II, 322. Митр. Евгеній, II, 135. Бантышъ-Каменскій, IV, 181. Пекарскій, I, 248, примѣч. А. Вгйскнер, 283. А. Ф. Бычковъ въ Письмахъ и Бумагахъ Петра Вел. II, 382. Повидимому и Н. П. Загоскинъ, 67.

въ современномъ русскомъ переводѣ. 1696 годъ — дважды встрѣчающійся въ этомъ документѣ — очевидная опечатка. Если званіе доктора присуждено было въ августѣ 1696 года¹⁾, то какимъ образомъ дипломъ на это званіе могъ быть скрѣпленъ подписью канцлера университета 2 мая того же года²⁾? Какъ могъ профессоръ Иона, скончавшійся еще въ 1695 г.³⁾, подписывать этотъ документъ черезъ годъ послѣ смерти? Точно также нельзя было говорить, что званіе доктора „дадеса въ Патавіи въ обыкновенномъ мѣстѣ испытанія Академіи Падванскія лѣта отъ Р. Хр. 1696 индиктѣ второмъ, вдѣнь діафи мѣсяца Августа, принчепства же господина господина Силвестра Валерія дуки господина господина Венетовъ впервомъ году“⁴⁾: Сильвестро Валеріо, по смерти дожа Мочениго (ум. съ 6 на 7 января 1694 г.), былъ избранъ въ его преемники 24 февраля 1694 г.⁵⁾. Ясно, что званіе доктора Постниковъ получилъ въ августѣ не 1696, а 1694 г.; въ маѣ же слѣдующаго, 1695 г., разставаясь съ университетомъ, получилъ онъ и самое свидѣтельство. Не даромъ именно этотъ 1695, а не какой либо иной, показываютъ намъ и другіе источники, какъ годъ выдачи диплома. Въ бумагахъ Аптекарскаго приказа въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія хранился „патентъ отъ Падуанской академіи природному россіянину Петру Постникову, на званіе медика, 1695 г.“⁶⁾.

Наконецъ 1694 годъ получаетъ окончательное подтвержденіе въ документахъ университетскаго Падуанскаго архива.

1) Рихтеръ, Приложенія, 151.

2) Ibidem, 152.

3) Facciolati, Histor. Gymn. Patavini, 335.

4) Рихтеръ, Приложенія, 151.

5) J. F. Bret, Staatsgeschichte der Republik Venedig. III. Theil (Riga 1777), Seit. 655—656.

6) Протоколы засѣданій Археографич. Коммиссіи I, 90. Сравн. также извѣстіе Корба о „какомъ-то русскомъ“, который „послѣ двухлѣтняго изученія медицины получилъ . . . степень доктора въ Итали“ (Дневникъ Корба, Чтенія въ Общ. Истор. Древн. 1867, III, 254). Эти слова, какъ надѣмся показать ниже, могутъ относиться только къ Постникову.

Въ августѣ этого года Постниковъ долженъ былъ получить степень доктора; но такъ какъ онъ числился въ Заморской корпорации, то ректоръ Артистовъ, Геклеръ, бывший одновременно просиндикомъ въ корпорации Германской, предъявилъ Постникову требованіе предварительно выйти изъ первой (т. е. Заморской) и записаться во вторую (т. е. Германскую). Геклеръ ссылался на университетскія правила и примѣръ двухъ русскихъ студентовъ, исполнявшихъ въ свое время въ Падуанскомъ университетѣ обязанности просиндика ¹⁾. Завязался горячій и длинный споръ, къ разрѣшенію котораго были привлечены протекторы обоихъ отдѣленій: Юридическаго и Артистовъ ²⁾; но и они не пришли ни къ какому соглашенію. Георгій Калафатти, бывший, какъ мы выше видѣли, однимъ изъ профессоровъ университета и грекомъ по происхожденію, горячо отстаивалъ права Заморской корпорации; но въ то время какъ онъ опирался главнымъ образомъ на стародавній обычай и на родство (?) обоихъ языковъ, греческаго и русскаго, — сторонники „Германцевъ“ противопоставляли принципъ территориальный. Дѣло въ томъ, что правила Падуанскаго университета обязывали студентовъ имматрикулироваться въ единоплеменной „націи“; на случай же, если бы ихъ родина оказалась въ Падуѣ безъ представительства, то — выбрать націю наиболѣе „сосѣдную“ ³⁾. Этого послѣдняго основанія не рѣшался

1) Кто были эти русскіе (moscovitae) студенты? Указаній на нихъ до сихъ поръ еще не встрѣчалось въ нашей литературѣ.

2) Протекторомъ Артистовъ въ ту пору былъ профессоръ графъ Алессандро Борромейскій. Архивъ Падуанск. универс. *Atti Nazione Germanica (Artisti)*. Tomo VI, pag. 6.

3) Съ содержаніемъ этихъ правилъ мы ознакомились, благодаря дружескому и просвѣщенному содѣйствию г. В. Бруджи (Dr. V. Brugi). Уважаемый профессоръ Падуанскаго университета, по нашей просьбѣ, сообщилъ намъ содержаніе 2-го параграфа первой главы общеуниверситетскаго устава (*Statuta almae universitatis DD. philosophorum et medicorum cognomento artistarum Patavini Gymnasii. Patavii. 1607*) и 1-го параграфа первой главы устава собственно Германской корпорации (по Падуанскому изданію 1729 г. — За весь этотъ періодъ времени уставы оставались безъ

отрицать и самъ Калафатти; тѣмъ не менѣе спору не предвидѣлось конца, и поѣтому пришлось перенести дѣло на рѣшеніе городскихъ властей, т. е. къ подестѣ. Последній, выслушавъ и всесторонне взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, постановилъ 14 августа рѣшеніе, въ силу котораго Постниковъ, не смотря на расходы, въ какіе впала Заморская нація, благодаря пребыванію въ ней русскаго студента, долженъ былъ приписаться къ Германской корпораціи. Постниковъ не умедлилъ въ тотъ же день исполнить это предписаніе. „Германцы“ съ удовольствіемъ подчеркнули тотъ фактъ, что протекторъ Легистовъ, по примѣру медиковъ, также и для юристовъ русскаго происхожденія призналъ необходимымъ имматрикулироваться на будущее время въ Германской, а не въ какой либо иной корпораціи. Такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ, и 19 августа 1694 г. за Постниковымъ торжественно было признано право на званіе доктора философіи и медицины ¹⁾.

измѣненія). Вотъ что, по свидѣтельству г. Бруджи, говорятъ правила университетскія: „*Obbligo della iscrizione in una delle 7 nazioni dell' Università tenendo conto del luogo dove era nato colui che doveva esser immatricolato. Se non era compreso il suo paese natale in una delle nazioni dell' Università, doveva iscriversi in quella che comprendeva gli individui nati nei paesi più vicini al suo.*“ И далѣе: „*Lo statuto primo (Германской корпораціи) dice: che nella nazione Germanica degli Artisti si immatricolano i Germani, tanto della Germania superiore che inferiore, quelli che sono oriundi dai paesi contigui alla Germania, sono discendenti dagli antichi Germani, e che parlano la lingua tedesca e tutti coloro che non parlano la lingua tedesca, ma questi ultimi non hanno diritto di voto.*“

1) „*Die 19 Augusti, cum gradum doctoris in philosophia et medicina assumpturus esset dominus Petrus Posnicovius, nobilis Moscoviensis, immatriculatus in natione Oltramarina, procurabam praetendebamque, eum lauream suscipere non posse nec debere, nisi prius nomen suum nostrae matriculae insererit (sic l) in quam jure sese inscribere debet, vi Statut. 2. Universitatis libri I^{mi} et nationis Germ. libr. I. Statut. 1., idque praecedentibus duobus aliis Moscovitis syndici munere etiam fungentibus. De hac re altercatum ubi diu fuerat, res ad utrosque protectores, ut eis dirimeretur, delatum erat: ii quoque inter se convenire non poterant, dum scilicet dominus Georgius Calafatti acriter inharendo solum ritui, qui inter utrosque esset communis, tum et linguae etc. ratione cujus nationi Oltramarinae incorporari debebat, ratione vicinitatis nobis eum concedere, id quod et ratione Stat. 2. libr. I. negare non*

Сейчасъ было упомянуто, что Постниковъ, въ силу постановленія подесты, записался 14 августа въ Германскую корпорацію. Его запись сохранилась въ матрикулаціонныхъ книгахъ послѣдней. Между многочисленными автографами членовъ этой корпораціи находится также и слѣдующій:

*Petrus Posnicovius Basilij filius
Moscoviensis 14. Aug: 1694.*

то есть:

„Petrus Posnicovius Basilis filius Moscoviensis 14 Aug. 1694“¹⁾.

Среди Падуанскихъ студентовъ существовалъ обычай при окончаніи курса жертвовать часть своихъ книгъ въ корпоративныя библіотеки, при чемъ имена дарителей съ перечнемъ самыхъ пожертвованій вносились въ особый фоліантъ-каталогъ. Размѣръ приношеній колебался отъ одного, двухъ, трехъ экземпляровъ до нѣсколькихъ десятковъ. Постниковъ не отступилъ отъ принятаго обычая. Въ актахъ Германской націи отмѣчено, что 2-го ноября

poterat, mordicus id semper defendendo, necessum fuit, ut rem ante excellentissimum dominum Podestà deferrent, qui die 14 Augusti, perceptis expensisque utriusque partis a dominis Protectoribus allatis rationibus, sententiam tulit eam, ut non obstantibus expensis in Graecorum natione, nostrae inscriberetur tanquam Moscoviensis, delato ergo hoc judicio ad me per illustrissimos dominos protectores, nomen statim nobis dedit; notandum hic quod Legistarum protector nomine V. Syndici negotium hoc non alia ex ratione urgere coeperit, quam ut si alio tempore quidam Moscoviensis Paduam legibus incumbendi gratia perveniret, et is similiter nationi Germanorum Legistarum sese immatriculare obligatus esset; dein quod unanimiter ambae nationes incumbere debeamus ad nostrorum emolumentum.“ Архивъ Падуанскаго университета. Atti nazione Germanica (Artisti). Tomo VI, pag. 15.

1) Архивъ Падуанск. Универс. Matricole dei Teologi, Medici e Filosofi della nazione Germanica dal 1649 al 1721. Tom. VII.

1694 г. онъ пожертвовалъ 9 книгъ: двѣ въ листъ, двѣ въ четверку и пять въ осьмушку ¹⁾).

Названіе же самыхъ книгъ узнаемъ изъ слѣдующей записи:

„Ego Petrus Posnicovius doctor philosophiae ac medicinae Moscoviensis Patavio discedens bibliothecae J. Nationis Germanicae Artistarum ex peculiari erga eandem zelo dono dedicavi sequentes libros: 2 die Novembris 1694. S. V.

1. Cursus philosophicus R. P. Roderici de arriaga, ex typis Parisinis, in folio.
2. Paraphrasis textualis in universa naturale Aristotelis philosophia, Antonii Rocii, in folio.
3. Ἄρμονία ὀριστικὴ τῶν ὄντων sive Harmonia definitiva entium, in 4°.
4. Cornelii Schrevelii Lexicon graeco-latinum et latino-graecum, typis datum Patavii, in 4°.
5. Encyclopaedia seu universae sapientiae theses, in 8°.
6. Emmanuele commentato del Michele Felsina, stampato in Roma, in 8°.
7. Theatro d'Arcani, stampato in Venetia, in 8°.
8. Compendio de' secreti rationali, anchora è questo in Venetia, in 8°.
9. Βίβλος καλουμένη χριστιανῶν ὁδηγία, scilicet liber qui vocatur Christianorum ductio . . . in Graeco idiomato barbara, in 8° ²⁾).

2 ноября — день когда внесъ свои книги въ библиотечку Постниковъ — былъ вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ возобновленія

1) Nobilis et excellentissimus dominus Petrus Posnicovius philosophiae et medicinae doctor bibliothecae nostrae dono dedicavit duos in folio, duos in quarto et quinque in octavo — die 2do Novembre 1694. Архивъ Падуанскаго университета. Atti della nazione Germanica (Artisti) dal 1694 al 1769, tom. VI, стр. 32.

2) Архивъ Падуанск. универс. Catalogo di Alemanni donatori di libri alla biblioteca con indice di libri dal 1622 al 1722 e serie di biblioteccarii. Anno 1694.

чтенія лекцій въ зимнемъ семестрѣ. Пять дней спустя Постниковъ избранъ былъ въ ассессоры администраціи Артистовъ ¹⁾). Было ли это однимъ почетнымъ назначеніемъ или съ нимъ соединялось реальное отправление обязанностей — судить не беремся. Выраженіе: *P a t a v i o d i s c e d e n s* позволяетъ думать, что тогда же, въ ноябрѣ 1694 г., Постниковъ покинулъ и Падую, тѣмъ болѣе что въ актахъ Германской корпораціи нѣтъ никакихъ указаній на участіе его въ ея административныхъ работахъ. Но весьма также возможно, что и по окончаніи курса онъ продолжалъ еще нѣкоторое время жить въ Падуѣ, совершенствуясь на избранномъ поприщѣ ²⁾). Впрочемъ не далеко было то время, когда молодой докторъ долженъ былъ покинуть не только *alma mater*, но и самую медицину промѣнять на дѣятельность совсѣмъ иного рода.

1) *Dies nominabatur secundus Novembris, in quo renovatio ac initium studiorum celebrari debebat, mos vero cum obtinuerit, ut excellentissimus ac reverendissimus cardinalis, excellentissimi urbis rectores praesentes sint, ii ante a me solenniter invitati dicto die excepto eccellentissimo cardinale, qui nescio ex qua causa ipsi functioni interesse non poterat, defuncti sacro in ecclesia cathedrali al Domo, una cum per plurimis professoribus praesentes fuere, ubi habito a me convivio pro ipsa universitate dari solito, nos ad Domo contulimus, ibique exceptis ad portam excellentissimis dominis rectoribus, consueta habita fuit oratio praelectusque professorum legentium rotulus Novembris die erat septimus, in quo convocato a me conventu privato, nonnulli ob deficientem numerum in assessores propositi, omniumque votis electi fuere dominus Marini Benaglis Hollandus, dominus Petrus Posnicovius Moscoviensis, dominus Franciscus Franck Brunoviensis Bavarus vero voto obtinuit quinque pro et tria contra, dominus Ignatius Sutor autem 6 vota pro et 2 contra obtinere, unde et hi in assessores assumpti sunt* Архивъ Падуанск. у н и в е р с. *Atti della nazione Germanica (Artisti) dal 1694 al 1769. Tomo VI, pag. 18—19.*

2) Считаемо не лишнимъ привести имена сотоварищей Постникова, получившихъ въ 1694—1695 гг. подобно ему, въ Collegio Veneto al Bò *pominato*, званіе доктора философіи и медицины (Фамильныя прозвища ихъ передаемо въ той латинской формѣ, въ какой они записаны въ самомъ рукописномъ документѣ):

21 мая 1694 г. — Іоаннъ Баптистъ Филиппъ Ritter — изъ Вѣны.

3 іюня 1694 — Францъ-Іосифъ Steinmann — изъ Фельдкирхена.

5 іюня 1694 — Іоаннъ Маур — изъ Миндельгейма, въ Баваріи.

5 іюня 1694 — Михаилъ Waschgiera — изъ Кальдерна, въ Тиролѣ.

III.

Зиму 1696—97 гг. Московскій дворъ провелъ въ большихъ хлопотахъ и приготовленіяхъ. Снаряжалось Великое посольство къ Европейскимъ дворамъ; самъ царь инкогнито сопровождалъ его; удача подъ Азовомъ позволяла строить широкіе планы утвержденья русскаго могущества на берегахъ Чернаго моря. Но для этого необходимо было прежде всего возобновить антитурецкую лигу, почти совсѣмъ было распавшуюся, и обновить ее свѣжими силами. Петръ В. собирался заступить мѣсто Яна Собѣскаго, въ свое время такъ много потрудившагося надъ пропа-

-
- 26 іюня 1694 — Сигизмундъ Müller ab Aicholtz — оттудаже.
 10 іюля 1694 — Абрамъ Teshensmacher — изъ Эльберфельда.
 16 іюля 1694 — Іосифъ Uhlik — изъ Штирии.
 16 іюля 1694 — Игнатій Hall — изъ Ландсгута, въ Баваріи.
 (19 августа 1694 — Петръ Постниковъ).
 29 октября 1694 — Андрей Gundelshaimer — изъ Фейхтвангена, во Франконіи.
 29 октября 1694 — Георгій Іосифъ Stagenleitner — изъ Линца.
 24 ноября 1694 — Іоаннъ Мартинъ Betznick — изъ Швеціи.
 20 декабря 1694 — Георгій Frenner — изъ Констанца.
 6 апрѣля 1695 — Францъ Franck — изъ Браунау, въ Баваріи.
 10 мая 1695 — Іоаннъ Стефанъ Ferrin (происхожденіе не указано).
 Кромѣ того слѣдующія шесть лицъ были провозглашены докторами въ Collegio episcopali al Domo dicto:
 7 іюня 1694 — Андрей Gobbi, — изъ Гравезанда: in philosophia et medicina.
 29 августа 1694 — Петръ Savoy — изъ Тироля: sacerdos in theologia.
 13 октября 1694 — Іоаннъ Баптистъ Aluera — изъ Тироля же: sacerdos in theologia.
 29 октября 1694 — Іоаннъ Мартинъ Reislein — изъ Синтена (? Sienthusanus), въ Баваріи: sacerdos in theologia.
 28 января 1695 — Маркъ Іосифъ Reisch — изъ Фельдкирхена: in medicina.
 31 января 1695 — Іоаннъ Баптистъ Bodissonus — изъ Брукзала: in philosophia et medicina.

Архивъ Падуанскаго университета. Atti della nazione Germanica (Artisti) dal 1694 al 1769, tom. VI, стр. 33. Нѣкоторыя изъ географическихъ именъ возстановлены по Н. Oesterley, Historisch-geographisches Wörterbuch des deutsch. Mittelalters (Gotha 1883) и Bischoff u. Möller, Vergleichendes Wörterbuch der alten, mittleren und neuen Geographie (Gotha 1829).

гандою неустанной борьбы съ мусульманскимъ полумъсяцемъ. Работы впереди такимъ образомъ предстояло вдоволь. Можетъ быть, никогда еще Посольскій приказъ не начертывалъ столь широкой программы и никогда еще не нуждался въ столь активной дѣятельности, какъ теперь. Между тѣмъ необходимость посѣтить разноязычные дворы европейскихъ державъ при слабомъ знакомствѣ нашихъ дипломатовъ съ иностранными языками создавала немаловажныя затрудненія. Изъ трехъ великихъ пословъ лишь Лефортъ, какъ не русскій, стоялъ, сравнительно, еще въ лучшихъ условіяхъ ¹⁾. Хотя и запаслись тремя переводчиками ²⁾, тремя толмачами ³⁾; но, надо думать, ихъ было мало — и вотъ вспомнили о Постниковѣ, который основательно владѣлъ языками латинскимъ, итальянскимъ, французскимъ ⁴⁾, даже греческимъ ⁵⁾, былъ „въ языкахъ ученый“, какъ впоследствии аттестуетъ его А. А. Матвѣевъ ⁶⁾.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ западно-европейское, а тѣмъ болѣе русское общество было еще чуждо той чрезполосности въ сферѣ научнаго знанія и образованности, какая замѣчается нынѣ. Крѣпко пока держались сословныя отличія и тому подобныя пережитки средневѣковья; но образованный человекъ еще не успѣлъ замкнуться въ тѣсную и ограниченную сферу той или другой специальности. Въ наше время демократическія реформы XIX столѣтія смыли большинство социальныхъ перегородокъ, за то въ

1) Кромѣ природнаго, Лефортъ свободно владѣлъ латинскимъ языкомъ. Theiner, Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis, Féodor et Pierre le Grand, 379.

2) Иноземецъ капитанъ Григорій Ив. Островскій — „для толмачества италіанскаго и латинскаго и полскаго языковъ, потому что онъ тѣхъ языковъ писать и говорить умѣетъ“ (Пам. Дипл. Св. VIII, 539); Петръ Вульфъ и Петръ Шафировъ — „для переводовъ латинскаго, нѣмецкаго и галаискаго языковъ“ (Ibid. 752).

3) Иванъ Кропоткинъ, Алексѣй Змѣевъ и Андрей Гемсъ (Ibid. 752).

4) Рихтеръ, 323.

5) Памятники Дипломатич. Сношеній, IX, 88, 188.

6) Соловьевъ, Исторія Россіи XV, 71.

сферѣ науки мы вернулись къ средневѣковымъ традиціямъ и обособились въ узкихъ клѣточкахъ цеховаго знанія. На что иное, въ большинствѣ случаевъ, пригоденъ современный „образованный“ человекъ, какъ лишь на работу въ замкнутомъ кругѣ своей специальности? Двѣсти лѣтъ назадъ наши предки были счастливыѣ. Пусть знаніе ихъ не отличалось такой глубиной, какъ нынѣшнее, за то оно не было столь узкимъ и одностороннимъ. Эпоха Петровскихъ реформъ въ особенности нуждалась въ энциклопедизмѣ свѣдѣній и способностей. Жатва настала обильная, а дѣлателей оказалось мало; и потому каждый сотрудникъ царя-преобразователя долженъ былъ стать готовымъ къ запросамъ и требованіямъ самаго разнообразнаго содержанія.

Еще въ началѣ марта 1697 г. рѣшено было вызвать Постникова въ Вѣну, куда, какъ извѣстно ¹⁾, Великіе послы первоначально рассчитывали ѣхать прямо отъ Бранденбургскаго курфирста. Гдѣ находился онъ въ это время? Надо думать, что въ Амстердамѣ. Когда и зачѣмъ онъ туда поѣхалъ, остается совершенно не извѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что и на самое пребываніе его въ Голландіи нѣтъ прямыхъ указаній. Рихтеръ, пользовавшійся документами Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, говоритъ, что указъ о пріѣздѣ въ Вѣну былъ отправленъ Постникову въ Венецію ²⁾, но въ этомъ позволительно сомнѣваться. Выраженіе указа ³⁾: „Посланъ ты

1) Rosselt, Lefort, II, 372, 377. Theiner, Monuments historiques, 369. Письма и Бумаги Петра В., I, 181. Устряловъ, Исторія царств. Петра В., III, 639—640. Сравн. его же, III, 18, прим. 30. Соловьевъ, Исторія Россіи XIV, 219 и прим.

2) II, 323—324.

3) Вотъ подлинный текстъ его: „В. гдря ц. и в. кн. Петра Алча всея в. и м. и б. Россіи самодержца Петру Васильевичу Посникову. По нашему в. гдря указу посланъ ты въ Венецію для совершенія свободныхъ наукъ въ Падовскую Академію, и нынѣ указали мы в. гдрь ѣхать тебѣ въ пребываніе цесарского величества римского во градъ Вѣну. И

въ Венецію въ Падовскую академію“ напоминаетъ лишь о мотивахъ поѣздки за-границу, но отнюдь еще не разъясняетъ, гдѣ въ данную минуту пребывалъ адрессатъ. Корреспонденція съ Италіей обыкновенно шла по Виленскому тракту, а въ данномъ случаѣ распоряженіе было послано черезъ Рижскую почту ¹⁾, которая служила въ ту пору для сообщеній съ Средней и Сѣверной Европою. Допустить пребываніе Постникова въ Венеціи въ началѣ 1697 г. не позволяетъ намъ еще слѣдующее обстоятельство. Когда маршрутъ Великаго посольства былъ измѣненъ въ Кенигсбергъ и рѣшено было ѣхать отсюда прямо въ Голландію, то 19 мая ²⁾ изъ этого города было отправлено Постникову одновременно два письма: въ Вѣну, на случай если онъ туда уже пріѣхалъ изъ Амстердама — съ приказаніемъ возвращаться скорѣе обратно; и въ Амстердамъ — оставаться и ждать, если еще не успѣлъ выѣхать ³⁾. И такъ уже въ половинѣ мая послы, находясь

какъ къ тебѣ ся наша в. гдря грамота придетъ и тыбъ учинилъ по сему нашему в. гдря вышеписанному указу. Писанъ на Москвѣ гѣта 7205 марта [вмѣсто зачеркнутаго: г е н в а р я] въ 3 день.“ Приписъ: „Такова за приписью дьяка Ивана Волкова послана чрезъ почту Рижскую.“ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣль. Сношенія съ Австріей, связка 34. Дѣло 1697 г. марта 3, № 16: „Отпускъ указа къ Петру Посникову о бытіи ему изъ Венеціи въ Вѣну“. — Срав. Памятн. Диплом. Сн. VIII, 699.

1) Обѣ эти почты существовали съ 1664—1667 гг. (А. Фабриціусъ, Записка о началѣ почты въ Россіи. Эпоха 1864, № 10, стр. 36. С. Канивецъ, Русская государств. почта. Вѣстн. Европы 1869, № 11, стр. 288).

2) Это число мы беремъ изъ Пам. Дипл. Снош. VIII, 808. Рихтеръ указываетъ на 21 мая (II, 324, прим.). Въ отпускѣ писемъ число со-вѣзмъ не проставлено (см. ниже).

3) Считаемъ не лишнимъ привести оба письма текстуально. Первое: „Петръ Васильевичъ, здравствуй. Писано къ тебѣ в. гдря въ указѣ, велено тебѣ ѣхать изъ Амстрадама въ Вѣну и ожидать въ Вѣнѣ прибытія великихъ и полномочныхъ пословъ, и буде ты по тому указу нынѣ въ Вѣнѣ, и ты бѣ ѣхалъ изъ Вѣны не мешкавъ въ Амстрадамъ и ожидая великихъ пословъ въ Амстрадамѣ [первоначально вмѣсто словъ напечатанныхъ курсивомъ стояли зачеркнутыя: „въ Амбургъ или гдѣ великіе послы будутъ“] и конечно чтобъ тебѣ то

въ Кенигсбергѣ, знаютъ, что Постниковъ въ Амстердамѣ, что „по указу“, полученному въ этомъ городѣ, онъ, можетъ быть, уже выѣхалъ. Когда же онъ получилъ этотъ указъ? Конечно, никакъ не позже первыхъ чиселъ мая. Если же вспомнимъ, что почта межъ Москвою и Венеціей ходила обыкновенно мѣсяцъ, и даже долѣе ¹⁾, то указъ 3 марта могъ дойти туда лишь къ апрѣлю. Мыслимо ли, чтобъ въ теченіе четырехъ, много-много пяти недѣль Постниковъ успѣлъ собраться, выѣхать изъ Венеціи, пріѣхать въ Вѣну, противно распоряженію отправиться въ Амстердамъ и дать знать объ этомъ въ Кенигсбергъ?

учинить безъ всякаго мотчанія.“ — Второе: „Петръ Васильевичъ, здравствуй. Писано къ тебѣ в. гдря въ указѣ и велено тебѣ ѣхать изъ Амстрадамъ въ Вѣну. И буде ты по се время изъ Амстрадама не поѣхалъ и се писмо застанетъ тебя въ Галланской землѣ, или гдѣ индѣ, и ты бы ожидалъ великихъ и полномочныхъ пословъ прибытія въ Галланской землѣ [далѣе слѣдовали зачеркнутыя слова: „и гдѣ провѣдаешь про нихъ“], а въ Вѣну не ѣздилъ“. Другою рукою приписано: „Таково писмо послано ис Королевца мая въ „ день чрезъ почту, а подписано: Сіе писмо отдать Московскаго государства жителю пребывающему въ Галанской землѣ, доктору медицины Петру Васильеву сыну Посникову.“ — Кромѣ этихъ двухъ писемъ 21 мая отправлена была въ Вѣну „память“ подъячому М. Волкову, пріѣхавшему было туда съ Адамомъ Вейде извѣстить цесаря о пріѣздѣ посольства. Теперь же ему поручалось объявить вѣнскому правительству, что посламъ „присланъ е. ц. в-ва въ дорогѣ указъ, дабы они шли къ в. гдрю х королевскому величеству Дацкому“ [последнее слово зачеркнуто и сверху надписано: „Аглинскому“], а что въ Вѣну они пріѣдутъ позже. „А объявивъ бы ты о томъ изъ Вѣны ѣхалъ къ великимъ и полномочнымъ посломъ въ Галанскую землю, а будетъ въ Галанской землѣ не застанешь и ты бѣ ѣхалъ въ Дацкую землю или гдѣ в. и. полн. послы будутъ . . . Да къ тебѣ жъ съ сею памятью послано писмо къ Петру Васильеву сыну Посникову, и ты то писмо не мешкавъ отошли чрезъ почту куды належитъ, а будетъ онъ въ Вѣнѣ и ты ему отдай и въ Вѣнѣ, и чтобъ по тому писму учинилъ не медлено.

з		л
д		н

Возницына.“ М. Г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Сношенія съ Австріей, связ. 34. Дѣло 1697 г. мая 21, № 35: „Отправленіе изъ Кенигсберга отъ пословъ указа къ находившимся въ Вѣнѣ подъячому Волкову и доктору Посникову о бытіи изъ Вѣны въ Амстердамъ.“

1) Потому что обыкновенно не ранѣе мѣсяца приходили письма изъ Москвы въ Вѣну. Сл. Письма и Бумаги Петра Великаго I, №№ 239, 241, 245, 248 и др. и примѣчанія къ нимъ.

Ясно, что *Θ. А. Головинъ*, говоря: „писано къ тебѣ въ указѣ, велено ѣхать изъ Амстрадама въ Вѣну“ — имѣлъ въ виду указъ 3 марта и никакой больше. Рихтеръ введенъ былъ въ заблужденіе титуломъ обложки, въ которую вложенъ указъ 3 марта: „Отпускъ указа къ П. Постникову о бытіи ему изъ Венеціи въ Вѣну.“ Но этотъ титулъ позднѣйшаго происхожденія и составленъ, по ошибочной догадкѣ, вѣроятно, однимъ изъ чиновниковъ Архива.

6 августа Постниковъ объявился Великимъ посламъ въ германскомъ городкѣ Клеве, на границѣ Голландіи ¹⁾. Медленно подвигаясь къ ближайшей цѣли своего путешествія, посольство за два дня до пріѣзда въ Амстердамъ отправило туда впередъ Постникова вмѣстѣ съ приставомъ Богдановымъ ²⁾ сдѣлать послѣднія распоряженія къ приему и помѣщенію путешественниковъ. Они должны были осмотрѣть „дворы“, „росписать гдѣ кому быть и со всѣми людьми выѣхать къ нимъ великимъ и полномочнымъ посломъ на встрѣчу“ ³⁾.

Въ Голландіи Постниковъ пригодился не однимъ знаніемъ языковъ. Нашлось примѣненіе и его медицинскимъ свѣдѣніямъ. Одинъ изъ членовъ посольскаго триумвирата, *Θ. А. Головинъ*, былъ въ то же время и начальникомъ Аптекарскаго приказа, благодаря чему Постниковъ въ данную минуту оказывался вдвойнѣ ему подвѣдомственнымъ. Корбъ въ своемъ дневникѣ, который, какъ извѣстно, охватываетъ какъ разъ эпоху Великаго посольства и послѣдующихъ мѣсяцевъ, замѣчаетъ, что послѣ Виніуса царскія аптеки пришли въ упадокъ, ближайшіе преемники его по управленію Аптекарскимъ приказомъ не заботились „о покупке новыхъ лѣкарствъ съ должной тщательностью;

1) Пам. Дипл. Снош. VIII, 910.

2) Ibid., 914. Справ. 751.

3) Ibid., 914.

отъ нерадѣнія и незнанія этихъ людей аптеки пришли въ въ такой упадокъ, что когда нужно пользоваться больнаго, то лѣкаръ не можетъ прописать то лѣкарство, которое считаетъ самымъ удобнѣйшимъ для излѣченія болѣзни, и принужденъ писать рецептъ объ отпускѣ такого лѣкарства, которое завѣдомо ему находится въ аптекахъ и которое можетъ сколько-нибудь замѣнить недостающее“. Такъ продолжалось до Головина, который „принялъ болѣе толковыя мѣры: онъ далъ“ — замѣчаетъ Корбъ — „порученіе какому-то русскому скупить въ Голландіи не находившіяся въ аптекахъ лѣкарства, что тотъ, при своемъ умѣніи и стараніи можетъ исправно исполнить; такъ какъ онъ, послѣ двухлѣтняго изученія медицины, получилъ, возбуждая въ многихъ личностяхъ зависть своимъ успѣхомъ, степень доктора въ Италіи. Кромѣ этого русскаго все почти лѣкаря иностранцы и притомъ нѣмцы“ 1).

Едва-ли надо особенно доказывать, что „какой-то русскій“ былъ никто иной, кыкъ нашъ Постниковъ. Другого русскаго доктора съ итальянскимъ дипломомъ, послѣ двухлѣтняго изученія наукъ, въ ту пору еще не было: Волковъ, какъ извѣстно, въ 1698 г. только еще поступалъ въ студенты Падуанскаго университета 2). Съ другой стороны свидѣтельство Корба о закупкѣ большой партіи лѣкарствъ вполне совпадаетъ съ показаніями и другихъ источниковъ. Статейные списки Великаго посольства прямо заявляютъ, что, состоя при немъ, Постниковъ закупалъ лѣкарства „для государева обихода“ 3). 1-го октября 1697 г. послы доносили архангельскому воеводѣ П. М. Апраксину, что по указу государеву „отпущены изъ Амстрадама въ Любокъ къ торговому иноземцу Христоверу

1) Дневникъ Корба. Чтенія Общ. Истор. Древн. 1867, III, 253—254.

2) Рихтеръ, II, 328.

3) Памятники Дипломатич. Сношеній, VIII, 1001.

Бранту купленія про его в. гдря обиходъ въ Аптекарской приказъ лекарства въ ~~двухъ~~ бочкахъ за печатми доктора Петра Посникова, которые лекарства купилъ онъ, Петръ Посниковъ, а изъ Любка тѣ лекарства велено отвезть къ Москвѣ“¹⁾.

Во время нахождения посольства въ Голландіи Постниковъ успѣлъ съѣздить въ Англію. Въ посольскихъ приходо-расходныхъ книгахъ 1698 г. помѣчено, что 13 мая „дано враче-ѳилосоѳу Петру Васильеву сыну Посникову за инструментъ ѳилосоѳской, антіа, двѣсти ѳеймковъ, да за издержки, чтѣ онъ издержалъ, ѳдучи изъ Аглинской земли на дорогѣ, сорокъ ѳеймковъ“²⁾. Этотъ инструментъ былъ купленъ для государя³⁾. Принявъ же во вниманіе, что деньги по счету Постникова были выплачены ему всего какихъ-нибудь двѣ недѣли по возвращеніи Петра Великаго изъ Англіи въ Голландію⁴⁾, едва ли мы ошибемся, сказавъ, что поѣздка Постникова по ту сторону Ламанша какъ разъ совпадала съ пребываніемъ тамъ русскаго царя, въ свитѣ котораго онъ, можетъ быть, даже и находился⁵⁾.

Надо думать, что въ это же время, зимою 1697—1698 гг., Постниковъ ѳздилъ и въ Парижъ, такъ какъ позже, въ письмѣ 30 марта 1702 г., онъ вспоминаетъ, что видѣлъ короля французскаго послѣ того какъ „имѣлъ честь видѣть его уже тому четыре года“⁶⁾. Но мы остаемся безъ

1) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Сношенія съ Австріей, связка 35. Дѣло 1697 г., окт., № 56: „Отпускъ изъ Амстердама чрезъ Любекъ въ Россію въ Аптекарскій приказъ двухъ бочекъ лѣкарства“. Сравни Рихтеръ, II, 324, прим. 3.

2) Памятн. Дипл. Сношеній, IX, 1016.

3) Ibid., IX, 930—931.

4) Петръ вернулся въ Амстердамъ 29 апрѣля 1698 г. Устряловъ, III, 607.

5) Свита царя въ Англіи состояла изъ 16 человекъ. Голиковъ, I (2-ое изд.), 449. Устряловъ, III, 95, прим. 84.

6) См. приложеніе I, письмо № 1.

всякихъ указаній на цѣль и обстоятельства этого путешествія. Вѣроятно, оно было вызвано порученіями однородными съ тѣми, что выполнялъ Постниковъ въ Англіи и самой Голландіи.

Въ маѣ 1698 г. Постниковъ отправляется вмѣстѣ съ Великимъ посольствомъ въ Вѣну ¹⁾. 14 іюля ²⁾, накануне предположеннаго выѣзда Петра В. въ Венецію, онъ ѣдетъ туда же вмѣстѣ съ волонтерами Ѡ. Склаевымъ, Л. Верещагинымъ, Ѡ. Поповымъ, А. Моляромъ и поваромъ Осипомъ Зюзинымъ, въ качествѣ ихъ татора и переводчика ³⁾. Но не успѣлъ онъ еще до Венеціи доѣхать, какъ въ догонку и на смѣну ему былъ посланъ Григорій Островскій: Постникова же торопили съ устройствомъ волонтеровъ, „гдѣ кому учиться прежней своей наукѣ удобнѣе“, требовали, чтобъ онъ поскорѣе собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ устройствѣ турецкаго и венеціанскаго флота — „по скольку на которомъ суднѣ пушекъ бываетъ и людей, и о всемъ состояніи того морскаго каравана“ — и затѣмъ „не замѣшкавъ“ возвращался бы въ Вѣну ⁴⁾.

Дѣло въ томъ, что Постниковъ понадобился опять къ дѣламъ дипломатическимъ. Вынужденный отъѣздъ Петра въ Москву разстроилъ составъ посольства: въ Вѣнѣ остался теперь одинъ думный дьякъ П. Б. Возницынъ ⁵⁾,

1) Сравн. кормовыя, выдававшіяся ему во время пути. Пам. Дипл. Сношеній, IX, 1025, 1027. Въ перечнѣ лицъ свиты посольства при Вѣнскомъ дворѣ упомянуть и „дохтуръ Петръ Посниковъ“. М. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Сношенія съ Австріей, свѣдѣн. 40. Дѣло 1699, № 4: Отпуски писемъ Возницына къ разнымъ боярамъ.

2) Съ паспортомъ, выданнымъ 13-го іюля. Пам. Дипл. Снош. VIII, 1388—1389.

3) Ibid. Устряловъ, III, 144 и 573. Голиковъ, Дѣянія Петра В., изд. 2-ое, I, 527.

4) Письмо Возницына Постникову, отъ 22 іюля 1698 г. Елагинъ, Исторія русскаго флота. Періодъ Азовскій. Приложенія. Томъ II, 227—228. Сравн. Пам. Дипл. Сношеній, IX, 10—11.

5) Лефорть и Ѡ. А. Головинъ уѣхали вмѣстѣ съ царемъ. Устряловъ, III, 150.

а дѣль между тѣмъ предстояло не мало : убѣждать царцевъ не мириться отдѣльно съ турками и настаивать у послѣднихъ на отдачѣ Керчи. Письмо за письмомъ плетъ Возницынъ¹⁾, нетерпѣливо поджидая своего подручника. Въ письмѣ 11 августа отчетливо вскрываются передъ нами мотивы внезапнаго вызова ; поэтому мы позволимъ себѣ привести его цѣликомъ.

„Благодѣтель мой Петръ Васильевичъ, здравствуй на многіе лѣта ! Писалъ я къ тебѣ, по указу великаго государя, не единожды, чтобъ ты изъ Венеціи, для его государева дѣла, былъ въ Вѣну не замѣдя, и ты по се число въ Вѣну не бывалъ, и ко мнѣ противъ моихъ писемъ не отписалъ. И нынѣ я тебѣ по прежнему его великаго государя указу поновляю, чтобъ ты изъ Венеціи ѣхалъ сюды въ Вѣну безо всякаго замедленія, а есть ли ты умедлишь и вскорѣ не будешь, и тебѣ будетъ сыскивать меня съ великимъ трудомъ²⁾, а паче опасися государева гнѣву, потому что тебѣ велѣно быть со мною на турецкой комисіи, и безъ тебя быть нельзя и дѣла дѣлать будетъ нѣкъмъ, и турецкой посолъ другой, греченинъ Маврокордаты ; того ради ты къ тому дѣлу и присовокупленъ, что сверхъ иного можешь съ нимъ говорить поеллинску и поиталианску и пофранцузску и полатинѣ, а онъ тѣ всѣ языки знаетъ³⁾. Конечно учини по сему государеву указу и пріѣзжай скоро, а есть ли ты меня не застанешь, и ты какъ можешь скоряе пріѣзжай ко мнѣ туда, гдѣ я буду ; а мнѣ безъ тебя того дѣла не токмо совершать, но и починать не возможно и ты себѣ въ семъ

1) Сравн. начало нижеприводимаго письма : „не единожды писалъ я къ тебѣ“.

2) Намекъ на то, что Возницыну придется уѣхать на Карловичскій сѣздъ одному, не дожидаясь Постникова.

3) Замѣтимъ, что Александръ Маврокордато, подобно Постникову, былъ нѣкогда тоже студентомъ Падуанскаго университета, по медицинскому факультету. P a r a d o r o l i , Historia Gymnasii Patavini, II, 320.

не плошись. А письмо твое, которое ты писалъ іюля въ 30 день, я челъ, и о чемъ ты писалъ, правда надобно было то тебѣ, — толко нынѣ не время, — и къ Москвѣ то твое письмо того ради и не послано; а должно тебѣ свое желаніе оставить, а воспринять то высокое дѣло къ службѣ своей, въ которомъ тебѣ быть велѣно. За симъ благодѣтель мой здравствуй“ 1).

Желая отнять у Постникова всякую возможность остаться въ Италиі, Возницынъ, кажется, прибѣгъ даже къ обману. Увѣряя своего будущаго секретаря, что письмо его не отправлено, онъ въ то же время, 13 августа, пишетъ Ѡ. А. Головину слѣдующія строки: „При семъ же посылаю къ тебѣ государю моему Посниково письмо, прошу милости твоей государя моего, о чемъ пристойно донеси великаго государя, а Посникову совершенно надобно быть со мной на комисіи, потому что посоль гречанинъ и черезъ него можно достаточно говорить и писать“ 2).

О чемъ планировалъ молодой докторъ, можно только гадать. Во всякомъ случаѣ интересы его рѣзко расходились съ волею государя. 14 августа онъ пишетъ Возницыну о намѣреніи своемъ ѣхать въ Неаполь „живыхъ собакъ мертвить, а мертвыхъ живить“. Тогда Возницынъ разсердился не на шутку. Надобно было ѣхать на Карловичскій съѣздъ, а какъ тутъ тронешься, если „дохтуръ“ въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ въ Неаполь? . . . Страхъ остаться одному; перспектива цѣлаго лабиринта затруднений и риска накликать бѣду на собственную голову — придадо силъ его литературнымъ выраженіямъ: „живыхъ собакъ мертвить а мертвыхъ живить — сіе дѣло не гораздо намъ нужно. Отечески тебя наказую, есть ли ты умедлишь и меня въ Вѣнѣ не застанешь, или и тамъ гдѣ

1) Памят. Дипл. Сношеній, IX, 87—88.

2) М. Г. л. Ар х. Мин. И. н. Дѣ л ѣ. Сношенія съ Австріей, связка 38, 1698 г., № 67. Отпуски писемъ Возницына.

я буду во время не будешь, вѣдай себѣ подлинно, что великій гнѣвъ его царскаго величества, государя нашего милостиваго, примешь. А болши сего я къ тебѣ, яко къ презирателю, писать не буду, а отпишу туда, гдѣ будетъ тебѣ не къ ползѣ; и есть ли что приключится, тогда не имѣй на меня слова“ 1). Не довольствуясь этимъ, Возницынъ наказывалъ еще и Островскому, буде Постниковъ уже покинулъ Венецію, не умедлитъ послать въ догонку его, посла, письмо: „и отъ себя къ нему на почтахъ на двухъ и на трехъ отпиши съ подкрѣпленіемъ; а какую отъ него отповѣдь возьмешь, и ты мнѣ учини о томъ вѣдомо 2).

Угроза подѣйствовала. Дальнѣйшее сопротивление становилось, дѣйствительно, опаснымъ. Приходилось распрощаться съ мыслию повидать тѣ страны и города, гдѣ какъ разъ въ это время бродило столько русскихъ людей, и приниматься за дѣло, къ которому не лежала душа. 29 августа Возницынъ съ удовольствіемъ узналъ, что Постниковъ возвращается 3). И въ самомъ дѣлѣ, 8 сентября „дохтуръ“ былъ уже въ Вѣнѣ 4). Возницынъ могъ спокойно вздохнуть. 10 Сентября онъ съ удовольствіемъ доноситъ Головину: „Петръ Посниковъ ко мнѣ пріѣхалъ и привезъ чертежи отъ тамошнихъ салдатъ . . . , которые я послалъ на сей почтѣ . . .“ 5).

Почти тотчасъ пришлося ѣхать и на „турскую комисію“ 6) въ далекой Петервардейнѣ (Карловичъ) 7), въ

1) Памят. Дипл. Снош. IX, 98.

2) Ibid., IX, 99.

3) Ibid., IX, 121.

4) Ibid., IX, 127.

5) М. Г. л. А р х. М и н. И н. Д ѣ л ѣ. Сношенія съ Австріей, связ. 38, 1698 г., № 67. Отпуски писемъ Возницына.

6) Возницынъ выѣхалъ изъ Вѣны 20 сентября 1698 г. Памят. Дипл. Снош. IX, 133.

7) Въ Сирміи. Карловичъ въ разстояніи двухъ часовъ ѣзды отъ Петервардейна. Ibid., IX, 146.

званіи посольскаго секретаря ¹⁾. Четыре мѣсяца работъ на Карловичскомъ конгрессѣ были временемъ напряженной дѣятельности и для посла, и для его помощника. Постникову постоянно приходилось развѣзжать съ порученіями своего начальника и къ польскому ²⁾, и къ царскому послу ³⁾, къ турецкому ⁴⁾ и къ венеційскому ⁵⁾, или къ посламъ-посредникамъ: голландскому и англійскому ⁶⁾. То онъ ѣдетъ къ нимъ съ „визитою“ ⁷⁾, то развозитъ подарки отъ имени Возницына ⁸⁾; не разъ видимъ его отправляющагося къ турецкому уполномоченному Маврокордато съ секретными предложеніями ⁹⁾. Представителя Польской республики, Малаховскаго, Постниковъ уговариваетъ вести дѣло дружно, не ссорясь ¹⁰⁾; въ другой разъ парируетъ слова его, оскорбительныя для имени русскаго государя ¹¹⁾. На официальныхъ конференціяхъ Постниковъ играетъ роль толмача ¹²⁾; въ день заключенія перемирія ѣдетъ въ парадной каретѣ, сидя насупротивъ русскаго посла ¹³⁾. Вся канцелярская работа: переводъ бумагъ съ одного языка на другой и т. п., конечно, тоже лежала на его обязанности ¹⁴⁾. И не всегда былъ Постниковъ однимъ лишь простымъ переводчикомъ посольскихъ приказаній: иногда приходилось давать объясненія, разумѣется,

1) Ibid., IX, 168.

2) Ibid., IX, 142, 151, 183—184, 234.

3) Ibid., IX, 168, 175—176, 330, 408, 416, 463, 465.

4) Ibid., IX, 180—186, 212, 294, 333, 349—350, 368, 381—382, 390—391, 410, 417, 452, 457.

5) Ibid., IX, 371, 481.

6) Ibid., IX, 252, 275, 291, 315—316, 400, 404, 451, 457.

7) Ibid., IX, 142, 151, 168, 524.

8) Ibid., IX, 477. Сравн. 524.

9) Ibid., IX, 180—182, 184—186, 188—193, 247—249. Сравн. Г о л и -
к о в ъ, изд. 2-ое, I, 589 и У с т р я л о в ъ, III, 480—481.

10) Памят. Дипл. Сношеній, IX, 200—201.

11) Ibid., IX, 151.

12) Ibid., IX, 253, 277. Сравн. 364, 377, 512.

13) Ibid., IX, 466.

14) Ibid., IX, 188, 204 и др.

по предписанной программѣ, но все же не безъ известной доли самостоятельности ¹⁾.

Почти все время пока велись переговоры, русскіе уполномоченные жили въ полѣ, въ палаткахъ („въ наметѣ“) ²⁾, а между тѣмъ въ ноябрѣ стояла „стужа великая и дожди, и грязь болшая . . . а дровъ взять нѣгдѣ и обогрѣться нечѣмъ“ ³⁾; „отъ стужи и отъ всякой тяжести едва съ живыми стоимъ въ полѣ шестую недѣлю“, доносили Возницынъ 18 ноября ⁴⁾.

Не въ моготу, видимо, стала Постникову вся эта служба, и въ половинѣ января 1699 г. онъ усиленно просится отпустить его. Есть основаніе думать, что лица, въ рукахъ которыхъ находилась судьба Падуанскаго доктора, не прочь были идти на встрѣчу его желаніямъ, разумѣется, на сколько это въ свою очередь не шло въ разрѣзъ съ интересами государственными. Ѳ. А. Головинъ, уѣзжая изъ Вѣны, далъ Постникову обѣщаніе не задерживать его въ Германіи и отпустить въ Голландію при первой же возможности ⁵⁾. Секретарь Возницына не забылъ этого и, видимо, не разъ надоѣдалъ ему своими просьбами, и тотъ внялъ наконецъ его желаніямъ; правда, что и „турская комисія“ подходила уже къ концу. 13 Января 1699 г. посоль доносилъ государю: „Генваря въ 6 день говорилъ, государь, мнѣ дохтуръ Петръ Посниковъ, чтобъ я челобитье его донесъ къ тебѣ, великому государю: нужда-де ему быть въ Амстродамѣ для исправленія къ художеству его нѣкакихъ инструментовъ, и чтобъ ево изъ Вѣны туда отпустить, и дать ему твоего государева жалованья. И о томъ какъ тебѣ, милостивому

5) Ibid., IX, 184—186, 188—193.

6) Ibid., IX, 188.

7) Ibid., IX, 250.

8) Ibid., IX, 291.

1) См. на слѣдующей страницѣ въ примѣчаніи 4-мъ письмо Возницына Головину.

государю, Господь Богъ по сердцу положить“ 1). Освобождение Постникова было уже не за горами. 24 января тронулись въ обратный путь 2), 11 февраля прибыли въ Вѣну 3), а 16 марта простились и съ Вѣной: посольство направилъ путь свой въ Москву, а секретарь его — въ давно желанный Амстердамъ 4).

Здѣсь мы снова теряемъ послѣдовательную нить событий. Нельзя опредѣлить, какъ долго пробылъ Постниковъ въ Голландіи. Лѣтомъ слѣдующаго года онъ неожиданно оказывается въ Лондонѣ, откуда пишетъ государю (24 іюля 1700), „что нанятый, по старанію Стельса, корабельный мастеръ Филипсъ отказался ѣхать въ Россію, какъ ни уговаривали его. Отправленъ столь же искусный челоувѣкъ Кузенсъ“ 5). Проходитъ еще полгода, и наконецъ Постниковъ возвращается домой: 2 января 1701 г. онъ пріѣхалъ въ Москву 6).

1) Собственноручное письмо за подписью: Gronca Woznicyn, gen-
waria 13 dnia 1699. Отъ того же числа Возницынъ писалъ Ѳ. А. Голо-
вину: „ . . . Говорилъ мнѣ дохтуръ, что ему в. гдря указъ и твое, го-
сударя моего, повелѣніе есть, чтобъ ему для исправленія своихъ дѣлъ
быть въ Амстродамѣ, и я бѣ ево туда отпустилъ и далъ бы ему чѣмъ
ту дорогу и таможевое исправленіе сочинить. Я на сіе прошу отъ мило-
сти твоей, государя моего, указу и опредѣленія.“ М. Гл. Арх. Мин. Ин.
Дѣлѣ. Сношенія съ Австріей, связ. 40, 1699 г., № 2. Письма Возни-
цына. Сравн. Письма и бумаги Петра В., I, 754 и Памят. Дипл. Снош.
IX, 454. Устряловъ, III, 489.

2) Памят. Дипл. Сношеній, IX, 518.

3) Ibid., IX, 524.

4) Ibid., IX, 593. Вотъ что писалъ Возницынъ Ѳ. А. Головину изъ
Бреслава, уже по дорогѣ въ Россію, отъ 5 апрѣля 1699 г.: „Дохтуръ
Петръ Посниковъ поѣхалъ изъ Вѣны въ Омстердамъ, показалъ мнѣ
твое государя моего писмо, писанное къ нему съ дороги іюля въ 20 день,
въ которомъ позволено ему туда ѣхать, и онъ сказалъ, что велѣно и нѣ-
которыя надобья купить; того ради я того пути ему не возбранилъ и
далъ ему изъ государевы казны на то учрежденіе сто золотыхъ.“ Ibid.,
607. Черновой паспортъ, выданный Возницынымъ въ Вѣнѣ 16 марта
1699 г. на свободный проѣздъ Постникова въ Голландію, „для потреб-
ныхъ дѣлъ въ Голанскую землю“, находится въ М. Гл. Арх. Мин.
Ин. Дѣлѣ. Сношенія съ Австріей, связ. 40, 1699 г., № 11.

5) Устряловъ, III, 556.

6) Черезъ Псковъ. Рихтеръ, II, 325.

Повидимому, комиссіонерско-дипломатическая карьера его кончилась, начиналась иная, спеціально медицинская: вскорѣ по прїѣздѣ, 20 марта, какъ докторъ, онъ сталъ получать изъ Аптекарскаго приказа 500 руб. ежегоднаго жалованья ¹⁾ — и тогда же долженъ былъ съѣздить въ Воронежъ къ царю. О поѣздкѣ узнаемъ изъ письма Фед. Алекс. Головина къ государю изъ Москвы 6 апрѣля 1701 г. ²⁾: „Поехалъ, государь на Воронежъ по твоему, милостиваго государя, указу Петръ Посниковъ. А замешкался за нѣкакими нуждами своими. Также бѣдной на Святой и послѣ н у д и л ь ³⁾ съ росбитія и т а л и а н с к а г о имель довольное за долгъ ⁴⁾ искушеніе. Ихъ можетъ пространнѣе самъ изъяснить“ ⁵⁾.

Существуютъ основанія допустить, что лѣтомъ 1701 г. Постниковъ сопутствовалъ государю въ поѣздкѣ его на

1) Ibidem.

2) Рукописная тетрадь изъ собранія Ф. Булгарина, принадлежащая бібліотекѣ Юрьевскаго Университета и содержащая письма Ф. А. Головина къ Петру В., готовится нынѣ къ изданію В. А. Кордтомъ. Послѣднему мы обязаны за любезное указаніе на эти новыя данныя для біографіи П. В. Постникова. Письмо 6 апрѣля (автографъ) писано крайне неразборчиво. Слова, спорныя по чтенію, мы обозначили курсивомъ. Что значить въ такомъ случаѣ: „италіанскаго“? Едва ли можно думать что въ 1699—1701 гг. Постниковъ вторично побывалъ въ Италіи. Въ позднѣйшемъ письмѣ его, 16 іюля 1704 г. (см. приложение I), скорѣе слышится отрицаніе этой возможности.

3) И до нынѣ?

4) Домъ? Дорогу?

5) Булгаринъ ошибочно отнесъ всю коллекцію писемъ Головина къ 1700 г. вм. 1701 (на самыхъ письмахъ Головинъ выставляетъ лишь число и мѣсяць). 1701-ый годъ доказывается самымъ содержаніемъ переписки: въ нихъ рѣчь идетъ объ условіяхъ, заключенныхъ на свиданіи въ Биржахъ, о признаніи Бранденбургскаго курфюрста королемъ, о военной помощи со стороны датчанъ и т. п. Наконецъ, письмо отъ 10 мая знакомитъ съ содержаніемъ того самого указа, который 8 мая 1701 г. былъ объявленъ польскому посланнику Кенигсеку (ср. Устряловъ, IV, ч. 2, стр. 192). Замѣтимъ, что это письмо даетъ возможность точнѣе опредѣлить, именно 4-мъ мая, дату недошедшаго письма царя къ Головину, о коемъ упомянуто на стр. 858 тома I-го „Писемъ и бумагъ Петра В.“

сѣверо - западъ Россіи и не столько въ качествѣ доктора, сколько чиновника дипломатической канцеляріи. Петръ В. выѣхалъ изъ Москвы 7 іюля ¹⁾ и отправилъ 18 іюля изъ Новгорода, 2 августа изъ Пскова два письма польскому королю, оба составленныя на французскомъ языкѣ ²⁾. Обыкновенно переписку свою съ Августомъ царь велъ порусски, и лишь эти два письма являются исключеніемъ, что легко объясняется присутствіемъ Постникова въ свитѣ государя. Θ. А. Головинъ, докладывая (9 іюля) Петру о текущихъ дѣлахъ, между прочимъ о полученномъ письмѣ Августа II, на которое слѣдовало отвѣчать, замѣчаетъ: „х королю естли изволишь и самъ что съ сею почтою, зѣло бь хорошо. А Посниковъ у милости твоей, и по - французски еще и пріятнѣе“ ³⁾. Трудно допустить, что рѣчь идетъ о какомъ - либо иномъ Постниковѣ, какъ только о Петрѣ Васильевичѣ. Нигдѣ не видно, чтобъ отецъ его владѣлъ французскимъ языкомъ; младшій же братъ усвоилъ его позже. А если изъ того же Пскова письмо къ прусскому королю отправлено на русскомъ языкѣ ⁴⁾, хотя и къ нему, можетъ быть, было бы также „пріятнѣе“ обратиться на французскомъ діалектѣ, то это надо объяснить тѣмъ, что въ пору составленія этого письма, 3 октября, Постникова уже не было при государѣ: онъ выѣхалъ тогда за-границу.

Дѣло въ томъ, что Постниковъ не зажился долго въ Россіи. Характеръ Петра Великаго, условія эпохи, недостатокъ въ людяхъ, потребности данной минуты и невозможность откладывать ихъ въ долгій ящикъ — все это дѣлало положеніе его, какъ медика, крайне неустойчивымъ. Еще при опредѣленіи Падуанскаго „дохтура“ на службу, Посольскому приказу велѣно было „во всякомъ случаѣ имѣть его

1) Журналъ Петра В. у Устрялова, IV, 2, стр. 512.

2) Письма и Бумаги Петра В., I, 459, 462.

3) Ibidem, I, 861.

4) Ibidem, I, 475.

въ виду, какъ переводчика съ латинскаго, французскаго и италіанскаго языковъ“ 1).

Да и самого его, кажется, сильно тянуло на Западъ 2). Почти девять лѣтъ заграничной жизни въ пору, когда явленія окружающаго міра воспринимаются такъ сильно, съ такой бодрой энергіей, неизбѣжно должны были сказаться на его вкусахъ и взглядахъ. Что бы ни обусловливало тяготѣнія его къ иноземщинѣ — разница ли въ культурѣ, заманчивая ли прелесть европейской обстановки, интересы ли научные, общеобразовательные — но и позже Постниковъ всегда предпочиталъ пребываніе за границей жизни на родинѣ. Если дѣйствительно таковы были его стремленія уже и теперь, то ему не пришлось долго ждать ихъ осуществленія: прошло какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ по приѣздѣ въ Россію 3), Постниковъ, какъ слѣдуетъ, еще не осмотрѣлся у себя дома, а его снова отправляютъ на далекій Западъ. На этотъ разъ онъ долженъ былъ ѣхать во Францію.

IV.

Великая Сѣверная война неизбѣжно втягивала Россію въ общеевропейскую политику; приходилось считаться съ интересами не только сосѣднихъ, но и болѣе отдаленныхъ державъ и одинаково заботиться, какъ о привлеченіи союзныхъ, такъ и парализованіи враждебныхъ силъ. Если между Россіей и Франціей и не было явныхъ несогласій, то во всякомъ случаѣ послѣдняя держава, держась шведской стороны, не могла ни сочувствовать, ни содѣйствовать намъ. Открытаго сопротивленія со стороны Людовика XIV, готовившагося какъ разъ въ это время уничтожить Пиренеи, Петру, разумѣется, нечего было опасаться;

1) Рихтеръ, II, 325.

2) См. Приложение I, письмо 11 апрѣля 1706 г.

3) См. второе примѣчаніе въ слѣдующей, IV-ой, главѣ.

тѣмъ не менѣе онъ считалъ необходимымъ слѣдить за его движеніями вблизи, у самого ихъ источника, и съ этою цѣлью отправилъ ¹⁾ въ 1701 г. ²⁾ въ Парижъ неофіціальнымъ агентомъ П. В. Постникова, „для сообщенія о тамошнихъ поведеніяхъ“ ³⁾. 30 марта 1702 г. послѣдній былъ уже на мѣстѣ; но его миссія, повидимому, состоявшая въ исполненіи еще и другихъ порученій, затруднялась отсутствіемъ вѣрующихъ грамотъ, о высылкѣ которыхъ Постниковъ теперь и хлопочетъ ⁴⁾. Хотя грамота и была изготовлена, именно 31-го іюля ⁵⁾, но, быть можетъ, еще ранѣе вызвали самого Постникова въ Россію. Есть что-то странное въ этомъ вызовѣ, тѣмъ болѣе что вслѣдъ за нимъ мы видимъ нашего доктора - дипломата снова на пути во Францію; условія же тогдашняго передвиженія отнюдь не облегчали такихъ частыхъ и длинныхъ путешествій. Затрудненія ли, созданныя отсутствіемъ необходимыхъ полномочій, или что иное рѣшили этотъ вызовъ, — не беремся судить. Но фактомъ остается то,

1) Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ „Сношеніяхъ съ Франціей“ хранится документъ, изъ коего можно заключить, что въ іюнь 1700 г. отправленъ былъ въ Парижъ съ дипломатической цѣлью стольникъ князь Ю. Ю. Трубецкой. Но это очевидная ошибка. Названный документъ всецѣло слѣдуетъ отнести къ „Сношеніямъ съ Пруссіей“: въ іюнь названнаго года Трубецкой былъ посылаемъ не во Францію, а къ Бранденбургскому курфирсту. См. Письма и Бумаги Петра В., томъ I.

2) 30 марта 1702 г. (см. въ Приложеніи I письмо отъ этого числа) Постниковъ былъ уже въ Парижѣ, значитъ, изъ Россіи уѣхалъ не позже конца — а принимая во вниманіе войну со Швеціей, затруднявшую прямой путь по Балтійскому морю — то не позже и осени 1701 г., всего вѣроятнѣе черезъ Архангельскъ, путемъ, какимъ ѣхалъ и въ слѣдующемъ 1702 г.

3) Письма и Бумаги Петра В., II, 382.

4) Приложенія, письмо Постникова 30 марта 1702 г.

5) М. Гл. Арх. Мин. Идн. Дѣл. Сношенія съ Франціей. Дѣло 1702 г., мартъ — декабрь: „Отправленіе во Францію дворянина П. Постникова для бытія тамо въ должности посланнической и отпускъ къ нему вѣрующей (не состоявшейся) грамоты.“ Грамота напечатана въ Пис. и Бум. Петра В. II, 73—74. Сравни. 382

что лѣтомъ 1702 г. Постниковъ несомнѣнно снова находился въ Россіи ¹⁾.

Мы знаемъ, что эти же лѣтніе мѣсяца Петръ Великій провелъ на берегахъ Бѣлаго моря ²⁾. Сюда-то, въ Архангельскъ, и былъ вызванъ Постниковъ: въ Москву онъ могъ и не ѣхать, ибо при государѣ находился Ѳ. А. Головинъ ³⁾, правившій иностранными дѣлами; здѣсь - же была составлена и та грамота 31 іюля, о коей шла выше рѣчь, хотя ея „лосо“ и помѣчено Москвою ⁴⁾. Отправляясь въ Соловецкій монастырь, царь взялъ съ собою и Постникова ⁵⁾; но у Нюхчинской пристани, готовясь ѣхать по вновь проведенной дорогѣ къ Финскому заливу и совсѣмъ покидая берега Бѣлаго моря, онъ отпустилъ ⁶⁾ Постникова въ Архангельскъ ⁷⁾, гдѣ тотъ дождался приѣзда (изъ Москвы?) своего младшаго брата, чтобъ, какъ и въ прошломъ году, ѣхать вмѣстѣ въ Парижъ. Оба брата отплыли на кораблѣ въ Англію и прибыли туда въ декабрѣ 1702 г. послѣ шестинедѣльнаго бурнаго плаванія, рассчитывая немедленно ѣхать далѣе ⁸⁾.

1) Отправляясь въ 1701 г. во Францію, Постниковъ взялъ съ собою и младшаго брата своего, котораго отецъ послалъ въ Парижъ для образованія (см. Прилож. I, п. 30 марта 1702 г.). Лѣтомъ 1702 г. оба они вернулись въ Россію и оба же осенью того года снова отправились за-границу (*ibid.*, п. 15 декабря 1702 и 7 марта 1703).

2) Царь приѣхалъ въ Архангельскъ, по Журналу, 18 мая; днемъ раньше — по Лѣтописи Двинской (М. 1889), стр. 125.

3) Лѣтописецъ Соловецкій (М. 1815), стр. 57. Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 186.

4) Письма и Бумаги Петра В., II, 357.

5) Потому что во время дальнѣйшаго слѣдованія Петра, на Нюхчинской пристани, Постниковъ находился при царѣ. См. Приложение I, п. 11 апр. 1706 г.

6) Приблизительно 22—24 августа. Устряловъ, IV, ч. I, стр. 193 и прим. 33. Или, можетъ быть, 19-го августа, вмѣстѣ съ архіепископомъ Аванасіемъ. Лѣтопись Двинская, 127. Царь прожилъ у Нюхчи съ 16 по 28 августа. См. Журналь.

7) Сравн. Лѣтописецъ Соловецкій, стр. 61, гдѣ сказано: „его величество отъ Нюхоцкой пристани въ скорости отпустилъ всѣ корабли къ городу Архангельскому, а самъ предпріялъ путешествіе до Новѣнецкой пристани.“

8) Приложение I, письмо 15 декабря 1702 г.

На этотъ разъ Постниковъ оставался за-границею безвыѣздно нѣсколько лѣтъ, отправляя при французскомъ дворѣ должность неофициальнаго дипломатическаго агента. Довольно обширная, хотя къ сожалѣнію и не вполне сохранившаяся серія доношеній его изъ Парижа на имя Ѳ. А. Головина, управлявшаго въ то время Посольскимъ приказомъ, и хранящаяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, позволяетъ нѣсколько ближе ознакомиться и съ его дѣятельностью, и съ условіями тамошняго его пребыванія.

Если въ предыдущемъ году Постниковъ жилъ во Франціи безъ всякихъ кредитивныхъ грамотъ, то и на этотъ разъ онъ отправился, если можно такъ выразиться, съ пустыми руками. Изготовленная 31-го іюля 1702 г. грамота почему-то навсегда осталась въ архивѣ Посольскаго приказа, хотя отсылка ея или другой однородной, въ началѣ по крайней мѣрѣ, повидимому была лишь вопросомъ времени. Еще на пути въ Парижъ, куда онъ прибылъ въ первыхъ числахъ марта 1703 г., Постниковъ, письмомъ изъ Гааги, напоминаетъ Головину о томъ, что безъ вѣрующей грамоты, онъ не можетъ ни „объявиться“ двору французскому, ни заключать договоровъ, ни вступать въ сношенія съ министрами и передавать имъ порученія своего правительства, такъ какъ паспортъ, съ какимъ онъ поѣхалъ, годенъ былъ ему на одинъ лишь проѣздъ. Дипломатическая неправоподобность давала себя чувствовать тѣмъ сильнѣе, что, какъ видно, Постниковъ долженъ былъ не только „сообщать о тамошнихъ поведеніяхъ“, но и „объявить (какое-то) дѣло повелѣнное его величествомъ“. Неудивительно, что неопредѣленность положенія заставляла нашего дипломата переживать щекотливыя минуты, и при свиданіи съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ де Торси, на вопросъ послѣдняго, имѣетъ ли и будетъ ли онъ имѣть „характеръ“, Постникову пришлось отдѣлываться общими выраженіями въ родѣ

того что „последствованіе времени“ покажетъ, что цѣль его прїѣзда — обоюдные интересы обѣихъ державъ.

Но не присылая грамоты, дѣлали еще хуже: оставляли безъ денегъ. Изъ Архангельска Постниковъ уѣхалъ съ массою заказовъ: государь поручалъ ему купить математическихъ инструментовъ, Головинъ — разныхъ лѣкарствъ, генераль-инженеръ Ламбертъ — платье для царя и Меншикова, епанчи, десятокъ орденскихъ звѣздъ, нѣсколько париковъ и пр. Съ послѣднимъ порученіемъ Постниковъ совсѣмъ не зналъ, что дѣлать: сумма требовалась громадная, а прямого распоряженія ни отъ Петра, ни отъ непосредственнаго начальника онъ не получилъ. Но даже на одни заказы царя и Головина пришлось затратить до 4000 франковъ, т. е. свыше 600 рублей по тогдашнему курсу; а это составляло какъ разъ половину всѣхъ денегъ, съ какими онъ выѣхалъ ¹⁾, — и хотя путевыя издержки свои Постниковъ оплатилъ векселемъ на банкирскій домъ „Вульфъ и Стейльсъ“ въ Лондонѣ, но — замѣчалъ онъ въ письмѣ 29 января 1703 г. — „тысяща, данная мнѣ, не малый уже ущербъ пострадала отъ дальнѣйшихъ путешествій“.

Между тѣмъ текущіе расходы въ Парижѣ предстояли не малые. Не говоря про то, что, при отъѣздѣ изъ Архангельска у представителя Россіи „и рубашекъ довольно“ не было; но въ перспективѣ видѣлись „карета и лакеи, и прочая пристойная къ чести его царскаго величества и нашему народу“; банкира же, у котораго можно было бы кредитоваться, Постниковъ не имѣлъ. Попытка вернуть деньги, истраченныя на комиссію, занявъ ихъ у амстердамскаго кушца Эгберта Тессинга съ тѣмъ, чтобы тотъ получилъ ихъ въ Москвѣ, оказалась неудачною: Тессингъ от-

1) Тысяча рублей полученныхъ изъ Посольскаго приказа, да 300 р. занятыхъ въ Архангельскѣ у кушцовъ Бранта и Любса.

казался отъ подобной комбинаціи, вслѣдствіе чего Постникову нечего было и думать о заказѣ Ламберта.

Время шло, уходили съ нимъ и привезенные рубли. Въ половинѣ мая Постниковъ расчелъ, что средствъ ему хватитъ всего на три мѣсяца и убѣдительно просилъ если уже не прямой высылки денегъ, то хотя бы возможности кредитоваться у парижскаго банкира Гарана на приблизительно сумму въ 1000 ефимковъ. Они были въ самомъ дѣлѣ необходимы. Постниковъ, дѣйствительно, держалъ карету „и прочій экипажъ“, двухъ лакеевъ въ своей ливреѣ, „стоялъ въ добрознатномъ дому“ о трехъ комнатахъ, „уже спознался съ посланниками“; постоянныя поѣздки изъ Парижа въ Версаль, гдѣ находился Дворъ, требовали тоже расходовъ. . . . „Ежели не изволите прислать денегъ,“ — предупреждаетъ онъ — „не знаю, что мнѣ дѣлать“, придется отказаться отъ кареты и „съ не малымъ стыдомъ выѣхать изъ Парижа въ ближній какой городъ“. Отлично зная, что просьбы о присылкѣ звучать въ Москвѣ надоѣдливо и принимаются весьма неохотно, Постниковъ старается подѣйствовать на Головина соображеніями общегосударственной пользы. „Изволите сами знать, что не о мнѣ стало, но о чести его величества, которое (хотя и безъ характера мое лицо) репрезентуруется здѣ мною, и вси знаютъ, что я для публичныхъ дѣлъ обрѣтаюся здѣ.“ Чтобъ не сомнѣвались въ его добросовѣстности, Постниковъ обѣщаетъ выслать подробный отчетъ въ своихъ расходахъ, напередъ завѣряя, что не на „вѣнусовы прихоти и непотребныя дѣла“ идутъ они.

Долгія недѣли и мѣсяцы проходили въ ожиданіяхъ, но увы! каждая новая почта приносила лишь новыя разочарованія; и за то съ каждою новою почтой повторяетъ Постниковъ ту же старую пѣсню о присылкѣ вѣрующей грамоты, кредитивовъ на парижскій банкъ, объ опасности остаться безъ кареты и лакеевъ. Въ его письмахъ слышится тревожная нота, какъ бы тамъ въ Москвѣ, чего

добраго, не поняли по своему его поведенія. Его отправили въ Парижъ слѣдить за текущими событіями, быть au courant политическихъ явленій минуты, а онъ не сегодня-завтра, можетъ быть, засядетъ дома на запоръ и никуда не станетъ показываться! Вникнуть ли въ его положеніе? Вѣдь расправа въ Москвѣ короткая! Между тѣмъ просить настоятельнѣе, въ выраженіяхъ болѣе рѣзкихъ, тоже опасно: уже самое постоянство въ повтореніи одного и того же можетъ не понравиться Головину. Даже и въ этомъ приходится оправдываться: „уповаю, что ваша веліестъ за бесполезное отягченіе не приметъ, егда приѣмлю свободу писати вамъ о единомъ дѣлѣ многожды, принуждаютъ бо мене къ сему бѣдственная сія времена надстоящихъ воинъ повсюду бывающихъ“. „Не знаю, что дѣлать“, снова пишетъ онъ 14 іюня. Правда, есть въ Парижѣ одинъ „другъ“, который, можетъ быть, одолжитъ займы 3 тысячи франковъ, — а что если обманетъ и эта надежда? Конечно, тогда придется выѣхать, „но сей способъ не любъ мнѣ, еще, можетъ быть, что найду денегъ“.

Тонъ Постниковскихъ писемъ съ каждой недѣлею становится все жалобнѣе и отчаяннѣе. Зброшенный на чужбину, безъ средствъ, отдѣленный громаднѣмъ разстояніемъ, онъ видѣлъ, что даже послѣдняя связь съ Россіей — переписка, безъ того уже слабая, благодаря затруднительности почтовыхъ сношеній — и та готова порваться. Благодаря воинѣ Франціи съ Голландіей, почтовый путь изъ Парижа на Амстердамъ, Гамбургъ и Любекъ долженъ былъ совсѣмъ закрыться съ 1-го іюня 1703 г. нов. стilia. Еще ранѣе этого срока, предвидя его, Постниковъ ищетъ выхода и проситъ Головина озаботиться о высылкѣ писемъ на Вѣну и Венецію, а „изъ Венеціи чрезъ Геную въ Парижъ ко мнѣ, но тогда изволите опредѣлить сіе, ежели бы въ Венеціи изъ нашихъ кто былъ, то бы чрезъ его нетрудно было посылать письма; молю вашу веліестъ по-

жаловать увѣдомить мене, есть ли кто въ Венеци отъ его величества пребывающій нынѣ“ 1). Но Голицынъ оставлялъ Постникова безъ отвѣта; молчалъ и Головинъ.

Забыли его? Или покинули на произволь судьбы? Конечно, ни то, ни другое. Дѣло надо объяснить неустройствомъ почтъ, случайностью „оказій“, „нестроениями отъ Марса посылаемыми“ и, можетъ быть, всего болѣе тою медленностью, какая такъ присуща была канцеляріямъ того времени. Живя на широкомъ просторѣ необъятной равнины, въ сторонѣ отъ главной европейской дороги, въ захолустномъ углу и вдаль отъ прямыхъ сношеній; привыкшій мѣсяцы считать недѣлями, а годы мѣсяцами; съ умомъ, воспитавшимся на крупномъ масштабѣ, — русскій человѣкъ сжился съ той плавностью движеній, съ тѣмъ неторопливымъ обдумываніемъ, съ тѣмъ терпѣливымъ выжиданьемъ, которыя иному наблюдателю часто, но напрасно, казались косностью и неспособностью къ развитію. Посольскій приказъ не забылъ Постникова; но, не говоря уже про то, что на очереди у него стояли вопросы болѣе крупные, чѣмъ поступки Версальскаго двора или судьба маленькаго чиновника, — онъ считалъ совершенно естественнымъ не посылать послѣднему въ догонку письмо за письмомъ, инструкцію за инструкціей, а спокойно дожидаться, когда обстоятельства сами наведутъ на эту необходимость, хотя бы ждать и пришлось цѣлые мѣсяцы. Когда расчетъ на Вѣну оказался ошибочнымъ 2), Постниковъ, узнавъ о пріѣздѣ въ Россію фран-

1) Любопытная черта времени! Представитель Россіи даже не зналъ всѣхъ сотоварищей, гдѣ кто изъ нихъ былъ и гдѣ кого не было!

2) Сравн. совершенно однородныя жалобы А. А. Матвѣева изъ Парижа въ 1705—1706 гг.: „жить ему въ тягость, онъ живетъ въ нуждѣ и бѣдности и не можетъ вести знакомство съ порядочными кавалерами; и если бы купецъ фан-деръ-Гульстъ въ Голландіи ему не далъ денегъ, то онъ давно уже померъ бы съ голоду“ (Временникъ Общ. Ист. Древн., кн. XIX, Смѣсь, стр. 16—17.).

пузскаго посла де Балюза, направляетъ свои письма черезъ его банкира Гелисона на Гамбургъ и Копенгагенъ. Этимъ же путемъ отвѣчаютъ ему и изъ Москвы. Но виновать ли былъ Посольскій приказъ въ томъ, что корреспонденція, отправляемая въ августъ, доходила до Копенгагена лишь въ апрѣлѣ слѣдующаго года, а въ руки Постникова, слѣдовательно, попадала и того позже ¹⁾?

Конечно, Постникову отъ этого жилось не легче. Онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, маленькимъ человѣчкомъ, покинутымъ среди большаго міра, для котораго онъ былъ совсѣмъ чуждъ. Сперва съ удивленіемъ, потомъ уже „съ печалію“ встрѣчаетъ онъ пустыя почты. То онъ думаетъ разжалобить Головина, говоря: „изволите пожаловать елико возможно, не оставить мене безъ вашихъ

1) 6 іюня 1703 г. канцелярія Посольскаго приказа дѣлаетъ слѣдующаго рода запросъ послу въ Копенгагенѣ Андрею Петровичу Измайлову: „посланы къ тебѣ въ копертѣ Посольскаго жъ приказу писма многіе писанные дворянину нашему Петру Посникову для отсылки въ Парижъ, и тѣ писма къ тебѣ дошли и въ Парижъ посланы ль?“ Іюня 12-го Измайловъ отвѣчалъ — на запросъ, разумѣется, болѣе ранній — что „посланное изъ государственнаго посольскаго приказу ко мнѣ, холопу твоему, писмо (которое прислано къ Москвѣ ис походу изъ Шлисенбурка) надлежащее ко отосланію къ дворянину къ Петру Посникову... мнѣ, холопу твоему, съ почты въ Копенгагенѣ іюня въ 7 числѣ“ доставлено. Измайловъ отправилъ его черезъ французскаго посла при Датскомъ дворѣ. (М. Г. л. Арх. Мин. Ин. Дѣлѣ. Сношенія съ Франціей. Дѣло 1703 г.: „Пріѣздъ въ Россію француз. посланника де Балюза“, л. л. 139, 153. Сравни л. л. 103, 135, 138, 153). Тотъ же Измайловъ, отъ 22 апрѣля 1704 г., доносилъ, что 19 апрѣля пріѣхалъ къ нему Посольскаго приказа подъячій Лука Мазалѣвскій, посланный изъ Москвы 1 августа прошлаго 1703 г. съ грамотою государя и письмами де Балюза. Мазалѣвскій выѣхалъ изъ Архангельска на датскомъ кораблѣ, который бури занесли въ норвежскій городъ Бергенъ. Тамъ ему пришлось пробыть болѣе трехъ мѣсяцевъ въ напрасномъ ожиданіи, когда корабль снова двинется въ путь. Но и новое судно за противными вѣтрами было въ дорогѣ „съ полтретья мѣсяца.“ „Да съ нимъ же, государь, подъячимъ прислана ко мнѣ, холопу твоему, твоя великаго государя проѣзжая грамота за государственною большою печатью надлежащая ко отосланію къ дворянину къ Петру меньшому Посникову въ Парижъ. И тое государь грамоту чрезъ почту или улуча какой вѣрной случай пошло вскорѣ.“ (Ibid., л. 280, 291.).

почтеннѣйшихъ ми писемъ, безъ которыхъ истинно время является ми скучное и долгое“; то снова старается выставить на видъ, что его интересъ — не личный, а государственный; „егда уже началъ я жить здѣсь съ корфтою и яко подобаетъ особѣ пребывающей для интересу монархи Московскаго, не надобно пресѣчь сіе состояніе житія моего, инако всѣ бы посмѣялися.“ Съ оттѣнкомъ упрека замѣчаетъ онъ, что Балюзъ получаетъ отъ русскаго правительства по 100 р. на недѣлю; и не безъ зависти вспоминаетъ о другихъ представителяхъ Франціи при европейскихъ дворахъ, имѣвшихъ по шести и по двѣнадцати тысячъ ефимковъ въ годъ, сверхъ особой суммы на обстановку, тогда какъ онъ, Постниковъ, долженъ обходиться жалкою тысячею. Живи онъ еще въ Лондонѣ, гдѣ его знаютъ и гдѣ онъ можетъ свободно кредитоваться, а то въ Парижѣ онъ совсѣмъ какъ въ лѣсу . . .

Съ послѣдними рублями въ карманѣ, въ обидномъ положеніи непризнаннаго дипломата, которому въ любую минуту могли бросить оскорбительное прозвище самозванца, Постниковъ долженъ былъ представлять довольно жалкую фигуру среди представительнаго и блестящаго Версальскаго двора. Какую существенную услугу могъ оказать онъ своему правительству тамъ, гдѣ не чувствовалъ подъ собою устойчивой почвы? И дѣйствительно, его донесенія наполнены больше просьбами, чѣмъ „сообщеніями о тамошнихъ поведеніяхъ“. Событія съ театра войны узнавались Постниковымъ болѣе чѣмъ на половину изъ газетъ или ходячей молвы; непосредственныхъ сношеній съ министромъ де Торси не было почти никакихъ. Даже то что послѣдняго могло интересовать о Россіи, тотъ узнавалъ изъ другихъ рукъ ¹⁾. Если однажды Постниковъ,

1) Сравн. въ письмѣ 13 апрѣля 1703 г. о поѣздкѣ за границу царевича Алексѣя.

сообщая о приѣздѣ де Балюза, и могъ „по рѣчамъ его признать“, что для него извѣстie это было новостью; то въ другой разъ, на запросъ самого де Торси о намѣреніи и планахъ царя по отношенію Польши, долженъ былъ сознаться въ полномъ своемъ невѣдѣніи.

Старая Московская система продолжала еще царить въ Посольскомъ приказѣ. Посоль отправлялся къ иностранному двору для сообщенія царскаго повелѣнія, для передачи подарковъ и грамотъ, для привоза отвѣтныхъ. Роль его была механическая, чисто служебная; и прежде чѣмъ сдѣлать новый, иногда самый пустячный шагъ, онъ долженъ былъ ждать указки или разрѣшенія изъ Москвы. Дипломаты старой школы, Лихачевы, Чемодановы, Потемкины удовлетворялись такимъ положеніемъ; но Петръ Постниковъ принадлежалъ къ новой генерации и видимо тяготился имъ.

Хотя французскій министръ и принялъ его „ласково“, произведя впечатлѣніе чловѣка „сладкаго, тихаго и умнаго“; но это нисколько не подвигало самага дѣла. Очевидно, Постникова посылали во Францію не для отрывочныхъ свѣдѣній въ родѣ того что какой-то іезуитъ отправленъ въ Царьградъ, а французскій офицеръ Крокъ желаетъ служить царю, что Лудовикъ XIV оказалъ благосклонный приѣмъ шведскому посланнику, а Португалія, по слухамъ, пристала къ союзникамъ.

Но что же оставалось ему дѣлать? Онъ являлся при Дворѣ, видался съ представителями иностранныхъ державъ, „но храмля, понé“ — съ горечью замѣчаетъ онъ, — „не имѣю грамоты вѣрюція, на которую мощно бы мнѣ оперетися и не храмлеть. . . Дивная вещь, что помѣшало тогда дать мнѣ“ ее! Въ Версали онъ былъ лишь терпимъ, не болѣе; обмѣнъ мыслей, политическихъ свѣдѣній былъ снисхожденіемъ по отношенію къ нему. Не разъ вѣроятно чувствовалъ на себѣ Постниковъ ироническій взглядъ своихъ собратьевъ. Для чего, спрашивается,

онъ прїѣхаль? Другіе дипломаты постоянно получаютъ отъ своихъ правительствъ свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ, всегда могутъ удовлетворить любознательность французскаго двора, а онъ знаетъ о дѣлахъ Россіи, можетъ быть, меньше самихъ иностранцевъ! Какъ нарочно, французское правительство въ это время съ особеннымъ вниманіемъ слѣдило за ходомъ русско - шведской войны, и безсиліе Постникова тѣмъ было чувствительнѣе и обиднѣе.

„Истинно, мой милостивый государь“ — пишетъ онъ Головину, — „многажды съ великимъ стыдомъ являюся при здѣшнемъ дворѣ и хотя и употребляю отговорку дальнаго разстоянія, однакожде не надобно было быть здѣшнему двору безъ вѣдомостей отъ васъ; сего ради приѣмлю свободу нижайши просити вашу велможность не оставити мене здѣ безъ частыхъ вашихъ писемъ и новыхъ вѣдомостей у васъ бывающихъ“. Потребность этихъ „вѣдомостей“ Постниковъ сознавалъ прекрасно и еще раньше, только - что прїѣхавъ въ Парижъ, онъ хлопочеть о присылкѣ „краткихъ выписочекъ указовъ, обновленій законовъ и иныхъ новоизобрѣтенныхъ разположеній къ лучшему управленію“, въ особенности же описанія флота и его состава, какъ предмета большаго интереса для французовъ.

Небезынтересно сопоставить эти слова съ заявленіями другаго представителя Россіи за-границей, князя П. А. Голицына въ Вѣнѣ. Вотъ что пишетъ онъ Ѳ. А. Головину 25 іюня 1701 г.: „Еще, государь мой, прошу наинужднѣйшаго, чтобъ милость ваша, государь, изволилъ приказати одному дьяку или подъячему писать ко мнѣ о вѣдомостяхъ московскихъ, которые надлежатъ мнѣ; ей, государь, въ томъ имѣю стыдъ, не токмо министры или послы и посланники имѣютъ у себя всякое своего государства вѣдомости, ни для чего, государь, иного, толко для одной отговорки, чтобъ знали про нашъ народъ, что и мы

можемъ такъ же куріозами быть, какъ и другіе; а нынѣ, государь, я разиня ротъ и смотрю всѣмъ въ глаза и отповѣди дать не умѣю, для того, государь, что ничего не знаю, только исъ того отъ другихъ смѣхъ принимаю“. Нѣсколько позже, возвращаясь къ той же темѣ, Головинъ замѣчаетъ: „многіе о томъ желаютъ слышать, а отповѣдь какую дать, не знаю, и съ того толко смеютца и называютъ скотами“ (письмо 5 іюля) ¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ спустя третій русскій дипломатъ чувствовалъ себя совершенно въ такомъ же странномъ и неловкомъ положеніи. Князь Б. И. Куракинъ, отправленный въ 1707 г. къ Римскому двору настаивать на непризнаніи Станислава Лещинскаго польскимъ королемъ, съ самага отъѣзда своего изъ Жолквы, 18 января, момента полученія послѣднихъ инструкцій, вплоть до 21 марта „ни жаднаго письма не получилъ“. Даже 12 мая ему еще приходится сѣтовать на то, что „о состояніи въ Польшѣ ничего“ не зналъ и „еще ни одного письма . . . изъ посольской канцеляріи не имѣлъ“. Знакомый съ порядками московскихъ приказовъ, Куракинъ едва пріѣхалъ въ Римъ, спѣшитъ напомнить Г. И. Головкину: „изволь отписать до г. Гейзена и фонъ-Лита въ Берлинъ, чтобъ ко мнѣ письма не умедлявъ посылали, также и отъ меня посланныя, для чего отсель дальное разстояніе и вскорѣ респонсу получить нельзя ранѣи трехъ мѣсяцевъ или десяти недѣль“. Не даромъ въ числѣ бумагъ князя мы находимъ особую памятную записъ „о дѣлахъ тѣхъ, которыя надлежатъ къ здѣшнему двору, и не дано знать ничего“ ²⁾.

1) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Сношенія съ Австріей 1701 г., связка 1, № 4: Письма кн. Петра Голицына.

2) Архивъ кн. Куракина, III, 343, 359, 185 — 188. Точно также и въ донесеніяхъ Измайлова (въ Копенгагенѣ) „мы находимъ непрерывныя жалобы на неполученіе писемъ изъ Москвы, что ставило посланника въ крайне затруднительное положеніе относительно его способа дѣйствій“

Примитивность средствъ, съ какими выступала русская дипломатія начала XVIII в. на европейскую сцену, ярко вырисовывается въ приведенныхъ примѣрахъ. Людей новой школы надо было еще воспитать, а воспитателемъ могло явиться лишь одно время, одинъ опытъ. Все это, значить, было пока впереди. Для тѣхъ, кто привыкъ видѣть въ эпохѣ Петра В. рѣзкій переломъ русской жизни, отмѣченные факты могутъ служить — въ числѣ многихъ другихъ — прекраснымъ показателемъ того, какъ медленно освобождалась русская мысль отъ унаслѣдованной рутины и привычекъ и какой еще долгой и трудный путь предстояло ей пройти, прежде чѣмъ удалось накопить новый и свѣжей матеріалъ.

Мы впрочемъ должны оговориться. Желанія Постникова относительно „вѣдомостей“ были не только услышаны, но и предупреждены. Весною 1703 г. ему былъ доставленъ черезъ А. А. Матвѣева ¹⁾ экземпляръ описанія осады и взятія крѣпости Шлиссельбурга, „первое печатное политическое извѣстіе, изданное вслѣдствіи“ указа 16 декабря 1702 г. о печатаніи курантовъ ²⁾. Постниковъ поспѣшилъ перевести матеріалъ на французскій языкъ и передать по назначенію (п. 3 апр. 1703 г.). Переводъ его и по нынѣ хранится въ архивѣ французскаго Министрства Иностранныхъ Дѣлъ ³⁾. Затѣмъ время отъ вре-

(Путята, Вопросъ о прусскомъ союзѣ въ первую половину Великой Сѣверной войны. Сборникъ Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, выпускъ I, стр. 120). Ср. также заявленія А. А. Матвѣева во Временникѣ Общ. Ист. Древн. Кн XIX, Смѣсь, стр. 16, пунктъ 3-й.

1) Чертежъ Шлиссельбурга былъ отправленъ 25 января, а прибылъ въ Гаагу 29 марта (Письма и Бумаги Петра В. II, 452, 455).

2) П е к а р с к і й, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., II, 66.

3) Relation de la prise de la ville de Stutembourg, que sa majesté czarienne a gagné sur les suédois en 1702 au mois d'octobre. Въ концѣ перевода помѣчено: Imprimé à Moscou l'an de seigneur 1702 le 27 Decembre vieux stile. (Archives du ministère des affaires étrangères. Moscovie, vol. II [1686 — 1704], feuil. 178 — 187). Вслѣдъ за перево-

мени приготовлялись для отправки и другія „вѣдомости“ — на этотъ разъ уже рукописныя — объ успѣхахъ русскаго войска въ теченіе 1703 г.; но были ли онѣ отправлены и дошли ли по назначенію, на это не имѣется никакихъ указаній 1).

домъ этой Relation, на листѣ 188 находится написанное тѣмъ же почеркомъ (и значитъ лишь списанное съ текста, составленнаго Постниковымъ) сообщеніе слѣдующаго содержанія: Au mois de decembre de la même année 1702 un detachment des dragons envoyé par le seigneur Sheremeteve, generalissime des troupes de la majesté czarienne, a brulé tout à fait les environs et les fauxbourgs de Narva et d'Ivangorod, et a defait quelques troupes Suédoises, qui s'y trouvoient, mille cinque cent hommes sont resté sur la place, cent vint officiers et soldats a fait prisonniers de guerre, deux canons, quatre drapeaux, dix tambours a prit et encore quatre vaisseaux Suédois, qui se trouvoient proche, la ville de Narva a brulé, et quantité de cheveaux a enlevé, et il s'en est retourné chez lui heureusement. — Le sieur Postnikove, gentilhomme moscovite, qui a l'honneur de communiquer ces nouvelles, n'a pas encore receu d'autres jusqu' à present de la cour de sa majesté le grand czar de Moscovie, à cause que le tems ne serve pas encore, mais il spere d'avoir l'honneur bientôt de presenter très humblement les volontés de sa majesté czarienne, son maitre, a sa majesté très chrétienne, et d'avancer l'utilité des interets de ses deux royaumes. Данныя о схваткѣ драгунъ со шведами были присланы Постникову, вѣроятно, вмѣстѣ съ журналомъ взятія Нотебурга. Въ Журналѣ Петра Вел., I, 66 они изложены не совсѣмъ сходно съ французскимъ текстомъ.

1) „Отъ в. государя и царя и в. кн. Петра Ал—ча всея в. и м. и б. Россіи самодержца дворянину нашему урожденному П. В. перворожденному Посникову, по нашему в. государя указу послано къ тебѣ о воинскомъ поведеніи каково у нашихъ в. государя войскъ сеѣ весны съ неприятельскими свѣйскими войски чинилось подъ сею нашею в. государя грамотою писмо. И какъ къ тебѣ ся наша в. государя грамота придетъ, и ты бѣ, по тому писму будучи при дворѣ королевскаго величества оранцускаго, министромъ его кому надлежитъ объявляль, а что они тебѣ о томъ будутъ говорить и ты бѣ о томъ, такъ и о иныхъ тамошнихъ и о постороннихъ вѣдомостяхъ къ намъ в. государю писалъ, а отписки велѣль подавать въ нашемъ государственнымъ посолскомъ приказѣ боярину нашему Ѡ. А. Головину съ товарищи“. — Къ этому указу приложено „Писмо о воинскомъ поведеніи“ отъ 25 мая 1703 г. съ изложеніемъ: а) успѣховъ русскаго войска подъ командой губернатора Шлютенбургскаго Меншикова въ мартѣ 1703 г. подъ Шлиссельбургомъ; б) успѣшныхъ дѣйствій въ Литвѣ подъ Биржами (апрѣль); в) взятія Канецъ (1 мая) и г) морской побѣды въ устьяхъ Невы со взятіемъ двухъ шведскихъ фрегатовъ (5 мая). — Подобные же указы встрѣчаются за 9 („2-ая грамота“) и 29 іюля и 3 августа того-же 1703 г. Въ нихъ рѣчь шла о

V.

Не ранѣе десяти мѣсяцевъ послѣ отъѣзда изъ Россіи получилъ Постниковъ первыя строки отъ своего начальства. Давно желанное письмо Головина пришло къ нему лишь 10 іюля ¹⁾ 1703 г. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ распечатывалъ онъ его, но . . . оно оказалось посланнымъ еще 13 апрѣля и вмѣсто вѣрующихъ грамотъ, желанныхъ векселей, содержало лишь новое порученіе: нанять въ царскую службу 10 или 12 лѣкарей-хирурговъ. Постниковъ ожидалъ совсѣмъ иного.

За то съ этихъ поръ онъ все настойчивѣе и подробнѣе развиваетъ мысль о необходимости обставить себя въ Парижѣ соотвѣтственно положенію: онъ хлопочетъ объ увеличеніи жалованья, позволеніи обзавестись собственнымъ экипажемъ и лошадьми. Во всей Европѣ существуетъ обычай давать посланникамъ на первое обзаведеніе; „наемную бо карѣту съ лошедми зѣло дорого держать, какъ я нынѣ дѣлаю, но егда единожды корѣта здѣлается и лошади купятся, то въ нѣкоторыя мѣсяцы окупится предъ наемною, и сверхъ сего своя корѣта честнѣе.“ Кромѣ кареты и лошадей пришлось бы заказать платье, ливрею двумъ лакеямъ и кучеру, да еще коляску для ѣзды по вторникамъ въ Версаль. Переѣздъ въ резиденцію короля изъ столицы каждый разъ обходится въ 4 ефимка, не

побѣдѣ генерала Чамберса надъ Краниортомъ (7 іюля) и побѣдѣ русскихъ подъ Ругодивомъ (12 іюля). (М. Г. л. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Сношенія съ Франціей, 1703 г., № 1: „Отпуски государевыхъ грамотъ къ находившемуся въ Парижѣ дворянину П. Постникову“). „Вѣдомости о поведеніи воинскомъ“ посылались и въ Вѣну, къ князю П. А. Голицыну, при чемъ они были много подробнѣе, чѣмъ назначавшіяся для Постникова. (Ibid., Сношенія съ Австріей 1702 г., связ. 1, № 2: „Отпуски государевыхъ грамотъ и писемъ боярина Головина къ П. Голицыну“).

1) „Въ прошлый пятокъ“, пишетъ Постниковъ отъ 16 іюля 1703 г. По расчету, пятница приходилась на 10 іюля.

считая тратъ на ѣду себѣ и лакею, въ тѣхъ случаяхъ когда приходится тамъ обѣдать, а „тамо противъ Парижскаго дороже все.“ Правда, можно ѣздить и за 2 ефимка въ извозничьей каретѣ, „но сію употреблять стыдно, и никто въ ней ѣздитъ изъ послѣднихъ агентовъ или резидентовъ принцепсовъ италіанскихъ толко, какъ у насъ говорятъ, имя сувреновъ занявшихъ.“

Постниковъ дѣлалъ такой расчетъ: карета обойдется въ 2½ тысячи франковъ, коляска въ тысячу, три-четыре каретныхъ лошади въ двѣ тысячи, „на платіе и инныя мелкія потребы сколко ваше премудрое повелитъ разсужденіе.“ Если эти цифры покажутся громадными, справьтесь, говоритъ онъ, у Балюза про условія парижской жизни, хотя „все что имѣю честь доносити вашей веліести уповаю за истинное приниматися у васъ, никогда бо былъ я и при Божіей помощи никогда буду лгачъ . . . Я самъ собою по философски хотѣлъ быхъ жить, но нынѣ по званію надобно мнѣ жить.“ Наконецъ, и прибавка въ 100, 200 или 300 рублей къ тысячѣ жалованія не будетъ напрасною тратою: не въ карманѣ останутся эти деньги, а пойдутъ на честь имени царскаго; извѣстно, что представители иностранныхъ державъ денегъ въ Парижѣ „не бросаютъ, но не скупы и не скудно живутъ“ 1).

Хлопоча о себѣ, Постниковъ не забывалъ и родню. На рукахъ у него былъ братъ, на родинѣ отецъ. За перваго онъ хлопочетъ передъ Головинымъ о средствахъ на жизнь и ученіе въ Парижѣ; второму выпрашиваетъ пожалованіе деревнею. „Подъ несчастливою констеллацію мы родилися, господіе Украинцовы и прочіи множайшіи счастливіе насъ“, жалуется онъ при этомъ.

1) А. А. Матвѣевъ, пріѣхавъ въ Гагу, точно также умоляетъ Головина „хотя на покупку кареты и лошадей и на кормъ ко мнѣ прислать, чтобъ не на стыдъ при здѣшнемъ моемъ пребываніи было житіе мое“. Соловьевъ, Исторія Россіи, XV, изд. 2-е, стр. 50.

Но впереди Постникову предстояли еще большія разочарованія и неожиданности. Въ половинѣ сентября 1703 г. онъ получилъ приказаніе выполнить заказъ генерала Ламберта, нѣкоторые новые и . . . возвращаться въ Россію. Въ то время какъ онъ мечталъ объ оффиціальному представительствѣ, русское правительство, на оборотъ, находило, что политика Франціи отнимаетъ всякій смыслъ держать даже простаго агента. Въ какія рабскія и витіеватыя выраженія ни облакалъ Постниковъ свою рѣчь, но огорченіе и неожиданность, съ какою онъ встрѣтилъ эту новость, сквозятъ очень ясно. Головинъ даже не счелъ нужнымъ объяснить причины вызова. Видимо — замѣчаетъ Постниковъ — я родился подъ несчастнымъ созвѣздіемъ, и мнѣ суждено жизнь свою провести въ путешествіяхъ изъ Москвы въ Архангельскъ, изъ Архангельска въ Лондонъ, оттуда въ Парижъ, а изъ Парижа снова въ Москву. Однако „надѣюсь, что вы не изволите въ число курьзовъ вмѣнить мою особу, хотя и не потребную“. Выражая вѣрнопоподданническую готовность раболѣпно слѣдовать предначертаніямъ государя и служить на пользу государственную всюду, гдѣ бы ни указали, Постниковъ черезъ двѣ недѣли спѣшить выставить на видъ, что исполненіе заказовъ потребуетъ много времени и что поэтому ему нельзя будетъ скоро выбраться изъ Парижа, тѣмъ болѣе, что путь черезъ Курляндію, Польшу и Прусы затрудненъ шведскими войсками и „ярыми Марсовыми перунами“. Надо дожидаться весны и отплытія Голландскаго флота. И при этомъ онъ скромно заговариваетъ о своемъ желаніи служить внѣ Россіи, указывая, что въ Венеціи и Лондонѣ „нѣтъ министровъ его величества“. Въ концѣ октября повторяется готовность „неотмѣнно повиноваться“ данному приказанію „по исправленіи повелѣнныхъ“ порученій; еще мѣсяцомъ позже — снова указаніе на невозможность вернуться сухимъ путемъ.

Очевидно, Постниковъ охотно медлилъ. На этотъ разъ

мы не встрѣчаемъ у него жалобъ на молчаніе. Головинъ прислалъ на новыя покупки 4 тысячи ефимковъ ¹⁾, повидимому, расплатился съ нимъ и за прежнія комиссіи, наконецъ, „призрѣлъ“ брата. Въ рѣшеніи дилеммы — оставаться ли въ Парижѣ съ прежнимъ жалованьемъ и безъ собственнаго экипажа или совсѣмъ вернуться на родину — Постниковъ не колебался, и потому готовъ былъ на время умолкнуть съ своими просьбами, чувствуя, что въ эту минуту онъ болѣе чѣмъ не умѣстенъ. Вотъ почему иронически звучала его фраза по поводу второй „грамотки“ Головина: „зѣло счастливая она была мнѣ, что не потерялася въ пути; если бы случайно она затерялася, и по сіе число не вѣдалъ бы я о возвращеніи моемъ.“

Во всякомъ случаѣ, хотя отъѣздъ и былъ отложенъ

1) Въ бумагахъ Моск. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ сохранились слѣдующаго рода свѣдѣнія объ этой посылкѣ: „1703 г. мая въ 17 день посыланъ ко французскому посланнику говорить о переводѣ 4 тысячъ ефимковъ въ Парижъ Матвѣй Белѣцкой. И Матвѣй, бывъ у посланника, сказалъ, что онъ о переводѣ тѣхъ ефимковъ посланнику говорилъ, и посланникъ де отказалъ, чтобъ ему въ томъ переводѣ дать сроку. А онъ о томъ помыслить и отвѣтъ учинить инымъ временемъ, а нынѣ подлинно о томъ сказать ему невозможно для того что по писмамъ его ис Парижа никакого соответствованія ему по се число нѣтъ. А иноземцы Христофоръ Брантъ и Иванъ Люпсъ сказали, что они то число ефимковъ въ Парижъ переведутъ и будутъ они о томъ писать въ Амстердамъ къ тѣмъ людямъ, которые съ французы въ Парижъ корреспонденцію имѣютъ, и то число отдадутъ въ Парижъ Петру Посникову французскими битыми добрыми ефимками, только за тѣ ефимки русскими денгами они не возьмутъ; а указалъ бы великій государь тѣ 4 тысячи ефимковъ зачесть имъ у города Архангельскаго въ пошлинной ефимочной ихъ платежъ или за смальчугъ, за которой доведетца имъ платить въ приказъ Болшіе Казны въ платежъ, и о томъ въ ратушу или въ Большую Казну послать память“ (М. Гл. Арх. М. Ин. Дѣл. Сношенія съ Франціей 1703 г. Приѣздъ въ Россію франц. посланника де Балюза, л. 128.) Указомъ 26 мая 1703 г. повелѣно было переводъ денегъ сдѣлать черезъ Бранта и Любса, которые въ свою очередь перевели ихъ на амстердамскій домъ Эгберта Тесинга и Якова Любса. (Ibid., Сношенія съ Франціей 1703 г., № 1: „Отпуски государевыхъ грамотъ къ находившемуся въ Парижѣ дворянину П. Постникову“). Означенная сумма, да и то пока не полностью, дошла до Парижа лишь къ октябрю мѣсяцу (См. Приложение I).

въ долгій ящикъ , надлежало увѣдомить французскій дворъ о принятомъ рѣшеніи русскаго правительства. Узнавъ о предстоящемъ отозваніи Постникова , де Торси не преминулъ кольнуть послѣдняго , выразивъ удивленіе , что онъ живетъ такъ долго въ Парижѣ и до сихъ поръ не получаетъ вѣрующей грамоты , — тому пришлось отдѣлываться завѣреніемъ , что онъ никогда „не говорилъ“ о ней , но только ожидалъ указа. Постниковъ опасался , какъ бы у Торси не возникли сомнѣнія на его счетъ , и , окончивая отчетъ свой о свиданіи съ французскимъ министромъ , онъ прибавляетъ : „хорошо бы было , чтобъ ваша веліестъ пожаловалъ , господину де Балюсу о моемъ возвращеніи сказалъ , такожде и о призваніи цырюликовъ , поне здѣ , не знаю , въ какой разумъ пріемлютъ пребываніе мое здѣ безъ всякаго дѣла и безъ указовъ , къ дѣломъ надлежащимъ государственнымъ и со мною , яко изволите знать , иного свидѣтельства нѣтъ , кромѣ единого простаго проѣзжаго листа.“

А пока Постниковъ занялся пріискиваніемъ докторовъ для русской службы. Изъ Россіи наказывали заключить съ ними письменное условіе , договорившись предварительно на счетъ срока и подробностей службы , но съ первыхъ же шаговъ встрѣтились затрудненія : распоряженіе было очень лаконично , Постниковъ не зналъ какую сумму предлагать хирургамъ и просилъ по крайней мѣрѣ сообщить размѣры жалованья лѣкарямъ , ранѣ вызваннымъ въ Россію. Подобный запросъ онъ счелъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ , что все равно за позднимъ временемъ въ текущемъ году медиковъ нельзя было отправить моремъ , а сухимъ путемъ дорого. Да и нанимать пока было не кого : бѣльшая часть хирурговъ или „цырюликовъ“ , какъ ихъ называетъ Постниковъ , находилась въ дѣйствующей французской арміи , и развѣ что зимою можно было ожидать ихъ пріѣзда въ Парижъ. Такъ какъ безъ королевскаго указа наемъ ихъ все равно считался бы недѣйствителенъ , то

пришлось обратиться къ министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбою объ исходатайствованіи такового, но де Торси потребовалъ предварительнаго именнаго списка, выразивъ при этомъ сомнѣніе, чтобъ нашлись желающіе: куда имъ ѣхать, имъ хорошо-де и здѣсь! . . .

Наемъ этихъ хирурговъ наглядно иллюстрируетъ положеніе, какое въ ту пору занимала Россія въ Европѣ и кредитъ ея въ глазахъ иностранцевъ. „Цырюлики“ отказывались ѣхать безъ прочныхъ гарантій. Обѣщанія русскаго уполномоченнаго не имѣли для нихъ вѣса; словамъ и другихъ, болѣе его авторитетныхъ лицъ, повидимому, они довѣряли также мало и прямо требовали, чтобы кто-нибудь изъ парижскихъ банкировъ, или же посланникъ Балюзъ, поручился въ исполненіи условій со стороны нашего правительства. Иначе говоря, надо было или внести залогъ, или формально обязаться передъ самимъ французскимъ правительствомъ.

Предупреждая упрекъ въ несостоятельности, Постниковъ ставитъ Головину на видъ, что когда онъ самъ было занималъ въ Амстердамѣ иноземцевъ на службу, то также требовалось ручательство голландскихъ купцовъ; „колми паче за мене надобно нѣкоторому отвѣчать знатному купцу, ни карактѣра, ни обученіе дѣлъ публичныхъ злополучіемъ моимъ имѣющему . . . (я здѣсь) яко простый пришлецъ и который по свѣту ѣздитъ для своея охоты.“

Съ другой стороны иностранцы представляли Москву лежащею гдѣ-то на „краю свѣта . . . и діаволь ихъ знаетъ что говорятъ . . . Егда слышатъ Москву нашу, чають, что она съ Индіями граничитъ“, — а это лишь давало имъ право повышать свои требованія. За полтора ста, за двѣсти пятьдесятъ рублей годоваго жалованья съ оплаченнымъ проѣздомъ никто и ѣхать не хотѣлъ, а спеціалисты съ именемъ „не устыдилися просить и по тысящѣ еeimковъ здѣшнихъ на годъ.“ Постниковъ уже предви-

дѣль необходимость удовольствоваться докторами средней руки, „только бы доволнїи были звычайныя операціи хирургійскія дѣлать въ полкахъ и въ болницахъ“. Спросъ на медиковъ въ ту пору былъ большой, и послѣдніе знали, что если не въ Россіи подъ стѣнами Шлиссельбурга и Нарвы, та на поляхъ Фландрїи, Германіи, Испаніи и Савойи они найдутъ себѣ достаточно работы.

Всю зиму ждалъ Постниковъ отвѣта и чуть не съ каждой почтою напоминалъ о гарантіяхъ. Между тѣмъ приближалась весна, Голландскій флотъ готовъ былъ отплыть въ Бѣлое море, а дѣло не подвинулось ни на шагъ. „Сего лѣта не мощно послать къ вамъ оныхъ хирурговъ“ — пишетъ онъ въ концѣ апрѣля 1704 г. Головину, — „по сіе бо число отвѣту не получилъ я отъ вашей велиести о порукѣ имъ“. Отвѣтъ не приходилъ, и дѣло разстроилось совсѣмъ.

А тѣмъ временемъ подоспѣли другія порученія.

Во первыхъ пришлось отправлять въ Россію партію книгъ на французскомъ и латинскомъ языкахъ. Обстановка этого указа намъ совершенно неизвѣстна. По полученіи книгъ въ Москвѣ — матеріалы упоминаютъ „Изрѣченіе и указы королей французскихъ“, „Толкованіе на обычай Парижа“, „Списаніе французскаго права“ — ихъ отдали было переводить, но хорошихъ переводчиковъ не оказалось ¹⁾.

Затѣмъ въ мартѣ 1704 г. явился къ Постникову морской капитанъ Шлейсъ, отправленный Матвѣевымъ, посломъ нашимъ въ Голландію, хлопотать объ освобожденіи торговаго корабля „Св. Андрей Первозванный“, захваченнаго дункерскими каперами на пути его, подъ русскимъ флагомъ, изъ Архангельска въ Лондонъ. Судно принадле-

1) И. Токмаковъ, Матеріалы для исторіи русской и иностранной библиографіи въ связи съ книжной торговлей. Библиографъ, 1885, № 4, стр. 76—77 (и отдѣльно, вып. I, стр. 2—3).

жалю купцамъ Баженинымъ. Шлейсъ имѣлъ при себѣ рекомендацію къ Даво, бывшему незадолго передъ тѣмъ въ Голландіи французскимъ посломъ. Не владѣя французскимъ языкомъ, онъ долженъ былъ нанять нѣкоего Гоутмана, жившаго въ Парижѣ отъ имени голландскихъ Статовъ для переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ матросовъ, и тотъ, по свидѣтельству Постникова, „безкорыстно“ хлопоталъ о дѣлѣ, всюду ходя со Шлейсомъ по судебнымъ учрежденіямъ. Самъ же Постниковъ, съ своей стороны, подалъ докладную записку министру де Торси, и нанявъ адвоката „по приказному поведенію“, опротестовалъ конфискацію судебнымъ порядкомъ; но совѣтъ адмиралтейскій постановилъ вернуть лишь половину товаровъ, именно ту, что была помѣчена въ консементѣ съ подписью капитана, и оставить, на основаніи дѣйствующихъ французскихъ законовъ, тѣ, перечень которымъ, хотя и находившійся на лицо, оказался однако безъ скрѣпы. Постниковъ со Шлейсомъ апеллировали на это рѣшеніе высшей инстанціи въ судъ королевскій, ссылаясь на незнакомство русскихъ съ мѣстными порядками. Не задолго передъ засѣданіемъ Постниковъ видѣлся съ де Торси и кромѣ того съ де Шамильярдомъ и де Поншартреномъ, министрами финансовъ и морскимъ, старался расположить ихъ въ пользу своихъ кліентовъ и ото всѣхъ получилъ обнадеживающій отвѣтъ.

Каково же было его удивленіе и негодованіе, когда судъ, засѣдавшій въ присутствіи самого короля, не только не удовлетворилъ жалобу истцовъ, но постановилъ конфисковать всѣ товары и даже самый корабль. „Едва бо не вси французы“, — пишетъ раздосадованный Постниковъ — „словами по шерсти гладятъ, а дѣлами противу шерсти... Мало является такое кривосудіе противу права народнаго; отъ какой причины король подвигся къ сему, лутчи мене вы изволите, чаю, вѣдать, ябо не знаю, чего у васъ требовалъ посланникъ французской“. Напрасно завѣрялъ Пост-

никовъ, что русскій флагъ не былъ прикрѣпкой чужихъ товаровъ, что послѣдніе составляли собственность русскихъ, а не голландскихъ подданныхъ, — французы стояли на своемъ. Въ разговорѣ съ де Торси представитель Россіи ручался „своею жизнію“, что корабль московскій — на всѣ его доводы былъ одинъ холодный отвѣтъ („студеными словесы“): вопросъ исчерпанъ и рѣшеніе постановлено.

Свою неудачу Постниковъ объяснялъ мотивами политическими. „Здѣшній дворъ зѣло противенъ намъ, едва хотятъ слушать, уже болши нечего дѣлать здѣ о нашемъ караблѣ, вездѣ отказъ, и повидимому нарочно оказали господіе французы такую наглость къ сторонѣ нашей“, — тѣмъ болѣе что у шведовъ также было захвачено торговое судно; однако же возвращено по просьбѣ шведскаго посланника, хотя товары и принадлежали гамбургскимъ купцамъ и лишь перевозились подъ шведскимъ флагомъ.

Неуспѣшнымъ оказалось и другое ходатайство о разрѣшеніи нагрузиться во французскихъ гаваняхъ виноградными винами двумъ голландскимъ кораблямъ, закупавшимъ ихъ „про обиходъ“ русскаго государя. Французское правительство мотивировало свой отказъ безповоротнымъ рѣшеніемъ прекратить всѣ сношенія съ воюющими державами. Одновременно съ этимъ въ паспортѣ уѣзжавшему Шлейсу русскаго государя наименовали лишь „великимъ княземъ“ и хотя вслѣдствіе представленій Постникова и согласились дать „царя“, но на отрѣзъ отказали въ „величествѣ“. Постниковъ и въ этомъ видѣлъ намѣренную холодность и недоброжелательство, хотя, можетъ быть, онъ смягчилъ бы свой приговоръ, если бы вспомнилъ, что не одна Франція оспаривала въ ту пору у русскаго самодержца почетный титулъ „маестата“.

Какъ бы ни было, но по вопросу о „Св. Андрей“ Постникову рѣшительно ничего не удалось добиться. Какъ извѣстно, годъ спустя по этому же дѣлу въ Парижъ дол-

женъ былъ нарочно прїѣхать А. А. Матвѣевъ изъ Амстердама.

Въ письмахъ 1704 г. сравнительно съ предыдущимъ Постниковъ гораздо чаще останавливается на текущихъ политическихъ событіяхъ. Извѣстія съ театра войны, полученныя изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, едва ли впрочемъ могли быть особенно пригодны для русскаго правительства, тѣмъ болѣе что изъ Вѣны кн. Голицынъ гораздо скорѣе могъ передавать ихъ, а Постниковъ не сообщалъ болѣе того что давали современныя газеты ¹⁾. Безполезно было узнавать изъ Парижа о такихъ фактахъ, какъ арестъ принцевъ Собѣскихъ, взятіе шведами Торуня, обстоятельства завоеванія Нарвы и Дерпта русскими войсками и т. п. Правда, Постниковъ слѣдитъ за дѣйствіями французскаго правительства по вопросу о признаніи принца де Конти польскимъ королемъ, отмѣчаетъ сочувствіе Людовика XIV къ Станиславу Лещинскому и шведамъ, передаетъ благоприятный отвѣтъ Балюза о Россіи и проч. въ этомъ же родѣ; но въ большинствѣ случаевъ и эти данныя не отличались большою содержательностью и важностью. Извѣстія же болѣе цѣнныя, какъ, напримѣръ, мотивы отозванія Балюза (п. 28 янв. 1704), встрѣчаются въ донесеніяхъ очень и очень рѣдко. Годомъ позже депеши Матвѣева изъ того же Парижа будутъ стоять несравненно выше по своему содержанию.

Но Посольскій приказъ, рѣшивъ отозвать Постникова, повидимому, и не претендовалъ на что либо болѣе крупное. Ему уже послана была проѣзжая грамота на обратный

1) При письмѣ 1 янв. 1704 г. Постниковъ отправилъ печатный французскій, со своимъ переводомъ, манифестъ Людовика XIV къ архіепископу Парижскому о пѣни благодарственнаго молебна по случаю взятія крѣпости Ландау. Чтобы дать понятіе, на сколько владѣлъ Постниковъ французскимъ языкомъ, мы печатаемъ въ Приложеніи V оригинальный текстъ манифеста вмѣстѣ съ переводомъ.

путь ¹⁾, и представляется даже нѣсколько страннымъ, какъ это онъ, осенью 1703 г. ожидавшій весны для отплытія въ Архангельскъ, продолжалъ оставаться въ Парижѣ еще въ теченіи цѣлаго лѣта 1704 г. Неполнота коллекціи писемъ, сохранившихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностраннихъ дѣлъ, а, можетъ быть, еще болѣе отсутствіе отвѣтныхъ Головина, мѣшаетъ съ желаемою обстоятельностью прослѣдить за всѣми фазамы заграничной жизни нашего дипломата. Слѣдя по письмамъ за его приготовленіями къ отъѣзду, мы видѣли, что онъ дѣйствительно собирался выѣхать изъ Парижа, но . . . не прямо на родину.

Въ началѣ іюня 1704 г. онъ вдругъ проситъ разрѣшить ему, передъ возвратомъ въ Россію, съѣздить въ Римъ, „въ которомъ никогда еще не случился мнѣ быть“, — говоритъ онъ — „по злощастію моему прежде сего; сей путь въ малые отправлю мѣсяцы и съ небольшими деньгами“. Полтора мѣсяца спустя онъ снова возвращается къ той же темѣ. Онъ напоминаетъ Головину, что не разъ „со многимъ стонаніемъ и неудовольствіемъ“ говорилъ ему о томъ, что въ теченіи всѣхъ своихъ переѣздовъ еще ни разу не побывалъ въ „ветхомъ Римѣ“ и другихъ главныхъ городахъ Итальянскаго полуострова. Тотъ же-де отвѣтъ далъ онъ нѣкогда и государю, когда послѣдній въ изустной бесѣдѣ почтилъ его разспросами о поѣздкахъ по Европѣ. Головину-де извѣстно — продолжаетъ напоминать Постниковъ — что назначеніе на Карловичскій конгрессъ помѣшало ему посѣтить Вѣчный городъ, и вотъ почему нынѣ, не имѣя никакихъ другихъ приказаній, какъ только возвратъ въ Россію, онъ проситъ выхлопотать у государя разрѣшеніе съѣздить въ Италію, обѣщаясь не мѣшкать вернуться и по возможности самымъ прямымъ путемъ, черезъ Кіевъ.

1) См. выше стр. 121 примѣч.

Эти строки писаны 16 июля; а 3 августа, прежде чѣмъ пришло дозволеніе, Постниковъ, видимо, уже рѣшилъ положительно свою поѣздку. Напоминая о просьбѣ, онъ такъ выражается: „мое желаніе . . . нѣкоторыми только мѣсяцы умедлить пріѣздъ мой къ Москвѣ единымъ путешествіемъ въ Римъ, . . . въ который любопытіе мое предпосылаетъ мене на сихъ недѣляхъ“. Рѣшимость Постникова подтверждается письмомъ 20 августа, гдѣ онъ уже говоритъ, что ѣдетъ „на сихъ дняхъ“, причемъ обратный маршрутъ его теперь, какъ видно, измѣнился: „въ краткое время управлю сей путь и малыми изживеніями ѣдучи назадъ изъ Италіи на Парижъ поѣду въ Голандію; ежели изволите приказать мнѣ что исправить въ Парижю, буду ожидать вашихъ указовъ“. Оказывается, у него было не только желаніе, но и средства съ чѣмъ выѣхать. Еще въ началѣ іюня получилъ онъ, хоть и съ трудомъ, у банкира Тесинга 2100 франковъ на уплату пошлинъ за купленные для царскаго двора вещи и „на пищу себѣ и брату“, а въ началѣ августа Головинъ прислалъ ему новую сумму въ тысячу ефимковъ.

Къ сожалѣнію, какъ разъ на этомъ письмѣ отъ 20 августа прерываются депеши Постникова и — въ коллекціи Московскаго Главнаго Архива — возобновляются лишь черезъ длинный промежутокъ полутора лѣтъ. Этотъ пробѣлъ лишаетъ насъ возможности возстановить, можетъ быть, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ эпизодовъ пребыванія Постникова за-границей.

VI.

Удалось ли Постникову осуществить свою поѣздку въ Италію, за отсутствіемъ какихъ либо указаній, сказать ничего не можемъ. Но что въ Голландіи онъ дѣйствительно былъ, объ этомъ свидѣтельствуесть небольшая замѣтка

Схелтемы въ его „Rusland en de Nederlanden“. При обзорѣ сношеній Витзена съ Россіей авторъ сообщаетъ, что въ 1704 и 1705 гг. жили въ Голландіи пріѣхавшіе туда съ научною цѣлью (tot wetenschappelijke zaken) Петръ Постниковъ съ сыномъ и Григорій Амикуровъ, имѣя рекомендацію къ амстердамскому бургомистру ¹⁾. Въ „сынѣ“, конечно, надо видѣть брата Петра Васильевича. Указаніе не на одинъ 1705, но и 1704 годъ, позволяетъ сомнѣваться въ поѣздкѣ братьевъ въ Италію, потому что едва ли успѣли бы они вернуться оттуда ранѣе января. Что дѣлали они въ Голландіи, остается также неразъясненнымъ.

Выше было упомянуто, что А. А. Матвѣеву пришлось отправиться въ Парижъ по дѣлу о захваченныхъ корабляхъ ²⁾. Онъ оставался во Франціи цѣлый годъ, съ сентября 1705 по октябрь 1706 ³⁾. Если не все, то часть этого времени и Постниковъ провелъ также въ Парижѣ. Можетъ быть, онъ пріѣхалъ туда и позже Матвѣева ⁴⁾, но во всякомъ случаѣ въ апрѣлѣ 1706 г. былъ уже тамъ навѣрное. Объ этомъ свидѣтельствуетъ кн. Б. И. Куракинъ ⁵⁾ и еще болѣе самъ Постниковъ письмомъ своимъ (11 апр.) Ѡ. А. Головину.

1) Dat de beide Prinsen (Схелтема [стр. 109] полагаютъ, это были А. Нарышкинъ и Яковъ (который? Только не Ѡеодоровичъ, находившійся тогда въ шведскомъ плѣну) Долгорукій), waarvan reeds melding is gemaakt, aan Witsen waren aanbevolen, is reeds aangestipt. Het bleek ons, dat aan Peter Posnicoff en zijnen zoon, en aan Gregory Amicourow, die in de jaren 1704 en 1705 in deze landen waren gekomen, tot wetenschappelijke zaken, eene gelijke aanbeveling was verstrekt. (Deel III, s. 134).

2) Кромѣ „Св. Андрея“ былъ взятъ еще корабль, принадлежавшій Елизару Избранту. Переговоры съ французскимъ правительствомъ должны были также коснуться и заключенія торговаго договора. Соловьевъ, XV, 67—70.

3) Ibidem.

4) По пріѣздѣ въ Парижъ Матвѣевъ обноситъ съ министерствомъ чрезъ „дворянина Ивана Зотова“, посылая его договориться объ условіяхъ пріема и т. п. Пекарскій, Поѣздка гр. Матвѣева въ Парижъ въ 1705 г. Современникъ 1856, № 6, стр. 54.

5) Архивъ кн. Куракина III, 334.

Это письмо стоит того, чтобъ остановиться на немъ нѣсколько долѣе.

Постниковъ, видимо, тяготился своимъ теперешнимъ положеніемъ. Хотя Матвѣевъ и аттестовалъ его очень сочувственно: „мужъ умный и дѣла европейскаго и пользы государевой свѣдомый и въ языкахъ ученый“¹⁾; но по самому положенію дѣлъ онъ неизбѣжно долженъ былъ отодвинуть его въ Парижъ на задній планъ и заставить совсѣмъ ступежаться. Постниковъ всего вѣроятнѣе даже прямо поставленъ былъ подъ начало Матвѣева. Самостоятельности у него не было никакой, и вотъ свои сѣтованія и желанія онъ излагаетъ въ длинномъ посланіи къ начальнику Посольскаго приказа.

Прежде всего онъ возобновляетъ старую просьбу объ опредѣленіи ко двору англійскому или одному изъ итальянскихъ съ „характеромъ“ посланника или резидента, какъ будетъ угодно рѣшить самому Головину. Постниковъ полагаетъ, что онъ достоинъ занять такое мѣсто и по своимъ лѣтамъ, воспитанію и „малому вѣденію, которое Богъ благоизволилъ дать“; онъ увѣренъ, что въ чужихъ земляхъ можетъ принести „большую пользу“ отечеству и убѣжденъ, что его мнѣніе раздѣлитъ и самъ Головинъ; лишь бы государь не посмотрѣлъ иначе, что, разумѣется, будетъ ему великимъ бѣдствіемъ. „Никогда не могу оплакати довольно время послѣдняго моего пребыванія въ чужихъ краяхъ, не полезное и не принесшее мнѣ лучшее состояніе, которое, едва показалося, тотчасъ какъ паки скрылося“. Не объ неудавшейся ли поѣздкѣ въ Италію идетъ здѣсь рѣчь? Не жизнь ли въ Голландіи имѣется здѣсь въ виду? Постниковъ вспоминаетъ, какъ, будучи еще при Головинѣ, просилъ его, „чтобы посланъ былъ за какимъ дѣломъ государевымъ, еже и учинися; послѣ по многому моему безчастію

1) Соловьевъ, XV, 71.

сіе дѣло сдѣланное премѣнися, не знаю, не могу понять какія ради вины, нынѣ покажите заступленіе ваше и изволите благоволить помѣнать сіе премѣненіе“. Нельзя ли, какъ мы это уже сдѣлали раньше ¹⁾, видѣть въ этихъ словахъ намекъ на то что назначеніе Постникова дипломатическимъ агентомъ во Францію въ 1701 г. состоялось согласно его желанію, а „несчастіе“ заключалось въ посылкѣ Матвѣева въ Парижъ и въ устраниніи его, Постникова, отъ дѣлъ, которыя, если такъ выразиться, належали его вѣдомству? Постниковъ завѣрялъ, что онъ не ищетъ ни деревень, ни прибытковъ; если получитъ назначеніе („если бы оставленъ былъ за дѣломъ“), то ни копѣйки изъ жалованья не употребитъ на свои личныя нужды: единственное его желаніе служить государю. При этомъ онъ вспоминаетъ о службѣ отца и горько сѣтуетъ, что тотъ обойденъ: „едва и повседневнаго свободнаго хлѣба не лишается, повышенія чина и не упоминаю, безъ всякаго воздаянія оставленъ и пренебреженъ“. Не смотря на троекратныя прошенія его, сына, на имя государево, на обѣщаніе самого царя, лично ему данное при отпускѣ на Нюхченской пристани, „монаршеское слово ни въ добро, ни во благо не произведется“. Но Постниковъ не ропщетъ; онъ лишь надѣется на предстательство и защиту Головина.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе этого любопытнаго письма. Остается сожалѣть, что недоговоренность, неясныя намеки мѣшаютъ возстановить съ желаемою полнотою всѣ факты и соображенія, имѣвшіяся въ виду при его составленіи. Другихъ же писемъ, которыя помогли бы восполнить пробѣлы, до насъ не дошло. Письмо 9-го мая 1706 г. лишь повторяетъ высказанное ранѣе.

Голосъ Постникова не былъ услышанъ. Черезъ полтора года, въ ноябрѣ 1707 г., мы встрѣчаемъ Падуанскаго док-

1) См. выше стр. 113.

тора по прежнему на старомъ мѣстѣ въ Парижѣ, въ тѣхъ же напрасныхъ попыткахъ получить дипломатическій постъ. Движенія по службѣ никакого. Онъ продолжаетъ сообщать политическія „новины“, но отъ старыхъ желаній не отказался. Въ ту пору Ѳ. А. Головина уже не было въ живыхъ. Посольскимъ приказомъ заправляли Г. И. Головкинъ и П. П. Шафировъ. Постниковъ мѣняетъ адресъ, но сущность его просьбы остается неизмѣнною. Къ Шафирову онъ обращается съ убѣдительною просьбою ходатайствовать за него передъ государемъ. Не называя при этомъ ни одного европейскаго двора, онъ лишь выражаетъ надежду, что можетъ быть полезенъ на дипломатическомъ посту, хотя у царя и найдутся вѣроятно болѣе его способные на это дѣло.

Повидимому, сознавъ бесплодность попытокъ утвердиться въ Англіи или Италіи, онъ останавливается на мысли получить оффиціальныи постъ въ самой Франціи. Въ этомъ смыслѣ пишетъ онъ Головкину. Но мы уже видѣли, какъ упорно уклонялось русское правительство отъ назначенія оффиціальнаго представителя при Людовикѣ XIV. Политика Франціи явно противодействовала нашимъ интересамъ, и мы не хотѣли играть въ пустую или заискивать. Но, игнорируя Францію, игнорировали и самого Постникова. Онъ жалуется Шафирову, что долженъ „бродить пѣшкомъ“, что „трудно и непригожо въ дома господъ пословъ и посланниковъ и прочихъ нарочитыхъ людей безъ карѣты входить“, а между тѣмъ, будь у него хоть маленькій экипажъ, онъ не отсталъ бы отъ другихъ въ сообщеніи достовѣрныхъ и разнообразныхъ новостей.

Такъ проходили годы; Постниковъ продолжалъ жить въ Парижѣ вмѣстѣ съ братомъ въ роли политическаго корреспондента и случайнаго защитника интересовъ русскихъ подданныхъ, какъ напримѣръ по дѣлу о новомъ захватѣ въ 1709 г. дункерскими каперами русскаго корабля „Св. Алексѣй“, на этотъ разъ принадлежавшаго московскому

купцу И. Ст. Стрѣшневу ¹⁾; занималъ „огородниковъ“ для царскихъ садовъ, — а въ перспективѣ не виднѣлось никакого просвѣта.

Но вотъ на поляхъ Полтавы девятилѣтнія усилія и пожертвованія русскаго народа создали новое положеніе Россіи. Игнорировать ее стало болѣе невозможнымъ. Почувствовала это и Франція, быть можетъ, особенно живо послѣ ужасовъ голоднаго года и тяжелаго пораженія при Мальплаке, нанесеннаго ей союзниками спустя какихъ нибудь два съ половиною мѣсяца послѣ побѣды Петра надъ Карломъ XII. Политическое равновѣсіе Европы приобрѣтаетъ инныя основы; возникаютъ новыя комбинаціи; начинается создаваться возможность сближенія Франціи съ Россіей.

25 января 1710 г. гр. Головкинъ пишетъ Постникову письмо, которое несомнѣнно должно было доставить ему полное удовлетвореніе и освѣтить теплымъ лучомъ долгіе годы ожиданій. Канцлеръ увѣдомлялъ, что прошеніе его о назначеніи резидентомъ при французскомъ дворѣ было получено уже давно, милостиво принято государемъ; но что положеніе дѣлъ не позволяло до сей поры сдѣлать такого шага. Нынче же государь рѣшается на него, хотя и остается подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, дѣйствительно ли король желаетъ дружбы, тѣмъ болѣе, что Франція продолжаетъ агитировать въ Турціи въ интересахъ Карла Шведскаго. Хотя нынѣшній посоль въ Польшѣ Балюзъ, а также секретарь французскаго посольства въ Даніи и завѣряли, первый кн. Меньшикова, второй кн. Долгорукова, въ добрыхъ пожеланіяхъ Людовика XIV; но не имѣя никакого этому подтвержденія, государь поручалъ Постникову подъ величайшимъ секретомъ разузнать у французскаго министра иностранныхъ дѣлъ де Торси, „потребна“ ли королю царская дружба и медиация въ войнѣ съ союзниками, и при утвер-

1) См. приложеніе III.

дительномъ отвѣтѣ заявить, что царь ждетъ присылки уполномоченнаго лица для формальнаго выраженія таковаго желанія. Въ этомъ случаѣ и Постникову имѣлось въ виду немедленно отправить необходимыя вѣрющія грамоты. Не сомнѣваясь въ благопріятномъ отвѣтѣ, Головкинъ въ томъ же письмѣ торопился послать условный шифръ для предстоящей переписки.

Надо ли говорить, съ какимъ отраднымъ чувствомъ читаль Постниковъ эти строки? Давно лелѣянная мечта выйти изъ неопредѣленнаго и обиднаго положенія, занять почетное мѣсто всѣми признаннаго представителя обширнаго Московскаго царства готова была осуществиться. Это была награда за длинные и тяжелые годы неблагодарной службы. Постниковъ не принадлежалъ къ родовитой фамиліи; но время Петра открывало широкій доступъ на видныя мѣста въ государственной дѣятельности не однимъ лицамъ съ блестящимъ фамильнымъ прошлымъ, но и тѣмъ, имена которыхъ еще вчера были совсѣмъ не извѣстны. Потребности времени съ особенною силою выдвигали талантъ, знаніе и трудъ. По своему образованію П. В. Постниковъ несомнѣнно стоялъ въ переднихъ рядахъ тогдашняго русскаго общества. Не безъ зависти слѣдилъ онъ за тѣмъ, какъ прихотливая фортуна улыбалась избранникамъ и счастливымъ, и чувствовалъ свое самолюбіе затронутымъ, видя какъ годъ за годомъ проходитъ, не принося ему существеннаго улучшенія. Мы не беремъ судить, на сколько по своимъ заслугамъ имѣлъ онъ право рассчитывать на большее, такъ какъ наши матеріалы не таковы, чтобъ дать возможность оцѣнить внутреннюю сторону его дѣятельности во всей ея совокупности; но несомнѣнно, въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ стоялъ высоко. И вотъ теперь наступалъ часъ расплаты. Фортуна улыбнулась и ему. Онъ не будетъ болѣе чувствовать себя въ двусмысленномъ положеніи среди дипломатическаго міра въ Версали, онъ не будетъ вынужденъ заискивать и попрошайничать, чтобъ имѣть возможность

сообщать время отъ времени своему Двору жалкіе обрывки разныхъ „новинъ“, полученныхъ изъ третьихъ рукъ. У него будетъ своя карета, коляска, свои лошади, пріемъ, — однимъ словомъ, онъ станетъ въ положеніе равноправнаго члена дипломатическаго корпуса.

Сладко мечталось Постникову . . . Но въ самый разгаръ этихъ пріятныхъ грезъ неожиданный ударъ разбилъ въ прахъ всѣ его мечты и показалъ, что замки, которые онъ строилъ, были воздушные. Дѣйствительно „подъ несчастною констелляціею“ онъ родился: надежда обманула его и на этотъ разъ. 25 января 1710 г. писалъ Головкинъ вышепомянутое письмо, въ мартѣ или даже, можетъ быть, въ апрѣлѣ оно дошло по назначенію, а въ іюлѣ того же года на мѣсто Постникова назначается французскій полковникъ Крокъ, которому и поручено веденіе переговоровъ, затронутыхъ въ письмѣ канцлера ¹⁾; Постниковъ же долженъ былъ вернуться въ Россію съ тѣмъ чтобы, какъ кажется, никогда болѣе не возвращаться ни во Францію, ни вообще за-границу.

Что такое произошло? Откуда такая крутая переměна? Наши документы молчатъ на этотъ вопросъ ²⁾, въ добавокъ оставляя въ полныхъ потемкахъ дальнѣйшія судьбы несчастнаго доктора-дипломата. Можно думать, что, сходя съ дипломатическаго поприща во Франціи, онъ ступевался совсѣмъ и разъ навсегда безслѣдно затерялся въ толпѣ. Мы еще въ силахъ констатировать такіе факты, какъ пріѣздъ его въ Россію съ массою книгъ, предназначенныхъ

1) Грамота Кроку была изготовлена (и отправлена) 15 іюля 1710 г. Archives du ministère des affaires étrangères. Moscovie, II, f. 125. Сравни. II, ff. 137—138. Г. Рамбо (Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. Russie, I, 119—120) напрасно предлагаетъ называть Крока Скровымъ (Skroff). Сравни. Сбор. Истор. Общ. XXXIV, стр. XXI, 453, 471. Кроку и сближенію Франціи съ Россіей послѣ Полтавской битвы будетъ посвящена нами особая статья.

2) Не смерть ли отца, скончавшагося въ этомъ году, обусловила его возвратъ на родину?

для Посольскаго приказа, настоящею бібліотекою разнообразнаго содержанія, преимущественно однако на тему „о правахъ и уложеніяхъ окрестныхъ государствъ“¹⁾; знаемъ, что во второй половинѣ 1712 г. онъ началъ переводить съ французскаго книгу Викфорта, „О послѣхъ и министрахъ чужестранныхъ“²⁾; можетъ быть, ему жѣ, если не брату, принадлежитъ приготовленный въ 1716 г. переводъ другой книги: *Du-Ric, Alcoran de Mahomet*³⁾ — но и только. Всякій дальнѣйшій слѣдъ Постникова безслѣдно затеривается. По неволѣ и мы должны здѣсь остановиться, предоставивъ другому, болѣе счастливому, перу начертать полную біографію этого дѣятеля Петровской эпохи, мало виднаго, неудавшагося, подѣ часъ жалкаго, но отпечатлѣвшаго на себѣ нѣсколько характерныхъ и любопытныхъ чертъ своего времени, и съ этой стороны имѣющаго право на вниманіе историка.

VII.

Заканчивая свой очеркъ, позволимъ себѣ еще остановиться на упомянутомъ въ началѣ его ошибочномъ мнѣніи

1) См. ихъ перечень въ вышеупомянутой статьѣ г. Токмакова въ Библиографъ 1885, стр. 77—79.

2) См. приложение VI.

3) *Alcoran de Mahomet, traduit de l'arabe en françois par le sieur du Ruer, sieur de la garde Malezair, suivant la copie imprimée à Paris, chez Antoine de Sommerville, petit in 12°.* Рукописный переводъ, съ помятою: „переводилъ сію книгу Петръ Постниковъ“ хранится, по указанію Пекарскаго, въ Мос. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, за № 148. (f°. 350 нум. страницъ). Судя по тому что въ переводѣ замѣтна „неловкость переводчика при передачѣ нѣкоторыхъ французскихъ словъ и оборотовъ, что уже видно и изъ заглавія“ — (Алкоранъ о Магометѣ) — „слѣдовательно частица de принята не въ смыслѣ члена для означенія родительнаго падежа, но какъ предлогъ de“, — Пекарскій полагаетъ, что книгу переводилъ младшій братъ, а не старшій (Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ В. II, 370). Едва ли однако этого достаточно для окончательнаго приговора. Объ изданіи „Алкорана“ сравн. П. Ефремовъ, Новооткрытая бібліографическая рѣдкость. Русскій Архивъ 1888, № 4, стр. 644—646.

Рихтера, будто бы Падуанскій докторъ и дипломатическій агентъ русскаго правительства при французскомъ дворѣ два различныхъ лица.

Вотъ что собственно говорить Рихтеръ :

„Судя по списку врачей, сочиненному Миллеромъ, онъ (Постниковъ) преждевременно скончался вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Россію, не получивъ въ жизни сей награды за труды, пожертвованія свои и упражненія въ наукахъ. Въ Московскомъ архивѣ находятся между другими множество писемъ съ 1701 до 1711 г., отправленныхъ изъ Парижа нѣкоторымъ Петромъ Постниковымъ къ боярину Головину и тайному секретарю Шафирову въ Москву. Предполагая, что они написаны докторомъ Постниковымъ, я сдѣлалъ извлеченіе изъ оныхъ съ надлежащею точностію и нашелъ, что Постниковъ, находившійся въ Парижѣ, и врачъ нашъ были особы совершенно различныя. Вѣроятно, что Постниковъ, отправлявшій письма изъ Парижа, былъ братъ упомянутаго врача. Вотъ причины мои : 1. Послѣдній не называется докторомъ Постниковымъ, но только дворяниномъ, и въ кредитивной грамотѣ, написанной, но не посланной, названъ только *amicus poster*. 2. Поелику во всѣхъ отправленныхъ письмахъ къ Головину заключаются только политическія дѣла, какъ-то : взятіе герцогомъ Орлеанскимъ Лериды, о состояніи французскаго флота на Средиземномъ морѣ, и не содержится ничего такого, что могло бы относиться къ медицинѣ; и на послѣдокъ 3. Письмо, посланное 12-го октября (1711) изъ Парижа отъ находящагося тамъ профессора Лионьера къ канцлеру графу Головкину ¹⁾, сохраненное и донынѣ въ оригиналѣ, уничтожаетъ всѣ сомнѣнія. Лионьеръ называетъ его молодымъ человекомъ (*un jeune homme*), что не можетъ относиться 1711 года къ сему врачу, произведенному 1696 г. въ докторы

1) У Рихтера ошибочно : Головину.

медицины. Напослѣдокъ говоритъ Ліоньеръ, что Постниковъ былъ подъ руководствомъ его семь лѣтъ и научился латинскому и французскому языкамъ ¹⁾, за что и просить онъ въ награду 720 ливровъ. Такъ какъ мы замѣтили уже, что докторъ Петръ Постниковъ, въ 1696 году получивъ лестный аттестатъ отъ Академіи Падуанской, отличился какъ ученый медикъ; то и не возможно, чтобы онъ же во времена позднѣйшія только посланъ обучаться латинскому и французскому языкамъ. Между тѣмъ кажется вѣроятнымъ, что Постниковы были два брата одного имени. Ибо въ письмахъ (1706 и 1708) изъ Парижа Постниковъ ходатайствуетъ въ пользу отца своего, столь долго служившаго съ усердіемъ царю, выражаясь сими словами: отецъ мой пребогатъ службами, а не деньгами“ ²⁾.

Первый изъ доводовъ Рихтера легко опровергается тѣмъ соображеніемъ, что въ официальныхъ сношеніяхъ отнюдь не обязательно было называть Постникова непременно „докторомъ“. Что дипломатическій агентъ говорилъ исключительно ³⁾ о вопросахъ политическихъ, обходя медицинскіе — болѣе чѣмъ естественно ⁴⁾. Мы видѣли, что въ 1701 г. П. В. Постниковъ отправляется во Францію съ младшимъ братомъ — конечно, о немъ говоритъ Ліоньеръ въ письмѣ къ канцлеру Головкину. Также нѣтъ сомнѣнія, что оба брата носили одно и то же имя; иначе старшему, падуанцу, не для чего было бы подписываться: „Петръ Постниковъ п е р в о р о ж д е н н ы й“. Ліоньеръ ⁵⁾ просить награды за свои занятія съ младшимъ Постниковымъ, очевидно, въ

1) „Въ письмѣ Ліоньера между прочимъ сказано: *c'est de moi seul qu'il a appris les langues Latine et Françoise, le style epistolaire, la sphère, la géographie etc.*“ (Прим. Рихтера.)

2) Р и х т е р ь, II, 325—328.

3) Хотя нашъ пересказъ депешъ Постникова даетъ право думать о слишкомъ поверхностномъ знакомствѣ съ ними Рихтера.

4) Въ сущности то же самое высказалъ еще Бантышъ-Каменскій. (Словарь достоп. людей [М. 1836] IV, 184—185).

5) См. его письмо въ приложеніи IV.

виду окончанія этихъ занятій. Письмо его писано 12 октября 1711 г. и по времени совпадаетъ съ другимъ извѣстіемъ за февраль 1712 г., изъ котораго слѣдуетъ, что младшій Петръ Постниковъ, въ числѣ другихъ „учениковъ“ обучавшійся въ „окрестныхъ государствахъ“, возвратился на родину ¹⁾. Наконецъ Рихтеръ, а за нимъ и другіе, не обратили вниманія на то, что, принимая его мнѣніе, придется допустить такую странность: дипломатическимъ агентомъ назначенъ юноша, которому еще цѣлыхъ десять лѣтъ приходится учиться, при чемъ онъ не зналъ даже языка той страны, гдѣ долженъ былъ представлять интересы своего государя ²⁾.

Какъ въ общемъ ни отрывочны свѣдѣнія наши о П. В. Постниковѣ, этомъ „первомъ русскомъ докторѣ“ ³⁾, этомъ непризнанномъ дипломатѣ; но и ихъ достаточно, для того чтобъ признать въ немъ личность далеко не заурядную и отразившую на себѣ характерныя черты и явленія своего

1) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правител. Сенатѣ въ царствованіе Петра Вел. Томъ II, книга I, 1712 г., стр. 103. Сравни. стр. 102.

2) Еще Вантышъ - Каменскій (Словарь достопамятн. людей [М. 1836] томъ IV) отмѣтилъ несообразности въ предположеніяхъ Рихтера, что однако не помѣшало ему самому защищать новыя подобныя же. Правильно отстаивая идентичность „доктора“ и „дипломата“, онъ утверждаетъ, что таковой Постниковъ былъ въ то же время и ученикомъ Ліоньера. Послѣдній „могъ быть престарѣлыхъ лѣтъ“ и смотрѣть на 35—36 лѣтняго Постникова какъ на „молодаго человѣка“. Ліоньеръ могъ хвастать, утверждая, что тотъ ему одному обязанъ своими знаніями. Но В. Каменскій ни словомъ не разъясняетъ несообразность соединенія въ одномъ лицѣ обязанностей школьника и посла.

3) Загоскинъ, 67. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, I, стр. XLVII, примѣч. Впрочемъ названіе „перваго русскаго доктора“ дается и Палладію Роговскому. Сравни. статью Н. Надеждина о немъ въ Сынѣ Отечества 1840, т. IV, стр. 598—628.

времени. Много людей побывало въ ту пору на Западѣ, но не всѣмъ одинаково далась тамошняя наука. Кто проводилъ свои заграничныя годы безслѣдно въ силу индивидуальностей ума ; кто — въ силу предвзятыхъ воззрѣній и воспитанія ; кто вынесъ оттуда одинъ только мишурный блескъ внѣшней культуры . . . Какъ извѣстно, не мало русскихъ людей, побывавъ за-границею, что называется „свихнулось“ съ пути и, не будучи въ силахъ устоять передъ подавляющимъ превосходствомъ иного строя жизни, отреклось отъ обычаевъ и самой религіи отцовъ.

Хотя мы и лишены прямыхъ указаній на міросозерцаніе доктора Постникова, но несомнѣнно, что передъ нами ясный, трезвый умъ, бодрая энергія, способность къ продуктивной работѣ. Постниковъ быстро овладѣваетъ нѣсколькими языками — этимъ первымъ и въ ту пору особенно необходимымъ орудіемъ знанія, — пріобрѣтаетъ основательныя свѣдѣнія въ медицинѣ и вызываетъ зависть своими успѣхами. Онъ становится необходимымъ. Въ его знаніяхъ нуждаются. Ими, оказывается, нельзя пренебрегать безъ ущерба для себя . . . Ту фалангу молодыхъ и старыхъ людей, что прошли черезъ школу Петра Великаго, издавна привыкли называть „птенцами гнѣзда Петрова“. Если на Постниковѣ и не сказалось непосредственнаго вліянія царя Петра, то во всякомъ случаѣ та воспитательная обстановка, которая начинала создаваться уже съ девяностыхъ годовъ XVII столѣтія ; тѣ рамки, въ какія вдвинута была его дѣятельность, и уже, разумѣется, прямо въ зависимости отъ основныхъ началъ тогдашняго царствованія ; наконецъ, все прочное складывавшееся убѣжденіе, что безъ западноевропейской науки далеко не уйдешь, — все это служило достаточно сильнымъ толчкомъ и вмѣстѣ точкой опоры въ общемъ ходѣ развитія и направленія молодаго доктора.

Но говоря о птенцахъ Петровыхъ, никогда не слѣдуетъ забывать, что они были всегда и его работниками. Это не только ученики, всколенные заботливою ру-

кою царственнаго педагога, но и его сотрудники, сослужебники, между которыми вождь Русской земли распредѣлялъ работу на государственную пользу. Время было такое напряженное, что на каждаго „ученика“ заранѣе смотрѣли какъ на будущаго „работника.“ Можно сказать, что въ нихъ собственно эту послѣднюю сторону только и цѣнили. Спросъ на рабочія руки былъ громадный, да и дѣло предстояло большое и сложное. Сотрудникамъ Петра за частую приходилось превращаться въ энциклопедистовъ. Такъ и Постниковъ. Онъ не только „дохтуръ“ на родинѣ; но и закупщикъ лѣкарственныхъ снадобій на чужбинѣ. Сегодня онъ ѣдетъ въ качествѣ няньки съ волонтерами въ Италію, на завтра его дѣлаютъ дипломатическимъ секретаремъ. То онъ въ роли наемщика корабельныхъ мастеровъ или садовниковъ, то исполняетъ обязанности переводчика; служба дипломатическая идетъ рука объ руку съ агентурой по выпискѣ книгъ. Его не спрашиваютъ, къ чему онъ питаетъ ббльшую склонность, а лишь сурово указываютъ что дѣлать. Государственный интересъ выше интереса личнаго, и докторъ безпощадно превращается въ дипломата, разъ это окажется нужнымъ для государства. Въ критическій моментъ, переживаемый обществомъ, требуется отъ всѣхъ напряженное усиліе, и личность неизбежно затеривается въ толпѣ. О наградахъ некогда и думать. Въ тревожную пору спрашиваютъ ли васъ, чего вы хотите? и не замѣняютъ ли этотъ вопросъ другимъ: что вы должны дѣлать? Въ виду надвигающагося врага не отдаетъ ли полководецъ суроваго приказа слѣдовать безпрекословно за нимъ? . . . И солдаты дружной стѣною идутъ по указанному пути, сильные своею сплоченностью, своимъ самоотверженіемъ. Паль одинъ, другой — оставайся на мѣстѣ. Безполезный, ты будешь сейчасъ же забытъ; на смѣну тебѣ явятся свѣжія силы, а ты остался позади, потому что сотоварищи твои ушли впередъ, потому что у всѣхъ одна мысль — достигнуть скорѣе намѣченной

цѣли. Но минутъ годы напряженныхъ усилій, настануть
лучшіе, болѣе спокойныя, болѣе свѣтлыя дни — и пав-
шихъ безыменнѣхъ братиковъ обшутъ въ груди навален-
ныхъ тѣлъ; потомство разберетъ посильный трудъ каждо-
го, оцѣнитъ, что дали они отъ себя, и съ теплою благодар-
ностью вспомнитъ ихъ тяжелую непоказную работу на благо
родимой земли.

5-го Февраля 1894 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе I.

Письма П. В. Постникова Ѳ. А. Головину и
П. П. Шафирову ¹⁾.

а) Ѳ. А. Головину.

1. **30 марта 1702.** Въ прошедшихъ дняхъ получилъ я честь видѣть въ Версаліи короля французскаго, не усмотрѣлъ я яковой разности или премѣны въ его особѣ отъ того времени, какъ я имѣлъ честь видѣть его уже тому четыре года; его величество въ зѣло добромъ обрѣтается здравіи по лѣтомъ своимъ уже довол-

1) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлѣ. Сношенія съ Франціей: а) Дѣло 1702 мартъ—декабрь: Отправленіе во Францію дворянина Петра Постникова для бытія тамо въ должности посланнической и отпускъ къ нему вѣрющей (не состоявшейся) грамоты; б) Дѣло 1703, № 2 и в) Дѣло 1704, № 2: Письма (вм. реляцій) съ приложеніями къ боярину Головину отъ находившагося въ Парижѣ дворянина П. П.—ва; г) Дѣло 1706, № 4: Письма къ боярину Головину отъ . . . П. П.—ва; д) Дѣла 1707—1708 гг. Орфографія подлинника соблюдена нами какъ въ этомъ, такъ и въ послѣдующихъ приложеніяхъ. Допущены лишь общепринятые отступленія: на концѣ слова добавляется *ъ* и *ь* (за нѣкоторыми исключеніями, напр.: *x* вм. *кь*) или измѣняется *e* на *ь* (но *плате* вм. *платѣ* и т. п.); въ серединѣ это *e* остается безъ перемѣны; *i* ставится лишь передъ гласными и т. п. Пунктуація принята современная. У Постникова весьма обыкновенны ударенія; мы сохранили ихъ тамъ гдѣ это можетъ ознакомить съ произношеніемъ самого автора. Опускаемъ обычныя обращенія въ началѣ и подпись — въ концѣ каждого письма; они сохранены лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда письмо приводится полностью. Пропуски въ текстѣ обозначены точками. Слова, заключенныя въ прямыя скобки, принадлежатъ н а м ѣ и составляютъ сокращенную передачу мысли автора писемъ. — При первомъ чтеніи письма эти покажутся утомительными однообразіемъ своего содержанія, повтореніемъ одного и того же, растянутымъ языкомъ, нѣкоторой риторичностью и смѣсью старыхъ оборотовъ

нымъ По се число не получилъ я еще честь единого писанія вашея велѣсти, которое ожидаю съ великимъ желаніемъ, а наипаче отвѣту на мои писма, къ вамъ посланныя изъ Англіи, Голландіи и отсюда. Еще приѣмлю свободу донести вамъ, что дѣло, повелѣнное мнѣ, не возможно почать и мене объявить министромъ двора французскаго безъ граммати вѣрющія и свидѣтельство дающія имъ о моей особѣ: вступить въ дѣло, то перво показать надобно вѣрющую граммати. Изволите опредѣлить сіе и не оставить мене безъ дѣла . . .

Прошу низжайши вашу велѣсть, мой государь, егда господинъ Стейлсъ и господинъ Белемъ поднесутъ вамъ двѣ моѣ росписки, что бы по нихъ заплачено было имъ денегъ съ пятсотъ рублевъ, которыя издержалъ я съ братомъ моимъ въ путешествіяхъ тако далнихъ: изволишь знать, когда поѣхалъ я отъ Города, и рубашекъ довольно у мене не было, изволите призрѣть на сіе . . .

2. **15 декабря 1702** ¹⁾. Мой государь, мой велиій благодѣтель и защититель. По отлученіи моемъ отъ вашей велѣсти въ Нюхченской пристани, приспѣвъ къ Городу, ожидалъ я отъѣзду послѣднія флоты, поне долженъ былъ я исполнить волю почтеннѣйшаго моего отца, которой всемѣрно не хотѣлъ лишити и брата моего сего тако удобнаго случая, сіестъ и его послать со мною. По приѣздѣ брата моего, надстоящу времени отъѣзда послѣднія

съ формами новой рѣчи. Но въ самомъ однообразіи сюжета уже заключаются данныя для характеристики и автора, и положенія дѣлъ. Вотъ почему, хотя и не всегда полностью, мы сочли стоющимъ напечатать всѣ сохранившіяся въ Московскомъ архивѣ донесенія Постникова. Одно изъ нихъ, отъ 15 декабря 1702 г., и выдержка изъ другаго, отъ 30 марта того же года, были ранѣе опубликованы А. Θ. Бычковымъ въ „Письмахъ и бумагахъ импер. Петра Вел.“ (II, 382, 400—402); мы однако повторяемъ ихъ въ настоящемъ изданіи для связи съ остальными и для полноты всего собранія. Всѣ письма, за исключеніемъ двухъ, писаны изъ Парижа. Лишь № 2 изъ Лондона и № 3 изъ Гааги.

1) Изъ Лондона. Печатается полностью.

флоты аглинскія, отъѣхали мы отъ города Архангелскаго на фрегатъ, именуемой „Абраамсъ фригатъ“, и носившимся намъ волнами Сѣвернаго сердитаго океана, чрезъ шесть недѣль, слава Предвидѣнію Божиему, здраво и цѣло приплыхомъ въ аглинское государство въ прошедшихъ днехъ. Во все наше плаваніе благополучныя и невеликія вѣтры предпосылали насъ ко предѣломъ Нептунова владѣнія, кромѣ толко, что противъ береговъ Шкотскихъ чрезъ дванадесять часовъ вѣтръ сѣверозападный великой принесъ намъ стормъ, отъ жестокости котораго принуждены мы были на нѣкоторое время дрейвеномъ колебаться. На сихъ днехъ устремлю путь мой намѣренный во Францію чрезъ Галландію.

Предъ отъѣздомъ моимъ за недолго изъ Архангелскія пристани имѣлъ я честь возпріять граматку руки его величества, положенную въ граматкѣ ваша вѣлѣсти; въ томъ же пакетѣ и отъ господина генерала инженера Ламберта писмо было ко мнѣ; въ 14 день се[н]тября писанный въ Ладогѣ сей пакетъ. Его величествіе изволилъ въ писаніи своемъ повелѣть мнѣ инструменты, господиномъ Ламбертомъ описанныя въ его граматкѣ, купить про себе, которое со всякимъ прилѣжаніемъ исполню. Но господинъ Ламбертъ еще пишетъ ко мнѣ купить въ Парижѣ и прислать къ Москвѣ сія послѣдующія вещи: двѣ перемѣны платія, изрядно и сколко мощно богато шитыя, единое на сукнѣ порфѳуроваго цвѣта и другое инаго коего цвѣта про его величествіе; другія два платія про Александра Даниловича; великую епанчу изъ сукна скарлатнаго Венеційскаго про его величествіе, по краемъ шитую шириною единыя ноги, подбитую зеленымъ бархатомъ; такую же другую епанчу про Александра Даниловича; десять чиновъ, сіестъ звѣздъ, святаго Андреа, шитыхъ, которыя пришиваются на епанчахъ господъ рицерей, величиною и такимъ образомъ, какимъ оныя Святаго Духа (перваго во Франціи кавалерства), — здѣ и начертанную господинъ Ламбертъ звѣзду прислалъ

ко мнѣ, изображающуюся крестомъ лазоревосинимъ, на орлѣ златомъ разпространеннымъ, вѣнцемъ имперіалскимъ выжемчуженнымъ, яко у блазонистовъ называется, и лучами златыми и сребренными; три перуки съ узлами свѣтлорусаго цвѣта про его величество и двѣ бѣлыя про Александра Даниловича. О покупкѣ сихъ вещей ни отъ его величества, ни отъ васъ имѣю указу; сего ради изволите отписать ко мнѣ: покупать ли сія вещи или не покупать въ Парижю. Двѣ онцы масла кохлеаріи, великаго противоцинготнаго лекарства, готовы по вашему приказу; изволите отписать: на почтѣ ли послать, или на будущихъ караблехъ. Но, сія пишущу ми, впаде въ умъ мой сицевой способъ: нѣкоторыя драхмы пошлю къ вамъ чрезъ почту, а оставшееся масло къ Городу пошлется; и тако, ежели не имѣете болши отъ одного масла при васъ, можете симъ присланнымъ ползоватися, даже прочее моремъ привезется.

По вашему писму взялъ я еще у Города триста рублевъ у господіевъ Бранта и Любса; хотѣлъ быхъ оную тысящу рублевъ въ цѣлости привести въ Парижъ и тамо начать ю на мое иждивеніе употреблять, но впредь буду просить вашу веліесть, чтобы денги, въ пути моемъ до Парижа издержанныя, выданы мнѣ были изъ казны его величества. Аглинское къ Городу плаваніе сего года гораздо несчастливо отправилось: по вашему тогда отъѣздѣ отъ Города, каравль аглинской на рѣкѣ згорѣлъ; выходя изъ устья Архангелскія пристани, два аглинскія пропали каравли: одинъ на песку сѣлъ, другой потекъ; близъ береговъ Аглинскихъ французы два аглинскихъ взяли каравлей, два Агл. же пропали близъ Англии; нынѣ паки слышу, что пять аглинскихъ же каравлей, отъ насъ отставшихся, французы взяли. Господинъ Поенти хотѣлъ и насъ встрѣтитъ у Шхетланскихъ острововъ, но агличене, провѣдавъ сіе, съ 12 каравлей воинскихъ послали было проводить насъ въ Лондонъ; но онъ не бывалъ къ намъ:

можетъ быть, что нынѣ вышелъ и взялъ ихъ. Вся сія трагедія едва не предъ моими сѣигралися очами, но слава Вышнему Предвидѣнію, что мене не произвелъ на театрѣ. Лучши мнѣ лишится памяти, неже не содержати всегда въ ней ваша благодѣянія, за которая неотмѣнно есмь ваша вѣлѣсти низжайшій и покорнѣйшій рабъ Постниковъ перворожденный. Изъ Лондона, въ 15 день декабря, 1702.

3. **29 января 1703** ¹⁾. Мой милостивый государь, мой велій защититель. Премногою Божіею благостію уже морскія путешествія тако далнія и тако трудныя окончалъ я и нынѣ обрѣтаюсь въ Галландіи, намѣряюсь ѣхать въ Парижъ, въ которомъ, аще Богъ благоволитъ, въ малыхъ днѣхъ буду.

Господинъ посолъ здѣ пребывающій освѣдомилъ мене подлинно, что господинъ Палюсъ посланъ чрезвычайнымъ посланникомъ къ Москвѣ отъ короля французскаго и уже Варшаву проѣхалъ. Зѣло радуюся, что начинанія нашего двора и французскаго тако щастливо въ тожде время дивнымъ соотвѣтствованіемъ соединилися, бутто интересы нашъ и французской единъ другаго искалъ, еже ничему иному приписателно, токмо бодроопасному управленію, которымъ ваша вѣлѣсть государственная и публичная дѣла разполагаеши со всенароднымъ удивленіемъ и удовольствованіемъ, а найпаче его величества, государя нашего милостивѣйшаго. Знаю, что не убѣгнетъ отъ вашей дивныя остроты, мой государь, а паче по прибытіи къ Москвѣ французскаго посланника, послать ко мнѣ вѣрющую граммату, однакожде не могу не припомнить и нынѣ о сей вамъ, понеже не возможно мнѣ объявить мене двору французскому, предлагать повелѣнная мнѣ министромъ сего, начинать договоры и наконецъ доносить или соотвѣтствовать безъ оныя грамматы свидѣтельствующія о моей особѣ;

1) Изъ Гааги. Печатается полностью.

паспортъ, данный мнѣ, весьма не можетъ яковое свидѣтельство о моей особѣ подать министромъ французскимъ, которымъ не мощно въ сношенія государственныхъ дѣлъ со мною вступить, зане ни слова о семь нѣсть въ немъ и въ пути толко онъ полезенъ, сами вы вящши искусни въ сихъ поведеніяхъ.

Имянемъ вашимъ доносить я Андрѣю Артемоновичю, что бы онъ всеконечно отпустилъ къ Москвѣ господина Вулфа, но онъ соотвѣтствовалъ на сіе тако: безъ его или безъ инаго подобнаго невозможно ему управлять дѣла государевы, а найпаче безъ одинаго вѣдущаго галанской языкъ; егда ему прищлется другій, отпустить Вулфа не мешкавъ. Сего ради господину Вулфу невозможно прибыть къ вамъ, и хотя бы и вы изволили прислать инаго къ господину послу, время не служить, на караблехъ бо надобно имъ ѣхать.

По многomu прошенію галанцовъ парламентъ аглинскій будущія ради весны и лѣта хотѣлъ прибавить къ проч. войскомъ еще десять тысящъ и зѣло домагаются агличеня, чтобы галанцы всячески пресѣкли всякое сообщеніе со Франціею или чрезъ грамматики, или и чрезъ иныя яковыя способы; и между Франціею и Галандіею и почта бы не ходила, и что бы агличеномъ почать платить вышепомянутымъ войскомъ прибавочнымъ съ того дне, въ которомъ почты остановлены будутъ галанцами, и весьма всякое пресѣчется соотвѣтствованіе у соединенныхъ провинцій со Франціею. Гораздо ташко является сіе галанцомъ, а найпаче Амстродаму и инымъ торговымъ городомъ; въ прошедшія войны никогда было таковое пресѣченіе у галанцовъ со Франціею, почты всегда звычайное свое отправляли теченіе, и сей высокогордый замысль господъ агличенъ есть противу народнаго права; чаю, галанцы не соизволятъ сему начинанію. Отъ сея прибавки мощно видѣть, что французы въ грядущее лѣто зѣло сильны и многолюдны будутъ во Фландріи; надобно имъ презѣлною

крѣпостію устоять противо устремленія и фуріи французскія, сія соединенныя провинціи не разсѣчены бы были на фрикасэ французское.

При отъѣздѣ моемъ отъ Архангелскія пристани получилъ я честь принять писаніе, его величества рукою писанное, въ которомъ изволилъ повелѣть ми купить въ Парижю инструменты, которыя описалъ господинъ генераль-инженеръ въ своей ко мнѣ грамоткѣ; онъ же господинъ Ламбертъ писалъ ко мнѣ тогда купить въ Парижю двѣ перемѣны платія золотомъ шитаго про его величество; еще двѣ перемены шитаго платія про Александра Даниловича; епанчю скарлатнаго сукна, по краямъ вышитую, шириною единыя ноги, подложенную бархатомъ зеленымъ про его величество; епанчю такуюжде шитую про Александра Даниловича; десять звѣздъ вышитыхъ кавалерскаго чина, пришивать на епанчи кавалеромъ, которыхъ и начертаніе прислалъ онъ ко мнѣ; нѣсколко перукъ про его величество и про Александра Даниловича. Изволите писать ко мнѣ, покупать ли и приказывать ли готовить вышепомянутыя вещи. Кромѣ сихъ имѣю роспись, данную мнѣ его величествомъ, многія вещи и инструменты купить въ Парижю же; нижайши прошю вашу велѣсть прислать денегъ, оныя бо вещи доволныхъ требуютъ денегъ, а тысяща данная мнѣ немалый уже ущербъ пострадала отъ дальнѣйшихъ путешествій, въ которыхъ доволныя взыскуются и не малыя изживенія; но въ семъ единое мое упование полагаю на многоразумное ваше разсужденіе и милостивое призерніе.

Съ немалою печалію слышю, что благоизволися Богу воззвати къ себѣ государя моего вашего брата. Неизмѣнный долгъ сей вси имѣемъ въ сей плачевной юдоли; но да умножить Богъ лѣта ваша на общую ползу. Остаюся съ респектомъ вашей велѣсти, мой милостивый государь; должнѣйшій и нижайшій рабъ П. Постниковъ перворожденный. Изъ Гаги, въ 29 день генваря, 1703.

4. **7 марта 1703** ¹⁾. Мой милостивый государь, мой велій благодѣтель и защититель. Благостію Вышняго Предвидѣнія по толикихъ и далнихъ и многотрудныхъ путешествіяхъ уже прѣѣхаль я и съ братомъ моимъ во преславный Парижъ въ прошедшихъ днехъ текущаго мѣсяца. До сего дне не получилъ я еще честь возпріять граматку яковую вашея вѣлѣсти и мню сіе отдавателно, непресѣкающемуся моему путешествію до сего мѣста и нестроеніямъ отъ Марса посылаемымъ и едва не всю Европу озлобляемымъ въ нынѣшнія времена; но нынѣ со многою охотою буду ожидать честь вашихъ повелѣній.

Многократно имѣлъ я честь освѣдомить вашу велѣсть изъ Англии и Галандіи, еже нынѣ приѣмлю свободу предпоставить вамъ, что не мощно мнѣ объявить дѣло повелѣнное его величествомъ при дворѣ короля французскаго, не имѣя граммоты вѣрющія при мнѣ, ни иного якового достовѣрнаго признака, которымъ бы министры здѣшнія возмогли признать мене за особу посланную отъ самого его царскаго величества къ королю французскому; ожидаю рѣшенія на сіе отъ васъ.

Еще писалъ я къ вашей вѣлѣсти, покупать ли мнѣ вещи, написанныя господиномъ Ламбертомъ ко мнѣ еще у Города обрѣтающемуся, си есть: платія шитыя про его величество и Александру Даниловичю, звѣзды золотомъ шитыя (которыхъ и образецъ прислалъ онъ ко мнѣ, начерченный на бумагѣ), которыя господіе кавалеры носятъ, пришивъ на епанчахъ; и нѣкоторыя инструменты маѳематическія, — о сихъ самъ государь изволилъ повелѣть купить ихъ въ своемъ писмѣ, которое получилъ я честь пріять еще у Города, будучи въ вашей оберткѣ; еще роспись имѣю о инструментахъ же, которую самъ государь написавъ изволилъ дать мнѣ при отъѣздѣ съ транспорта

1) Полностію.

въ Нюхчинскую пристань. На покупку сихъ вещей надобно денегъ, которыя изволите прислать ко мнѣ, понеже не возможно мнѣ изкупить оныя вещи денгами, которыя даны мнѣ на житіе здѣшнее, и хотя бы нѣкоторыя и мощно купить, однакожде мнѣ не возможно здѣ быть безъ денегъ, и ежели вскорѣ прикажете начать оное дѣло при дворѣ французкомъ, а я буду безъ доволныхъ денегъ, какъ могу опредѣлить тогда житіе мое, изволите вы сами знать, что егда почну имѣть корѣту и лакеѣвъ и проч. пристойная къ чести его царскаго величества и нашему народу, то всегда не пресѣкателно надобно такъ жить, инако бы вси посмѣялися; купца не имѣю здѣ такого, которой бы могъ мнѣ дать денегъ въ запросъ и заплаты подождать; наличныя всегда надобно имѣть денги.

Еще доношу вашей велѣсти, мой государь милостивый, въ путехъ моихъ тако далнихъ по морю и сухому пути издержалъ я съ братомъ моимъ съ пятьсотъ рублевъ, которыя пожаловали дали и заплатили господіе Вулфъ и Стейлсъ въ Лондонѣ. Егда Андрей Ріцеревичъ Стейлсъ и господинъ Бѣлемъ поднесутъ вашей велѣсти росписки моя руки въ сихъ денгахъ, молю нижайши васъ, мой государь, чтобы тѣ денги заплачены были изъ казны онымъ господіемъ купцамъ.

Егда изволите мнѣ приказать дѣлать здѣ вышепомянутыя шитыя платія, видится мнѣ, хорошо бы единую перемѣну и про васъ приказать здѣлать, понѣ, сколько могу я напамятовать, нѣтъ у васъ ни единыя перемѣны платія шитаго золотомъ или серебромъ; въ содѣланіи сего шитаго платія про васъ особливое прилѣжаніе положю къ наилучшей добротѣ его, о чемъ буду ожидать вашего почтеннѣйшаго отвѣта.

Нынѣшнею весною французы триумфуютъ надъ кесаремъ римскимъ: маршалкъ французской де Вилярсъ, въ ваше бытіе бывший въ Вѣнѣ чрезвычайнымъ посланникомъ короля французскаго, съ тритцать тысящами войска фран-

пужскаго славно прешель Рень реку и въ малыя дни взялъ крѣпость цесарскую, Кель имянуемую, тако нуждную кесарю. По взятіи сея крѣпости хочеть онъ, маршалакъ, совокупитися съ войсками курфистра Баварскаго, которой въ Германіи имѣеть съ тритцать же тысяць своего войска. Егда французскія войска совокупятся съ баварскими, что захотятъ, то и здѣлають въ Германіи и великую трудность кесарю принесуть, понѣ кесарь въ Германіи не возможетъ противитися имъ. Его высочество курфистръ Баварскій, покинувъ интересъ кесаря, імперіа и союзныхъ противо Франціи, уже великія трудности сотворилъ всѣмъ имъ и, чаю, и бѣлшія сотворить имъ; сея ради вины король французской нынѣшнимъ лѣтомъ бѣлшія силы своѣ употребить въ Германіи, неже во Фландріи, чтобы кесаря всячески, лучшаго изъ союзныхъ, разорить, обезсилѣть и по неволѣ принудить къ несодержанію претенсіи на корону ишпанскую. Франція дивнымъ образомъ приклонила къ своему интересу сего електора Баварскаго и многими денгами содержать его при своей сторонѣ. Слово носится, что сей електоръ, подражая електора Брандебурскаго, намѣряется, опираясь на Францію, зостать королемъ Свабскимъ (Свабіа есть провинція въ Германіи, въ которой Аукшпуркъ, Улмъ и проч. города). Есть ли сіе правда, се скоро умножаются въ нашихъ днехъ короліи или колкіи ¹⁾, не знаю какъ назвать сицевыхъ малыхъ сувреновъ. Ваша вѣлести, мой государь, вашъ низжайшій, покорнѣйшій и должнѣйшій рабъ Петръ Постниковъ перворожденный. Марта въ 7 день, изъ Парижю, 1703.

5. **3 апрѣля 1703.** - Четвертаго дне текущаго мѣсяца имѣлъ я честь воспріяти чертежь взятія города Нотбурга, нынѣ имянуемаго Шлютелбурга, съ журналомъ

1) вм. королки?

осады сего же, типоизданнымъ въ Москвѣ, за печатію вашія вѣлестіи толко безъ вашего писанія, присланный ко мнѣ отъ Андрея Артемоновича и къ нему изъ Вѣны посланный. По отъѣздѣ моемъ изъ Архангелскія пристани въ первыя получилъ я нынѣ честь вашихъ новинъ На сихъ днехъ, аще Богъ изволить, прележемши выше-помянутый журналъ на французской языкъ, подамъ чертежъ господину де Торси, министру иностранныхъ дѣлъ, дабы сей чертежъ и самъ король увидѣлъ

Изволите пожаловать приказать присылать ко мнѣ сюды краткія выписочки указовъ, обновленіи законовъ и иныхъ новоизобрѣтенныхъ разположеній къ лучшему управленію, которыя его величество, хотя и воинскими отягченный дѣлами, изволить повелѣвать публично объявлять, яко истинный отечества и народа своего отецъ, понеже здѣ вси хотятъ радостно знать не толко всеславная начинанія воинскихъ отправленій по сухому и морскому пути его величества, но и доброе и сладкое управленіе, которымъ сей приснохвалителный суверень началствуетъ надъ тако многочисленными народами; изволите кому понарочитѣе приказать особливое имѣть попеченіе собирать изъ приказовъ указы и присылать ко мнѣ, которыя будутъ вѣдомы во всей Европѣ для славы его царьскаго величества и нашего отечества, а наипаче изволите пожаловать прислать ко мнѣ подлинное описаніе флоты нашея, сколько карабл. здѣланныхъ, и которыя дѣлаются и проч.: таковымъ бо славнымъ дѣламъ его величества весьма надобно вѣдомымъ быти при семъ славномъ дворѣ и написателнымъ единымъ языкомъ, которымъ едва не вся говоритъ Европа.

Господинъ посолъ изъ Гаги пишетъ ко мнѣ, что господіе Статы Галанскія ожидаютъ отвѣту отъ цесаря о пересѣченіи писменныя пересылки чрезъ почты со Францією, дабы въ единое время объявить сей указъ остановить почты между ими и французами. Амбургъ, Любекъ и

инныя Ансіатскія города зѣло противилися сему начинанію. Ежели состоится сіе, превеликая явится трудность въ персылкѣ грамматъ отъ васъ ко мнѣ, понé тогда надобно посылать писма вамъ въ Вѣну, изъ Вѣны въ Венецію, изъ Венеціи чрезъ Геную въ Парижъ ко мнѣ; но тогда изволите опредѣлить сіе, ежели бы въ Венеціи изъ нашихъ кто былъ, то бы чрезъ его нетрудно было посылать писма. Моллю вашу велѣсть пожаловать увѣдомить мене, есть ли кто въ Венеціи отъ его величества пребывающій нынѣ. Гораздо смущаетъ мене помѣшка почтъ: инструменты приказанныя купить мнѣ скоро здѣланы будутъ; но есть ли скоро пресѣкутся почты между Франціею и Галландіею, невозможно имъ посланнымъ быть въ Галландію. Есть ли явятся въ сіе пресѣченіе почтъ дѣла какія нуждныя, изволите тогда и нарочнаго прислать сюды. . . [Новое напоминаніе о необходимости имѣть вѣрющую грамоту]. Уповаю, что ваша велѣсть за неполезное отягченіе не приметъ, егда приѣмлю свободу писати вамъ о единомъ дѣлѣ многажды, принуждаютъ бо мене къ сему бѣдственная сія времена надстоящихъ воинъ повсюду бывающихъ [Повторительная просьба уплатить 500 руб. по векселю].

6. **13 апрѣля 1703.** [Остается безъ писемъ; получилъ одинъ только чертежъ Шлиссельбурга; о присылкѣ „указовъ и поновленій управленія государственнаго“]. Бывши въ Версаліи, отдалъ я поклонъ мой господину де Кроеси ¹⁾, которой ласково принялъ мене и спросилъ, гдѣ я оставилъ его царское величество и буду ли имѣть какой характеръ? Я ему отвѣчалъ, что нынѣ никакого имѣю характера и присланъ я отъ его царскаго

1) Французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ съ 1699 г. Jean Baptiste Colbert, marquis de Torcy, fils de Charles Colbert, marquis de Croissy.

величества къ его христіаннѣйшему величеству для потребныхъ дѣлъ къ обоимъ интересамъ принадлежащимъ, яко онъ изволитъ увидѣть чрезъ послѣдствованія времени. Не объявилъ я еще самага дѣла, съ которымъ я посланъ отъ васъ, понеже еще не имѣю вѣрющія грамматы и въ состояніи есмь простаго иностраннаго пріѣхавшаго во Францію. . . . Министръ господинъ де Кроеси единожды спрашивалъ господина Крока, слышалъ ли онъ отъ мене о выѣздѣ въ сія страны государя царевича нашего? онъ ему отвѣчалъ, что онъ въ разговорѣ съ господиномъ Постниковымъ слышалъ сія слова: егда его царское величество изволитъ послать въ Европу его царское высочество, вѣрительно, что принцъ царскій не поминалъ бы и сей дворъ яко изъ первыхъ Европскихъ; на которыя слова господинъ де Кроеси говорилъ: ежели бы принцъ царскій изволилъ сюды пріѣхать, всякія чести возданы бы были ему и всевсячески удоволствованъ бы былъ. Но егда онъ мнѣ о семъ самому станетъ напоминать, тогда пространнѣе освѣдомлю васъ. — Еще я подлинно не знаю, посланъ ли или назначенъ посланникъ отсюда къ Москвѣ, яко господинъ посолъ Изафній къ вамъ писалъ. Сего дне увѣдаю.

О плате шитомъ золотомъ и звѣздахъ кавалерскихъ шитыхъ же и епанчахъ, которыя здѣ здѣлать господинъ Ламбертъ писалъ ко мнѣ къ городу Архангелскому изъ Ладожскаго пристанища, не имѣя отъ васъ повелѣнія о семъ, не начинаю и чаю сего лѣта не мощно послать къ Городу, сія бо вещи нѣсколко взыскуютъ времени; но изволите приказать мнѣ, дѣлать ли ихъ? Все, что изволите приказать прислать къ вамъ отсюда, здѣлано изрядно будетъ и прислано; толко денги изволите присылать. Есть ли галанцы вскорѣ не пресѣкутъ сообщеніе между Францією и Галандією, инструменты къ государю присланы будутъ чрезъ море.

7. **27 апрѣля 1703.** [Все еще безъ писемъ отъ Головина]. Господинъ посоль нашъ изъ Гаги писалъ ко мнѣ, что министръ аглинскій и галанскій уже постановили и руками своими подписали сего 1-го числа іюня по н. к. остановить почты и всякую пересылку чрезъ грамматики или чрезъ купечество между Францією, Гишпанією и Галандією отставить; сего ради спѣшу я выслать отсюда нѣкоторыя вещи въ Галандію. . . Изволите пожаловать не отставить въ даль присылку денегъ ко мнѣ, понеже чрезъ Вѣну и Венецію, чаю, надобно ихъ прислать ко мнѣ.

8. **1 мая 1703.** [По прежнему безъ писемъ отъ Головина]. Кажется мнѣ, сей дворъ радъ, что мы отозвались нынѣ, господинъ де Торси, министръ и секретарь государственный, ласково принялъ мене, егда я былъ у него поздравить его, и человекъ есть онъ зѣло сладкой, тихой и умной. . . Посылаю нынѣ инструменты къ его величеству и нѣкоторыя вещи вашему изяществу чрезъ Амстрадамъ къ городу Архангелскому. — Приемлю свободу просити вашу велможность показать заступленіе свое у его величества о батюшкѣ моемъ, о которомъ нижайши въ семъ моемъ листѣ прошу нуждный хлѣбъ за толикія его службы. Есть ли будетъ истинствоватися на немъ оная пословица: „вѣкъ служить, вѣкъ тужить“, то всуе всякъ будетъ прилѣжати вѣрному служенію. Въ семъ же листѣ прошу его величествіе пожаловать брата моего, при мнѣ обрѣтающагося, денежною дачею; изволите пожаловать милостивое изрещи слово и о семъ нашемъ прошеніи. — Господинъ Волковъ перворожденный желаетъ еще побыть здѣ и проситъ его величествіе о нѣкоемъ жалованіи; ваша велможность изволить и ему позволить честь защищенія вашего.

9. **11 мая 1703.** Уже съ немалою печалію починаю доносить вашей велможности, что по отъѣздѣ моемъ изъ Архангелскія пристани еще по сіе число не имѣлъ

чести я възпріяти ваше писаніе, кромѣ толко чертежа Шлютелбурха, за вашею печатію присланнаго ко мнѣ сюды безъ вашего писанія. Мнѹ приписати сіе нестроеніямъ нынѣшнихъ воинскихъ временъ, однакожде изволите пожаловать елико возможно, не оставить мене безъ вашихъ почтеннѣйшихъ ми писемъ, безъ которыхъ истинно время является ми скучное и долгое [О приостановкѣ почтъ съ 1-го іюня нов. ст.]. Тогда не возможно вамъ писать ко мнѣ прямо чрезъ Галландію, но яко вы сами, мой государь, извѣстній о семъ, си есть писать ко мнѣ чрезъ Вѣну, Венецію или Генуа, или чрезъ Вѣну и Жвейцары, еже сперва продолженіе време не принесетъ, понѣ объѣздъ не малой изъ Парижю чрезъ Италію и Германію къ Москвѣ; сея ради вины нижайши прошю вашу велможность, мой государь, изволить пожаловать приказать яковому купцу въ Москвѣ, что бы онъ отписаль къ какому своему корреспонденту въ Амстрадамъ, дабы сей амстрадамецъ послалъ сюды къ какому банкиру грамчатку кредитную, какъ называютъ, чтобы мнѣ, какъ понадобится, вѣрилъ бы банкиръ въ тысящѣ ефимковъ или и болши, яко мудрое ваше разсужденіе лучши избобрѣтетъ; поне инако невозможно мнѣ жить въ одинакомъ состояннн, си есть корѣту имѣть и прочій экипажъ. Докуды изволите прислать мнѣ денегъ, можетъ быть, что нѣкое доволное пройдетъ время и въ семъ времени остануся безденежень, а взять мнѣ здѣ нѣ у кого и никто не повѣритъ мнѣ, кромѣ оныя грамчатки съ кредитомъ вышепомянутыя. Про его величествіе купилъ я здѣ инструменты математическія и инныя вещи, такожде и про вашу велможность нѣкія вещи на нѣсколко денегъ, которымъ подробную роспись пришло впредь къ вамъ; уже посланы сія вещи отсюды въ Амстрадамъ. Обаче за сія вещи выдалъ я денги изъ тысящи рублевъ данныя мнѣ, и уже на нѣсколко мѣсяцевъ толко имѣю денегъ. На сколко мѣсяцовъ имѣю нынѣ денегъ и сколко надобно мнѣ въ годъ, о всемъ возимѣю

честь въ будущія почты послать вамъ подлинную и подробную роспись, которая предпоставитъ вамъ описаніе состоянія моего здѣ для интересу и чести его величества, государя нашего милостивѣйшаго. Денги, которыя выдалъ я за вышепомянутыя вещи, просилъ я чрезъ письмо господина Егберта Тесинга, амстрадамскаго купца, что бы онъ приказалъ ихъ заплатить мнѣ здѣ, а онъ бы денегъ сихъ заплату удобно получилъ въ Москвѣ чрезъ господина Клюка по моей росписки, которую онъ послалъ бы къ вашей велможности. Отвѣту отъ него еще не получилъ; покажетъ ли онъ такую любовь, не знаю и паки приемлю свободу молити васъ, мой государь, о оной грамматкѣ съ кредитомъ; поне хотя и явится якое продолженіе въ присылкѣ денегъ ко мнѣ для надстоящихъ воинъ, обаче могу я пробавитися оными денгами, которыя по кредиту дадутся мнѣ. И сіе дерзаю присовокупити вамъ: егда уже почалъ я жить здѣ съ корѣтою и яко подобаетъ особѣ, пребывающей для интересу монархи Московскаго, не надобно пресѣчь сіе состояніе житія моего, инако вси бы посмѣялися; но егда остануся безденежень, что дѣлать буду? Вся сія вашему остропоятному исвѣстна суть разуму, токмо здѣ даю мнѣ честь поновить вашу память толикими и толикими отяченную великими и малыми дѣлами, и ваша велможность изволите милостиво простить сіе отчасти пространно описанное доношеніе.

Господинъ Крокъ, о которомъ имѣлъ я честь прежде, какъ былъ я во Франціи, доносити вамъ, и нынѣ есть въ томъ же намѣреніи: желаетъ въ службѣ быть его царскаго величества. Добрый человекъ и искусный офицеръ; прежде сего обѣщано ему чрезъ мене полковничество въ грамматкѣ вашей; изволите принять его, такіа бо люди надобны у насъ, а найпаче сіи, которыя языкъ нашъ знаютъ. И о вицеадмиралѣ господинѣ Креусе не могу умолчать: когда ѣхалъ я чрезъ Голландію, видѣлъ я съ немалымъ удивленіемъ прилѣжное и радѣтельное его

управленіе молодыхъ ребятъ, у города Архангелскаго врученныхъ ему для ученія матроскаго; до времени бо, въ которомъ онъ раздасть ихъ на карабли, собравъ вмѣстѣ обучаетъ ихъ въ читаніи и знаніи галанскаго языка; вси они у него хорошо одѣты и во благочиніи живутъ . . .

10. 17 мая 1703. По отъѣздѣ моемъ изъ Архангелскія пристани еще не имѣю я честь получить писанія вашего кромѣ чертежа Шлютелбурха, присланнаго ко мнѣ чрезъ почту сюды, за вашею печатію, безъ вашего писанія, и сіе зѣло оскорбляетъ мене, понеже другихъ государей и принцевъ сохраняющихъ интересъ при здѣшнемъ дворѣ непрестанно увѣдомляются о новинахъ случающихся; а я не токмо лишенъ частыхъ новинъ, но ни строки по се число не принялъ отъ вашего поведенія, а здѣ при дворѣ зѣло любопытателніи министры, а найпаче хотятъ вѣдать о насъ, чтó мы исправляемъ нынѣ и яковая являются щастливая произведенія оружіи его царьскаго величества противо шведовъ. Истинно, мой милостивый государь, многаяжды съ великимъ стыдомъ являюся при здѣшнемъ дворѣ и хотя и употребляю отговорку далнаго разстоянія, однакожде не надобно было быть здѣшнему двору безъ вѣдомостей отъ васъ. Сего ради приѣмлю свободу нижайши просити вашу велможность не оставити мене здѣ безъ частыхъ вашихъ писемъ и новыхъ вѣдомостей у васъ бывающихъ . . .

Инструменты и вещи про государя и про вашу милость послалъ я и чаю, что посланы изъ Антуерпіи въ Амстрадамъ. На сія инструменты и вещи съ четыре тысящи франковъ выдалъ я; нижайши прошу вашу велможность, мой государь и велій ми благодѣтель, прислать ко мнѣ денегъ сюды, зане на три мѣсяца толко у мене осталось денегъ, а взять мнѣ ихъ здѣ всеконечно нѣгдѣ, и никто не повѣритъ мнѣ. Еже ли не изволите прислать денегъ, не знаю, что мнѣ дѣлать, егда три пройдутъ мѣ-

сяца ; корѣту имѣю, лакеѣвъ въ моей ливреѣ, уже спознался я съ посланниками ; людемъ и за корѣту помѣсечно надобно платить, и егда безденежень остануся, невозможно корѣту держать, но съ не малымъ стыдомъ выѣхать изъ Парижю въ ближней какой городъ принужденъ буду, докуды денегъ изволите ко мнѣ прислать. И для далности и надстоящихъ воинъ ни по которому образу невозможно мнѣ пробыть здѣ безъ кредитной, какъ называютъ, грамматки единаго купца, о чемъ прошю вашу велможность пожаловать приказать какому купцу въ Москвѣ, которой бы чрезъ своего корреспондента отписалъ въ Парижъ къ банкиру ; егда понадобится мнѣ денегъ, вѣрилъ бы мнѣ въ тысящи ефимкахъ. А банкёръ здѣшній называется господинъ Гаранъ, *monsieur Hagené*. Изволите сами знать, что не о мнѣ стало, но о чести его величества, которое (хотя и безъ характера мое лице), репрезентуется здѣ мною, и вси знаютъ, что я для публичныхъ дѣлъ обрѣтаюся здѣ. И паки прошю, изволите милостиво прирѣть на мое прошеніе вскорѣ ; денги которыя у банкира заберу, отчетъ дамъ вамъ, въ какія обрацу ихъ изживенія, слава сотворшему всяческая, вѣнусовы прихоти и непотребныя дѣла не поглотятъ ихъ у мене.

Господину Ёгберту Тѣсингу писалъ я, чтобы онъ приказалъ заплатить мнѣ здѣ денги, которыми изкупилъ я инструменты математическія и вещи вашае вѣлести, а ему по моей роспискѣ изволили бы вы приказать заплатить ему въ Москвѣ чрезъ господина Ключа ; но онъ сего не учинилъ, какъ я его ни просилъ о семъ. Изволите видѣть, онъ мене уже давно знаетъ и денги подлинно заплачены бы были ему, понѣ выдалъ я ихъ на покупки государю и вашей милости ; и есть ли бы онъ сіе позволилъ мое прошеніе, зналъ онъ, что не мнѣ бы показалъ сію любовь, но вашей велможности, какъ и я ему писалъ, однакожде не здѣлалъ сіе ; колми паче какой купецъ или банкёръ здѣшній, незнающій мене, повѣритъ мнѣ дачю нѣкоторыхъ де-

негъ, которыя суть душа и тѣло купцевъ ! Сихъ ради винъ паки дерзаю просить вашу велможность приказать купцу въ Москвѣ прислать ко мнѣ грамотку съ кредитомъ.

Уже въ послѣднія поры имѣю честь писати вашей велможности чрезъ Галандію, впредь буду писати къ вамъ чрезъ Италію или Жвейцары въ Вѣну, и изъ Вѣны господинъ князь Голицынъ будетъ посылать пакеты мои къ вамъ : изволите пожаловать отписать къ нему, чтобы онъ изволилъ ваши грамматки присылать ко мнѣ и моѣ къ вамъ.

Въ прошедшія дни послалъ я листъ его величеству въ вашей грамматкѣ ; прошу нижайши въ ономъ листѣ его величествіе, что бы изволилъ призрѣть государя моего батюшку и накормить тако заслуженнаго своего слугу. Изволите пожаловать предстательство милостивое показать о семъ нашемъ желаніи у его величествіа ; ежели не изволитъ государь призрѣть батюшку моего, что дѣлать ! терпѣніемъ оградитися намъ надобно и утѣшатися оною пословицею : „служба за государемъ не пропадаетъ“. Подъ нещастливою констеллацію мы родилися, господіе Украинцовы и проч. множайшіи щастливѣ насъ ! . . . Въ томже листу умоляю я нижайши его величествіе, что бы пожаловалъ указалъ дать что брату моему на ученіе, которой здѣ обрѣтается нынѣ при мнѣ ; изволите пожаловать по звычайной своей милости ко мнѣ и на его призрѣть въ семъ и нарочитое ему жалованіе приказать выдать

1) Въ единомъ галанскомъ гулденѣ тридцать есть су или здѣшнихъ копѣекъ, а во франкѣ двадесять су считается. Поподлиннѣе вашей велможности пришлю сей щеть, егда дамъ мнѣ честь послать къ вамъ описаніе житія моего здѣшнего, сколько денегъ надобно на сіе и на сколько купилъ я про государя и про вашу милость.

1) Слѣдующія строки приписаны Постниковымъ въ видѣ примѣчанія вверху второй страницы письма.

11. **28 мая 1703** ¹⁾. Въ 28 день маіа, 1703. Изъ Парижу. Мой государь, мой велій патронъ. Не имѣлъ я еще чести възпріяти ваше писаніе по отъѣздѣ моемъ изъ Архангелскія пристани, кромѣ чертежа Шлютелбурха, присланнаго ко мнѣ сюды за вашею печатію безъ писма. Низжайши прошю вашу велможность не оставити мене безъ вашихъ писемъ, которыхъ ожидая ожидаю.

Уже начинаніе агличенъ произошло въ дѣло, и галанцы чрезъ плакарды публично прибитыя объявили пресѣченіе почтъ и всякаго сообщенія купческаго со Францію и Ишпанію, и почта уже не ходитъ отсюды въ Галандію и въ Вѣну. Сію граматку посылаю къ вамъ чрезъ Генеу и Вѣну, въ которой прошю его высочество, господина князя Голицына, послать ю къ вамъ, изволите постановитъ чрезъ который путь присылать граматки къ вамъ мнѣ и вамъ ко мнѣ. Есть ли бы былъ какой человекъ отъ его величества, пребывающій въ Венеціи, то бы ни единыя было трудности, понѣ вы изволили бы пакеты посылатъ въ Вѣну, чрезъ Венецію ко мнѣ въ Парижъ; но о семъ увидя впредь я, какъ дацкой и шведской посланники будутъ пакеты свои отсылать отсюды, лучшую вѣдомость пошлю къ вамъ.

Недавно шведскій новоприбывшій сюды резидентъ былъ на аудіенціи въ Версаліи, и король французской хорошо и пріятно его принялъ, говоря самъ король, что онъ хотя и всегда почиталъ короля шведскаго, однакожде въ нынѣшнія случаи болши почитаетъ его государя, понѣ поступки его и дѣянія любы ему. Изъ сихъ словъ короля французскаго и иныхъ многихъ поступокъ сего двора, какъ и я усмотрѣлъ, здѣшній дворъ сердитъ на короля полскаго и, хваля Шведа, досаждаетъ ему, чаю, за то что прежде король полской войски обѣщаль Франціи и послѣ отдалъ ихъ цѣсарю.

1) Полностію.

Здѣшній дворъ въ прошедшихъ днѣхъ послалъ въ Царьгородъ единаго езуита, съ чемъ и для чего, не могъ я провѣдать; сей салдаты кампаніи Иисусовы по арапски основателно знаетъ и егда преобразится платіемъ и чалмѹ наденетъ, не мощно узнать его, Иисусовъ ли ученикъ или діаволовъ. Не токмо церкви, но и государственнымъ дѣломъ надобны езуиты и всюду годны сіи вертоглавыя отцеве содружества Иисусова.

Уже увѣдомленъ я о приѣздѣ къ Москвѣ господина Балюса, посланника короля французскаго, котораго его царское величество милостиво изволилъ принять и указалъ ему давать по 100 рублей на недѣлю — денги доволныя — и въ каменномъ дому его поставить. Чаю, уже вѣдаютъ здѣ, что онъ прибылъ къ Москвѣ, и слышалъ я, что здѣшній дворъ не принялъ за добро, что не велено ему ѣхать за государемъ въ Шлютелбургъ, хотя и инья чюжеземскія министры послѣдствовали государю въ Шлютелбургъ; но о семъ провѣдаю поподлиннѣе и увѣдомлю васъ.

Я здѣ являюся при дворѣ и между другими иностранными бываю министрами, но храмля, понѣ не имѣю грамматы вѣрющія, на которую мощно бы мнѣ оперетися и не храмлетъ; единымъ словомъ ни единаго имѣю свидѣтельства, которымъ возмогъ бы я подлинно и достовѣрно увѣщать сей дворъ, что я здѣ пребываю отъ его царскаго величества. Дивная вещь, что помѣшало тогда дать мнѣ вѣрющую граммату?

Инструменты маѳематическія про государя и нѣкія вещи про васъ купилъ я, послалъ ихъ въ Амстрадамъ, еще не знаю, привезены ли въ Амстрадамъ. Выдалъ я съ четыре тысящи франковъ на сія вещи, а во гулденѣ галанскомъ 30 су французскихъ, во франкѣ 20 су. Изволте денегъ прислать мнѣ, немногія бо у мене остаются. Присно пребываю вашея велможности нижайшій и должнѣйшій рабъ Постниковъ перворожденный.

12. **31 Мая 1703.** [Объ иезуитѣ посланномъ въ Царьгородъ и прїѣздѣ Балюза въ Москву; новая жалоба на отсутствіе писемъ]. Есть ли бы не государь мой батюшко писалъ ко мнѣ, и о здравіи вашемъ не вѣдалъ бы я [Напоминаніе о письмѣ своемъ къ государю съ просьбою о пожалованіи отца и брата]. Изволите писать ко мнѣ, какъ станете присылать ко мнѣ писма и которымъ путемъ управите ихъ до Парижу, поне уже отсюда почты не ходятъ въ Галандію и въ Вѣну; въ прошлую почту послалъ я пакетъ мой къ вамъ чрезъ Генеу и Вѣну, нынѣ посылаю чрезъ Генеу же и Амстрадамъ.

13. **Безъ даты,** безъ обращенія и безъ подписи — на отдѣльномъ листкѣ¹⁾). Изволите знать, что денегъ толко у мене остается на два мѣсяца, понѣ на покупки государю и вашей велѣсти выдалъ я съ четыре тысячи франковъ, изъ тысячи рублевъ данной мнѣ; корѣту держу, въ добрознатномъ стою дому, кромѣ сихъ иждивеній въ Парижу надобно еще нѣсколко денегъ имѣть ѣздить въ Версалію, яко изволите увидѣть роспись, которую пришлю къ вамъ. Изволте прислать денегъ ко мнѣ и граматку, какъ называютъ, кредитную, что бы мнѣ банкеръ здѣшній, называемый господинъ Гаранъ вѣрилъ мнѣ и, какъ понадобится мнѣ, давалъ бы съ триста или съ пятсотъ рублевъ, сверхъ денегъ присланныхъ ко мнѣ, поне инако ни по которому образу невозможно мнѣ здѣ пробыть за далностію нашего государьства, яко и нынѣ, какъ пройдутъ два мѣсяца, гдѣ мнѣ взять денегъ и кто повѣритъ мнѣ принужденъ? Чаю, буду выѣхать изъ Парижу, докуду денги пришлются отъ васъ; а въ Парижу жить мнѣ непристойно безъ корѣты и лакеѣвъ. Къ Ёгберту Тѣсингу писалъ я о дачѣ вышепомянутыхъ франковъ, но отказалъ онъ мнѣ; прошу нижайши, мой государь, управитъ мене въ

1) Полностію.

денгахъ вскорѣ безъ продолженія. Въ гулденѣ галанскомъ тридцать су здѣшнихъ, а во франкѣ двадцать су.

14. **14 іюня 1703.** [О закрытіи почтовыхъ сношеній между Франціей и Голландією]. Въ прошедшій вторникъ, бывши въ Версаліи, просилъ марграфа де Торсу, секретаря государственнаго, что бы онъ сообщилъ мнѣ, есть ли найденъ яковый путь или способъ посылать грамотки отсюда въ Голандію, и онъ сказалъ мнѣ, что еще ни единъ найденъ въ семъ способъ, но егда отворится какой путь, онъ скажетъ мнѣ . . . Изволите пожаловать найти яковой способъ лучшей и близшій посылать ваша писма сюды и пожаловать объявить его мнѣ, я многожды уже писалъ къ вамъ отсюда чрезъ Генеу и Вѣну, въ которой просилъ я господина князя Голицына, что бы посылалъ онъ моѣ пакеты къ вамъ, но уже многожды я писалъ къ нему и ни одинаго получилъ отъ него отвѣта, не знаю для чего, а всѣмъ грамоткамъ моимъ, посланнымъ къ нему, невозможно пропасти; изволите опредѣлить сіе или чрезъ Вѣну и Италію посылать писма ко мнѣ или чрезъ Голандію и Генеу.

[Новое заявленіе о томъ, что „по отъѣздѣ моемъ изъ Архангелскія пристани ни строки не получилъ ваша рука“, и повторная просьба о кредитѣ у банкира Гарана]. Нынѣ, не имѣя денегъ, не знаю что дѣлать, корѣту имѣю, двухъ лакеѣвъ, въ хорошомъ и знадномъ дому имѣю три каморы или палаты, пища; на одинаго нѣкоторого моего друга надѣюся, которой, можетъ быть, три тысячи франковъ дастъ мнѣ, но егда сей не дастъ, въ великомъ остануся недоумѣніи; надобно помѣсечно платить, а занявъ нѣгдѣ, единъ способъ останется, си есть и корѣту, и лакеѣвъ, и домъ оставить и докуды вы пришлете денегъ, побыть въ нѣкоторомъ мѣстѣ внѣ Парижа, понѣ въ Парижю стыдно безъ корѣты жить; но сей способъ не любъ мнѣ, еще можетъ быть, что найду денегъ.

Вещи, которыя купилъ я здѣ про государя и про васъ, уже они въ Ліло, крѣпости Галанской близъ Антуэрпіи, и тамъ задержаны, писалъ я къ Андрѣю Артемоновичю о семь.

15. 21 іюня 1703. Уже нѣкоторыя прошли недѣли, какъ я увѣдомленъ чрезъ государя моего батюшку о походѣ его величества въ Шлютербургъ и о прибытіи въ тоежде время господина Балюса, посланника французскаго, котораго его величество изволилъ милостиво принять въ аудіенціи приватной. Сродникъ его здѣ обрѣтающійся при среднемъ братѣ принципѣ Разивилъ гувернеромъ, или дядкою, или пѣстуномъ и управителемъ, просилъ мене о посылкѣ грамотки его къ господину Балюсу, приему дерзновеніе вложить ю въ коверту съ вашею. Сей господинъ Балюсъ родился въ Полшѣ, отецъ его былъ въ Полшѣ при королѣ полскомъ, которой послѣди французскимъ былъ, добръ знаетъ пофранцуску, полатинѣ и поиталианску. Бывъ я въ Версаліи, въ рѣчахъ сказывалъ господину де Торсу, секретарю государьственному, что господинъ ихъ посланникъ пріѣхалъ къ Москвѣ, и по рѣчамъ его призналъ я, что онъ не вѣдалъ еще о пріѣздѣ его къ Москвѣ.

Имѣлъ я честь доносить вашей велѣсти въ прошедшихъ почтахъ, что сей дворъ отправадилъ тайно единаго езуита въ Царьгородъ; не знаю, взятъ ли онъ изъ компаніи единадесяти учениковъ Иисусовыхъ или изъ Іюдиной; сіи добріи отцеве стада Игнація де Лоіола всюду годятся... [Снова просьба за родныхъ о дачѣ „жалованья“ брату и „деревни“ отцу; а для себя — открыть кредитъ у банкира]. Возимъю честь въ будущую почту прислать вамъ описаніе разное изживеній, которыя надобно мнѣ здѣ имѣть, и какъ вы изволите мнѣ приказать жить, си есть сколько тратить денегъ, такъ и стану дѣлать.

16. **5 іюля 1703** ¹⁾. Изъ Парижю, въ 5 день іюля, 1703. Мой государь, мой велій защититель. По отъѣздѣ моемъ изъ Архангелскія пристани еще не имѣлъ я чести получить ваше писаніе по сіе число, которое ожидаю. И нижайши прошю вашу велможность не оставить мене въ неразличномъ состояніи, си есть въ семь, которое по просту называется ни туды, ни сюды: безъ граммати вѣрющія что мнѣ дѣлать и како при дворѣ явно и ясно мнѣ мощно являтися? Краткословно никто здѣ подлинно знаетъ, что я отъ его царьскаго величества присланъ сюды для дѣлъ. Господинъ Балюсъ у васъ пребывающій и чинъ посланника чрезвычайнаго носить, чаю, и граммату вѣрющую имѣетъ, да ему же по 100 рублевъ даете на недѣлю. Изволите вы сами, мой государь, вѣдать, что какъ текутъ чинно въ иныхъ государствахъ сичевая дѣла. На прикладъ здѣ, столко денегъ казны королевскія опредѣлено давать посломъ и посланникомъ: послу звычайному ²⁾ (куды ни пошлютъ его) по двенатцати тысячъ ефимковъ на годъ дается изъ королевскія казны, сверхъ сего дается въ началѣ года ему же нѣсколко денегъ на обите и уборы домовныя; посланнику звычайному, такожде куды ни пошлется, по шести тысячъ на каждый годъ дается и сверхъ сего нѣсколко дается ему же, посланнику, единожды съ перваго приѣзду на заводъ домовной, си есть платіе, корѣту, обои палатныя, лошади, ливрей людемъ и проч. Изволь и сіе знать, что многожды вышепомянутыя денги каждегодно не даются, толко въ первый годъ, но сіе случается понеже едва не всегда посылаются въ посолства богочи и многоденежныя, но егда послы и посланники излишнихъ не стяжутъ богатствъ, тогда правилно и постоянно выдаются ихъ денги изъ казны королевскія по всякій годъ. Изволите милостиво, мой государь, разсудить и призрѣть

1) Полностію.

2) Кажется, слѣдовало бы: чрезвычайному.

на мене нѣкоторымъ приращеніемъ къ тысящѣ рублемъ на каждый годъ, зѣло бо трудно прожить понарочитеѣ тысящею рублевъ. Имѣлъ я честь писать вашей велиести, что уже починаю въ долгъ жить и великую трудность имѣю денегъ сыскать въ долгъ въ Парижю, не какъ въ Лондонѣ, въ которомъ знаемъ есмь; есть ли бы не покупки про государя и вашу милость (въ прошедшемъ маіе мѣсяцѣ посланныя въ Галандію), мощно бы жить нѣкое еще мнѣ время денгами данными мнѣ у Города, но, какъ изволите увидѣть по росписямъ, уже всѣ оныя денги. Егда изволите прислать денги ко мнѣ на мое пребываніе или на покупки какія, благоволите присылать ихъ чрезъ господина посланника французскаго, си есть отдавъ ихъ ему въ Москвѣ и возпріавъ отъ него письмо, по которому денги того часу заплатить мнѣ здѣ его банкѣръ господинъ Гелисѣанъ; и тако прибыль будетъ обоимъ: и вамъ, и господину де Балбсу въ процентахъ, сохранятся бо; и онъ возимѣетъ нужду отсюда получить денегъ, но возпріавъ у васъ ихъ сколько ему дадите, онъ ихъ велитъ мнѣ здѣ заплатить, сей способъ зѣло благоудобный и лучший едва обрѣтется. Приемлю свободу грамматку сродника господина Лефѣажъ де Балюсова вложить въ вашу, онъ къ нему пишетъ о семъ и что со мною говорилъ онъ.

Уже многожды просилъ я вашу велможность о дачѣ брату моему на ученіе, и нынѣ нижайши умоляю васъ, мой государь, о семъ же, изволь пожаловать милостиво призрѣть на него доволною дачею изъ казны государевы. Еще нижайши доношу и прошу васъ, мой велій благодѣтель, чтобы дано мнѣ было, кромѣ жалованія годоваго, нѣсколько по всеумудрому вашему разсужденію на корѣту, три лошади и обите палатное, понѣ наемная корѣта гораздо болши станеть, неже своя, и не тако честно.

На сихъ днехъ разгласися здѣ, что португалской король вступилъ въ союзъ съ цесаремъ, Англією и Галандією противъ Франціи; но о семъ лучши и скорѣе изъ Галандіи

усвѣдомитися можете. Французы на морѣ всяли многія кораблики галанцовъ, ѣхавшихъ на ловитву селдей. Вашея велѣсти низжайшій и должнѣйшій рабъ Постниковъ перворожденный.

17. **9 іюля 1703.** По отѣздѣ моемъ изъ Архангелскія пристани еще не получилъ я честь принять ваши грамматики, еже велію приносить мнѣ печаль, понеже безъ всякихъ новинъ отъ васъ пребываю, по се число веліа трудность является въ посыланіи грамматакъ отсюда къ вамъ; я многожды послалъ и посылаю вашей велможности пакеты мои чрезъ Генеvu, республичной городъ жвейцарской, нынѣ хочу другіи употребити способъ во отсыланіи моихъ писемъ къ вамъ: здѣ отдавать моѣ грамматики господину Гелисону, банкиру, господиномъ Балюсомъ знаемому, онъ будетъ ихъ посылать къ своимъ корипондентомъ въ Амбургъ, изъ Амбурка въ Копенгагенъ къ нашему послу, и его изяществіе будетъ ихъ посылать къ вамъ. Изволите и сія знать, что я по всѣ недѣли непресѣчно далъ себѣ честь писать къ вашей велѣсти, многожды дважды въ недѣлю, не знаю, всѣ ли доходятъ до васъ моѣ грамматики. Изволите и вы отворить пожаловать мнѣ яковый путь, чрезъ который мощно бы посылать мои пакеты до васъ [тѣмъ болѣе что де Торси не указалъ никакихъ путей для передачи писемъ. Повторяется просьба переводить деньги черезъ Балюса]. Изволите тако считать денги наши со французскими и симъ образомъ давать посланнику французскому денги, которыя дадутся мнѣ здѣ: въ гулденѣ галанскомъ 24 или 25 су французскихъ, сирѣчь франкъ и 5 су, въ рублѣ нашемъ, чаю, пять гулденовъ, и тако въ рублѣ нашемъ будетъ шесть франковъ и пять су [Повтореніе о покупкахъ]. . . . [Повтореніе просьбы о жалованьи брату на „ученіе“]. О дачѣ деревни государю моему батюшкѣ уже и не смѣю упоминать вамъ, знаю вашу милость и доброе призрѣніе ваше на насъ, но буду самъ писать его величеству, хотя и сильныя лица противляются, но вѣрныя службы возтріумфуютъ.

18. 16 іюля 1703. Въ прошедшій пятокъ въ первія по отъѣздѣ моемъ изъ Архангелскія пристани получилъ я ваша вѣсти почтеннѣйшую грамотку, писанную въ Шлиселбургѣ апрѣля въ 13 день, которая чрезъ Копенгагенъ прислана сюды въ копертѣ господина де Торсу, отъ котораго мнѣ отдадеса. Изволите писать въ ней указомъ его величества, что бы прислать къ вамъ, призвавъ въ службу его величества, добрыхъ и искусныхъ двухъ-надесять лекарей, опредѣливъ съ ними и жалованіе денежное, и число лѣтъ, въ которыхъ должніи и обязанніи они будутъ въ служеніи его величества пребыть, а безъ договору всячески не призывать. Еже тщателно и бодроосмотрително исполню, но низжайши прошю вашу вѣлѣсть благоволить приказать прислать ко мнѣ кратко написанную роспись, сколько дается жалованія лекаремъ иноземскимъ въ Москвѣ сущимъ, дабы мощно мнѣ взирая на оное лучши постановить жалованіе съ оными хврургами; такожде пожаловать нѣсколко денегъ прислать на дачю симъ же, егда возпримуть оніи путь къ Москвѣ. Сего лѣта не мощно ихъ послать отсюды, понеже уже послѣдняя флота галанская нынѣ, чаю, починаетъ управлять путь свой къ городу Архангелскому, а сухимъ путемъ имъ ѣхать къ намъ многоиздивително и многотрудно, не токмо хврургомъ, но и инымъ знатншимъ особамъ, многихъ ради перуновъ по всюду нынѣ разбросанныхъ всеярымъ Марсомъ.

Изволите вашей властною рукою въ послѣдней грамотки строки сія приписать словеса: „о покупкахъ что приказывано, какъ тебя Богъ наставитъ, отпускай“; я такъ уже и здѣлалъ . . . [Повтореніе просьбы прислать чрезъ Балюса деньги за купленныя вещи; сверхъ того] изволите пожаловать прибавить нѣчто къ тысящѣ рублевъ въ годъ, едва бо мощно прожить ею по нарочитѣе мнѣ; и такожде пожаловать призрѣть нѣкоторою дачею на единую корѣту мнѣ и четыре или три лошади корѣтныхъ, наемную бо корѣту съ лошедми зѣло дорого держать, какъ я нынѣ

дѣлаю; но егда единойды корѣта здѣляется и лошади купятся, то въ нѣкоторыя мѣсяцы окупится предѣ наемною, и сверхъ сего своя корѣта честнѣе. Изволите пожаловать, милостиво призрѣть и на брата моего о жалованіи ему на ученіе и на пищу.

19. **23 іюля 1703.** [Письмо это въ значительной степени составляетъ пересказъ предыдущаго: о полученіи письма; о наймѣ хирурговъ — „сей указъ во многомъ краткословіи содержится“; о покупкѣ и отправкѣ заказанныхъ вещей]. Роспись, которую его величество своею рукою написанную изволилъ мнѣ дать на транспортѣ, многія сообъемлетъ вещи, которыя не могъ я купить за скудостію денегъ, при доволныхъ бо денгахъ сія бывають. [Просьба о прибавкѣ жалованья и сверхъ того] еще пожаловать призрѣть же на мене, по Европскому обычаю всюду бываемому, нѣкоторою денежною дачею въ началѣ единойды бываемою, купить корѣту, три лошади, платіе и проч. нуждныя вещи; еще коляску здѣлать, въ которой ѣздить въ Версалію, и къ симъ переѣздомъ изъ Парижу въ Версалію, на каждую недѣлю единойды и егда дѣло позоветъ и не единойды, надобно денегъ, понѣ въ Версалію и назадъ четыре ефимка за двѣ лошади, кромѣ себѣ пищи, и лакею, тамо противъ парижскаго дороже все. Въ извошичей корѣтѣ туды и назадъ два ефимка, но сію употреблять стыдно, и никто въ ней ѣздитъ изъ послѣднихъ агентовъ или резидентовъ принцепсовъ италіанскихъ, толко, какъ у насъ говорятъ, имя сувреновъ занявшихъ. Сія вся и господинъ де Балюсъ знаетъ, изволите когда его спрошать о сихъ, хотя и все, что имѣю честь доносити вашей велиести, уповаю за истинное приниматися у васъ, никогда бо былъ я и при Божіей помощи никогда буду лгачъ.

Изволите пожаловать сіе мое прошеніе забвенію не предать и прислать ко мнѣ денегъ чрезъ господина посланника французскаго, поне сице вси перценты сохрѣняются...

Аще ваша велієсть по всегдашней своей милости ко мнѣ благоволитъ призрѣть мене стомъ , другимъ или третіємъ рублевъ сверхъ звычайнаго жалованія, истинно сія денги не останутся въ моемъ карманѣ, но произыдутъ въ честь имене его величества; изволите знать, какъ здѣ живуть оніи, которымъ дѣла публичная сувреновъ ввѣрена суть; денегъ не брасаютъ, но не скупю и не скудно живуть . . . Прошу низайши вашу велієсть призрѣть на брата моего, доволнымъ государевымъ жалованіемъ, что бы не часто послѣди ему докучать его величеству . . .

П. П. 1). Для вѣденія токмо дерзаю увѣдомитъ вашу велієсть, что на корѣту мнѣ и коляску въ Версалію ѣздитъ надобно съ четыри тысящи франковъ; когда единожды здѣланы будутъ, то нѣкое время безъ обновленія будутъ. Безъ кореты и коляски невозможно мнѣ пробыть, изволь милостиво призрѣть, не толико для мене, елико для чести государевы: я самъ собою по философски хотѣлъ быхъ жить, но нынѣ по званію надобно мнѣ жить.

20. **31 іюля 1703.** [Повтореніе послѣднихъ двухъ писемъ: о полученіи письма, о хирургахъ, о прибавкѣ жалованья и единовременномъ пособіи для обзаведенія экипажемъ]. Изкупивъ единожды вышереченная, корѣту, коляску въ Версалію ѣздитъ, лошади въ корѣту, нѣкое платіе, здѣлавъ ливрею двумъ лакеѣмъ и возницѣ, великое принесутъ подкрѣпленіе иждивеніямъ годовымъ, которыя обратятся въ пищу, наемъ дома и проч. Изволите и сіе знать, что каждыя недѣли во вторникъ надобно ѣздитъ въ Версалію, за двѣ лошади въ свою коляску въ Версалію и назадъ въ Парижъ надобно платитъ четыре ефимка, кромѣ пици себѣ, есть ли случится обѣдать въ Версаліи, изволите пожаловать милостиво призрѣть на сіе мое доношеніе. Есть ли бы смѣлъ я увѣдомитъ вашу велможность, донесъ бы

1) Вверху письма, въ формѣ приписки.

вамъ сичевое разположеніе въ дачѣ денежной кромѣ годового жалованія вышепомянутаго: на корѣту двѣ тысячи и пятьсотъ франковъ, на коляску тысящу франковъ, на три лошади или четыре корѣтныя двѣ тысячи франковъ, на платіе и иныя мѣлкія потребы сколько ваше премудрое повелитъ разсужденіе. Попремногу прошу вашу велѣсть не предать забвенію сіе мое доношеніе о дачѣ денежной сверхъ годового жалованія, такожде и годовое жалованіе пожаловать прислать ко мнѣ сюда не мешкавъ, понеже едва возмогъ я сыскати здѣ нѣсколько денегъ въ долгъ, которыми нынѣ живу, достолныя бо выдалъ на покупки государю и вамъ. И паки молю вашу велможность пожаловать, не забыть мене въ семь моемъ нужднѣйшемъ требованіи [Прежняя просьба о братѣ].

21. **20 Сентября 1703** ¹⁾. Изъ Парижю, въ 20 день сентемврія, 1703. Мой государь, мой велій защититель. По отъѣздѣ моемъ изъ Архангелскія пристани другое токмо писаніе вашей велѣсти въ прошедшихъ днехъ дошло до менѣ чрезъ господина Егберта Тесинга, въ которомъ изволите, указомъ его величества, повелѣвать мнѣ призвать въ службу государеву десять или двенатцать хирурговъ доброснающихъ свое дѣло. Еже поелико мнѣ возможно, прилѣжно буду въ дѣло производить; флоты галанскія уже отплыли къ Городу, на караблехъ грядущаго лѣта надобно ихъ послать къ Москвѣ, сухимъ бо путемъ многоизжидивительно и едва возможно выслать ихъ; мощно ли и мнѣ самому сухой възпріять путь, недоумѣваю, всюду разпространившуся нынѣ пламени перуновъ Марсовыхъ. Сіе же много почтениѣйшее мнѣ ваше писаніе неначаенное изъяви обновленіе пребыванія моего при здѣшнемъ дворѣ, представляя мнѣ вышній указъ его величества, государя нашего милостивѣйшаго, что бы мнѣ возвратитися ко отече-

1) Полностію.

ствію моему, которому всевсѣчески низжайшее мое изъясляя повиновеніе, потщуся самолично предпоставить мене на услуженія его священнаго величества, государя моего милостивѣйшаго, исполнивъ все, что изволите приказывать, си есть четыре тысящи ефимковъ присланнныя отъ васъ ко мнѣ употребивъ на разныя покупки по росписемъ вашимъ и сверхъ тѣхъ на нѣкоторыя вещицы, которыя угодны будутъ вамъ. Государь мой батюшко прислалъ ко мнѣ списокъ съ писма вашего, присланнаго отъ васъ изъ походу къ нему, въ которомъ милостивыя ваша словеса сицевая читаются, что бы я безъ сумнѣнія ѣхалъ, и впредь лутчее мощно сыскать. Зѣло я одолженъ милостію вашего изящества, не пресѣкателно являющеюся надъ мною, за которую по моему возможному всегда готовѣйшій есмь всякими образы услуживать вашей велѣсти и всей вашей благородной фамиліи.

Не знаю, приписать ли со астрологами нѣкоторой констеляціи, подъ которою родился я на непрестанная путешествія, по простой пословицѣ, что рукою подать, съ Москвы къ Городу, и отъ сего моремъ въ Лондонъ, изъ сего въ Парижъ, и изъ Парижю къ Москвѣ паки; но вся сія дальняя и многотрудная путешествія, Божією помощію, презираю и намѣряюся презирать, егда изволеніе есть его величества, нашего Россійскаго герба, или егда интересы его величества взыскують оная; надѣюся, что вы не изволите въ число курѣровъ вмѣнить мою особу, хотя и не потребную. Приемлю свободу донести вашей велѣсти, что отягченный толигими путешествіями и отсутствіемъ отечества, не получилъ я честь знать отъ вапсѣя велѣсти вину воззванія моего, но поне изволеніе такое есть вашей велѣсти, и я радостно сообразуюся ему простымъ и не любопытнымъ моимъ возвращеніемъ ко отечеству моему.

Всерадостно слышу щастливое взятіе крѣпости Ніенъ Шанца, послѣ именованна Шлотбургъ, въ концѣ вапсѣя грамматики, по описаніи взятія сея крѣпости, сице еще нѣ-

которыми строками дополнено; а что потомъ надъ ихъ шведскими караблями учинилось, тому при семъ писмѣ роспись, которой нѣсть въ семъ вашемъ писмѣ; чаю, что секретарь ваша вѣлѣсти позабылъ вложить оную роспись о шведскихъ карабляхъ. Здѣ вси зѣло ожидаютъ взятіе Нарвы, которое увѣнчаетъ всю надстоящую войну, дай Боже.

Инструменты маѳематическія и иныя покупки, посланныя отсюда мною прошедшія весны въ Галандію, задержены были въ крѣпости Галанской Ліло, близъ Антуэрпи, но, по доношенію Стáтомъ отъ господина посла нашего въ Гагѣ, пропущены свободно въ Амстердамъ, въ которой поздно привезены, уже отпльвшей послѣдней флотъ галанской къ Городу, и тако до будущаго лѣта будутъ въ Амстердамѣ, время нынѣшнее неудобное, всюды жестокія войны.

Здѣшній дворъ не могъ португалскаго короля удержать въ своемъ интересѣ. Архидукъ, сынъ цесарской, уже въ Вѣнѣ объявленъ королемъ испанскимъ и скоро поѣдетъ въ Португалію чрезъ Галандію. Курфѣистръ Баварской выпелъ изъ Тирола. Ваша вѣлѣсти нижайшій и должнѣйшій рабъ Постниковъ перворожденный.

22. 4 октября 1703. Не многу минувшу времени, какъ принялъ я граматку ваша вѣлѣсти, съ указомъ его величества возвратитися мнѣ къ Москвѣ и пріискать десять добрыхъ хѣрурговъ въ службу государеву и искупить оныя вещи, которыя изволите приказывать, уже далъ я себѣ честь увѣдомить вашу вѣлѣсть о семъ чрезъ мои писма, посылаемыя до васъ чрезъ его изыщество господина Матвѣева.

Четыре тысящи ефимковъ, которыя вы изволили приказать перевести сюды мнѣ на покупки, еще и половины не переведено, чаю, что господіе купцы имѣютъ трудность въ семъ пресѣченіа ради соотвѣтствованіа между Фран-

цією и Галландією. Въ нынѣшнее время трудно скоро сыскать цырюликовъ, поне вси или болшая часть ихъ въ оспиталяхъ при войскахъ сущихъ, но въ надстоящую зиму множайшии прибудуть въ Парижъ, и мощно выбрать. Въ покупкахъ, повелѣваемыхъ вами, платіи нѣкоторыя шитыя суть и епанчи шитыя же золотомъ, звѣзды съ чиномъ святаго Андреа на платія и епанчи пришивателныя, золотомъ же шитыя, уготовленіе сихъ доволное нѣкое взускуеть время. Взирая на вся сія не мощно мнѣ вскорѣ взять путь отсюда къ вамъ; кромѣ сихъ препинаній, Курландія и Полша шведами наполнена; какъ возможно мнѣ сухимъ прибыть путемъ къ Москвѣ?

Понеже вапа веліесть отъ единыя свояя благности, яко всему двору нашему явно, изволили призирать на мою послѣдную особу всегда, не яко патронъ, но отечески, есть ли бы изволили вы и нынѣ управить мене милостиво на услуженіе его величества внѣ моего отечества, хотя отъ мене не возпріали бы вы достойное возмездіе и услугу, Богъ бы свыше наградилъ вамъ за такое безинтересное призираніе. Въ Венеціи, въ Лондонѣ министровъ нѣтъ его величества; можетъ быть, что я не доволенъ къ такому дѣлу, но потщался бы я быти; въ путешествіяхъ исчезоша дніе мои, на несвѣдомо дѣйствующее Предвидѣніе Вышнее уповаю . . .

23. 23 октября 1703. Приемлю свободу еще увѣдомить вашу веліесть, что указъ его величества дошелъ до мене о моемъ возвращеніи къ отечеству, которому присно и неотмѣнно повинуюся возпріиму путь къ Москвѣ, по исправленіи повелѣнныхъ мнѣ вами . . . Еще 4000 ефимковъ не переведено ко мнѣ, кромѣ 1000 толко, пишу о семъ непрестанно въ Галандію.

24. 20 ноября 1703. . . . Король французской зѣло шастливо окончалъ войну нынѣшняго лѣта, взявъ у союзныхъ Ландау, которая есть изъ лутчи укрѣ-

пленныхъ европейскихъ крѣпостей. Посылаю для любопытнаго вѣденія вашей велѣсти граматку королевскую, посланную къ архіепископу Парижскому о пѣннѣ благодарственнаго молебна о семъ взятіи; такимъ бо образомъ въ обычаи имѣеть король здѣшній благодаренія возсылать Богу о побѣдахъ и являть ихъ въ народъ.

Король здѣ указалъ къ будущей веснѣ прибрать 30000 салдатъ въ прибавку къ прочимъ.

При дворѣ говорятъ, что дукеса Бургунская беременна, но толикожде сіе не истинствовася.

При благодарственномъ молебнѣ въ соборной Парижской церкви отправляемомъ, самъ король никогда не бываетъ.

Въ курантахъ писано было, что Шведъ, взявъ Торунь, не токмо вывезъ изъ него пушки, но и колокола, кромѣ тѣхъ, которыя были у лютерскаго костела.

Вси ожидаютъ нестерпимо, что произведетъ въ Гишпаніи присутствіе ахридукино, и французы сомнѣваются о постоянной вѣрности гишпанцовъ къ дукѣ Данжю, нынѣшнему королю.

Имѣлъ я честь донести вашей велѣсти въ прошедшихъ моихъ писмахъ, что сухимъ путемъ мнѣ возвратится едва возможно; въ Курляндіи, Прусахъ и Полшѣ всюду суцимъ шведомъ, аще Богъ дастъ, пучины сѣверныя пренесутъ паки мене туды, откуда выѣхалъ я сюды; далній, бѣдственный и многотрудный путь, но уповаю на Предвидѣніе Вышнее, удерживающее по своему хотѣнію наглыя случаи.

25. 1 декабря 1703, „по стар. календ.“
Въ прошедшихъ недѣляхъ былъ я въ Версаліи и просилъ господина де Торси министра, что бы онъ пожаловалъ исходатайствовалъ позволеніе и указъ королевской о нанятіи двухънадесяти хурурговъ въ службу его царьскаго величества, безъ указа бо королевскаго не возможно ихъ при-

звать. Онъ сказалъ мнѣ, что бы даль я имена ихъ, и примолвилъ: „Куды имъ ѣхать! поѣдутъ ли они, въ тотъ разумъ, что и здѣ имъ хорошо, едва поѣдутъ къ вамъ!“ Егда я ему объявилъ, что мнѣ указано возвратиться къ Москвѣ, въ тогдашнее время говорилъ онъ мнѣ, что я уже довольное время здѣ живу и ожидаю вѣрющія грамматы, и по сіе число нѣтъ ея; я ему отвѣчалъ, что я ему не говорилъ о вѣрющей граматѣ, но толко что я ожидалъ указа отъ двора нашего, которой получилъ я, чтобы мнѣ возвратиться къ отечеству моему. Хорошо бы было, чтобы ваша величь пожаловалъ господину де Балюсу о моемъ возвращеніи сказалъ, такжеде и о призваніи цырюликовъ, поне здѣ, не знаю, въ какой разумъ приемлютъ пребываніе мое здѣ безъ всякаго дѣла и безъ указовъ, къ дѣломъ надлежащихъ государственнымъ и со мною, яко изволите знать, инаго свидѣтельства нѣтъ, кромѣ единого простаго проѣзжаго листа. . .

26. **4 октября 1703** ¹⁾. Мой государь, мой велиій защититель. Уже многожды имѣлъ я честь писать и низжайши доносить вашей величь, что невозможно мнѣ воспріяти путь къ Москвѣ до отъѣзду флотъ галланскихъ въ будущее лѣто, поне Прусы, кругомъ Агданска, Курландія и Литва шведами наполнены нынѣ суть, и Венгры такжеде бунтовщиками наполнены, всюды ярыя Марсовы перуны разброшены и болши умножаются, есть ли Предвидѣніе Вышнее не остановитъ ихъ особливимъ нѣкоторымъ образомъ, въ пучинахъ милосердіа своего обрѣтающимся.

Даль я себѣ честь прежде сего низжайши просить васъ пожаловать приказать прислать ко мнѣ краткое описаніе жалованій годовыхъ, которыя имѣютъ хвуррги иностранныя въ службѣ его величества обрѣтающіяся, и

1) Полностію.

нынѣ приѣмлю свободу нижайши молитъ ¹⁾ вашу величѣсть пожаловать прислать ко мнѣ указы ваши подлинныя о послѣдствующихъ статяхъ, приличествующихъ ко призванію въ службу его величѣствіа двухънадесяти цырюликовъ французовъ: на сколько лѣтъ быть имъ въ службѣ его величѣствіа, какимъ образомъ снабдежить ихъ, что обѣщанное мною имъ здержено будетъ въ Москвѣ? Сего ради, какъ мнѣ видится, хорошо бы вы изволили яковому купцу нарочитому галанцу приказать, что бы онъ отписалъ къ амстрадамскому купцу нарочитому, да бы сей нашелъ въ Парижю единаго нарочитаго банкира Парижскаго, которой бы взялся за сіе дѣло, си есть поручился бы, что все, еже я обѣщаю въ договорѣ онымъ цырюликомъ, здержено будетъ отъ его величѣствіа, или инако опредѣлить изволите сіе снабдеживаніе чрезъ господина де Балюза, посланника французскаго у васъ пребывающаго; безъ сего бо никто ѣдетъ и весьма надобно имѣть мнѣ извѣстность, которою могъ бы я снабдежить ихъ. Я всеприлѣжно стараніе полагаю въ семь дѣлѣ, и въ будущую почту увѣдомлю васъ подлинно о договорѣ денежномъ, которой хотятъ добрыя хврурги имѣть, егда въ служеніи будутъ его величѣствіа; по сту по пятьдесятъ и по двѣсти по пятьдесятъ рублевыхъ на годъ добрыя цырюлики не берутъ и съ провозомъ къ Москвѣ изъ денегъ его величѣствіа. По премногу прошю вашу велможность прислать ко мнѣ рѣшеніе на вышедонесенная ²⁾, понеже еще довольно время служить получить мнѣ отвѣтъ вашъ до отъѣзду флотъ галанскихъ къ городу Архангелскому.

Здѣ не обносятся знатныя новины въ нынѣшнее время достойныя вашему вѣденію, кромѣ того что съ 30000 вновь салдаты прибираютъ здѣ, и что здѣшній дворъ уже

1) Въ текстѣ: милить.

2) Въ текстѣ: выдонесенная.

явно войну объявилъ противу дуки Савойскаго, о чемъ имѣлъ я честь уже донести вашей велѣсти.

Возпріемлю дерзновеніе и о семъ не умолчати, си есть способно бы было зѣло мнѣ здѣ, есть ли бы господинъ де Балюзъ отписалъ сюды о наемѣ сихъ цырюликовъ и о моемъ возвращеніи къ Москвѣ, а наипаче о цырюликахъ. Въ глубокомъ респектѣ пребываю ваша велѣсти, мой государь, низжайшій, покорнѣйшій и должнѣйшій рабъ Постниковъ перворожденный. Изъ Парижю, въ 4 день декабря, 1703.

27. 14 декабря 1703. О двенадцати хвруговъ, которыхъ вы изволили приказать мнѣ призвать въ службу его величества, великое стараніе и прилѣжаніе полагаю, но со многою печалію моею еще не щастливъ есмь въ предуспѣніе произвести сіе дѣло. Добрыя цырулики многое требуютъ жалованіе и не устыдились просить и по тысяцѣ ефимковъ здѣшнихъ на годъ; кромѣ сего чають въ край свѣта ѣхать къ Москвѣ, и діаволь ихъ знаетъ, чтѣ говорятъ; обаче всѣми моими силами тщуся приговорить сихъ, которыя хотя и несовершенно хвругію знаютъ, толко бы доволніи были звычайныя операціи хвругійскія дѣлать въ полкахъ и въ болницахъ будучи [Повторяется просьба прислать условія найма хирурговъ и гарантіи въ исполненіи предстоящаго съ ними договора]. Изволите и сіе знать, что въ нынѣшнее воинское время всюду разсылаются и нанимаются цырюлики въ войски французскія, обрѣтающіяся во Фландріи, въ Германіи, въ Ишпаніи, Италіи и Савои, кромѣ осадныхъ, сея ради вины удобно ихъ найти не мощно, не изволите сіе въ одговорку вмѣнить, чаю, что имѣю я честь у ваша велѣсти всегда истинно и не трусоманно глаголати.

Приказать изволите пожаловать господину Бранту или Любсу, что бы отписали они къ Тѣсингу, есть ли понадобится мнѣ на вывезъ цырюликовъ или на платежъ пошлины

за вещи купленные, или на дачю нѣкоторыхъ денегъ напредь цырюликомъ, далъ бы онъ господинъ Тесингъ мнѣ; безъ вашего бо приказу и сто ефимковъ не выпрошать мнѣ у купцовъ, которыхъ зѣло тяжко вѣрять. Вещи вами приказанныя изкуплены всѣ, и уповаю угоднымъ имъ явитися предъ вами . . .

28. 17 декабря 1703. [Длинное повтореніе ранѣе высказанныхъ просьбъ по дѣлу о наймѣ хирурговъ]. Изволите ваша величь, мой государь, простить мнѣ о сей доукѣ, къ которой неотмѣнно принуждаетъ мене сіе дѣло. О вышепомянутомъ bankerѣ изволите приказать отписать къ господину Тесингу, которой можетъ найти яковаго bankера въ Парижю или чрезъ своего testя приказать о семъ господину Гарангу, моему здѣ bankerу, которой можетъ поручитися, безъ сицеваго бо обнадѣживанія не ѣдутъ. Егда слышатъ Москву нашу, чають, что она съ Индіями граничитъ, о чемъ и ваша величь извѣстенъ. Или изволите господину господину [sic] послу въ Гагѣ приказать о семъ, имѣяй бо характеръ, имѣеть и кредитъ.

По отъѣздѣ моемъ изъ Архангелскія пристани имѣлъ я честь двѣ грамматки токмо ваша велможности возпріять, первую съ указомъ о нанятіи хуруговъ, и другую съ указомъ о возвращеніи моемъ къ Москвѣ; зѣло щастливая вторая была мнѣ, что не потерялася въ пути: есть ли бы случайно она затерялася, и по сіе число не вѣдалъ бы я о возвращеніи моемъ.

Вещи повелѣнныя вами искуплены, и уповаю достойнымъ явитися вашего видѣнія. Отъ покупокъ сихъ еще осталось съ тысящу ефимковъ, которыхъ не смѣю употребить еще на разныя покупки, понеже надобно денегъ еще на заплату пошлинъ во Франціи и во Фландріи Гишпанской за сія вещи, такожде и цырюликомъ напредь надобно нѣсколко денегъ дать, и на иждивенія имъ въ дорогѣ,

такожде и мнѣ самому надобно имѣть нѣсколько денегъ на пищу и на проѣздъ ; сего ради нижайши прошу васъ, мой государь, пожаловать приказать чрезъ господіевъ Бранта и Любса господину Тесингу, что бы онъ далъ мнѣ нѣсколько денегъ на вышепомянутыя вещи , а безъ вашего повелѣнія и сто рублейъ взять мнѣ у него трудно по звычайнымъ купцовъ невѣрствіямъ.

Изволите приказывать мнѣ добрыхъ принять цырюликовъ, добрыя и гораздо знающія свое дѣло и изъ тысячи ефимковъ едва поѣдутъ къ намъ на годъ ; ожидаю вашихъ указовъ, но однакожде я въ семъ поступлю дѣлѣ, какъ Божія помощь мене вразумитъ, чаялъ бы я, что въ войскахъ и въ оспиталахъ и среднія цырюлики, си есть звычайныя могущія управитъ операціи хурургійскія, могли бы быть у насъ . . .

29. **27 декабря 1703** ¹⁾. Приемлю свободу привѣтствовать вашей велѣсти, моему государю и крайнему благодѣтелю, благополучнымъ нынѣшнего новаго года начинаніемъ, всеусердно прося Вышнее Предвидѣніе, да управитъ божественною своею благостію начинанія и труды ваши къ благопотребному произшествію добрыхъ намѣреній его величества, государя нашего милостивѣйшаго, и къ многославному приращенію великороссійскаго имперіа, уже щастливѣйшимъ управленіемъ его величества и вашими многоосмотрительными совѣты равняющагося съ прочими ясноцвѣтущими Европскими государствами. Дай Боже вышній, не токмо нынѣ зачинающагося года теченіе, но и многихъ грядущихъ вашей велѣсти исполнити во всякомъ щастливомъ поведеніи, непремѣняющагося здравіи и непрерывномъ послѣдствованіи милостивыхъ вашихъ надъ нами призрѣній, и наконецъ по разрушеніи

1) На оборотѣ перваго листа помѣта: „прислано въ 1704 году въ генварѣ мѣсяцѣ.“

сея челоѵческія временныя махины, достойнымъ вамъ явится и безвременныя оныя присности, никогда престающаго онаго блаженнѣйшаго пребыванія, идѣже сый и прежде, сый непрестанно, и безконечно сообщаетъ праведнымъ божественный присносущный свой непоятельный свѣтъ, сладчайшимъ и всерадостнымъ онымъ послѣдствователнымъ притеченіемъ и оттеченіемъ, и яко море прибывая и убывая, содержать ихъ въ пучинахъ приснаго наслажденія и несказанныя оныя всегдашнія блаженности. . . . [Повтореніе просьбы о переводѣ чрезъ Тесинга денегъ на въ предыдущихъ письмахъ помянутые расходы]. А четыре тысящи еѳимковъ изволите увидѣть подлинно по моимъ росписямъ издерженныя въ покупкахъ разныхъ вещей повелѣнныхъ мною. Есть ли изволите еще чего приказать изкуштить здѣ, я радъ служить и старатися о семъ, а время еще служить до отѣзду флотъ галанскихъ къ Городу. Честъ защищенія вашего възыскауй присно, съ наибольшимъ респектомъ остаюся нижайшій и должнѣйшій рабъ Постниковъ перворожденный.

30. **1 января 1704.** . . . [Хлопоты о присылкѣ денегъ чрезъ Тесинга на ранѣе обозначенныя нужды; просьба о поручительствѣ парижскаго банкира предъ хирургами въ правильномъ исполненіи условій съ русской стороны].

31. **12 января 1704.** [Та же просьба о переводѣ денегъ]. Цырюлики требуютъ отъ мене обнадеживанія, что все, обѣщанное мною имъ, здержено будетъ въ Москвѣ, но я по моему злощастію не имѣю ни карактѣра и при дворѣ здѣшнемъ ни въ какихъ дѣлахъ публичныхъ или государственныхъ такожде не обращался, но яко простой пришлецъ и который по свѣту ѣздитъ для своего охоты, сего ради изволите пожаловать найти способъ, чтобы приказано было нѣкоторому банкиру нарочитому здѣ поручитися за все, что я буду обѣщать цырюликомъ, и что бы они вѣрили мнѣ, а безъ таковаго обнадеживанія не ѣдутъ.

Чаялъ бы я, вашей велѣсти мощно сіе учинити чрезъ посланника французскаго господина де Балюса, которой имѣеть здѣ своего банкира, называемаго Елисонъ; или чрезъ господина посла въ Гагъ обрѣтающагося, которой можетъ найти въ Галандіи яковаго купца, имѣющаго своего коресподента здѣ въ Парижю. Егда вы изволили призывать въ Амстродамъ цырюликовъ, матросовъ и проч. въ службу его величества, тогда нѣкоторыя купцы ручалися и отвѣтствовали за васъ; колми паче за мене надобно нѣкоторому отвѣчать знатному купцу, ни карактѣра, ни обученіе дѣлъ публичныхъ злополучіемъ моимъ имѣющему: изволите пожаловать забвенію не предать сіе мое доношеніе, что бы исполнить мнѣ весма и совершенно ваша повелѣнія. Посылаю сіе мое писаніе къ вашей велѣсти чрезъ Вѣну, многими бо образами и путями пріялъ я честь писать вашей велѣсти для всюду надстоящихъ воинъ и по должности моей многократно возпріялъ свободу предпоставить вамъ яже принадлежатъ ко изслѣдствованію вашихъ повелѣній, но весма неизвѣстенъ я, доходятъ ли до васъ мои писма . . .

32. **28 января 1704.** Далъ я себѣ честь чрезъ прошедшія почты донести вашей велѣсти, что грамматка ваша всепочтеннѣйшая, ми въ 21 октября въ Санктпетербургѣ писанная, дошла въ цѣлости до мене, въ которой изволите упоминать о нанятіи цырюликовъ въ службу его величества и о высылкѣ ихъ къ Городу, такожде изволите приказывать мнѣ ѣхать къ Москвѣ моремъ чрезъ городъ Архангелскій [выражаетъ радостную готовность повиноваться]. За призрѣніе милостивое вашей велѣсти къ брату моему зѣло благодарствую вамъ, моему милостивому государю, денги, присланныя ко мнѣ отъ васъ, употребилъ я ихъ на покупки и едва не всѣ издержалъ на вещи, которыя вы изволили приказать мнѣ изготовить въ Парижю, сего ради низжайши умоляю вашу велѣсть пожаловать приказать господіемъ Бранту и Любсу, что бы они приказали

мнѣ дать нѣсколько денегъ господину Тесингу въ Амстродамѣ на заплату поплинѣ въ Парижю, въ Гишпанской Фландріи и въ Галландіи вещей изкупленныхъ, такожде и на дорогу мнѣ самому и на дачю въ зачетъ цырюликомъ и брату моему . . .

На сихъ днехъ новое провѣдалъ я, можетъ быть, что вашей велѣсти уже не новое, си есть: отъ здѣшняго двора посланъ указъ къ господину де Балюсу, посланнику французскому у васъ пребывающему, что бы онъ по прибытіи къ Москвѣ его священнаго царьскаго величества просиль отпускъ и ѣхаль бы съ Москвы отъ васъ; какія ради вины, не знаю подлинно, токмо слышалъ я здѣ, что бутто онъ многія меморіалы подалъ вамъ и никакого получалъ отвѣту; чаю, впредь лучши могу провѣдать о семъ, ежели возможно увѣдать . . .

33. 3 февраля 1704¹⁾. [Повтореніе сказаннаго о Балюзѣ въ предыдущемъ письмѣ] . . . [Благодарность за покровительство брату, обѣщанное Головинымъ въ письмѣ 21 октября изъ Петербурга]. Токмо братъ нещастливъ мой есть, поне денги, отъ васъ присланныя ко мнѣ, едва не всѣ издержены на покупки [а потому Постниковъ снова проситъ о переводѣ денегъ]. Уже многожды далъ я себѣ честь донести вамъ, что я, отъ безчастія моего великаго не имѣя характера и не обращаяся въ публичныхъ дѣлахъ, не могу обнадежить цырюликовъ и что бы вѣрили мнѣ.

34. 16 марта 1704²⁾. Мой государь, мой велій защититель. Многомятущаяся Полша неначаянно произведе зѣло жестокозлобныя премѣны, на сихъ днехъ дошедшія сюды, вражескимъ наущеніемъ гостей уже давно раздирающихъ ю и порфѣры кардиналовыя не ино что исходатайствующія ей, кромѣ пролитія междуусобныя крове

1) Сбоку помѣта: „Съ почты марта въ 29 день“.

2) Полностію. Помѣта: „принято іюня въ 1 день“.

и крайнего внутреннего ея разоренія : незаконное собраніе, бывшее въ Варшавѣ, изъяви престоль праздный своего суврена, подъ притворнымъ видомъ нарушенія пакта конвента. На сихъ же днехъ вѣсть пришла сюды, что указомъ его королевскаго полскаго величества два королевскія принцепы, Іаковъ и Александръ, одержены въ Силезіи и отвезены въ Саксонію за арестъ.

Недавно нынѣ пріѣхалъ къ здѣшнему двору единый баронъ, называемый Спаръ, шведъ, отъ короля шведскаго съ тайными дѣлами ; король пожаловалъ ему тысящу лудовиковъ, си есть двойныхъ золотыхъ. Многія признавають, что привезъ онъ отъ шведа предложеніе господину принцепу де Конті о поисканіи короны Полскія, но еще по сіе число не видится яковое начинаніе отъ господина принцепа де Конті, и въ Дункеркѣ явнаго приготовленія карабелнаго нѣтъ. Есть ли что явится до отъѣзду моего отсюды, возимью честь донести вашей велѣсти.

Андрей Артемоновичъ прислалъ сюды недавно капитана господина Шлейса, галанца, въ службѣ сущаго его царьскаго священнаго величества, о отдачѣ карабля Московскаго отъ города Архангелскаго шедшаго въ Лондонъ, принадлежащаго двумъ братомъ колмогорцомъ Баженнымъ и взятаго дункерскими пиратами и нынѣ въ Дункеркѣ стоящаго. Я по должности моей подалъ меморіаль о семъ господину де Торси, чтобы той карабль отданъ и отпущенъ былъ. Еще Андрѣй Артемоновичъ писалъ ко мнѣ исходатайствовать пасы у здѣшняго двора двумъ караблемъ галанскимъ, плаваніе свое хотящимъ управити въ пристанища французскаго государства для взятія виноградныхъ винъ про обиходъ его величества, государя нашего милостивѣйшаго ; яковый отвѣтъ получю отъ здѣшняго двора, дамъ себѣ честь приобщить его и пространно донести вашей велѣсти.

Высылка цырюликовъ отсюды къ Москвѣ гораздо печалитъ мене, для того что цырюлики не хотятъ ѣхать къ Москвѣ безъ добрыя поруки, что все обѣщанное мною имъ

здѣ здѣржено бы было въ Москвѣ, а я здѣ не знаемъ, и они не могутъ мнѣ вѣрить, сверхъ сего по многому моему злощастію ни карактѣра яковаго имѣлъ я здѣ, ни публичныя государственныя отправлялъ дѣла; уже давно имѣлъ я честь доносить о семь вашей велѣсти, изволите сами вы вѣдать, что трудно иноземцы ѣдутъ къ намъ безъ извѣстнаго обнадеживанія. Предаю мене всегда въ милостивая вапа защищенія, остаюся ваша велѣсти нижайшій и должнѣйшій рабъ Постниковъ перворожденный. Изъ Парижю, 16 день марта, 1704.

35. **8 апрѣля 1704** ¹⁾. [Сообщая о нерѣшительности французскаго правительства въ вопросѣ о провозглашеніи принца Конти польскимъ королемъ, Постниковъ добавляетъ, что] господинъ де Торси, министръ иностранныхъ дѣлъ, спрашивалъ мене любопытательнымъ образомъ, какое намѣреніе и изволеніе есть его царскаго величества о нынѣ обходящихся въ Польшѣ дѣлехъ, иный не получилъ онъ отвѣтъ отъ мене, кромѣ онаго: „не знаю“.

Андрѣй Артемоновичъ прислалъ ко мнѣ листъ напечатанный на латинскомъ и французскомъ діалектхъ, который его величество, милостивѣйшій нашъ суверень, изволилъ послать къ примасу полскому и всей полской шляхтѣ; вси читающіи его удивленіемъ и хвалами украшаютъ, како въ немъ красноглаголивымъ перомъ описуется изволеніе его священнаго царскаго величества, преизрядно основанное на правахъ правосудія, народномъ, сосѣдства и великодушныя и постоянныя дружбы, достойныя единаго героя, тако преславно царствующаго въ сѣверномъ имперіи.

По писму Андрѣя Артемоновича, просилъ я у господина де Торсу два паспорта для свободнаго плаванія въ пристанища французскія двухъ караблей галанскихъ для взятія

1) На оборотѣ письма помѣта: „Отдано въ канцѣлярію іюня въ 28 день“.

винъ французскихъ про обиходъ двора его царскаго величества, которыя карабли намѣрялися отправить господіе Брантъ, Любсь и Тесингъ, но господинъ де Торсу всячески отказалъ мнѣ и не позволилъ паспорты, зане Франція подъ какимъ ни буди образомъ весьма не хоцетъ торговать съ галанцами, поне они пѣрво жестоко учинили, пресѣкая всякое купеческое сношеніе и соотвѣтствованіе со Францією. [Повтореніе о захватѣ корабля купцовъ Бажановыхъ и о пріѣздѣ въ Парижъ Шлейса]. По многомъ нашемъ стараніи о свободѣ сего корабля, вчерашнего дне совѣтъ адмиралской таіей судъ издаде, что карабль да свободится съ таварами толко тѣми, которыя объявлены и описаны въ конесментѣ подписанномъ и за рукою капитана, а тавары, описанныя въ другомъ конесментѣ, да возмутся и отдадутся кѣпару, для того что другій конесментъ безъ подписи руки капитана видится; чаю, что будемъ мы еще апелловать сей судъ въ совѣтъ королевской ¹⁾. Нынѣ пристойно было бы опредѣлить и договоритися со Францією о постановленіи свободныя торговли между московскимъ народомъ и французскимъ, поне по сицевомъ договорѣ наши бы карабли прямо и свободно ѣздили во французская пристанища по вины ренскія и иныя про наше государство потребныя тавары Франціи. Прошу прощенія отъ вашей велѣсти, что дерзнулъ сіе доносително токмо объявить вамъ.

[Щырюлики не ѣдутъ, я же, Постниковъ, безъ характѣра], а время уже надстойтъ отпускатъ ихъ отсюды, изволите сами видѣть, что я отъ моей стороны всякую должность исполнилъ со многимъ стараніемъ.

36. 15 апрѣля 1704 ²⁾. Мой государь, мой велій защититель. По нынѣшнее время еще желаніе о

1) Сбоку на поляхъ страницы Постниковъ приписалъ: „Конесментъ знаменуеть единую роспись товаровъ въ караблѣ сушихъ, съ имянемъ карабля и купца, къ которому карабль принадлежитъ, и мѣста, въ которое посылается оный, который конесментъ подписывается карабелщиковою рукою“.

2) Полностію.

коронѣ Полской господина принцепа де Контв явно не является, и хотя здѣшній дворъ якое имѣетъ намѣреніе о семъ, чаю, будетъ ожидать размноженіе суетно неистовствующихся конфедерациі полскія, нынѣ бо трудно осмѣлится французомъ зачать сіе дѣло, настрашало ихъ прежде бывшее начинаніе, егда король французской, посылая единого дворянина спросать о здравіи господина принцепа де Контв, велѣлъ ему въ разговорѣ принцепу де Контю дать титуло величества, а послѣ како онъ пристыжалъ корону Полскую, всему свѣту удивительно явно было. Сего ради здѣшній дворъ зѣло осторожно будетъ поступать въ зачинаніи стяжанія полскаго престола принцепомъ де Контіемъ. Сверхъ сего и суммы многія денегъ надобно дать Франціи ко ислѣдствованію поисканія Полскія короны, а лудовики златыя зѣло утруднены отъ многихъ и далнихъ путешествій въ Ишпанію и Баварію и прочія невѣдомыя мѣста; знатно, что они толко держатъ при интересѣ французскомъ господина електора Баварскаго и хотя упустили господина дуку Савойскаго, однакожде не потеряли смѣлость они и многотрудно тщатся еще въ интересъ свой его привлечь.

Недавно французы взяли у цесарцовъ крѣпость Ревѣръ, въ Италіи, близъ Остіліа.

Ежели французы не возмогутъ послать въ имперіумъ войски свои въ помощь електору Баварскому чрезъ Черный Лѣсъ, намѣряются чрезъ Шафъгбузенъ сіе учинить, городъ жвейцарскій, еже нѣкое насилство покажетъ жвейцаромъ, которыя съ той страны нѣкоторая приготовленія управляютъ, да бы воспретити проѣзду войскъ французскихъ. Жвейцаровъ вси суврены ласково держатъ и дружбы ихъ ищутъ.

Уже многажды и давно имѣлъ я честь донести вашей велѣсти, что цырюлики безъ добрыя и надежныя поруки не ѣдутъ къ намъ, а мнѣ имъ вѣрить ни по которому образу не мощно, понѣ по не малому моему злощастію ни карактѣра имѣлъ я, и государственныхъ дѣлъ не имѣлъ я щастіе управлять. А есть ли какому банкиру поручится,

надобно ему напередь денги дать всего времени, въ которомъ оныя цырюлики должны быть въ службѣ государевой, по звичайному манеру, инако бо ни единый банкеръ или купецъ не поручится; а время уже едва не прошло посылать ихъ. Оставляю всеумудрому и милостивому вашему разсужденію, что указы ваши о сихъ хѳрургахъ въ исполненіе свое не пришли до сего числа не отъ мене, какъ изволите видѣть. Уповаю во всегдашнемъ вашемъ защищеніи быти, остаюся ваша вѣлѣсти нижайшій, послушнѣйшій и должнѣйшій рабъ Посниковъ перворожденный. Изъ Парижю, въ 15 день апрѣля, 1704.

37. **20 апрѣля 1704.** [Прежнее о хирургахъ: требуется порука, я же безъ „карактѣра“]. Я яко проѣжжій простый дворянинъ являюся по многому моему безчастию и злополучію нынѣшняго моего выѣзда изъ моего отечества; хотя сія трудности не отъ мене произшедшія не произвели въ исполненіе ваши указы, однакожде бблшую приносятъ ми печаль, что недоволна мене являютъ ко изслѣдствованію сего не гораздо знатнаго и великаго дѣла; но вы сами яко многомудрїи изволите здравому сіе предать разсужденію. Уже время надстоитъ отъѣзда флотъ галанскихъ къ Архангелской пристани, и сего лѣта не мощно послать къ вамъ оныхъ хѳрурговъ, по сіе бо число отвѣту не получилъ я отъ вашей вѣлѣсти о порукѣ имъ . . .

38. **1 мая 1704.** . . . Господинъ принцепъ де Контв никакo явно не намѣряется производить хотѣніе свое ко стяжанію Полскаго престола и въ великомъ, какъ говорятъ, обрѣтается недоумѣніи, а наипаче, какъ мнѣ сказывали, по чтеніи грамматы, посланныя его величествомъ, милости-вѣйшимъ нашимъ сувреномъ, къ примасу полскому и всей полской шляхтѣ, которая отъ всѣхъ удивително здѣ читается благодѣльныхъ ради изясненіи намѣреніи его священнаго царскаго величества, которыми основанными на правѣхъ божественныхъ и человѣческихъ самыя правости

добраго сосѣдства и непремѣнно постоянныя дружбы великодушно изволяетъ возпріяти въ свое защищеніе содержаніе права вѣнценосныхъ главъ, ни отъ кого зависящихъ, токмо отъ единого вышнего надъ всѣми суверенствующаго Бога, удержати неистовую быстроту злѣйшихъ бунтовъ и научити многмятежныхъ поляковъ въ лутшемъ и болшемъ имѣти благоговѣніи оное реченное божественнаго писанія: „не касайтесь помазаннымъ моимъ“.

Недавно единый куріеръ пріѣхалъ сюды отъ кардинала примаса полскаго, съ чѣмъ неизвѣстно. Кардиналъ примасъ Радціевскій нарочитыя имѣетъ денги, здѣ въ ратушѣ положенныя, которыя каждагодно даютъ ему интересъ тритцать тысящъ франковъ; наловилъ онъ ихъ у французовъ въ тогдашнее время, егда покушался принцъ де Контъ вѣхатъ въ Польшу, и нынѣ интересъ и денги его опредѣляютъ къ неспокойнымъ начинаніямъ, сего ради вси его имѣютъ за предателя отечества своего и возмутителя публичнаго покоя . . .

39. **3 мая 1704.** . . . Здѣ промчѣся слово, что король дацкій приготовляти велѣлъ шестнадцать добрыхъ караблей продать ихъ или инымъ яковымъ образомъ дать ихъ въ служеніе его величеству, милостивѣйшему нашему суверену . . . Прибытіе единого турецкаго посла къ Москвѣ многимъ удивленіе и любопытное разсужденіе приносить . . .

40. **13 мая 1704.** . . . Король дацкой писалъ къ Рѣчи посполитой Полской, увѣщая ю ко успокоенію смущеніи произшедшихъ отъ злонамѣренныхъ и признавають здѣ склонятися двору дацкому къ интересу его величества, милостивѣйшаго нашего суверена [Напомяніе, что де Торси отказалъ въ паспортахъ для двухъ голландскихъ кораблей].

41. **1 іюня 1704.** Здѣшній дворъ конечно противень есть интересомъ короля полскаго и добрымъ окомъ взираетъ на поступки кардинала примаса полскаго и многмятежныхъ конфедератовъ: приготовленія морская бывающая

въ Дункеркѣ, яко отчасти могъ я вывѣдать, хотять я французы обратитъ и послать къ Агданску, но еще не со всякою подлинностію увѣдомленъ я о семъ. Слышится здѣ, что городъ Агданескъ еще не въ согласіи со шведами обрѣтается и не хочеть по прошенію шведовъ внити въ конфедерацію полскую и приготавливается противостати, ежели бы шведы возхотѣли принудить его насилно къ сему; сего ради, яко носится, посланы нѣкоторые депутаты отъ Агданеска къ королю прускому исходатайствовать себѣ протекцію его Не получалъ я еще честь възпріяти указы отъ вашей велѣсти о цѣрюликахъ, которыя безъ добрыя и надеждныя поруки не ѣдутъ къ намъ, яко многожды уже и давно далъ я себѣ честь увѣдомить васъ о семъ.

42. 3 іюня 1704. Имѣлъ я честь въ прошедшихъ почтахъ писати вашей велѣсти, что приуготовленіе морское въ Дункеркѣ бывающее хотять французы послать въ Балтійское море къ Агданску, но сіе неподлинно знается, а подлиннѣе признавають симъ караблемъ посланнымъ быти къ островомъ Етлантскимъ ожидать, совокупяся съ другими французскими караблями, галанскихъ караблей, изъ восточныхъ возвращающихся Индіяхъ въ Галандію, великими отячченныхъ богатствами . . . При здѣшнемъ дворѣ, какъ слышко, разговаривають, для чего москвитянинъ Постниковъ возванъ къ Москвѣ, но сіе токмо по должности моей доношо вашей велѣсти, мнѣ надобно исполнять указы ваши и дѣлать, что повелѣваете ми.

На великую силу выпрашалъ еще у господина Тесинга двѣ тысящи и сто франковъ на заплату поплинъ вещей, искупленныхъ про васъ, на пищу себѣ и брату моему, изволите пожаловать приказать заплатить ети денги корреспонденту Тесингову въ Москвѣ по моей роспискѣ. Остаюся съ респектомъ.

42 а. [Къ письму 3 іюня 1704 г. приложенъ отдѣльный листокъ, тоже руки Постникова, но безъ даты и

подписи. Приводимъ его полностію]. Всенижайши прошю
вашей веліести честь вашего заступленія и щедрюю склон-
ность милостивыхъ призравніи въ здѣ описанномъ рабскомъ
моемъ требованіи. Не возмогъ бы, мой велій защититель,
я никогда възпріяти дерзновение донести нижайши вашей
веліести о семь, о чемъ приемлю нынѣ честь предъявити
вамъ, ежели бы не зналъ я о всецѣдромъ и многомילו-
стивомъ призравніи, которое непрестанно дивнѣйши изли-
вается отъ его величества, милостивѣйшаго нашего суврена,
велиего сѣвернаго приснаго героя и прирастителя, никогда
умолчательнаго у всей послѣдности надъ тѣми, которыя
желаютъ созерцати дивная Европы; такожде ежели бы не
увѣщаль я себѣ премногую вашу милость къ себѣ, которою
уже доволное время почитаюся против моего мерита и
крайнее, и сладкоудобное разположеніе високаго вашего
разума въ управленіи первыхъ государственныхъ чиновъ,
не отъ единыя Россіи, но едва и не отъ всея Европы оче-
виднымъ удивленіемъ усмотрѣнное. Блаженніи и требла-
женніи есмы подъ управленіемъ толикаго суврена обрѣтаю-
щіяся и предводителствуеміи отъ тако достойно меритныхъ
министровъ. Есть ли ваша веліестъ благоволитъ позволить
мнѣ донести вамъ, намѣреніе имѣю съѣздить въ Римъ,
въ Италію, предъ нынѣшнимъ моимъ приѣздомъ [sic]
къ моему отечествію, въ которомъ никогда еще не
случися мнѣ быти по злощастію моему прежде сего, сей
путь въ малыя отправлю мѣсяцы и съ небольшими денгами.

43. 13 іюня 1704 ¹⁾. Мой государь, мой велій
защититель. Имѣлъ я честь прежде сего доносить вашей
веліести, что судъ адмиралской въ совѣтѣ адмиралскомъ
указаль отдать карабль нашъ, имя носящій святаго Ан-
дреа, и съ товарами, кромѣ толко товаровъ, описанныхъ
въ другомъ конесментѣ, неподписанномъ рукою карабелщи-

1) Полностію.

ковою, по указомъ королевскимъ, которыя повелѣваютъ конесентамъ неподписаннымъ рукою карабелщика ни во что вмѣняться. И понеже нашъ народъ еще не извѣстенъ подлинно о сицевыхъ указахъ королевскихъ, ни единому бывшу договору о торговлѣ между московскимъ и французскимъ народомъ, апеловали мы и перенесли сіе дѣло предъ самого короля въ совѣтъ его королевской, дабы вси неразлично тавары отданы были намъ; но не съ малымъ удивленіемъ нашихъ чаяній и всѣхъ, въ прошедшую субботу въ Версалии, самому королю присутствующу, совѣтъ королевскій морской повелѣлъ взять и конфисковать карабль нашъ и съ товарами всячески. Бывши я въ Версалии съ капитаномъ Шлейсомъ, присланномъ сюды уже съ два мѣсяца отъ Андреа Артемоновича, предъ симъ совѣтомъ за нѣкоторые дни просилъ я, что бы показано было доброе правосудіе и молилъ я господина канцлера Францускаго государьства, господина де Шамилярда, яко перваго надъ финанціями, си есть денежными приходами, и господина де Поншартрена, яко сюринтендента морскихъ дѣлъ, какъ господинъ Апраксинъ у насъ, и господина де Торсіа; вси сіи господіе пріятно отвѣчали мнѣ, что правосудіе покажется въ семъ дѣлѣ. По скончаніи совѣта королевскаго, выходящимъ изъ сего онымъ господіемъ, приступилъ я и просилъ господина де Поншартрена: „яковъ издадеся судъ о нашемъ караблѣ?“ и онъ мнѣ сказалъ, что карабль святаго Андреа со всѣми таварами конфискованъ. Я ему примолвилъ сице: „и тако, мой государь, могу я надежно и подлинно писать о сей новинкѣ ко двору его царьскаго величества?“ Паки онъ мнѣ сказалъ: „изволите, мой государь, писать о семъ, какъ я вамъ нынѣ сказываю.“ Все не могутъ выдивитися сему неправдивому суду и тако жестокому къ нашему народу.

Секретарь господина де Торсіа сказывалъ мнѣ, что господинъ де Балюсъ изъ Полши писалъ къ нимъ, что онъ отпущенъ милостиво и любовно съ Москвы со вся-

кимъ удовольствованіемъ и съ дарами, и отпускъ его былъ зѣло изрядный и порядочный. Совѣтъ королевской указалъ отдать единый карабль шведскій, взятый дюнкерскими пиратами, толко нашъ карабль конфискованъ.

Французы взяли городъ Сюзь у господина дуки Савойскаго, и огни торжественныя отправлялися здѣ въ Парижю, король заказалъ говорить въ Версаліи о взятіи сего города для мадамы дужесы Бургунскія, брюхатыя, и уже на сносѣ обрѣтающіяся. Адмиралъ Рукъ аглинскій не могъ ничего здѣлать ни надъ Барцелоною, городомъ въ Каталоніи, ниже надъ флотою гишпанскою, изъ Индіяхъ возвращающеюся, и многимъ богатствомъ отягченною, по сіе время всюду французы съ выгрышемъ предъ союзными и видится, что щастіе (ежели есть сіе въ подлунной) приковано у нихъ. Здѣшній дворъ едва и не позволилъ уже о писменной пересылкѣ съ Галандію, но не хочетъ слышать о корреспонденціи торговой. Уже здѣ денги повышены по указомъ королевскимъ, луйдѳръ по пятнатцати франковъ ходитъ, а ефимокъ по четыре франка. Двойныя золотыя и ефимки тѣ же прежнія, но токмо передѣланы на нихъ гербы или признаки, симъ образомъ многія миліоны прибудутъ въ королевскія сундуки.

Пишютъ, что городъ Агданескъ вошелъ въ конфедерацію полскую и соизволилъ выбирать инаго короля. Отъ принца де Контіа ничего явнаго не является о Полской коронѣ; чаю, здѣшній дворъ смотритъ нынѣ толко что здѣлаютъ конфедераты со возмутителемъ покоя народнаго кардиналомъ и потомъ, можетъ быть, что объявитъ себе явно съ стороны обрѣннаго короля, поне видитъ онъ, что дѣла полскія въ великомъ еще туманѣ смущеніи суть; писано было что многія сенаторы склоняются къ законному ихъ государю и королю, и палатинаты нѣкоторыя оставляютъ многоятежную конфедерацію. Остаюся всегда ваша вѣлиести, мой велій патронъ, низжайшій, послушнѣйшій и

должнѣйшій рабъ Посниковъ перворожденный. Изъ Парижю, въ 13 день іюня, 1704.

44. **22 іюня 1704.** На сихъ днехъ мадама дукеса Бургунская родила единого принца, который именованъ королемъ дукъ Бретанскій. Обычай есть у католиковъ, скоро какъ выдетъ изъ ложезнь отроча, отъ предстоящаго кардинала или архіепископа поливается с лехка водою, и сіе обливаніе вмѣняется у нихъ за прямое крещеніе, прочая церемонія ко крещенію надлежащая, си есть избраніе отца крестнаго и возпріемницы и инья помпы, послѣ бывають и великолѣпно отправляются. Погруженіе, бывшее при апостолахъ и у восточныхъ церкве соблюденное до нынѣ, премѣнися въ обливаніе отъ несносныхъ пыхи и неумѣренногорделивыхъ власти папины, которая и самое танство еucharistii суетно понови противу преданія, самимъ Спасителемъ нашимъ въ евангеліяхъ повелѣннаго и описаннаго. Сего ради рожденія весь Парижъ наполненъ уже чрезъ многія дни огнями радостными, ракетами и множайшими освѣщеніями, по окошкамъ и стѣнамъ разнофигурно стекляннымъ лампадамъ поставленнымъ и зазженнымъ, вмѣсто солнца тму ноцную прогоняющимъ. Все что надлежитъ къ отрочатѣ новорожденному, на французскомъ языкѣ ла леѣтъ, сто тысящъ франковъ стало

Имѣлъ я честь доносити прежде сего вашей веліести, что здѣшній дворъ великою злобою и противностію дышетъ на интересы его священнаго царьскаго величества, милостивѣйшаго нашего суврена, и се нынѣ сей огонь, подъ пепломъ таящійся притворныхъ политики, открыся: карабль нашъ, взятый вспѣневающими моря донкерскими, въ прошедшихъ днехъ въ совѣтѣ королевскомъ морскомъ предъ самимъ королемъ конфискованъ и со всѣми таварами отписанъ на короля. Како сіе учинися, изволите милостиво выразумѣть изъ послѣдствующаго моего доношенія. Устремляющу плаваніе свое къ Лондону, единому московскому

караблю, имя святаго Андреа Первозваннаго носящу, подъ знаменемъ и съ паспортомъ его священнѣйшаго царьскаго величества, отъ города Архангелскаго отплывшу, въ теченіи своемъ по морю взятъ сей карабль былъ джонкерскими пираты и приведенъ въ Джонкерку. Увѣдавъ о семъ неправдивомъ взятіи, господинъ посоль Андрей Артемоновичъ послалъ изъ Гаги сюды господина Шлейса, капитана морскаго, въ службѣ его царьскаго величества сущаго, которому прибывшю сюды для рекламаци сего нашего карабля, почали мы располагать сіе дѣло съ адвокатомъ по приказному поведенію, подавая въ адмиралтейскій приказъ протестацію, челобитныя, отвѣты супротивникомъ нашимъ и протчія поступки звычайныя. Господинъ посоль прислалъ ко мнѣ изъ Гаги листъ съ рекомендацію къ господину графу Даво, прежде бывшему французскому послу у Статъ Галанскихъ. Нѣкоему минувшу времени, сіе дѣло принесесе къ совѣту адмиралскому, который такій издаде судъ [повторяется рѣшеніе адмиралтейскаго суда съ мотивировкою его и возраженіе Постникова и Шлейса, что указъ королевскій не могъ быть извѣстенъ въ Россіи по отсутствію торговыхъ договоровъ между нею и Франціей]. Единый галанецъ, имянуемый Гбутманъ, отъ Статовъ здѣ пребывающій для размѣны матросовъ, съ присланнымъ капитаномъ Шлейсомъ всюду по приказамъ ходилъ, поне господинъ Шлейсъ не зналъ по французску говорить и многія труды онъ полагалъ въ семъ нашемъ дѣлѣ безкорыстно для имене токмо его священнаго величества, милостивѣйшаго нашего монарха. Прежде совѣта королевскаго морскаго былъ я съ капитаномъ Шлейсомъ и просилъ я о добромъ разсмотреніи и правосудіи сего нашего дѣла [де Шамильярда, де Поншартрена и де Торси]. Все сіи склонно и ласково (едва бо не все французы словами по шерсти гладятъ, а дѣлами противу шерсти) отвѣчали мнѣ, что правосудіе покажется [отвѣтъ де Поншартрена по окончаніи королевскаго суда]. Мало является такое кривосудіе противу права народнаго; отъ

какой причины король подвигся къ сему, лутчи мене вы изволите, чаю, вѣдать, я бо не знаю, чего у васъ требоваль посланникъ французской.

Въ пасѣ, данномъ капитану Штейсу ѣхать назадъ въ Галандію, его величество, великій нашъ государь, помянуть токмо грандукою; нарочно ѣздилъ я въ Версалію и говорилъ господину де Торсію о семъ непристойномъ титулѣ, велѣлъ онъ написать въ мѣсто грандуки царь московской и говорилъ мнѣ, что не дастся здѣ у нихъ титулъ величества царю московскому, кромѣ онаго: царь Московскій.

45. 1 іюля 1704 ¹⁾. [Повторяется рассказъ о неудачныхъ хлопотахъ во французскихъ судахъ о возвратѣ карабля „св. Андрей Первозванный“]. Показанія, что сей карабль московскій есть и ни по которому образу не покрытъ именемъ московскимъ нарочно, но истинно и не притворно принадлежащій подданнымъ его священнѣйшаго величества, великаго государя и царя московскаго, пренебрегома явишася въ совѣтъ королевскомъ морскомъ, самому присутствующу королю во ономъ. Присутствіе королевскія особы въ семъ же и тоемжде совѣтѣ не удержавскі правосудія въ равности, зане единый карабль шведскій, пираты же взятый французскими, отданъ назадъ шведомъ, по прошенію посланника шведскаго, со всеми товарами, и сей карабль не шведской былъ, но гамбургской подъ именемъ шведскимъ и несравнительно подлежалъ конфискаціи, яко непріятельскій, неже нашъ. Изволите видѣть, како открытымъ лицомъ здѣшній дворъ ласковую приклонность оказуетъ шведомъ, а не намъ, и дѣйствуетъ безстыдно противу народнаго права, яко юристы говорятъ . . .

Отвсюду пишють, что войски его величества, милости-вѣйшаго нашего суврѣна, въ тѣсной и крѣпкой осадѣ имѣють Ругодевъ и Юреливонской гѣроды, писася уже что

1) Помѣта: „Принято съ почты отъ Города сентября въ 6 день“.

Нарва взята. Дай Боже всемогущий, небесное свое благословеніе праведному оружію великороссійскаго благочестивѣйшаго нашего великаго государя и низпосли свыше ему перуны достойнаго отмщенія надъ клятвопреступными шведы. По всякій часъ ожидаю сія радостныя вѣсти, тако достойныя великаго нашего сѣвернаго героя, приснаго прирастителя Россійскаго імперіа.

На сихъ днехъ Андрей Артемоновичъ прислалъ сюды единый листъ къ господину де Торсію о караблѣ нашемъ конфискованномъ неправедно. Въ Версаліи былъ я вчерашнего дне и говорилъ господину де Торсію сицевыми словами: „мой государь, изволите пожаловать сказать мнѣ, остается ли яковая надежда намъ о караблѣ нашемъ взятомъ и можемъ ли еще ожидать возвращеніе сего отъ благи и правосудія королевскаго? Есть ли сей нашъ карабль не отданъ намъ, для того что недоумѣвался о семъ, не былъ ли онъ галанской и не носилъ ли имя московское притворно, уже противное показася силными доводами и смѣлъ бы я обнадежить васъ моею жизнію, что онъ московской, у города Архангелскаго построень и подданнымъ его царьскаго величества принадлежащій, и въ совѣтѣ королевскомъ морскомъ не право и не подлинно донесено его величеству королевскому о семъ караблѣ; ежели оный конфискованъ для иныхъ причинъ, тогда не могу я внити въ разсужденіе и оныя причины не довлѣтъ мнѣ упоминати“. На вся сія моя слова господинъ де Торсіи отвѣчалъ мнѣ сицевыми краткими и студенными словесы: „Мой государь, сіе дѣло уже судися.“ Не знаю, для чего, какъ я усмотрѣлъ, здѣшній дворъ зѣло противень намъ, едва хотятъ слушать, уже болши нѣчего дѣлать здѣ о нашемъ караблѣ, вездѣ отказъ, и по видимому нарочно оказали господіе французы такую наглость къ сторонѣ нашей.

46. 16 іюля 1704. Куранты французскія изъ Галандіи пришедшія явили намъ побѣду войскъ нашихъ

надъ шведами, съ девяносто побито ихъ отъ нашихъ и генераль Шлипенбахъ убитъ, багажъ шведскій взятъ. Непреставо писма изъ Лифлянтъ возвѣщаютъ, въ крѣпкой осадѣ содержимымъ быти Нарвѣ и Дерпту отъ войскъ нашихъ, но еще всерадостная вѣсть подлиннаго взятія сихъ городовъ по сіе число оставляетъ мене неизвѣстна, не токмо дни, но и часы должайшія кажутся мнѣ въ ожиданіи сицевыя новины. Приведи, Боже, вышній, во исполненіе намѣренія всемилостивѣйшаго нашего помазаннаго и суверена . . .

Изъ Царягорода чрезъ Венецію писася, что въ Константинополѣ гвардіа турецкая отнята отъ двора посла нашего, еже признавають въ знакъ, что Порта хочетъ пребыти въ добромъ согласіи со дворомъ московскимъ, и истинно приписателно особливому Божию предвидѣнію надъ христіанскими потентаты, ежели всегда въ нынѣшня нестроенія благоволилъ удержати варварское сердце турокъ отъ войны, довольно и надстоящее крѣпкое проносное христіанскому миру отъ самихъ христіанъ бываемое и отъ недовѣдомыхъ судебъ Божіихъ позволенное для очищенія злонепотребныхъ излишностей христіанскихъ; просителный вышній врачъ, дабы сіе мѣрнополезное проносное не обратилъ въ непрестанную діаррею (теченіе беамѣрное низомъ); могущую обезсилити здравое состояніе христіанства, и изходатайствовать нѣкое дебелоколеблемое и неистовое мнѣніе о святѣйшей вѣрѣ и о благодати предвидѣнія вышнего Бога.

Не смѣю дерзнути донести вашей велѣсти, мой велій патронъ и крайній благодѣтель, токмо съ нижайшими прошеніями и моленіями моими усерднѣйшими вамъ, моему государю, что бы вы изволили пожаловать всемилостиво призрѣть и природнымъ вашимъ острымъ умомъ добросклонно разсудить о моемъ желаніи, о которомъ възпріемлю честь всепокорнѣйши донести нынѣ сицевымъ образомъ: изволили вы, мой государь, многожды со многимъ моимъ стонаніемъ и неудовольствованіемъ слышать отъ мене, что я по моему злощастію въ моихъ путешествіяхъ не сподобился видѣть

славный Римъ въ Итали и нѣкоторыя началншія сея гброды. Егда его величество, милостивѣйшій нашъ государь, отъ премногія своея милости не по моему мериту, изволилъ позволить мнѣ честь, самоустнѣ мене спрашивая о моихъ путешествіяхъ, тогда я многожды съ тождую болѣзнію имѣлъ честь низжайши донести его величеству, никогда мнѣ не бывшу въ ветхомъ Римѣ. Изволите вѣдать вы, что егда былъ я въ послѣднія поры въ Венеціи и имѣлъ намѣреніе съѣздить въ Римъ, отвращень я былъ отъ сего моего намѣренія указомъ его величества, который повелѣвалъ мнѣ быть при договорѣхъ Карловическихъ. Нынѣ, не имѣя иный указъ я отъ васъ токмо возвратитися къ Москвѣ, всенижайшій прошу вашу вѣлѣсть милостією своею пожаловать иъ звычайнымъ вашимъ защищеніемъ (подъ которымъ моя особа всегда имѣетъ честь быти) его величеству примолвить, между иными тящайшими дѣлами и о семъ моемъ намѣреніи, которымъ нѣкоторыми токмо мѣсяцы продолжится мое прибытіе къ Москвѣ; по семъ не мешкавъ устремлю путь мой къ Москвѣ сухимъ путемъ, аще возможно на Кіевъ. Съ наибольшимъ низжайшимъ моимъ прошеніемъ прибѣгаю къ вашей вѣлѣсти, яко присномилостивому моему вѣліему защителю, благоволилъ призрѣть на прошеніе.

47. **26 іюля 1704** ¹⁾. . . Съ не малою жалостію недавно увѣдалъ, что семь почтъ московскихъ пришло въ Галандію вкупѣ, и сіе непостоянное почтъ теченіе многое приносить мнѣ недоумѣніе, всѣ ли въ цѣлости мои писма отданы вашей вѣлѣсти, однакожде уповаю хотя нѣкоторымъ отданнымъ быти.

О славныхъ и высокодостойныхъ произшествіи оружіи его священнѣйшаго величества, всемилостивѣйшаго нашего суврена, на шведы тріумфующихъ въ Лифлянтахъ тако, толико приватныя грамматики, елико и куранты разглашаютъ

1) Помѣта: „Съ почты въ Нарвѣ принято сентября 8-го дня 1704 г.“

здѣ: На озерѣ Пейпійскомъ войски московскія взяли 15 шкутовъ шведскихъ съ пушками и съ людьми, сію побѣду и господинъ посоль изъ Гаги пожаловаль подтвердилъ мнѣ; писано въ курантахъ было, что вицеадмираль шведской Нюмерсъ зашегши свое судно, возлѣте на воздухъ. Нарву, Ревель и Дерптъ жестоко бомбардировали наши, и чаемъ здѣ при помощи Вышнего, что Нарва и Дерптъ уже нынѣ взяты. Единный деташментъ нашъ подъ Ревелемъ шесть сотъ шведовъ побилъ и 160 въ полонъ взялъ, который одѣтый въ платіе шведское со знаменами шведскими, каждый драгонъ имѣяй на пахвяхъ одинаго салдата, намѣрялся сицевою стратагемою въ Ревель войти, но, шведомъ поднявшимъ мостъ, отступилъ чинно. Писано было, что Борисъ Петровичъ, генералисимусъ нашихъ войскъ, совершенную одержа побѣду подъ генераломъ Шлипенбахомъ между Нарвою и Дерптомъ, взялъ багажъ шведской отъ нашихъ, наметы, припасы воинскія, пушки и 32 офицеровъ въ полонъ взято, а самъ Шлипенбахъ безвѣстно пропалъ на семъ бою. Нѣкій вицеадмираль шведскій перешелъ служить нашему великому государю. Господинъ Вишневецкій близъ Биржи 700 шведовъ побилъ.

Изъ Полши пишють, что король шведскій съ нѣкоторыми войски приступивъ къ Варшавѣ, лично принудилъ нѣкихъ конфедератовъ обрѣть въ королѣ воеводу Познанскаго, изъ фамиліи Лещинскихъ, противу намѣреній примаса кардинала и собранейца варшавскаго, которое уже протестовало противъ сего избранія. У господіевъ поляковъ истинно отправляются трагедіи и комедіи и въ сицевыхъ зрѣлищехъ многобѣдствуетъ ихъ не токмо золотая волность, но и нынѣшняя мѣдная.

Пишють, что король полской съ 50000 добрыхъ войскъ имѣетъ нашихъ, саксонскихъ и полскихъ, съ которыми, всѣ чають, ему не токмо возпротивитися шведомъ, но и наступателно противо ихъ дѣйствовать. . . .

Въ прежднихъ моихъ имѣлъ я честь доносити вашей

велѣсти, что бунтовщики французы, называемыя при здѣшнемъ дворѣ фанатики, покорилися королю французскому; правда, что нѣкія вожди ихъ принесли вину королю, но послѣ многія началншія изъ нихъ не хотѣли покоритися, знатно обнадежены они отъ агличенъ и галанцовъ помощію яковою. И тако еще не преста междоусобная во Франціи война; господинъ маршалакъ де Вилляръ съ нѣкими королевскими войски и донинѣ обрѣтается въ Лангедокѣ и Севенѣхъ, не возмогая ихъ укротити. Сія реформаты всегда были и будутъ Франціи, яко огонь подъ пепеломъ таящійся; тайныхъ и скрытыхъ реформатовъ здѣ безконечное число, яко самъ я усмотрѣлъ, въ третіе поры уже во Франціи обрѣтающійся. Цесарскія войски вышли изъ Итали и збираются близъ Трента.

Господинъ посоль Венеційскій, уже болши года здѣ пребывающій, еще не имѣлъ публичнаго въѣзду въ Парижъ за нѣкими разностями междо здѣшняго двора и республики; хотя сія разности и не великія, но Рѣчь посполитая хочеть сохранить сувренство свое, довольно и того, что случися республики Генувейской, которая дожа своего прислала въ Версалію прощенія просити. Единный домовный служитель посла французскаго, въ Венеци пребывающаго, продавалъ хлѣбъ въ ливреѣ посла, котораго по указу республики Венеційскія въ тюрьму посадили, посоль французскій за безчестіе себѣ поставилъ. Здѣшний дворъ зѣло великою гордостію и уничиженіемъ къ другимъ дворамъ государей наполненъ, никого ни во что ставятъ; явный сему образъ есть конфискація карабля нашего и отвѣтъ господина де Торсіа мнѣ данный, что во Франціи не дастся титуло величествіа великому нашему государю, но толко царя московскаго, егда я ему говорилъ, что въ паспортѣ, данномъ капитану нашему Шлеусу, имяновано высочайшее имя милостивѣйшаго нашего государя токмо грандукою; уже я пространно доносилъ вамъ о семъ,

едва могу снести отъ ревности моея сію бездѣльную пыху французовъ.

48. **3 августа 1704** ¹⁾. Изъ Парижю, въ 3 день августа, 1704. Мой государь, мой велій защититель. Еще не получили мы подлинную вѣдомость о взятіи Нарвы и Дерпта триумфующими нашими войски въ Ливоніи, всегда ожидаю сію всерадостную вѣсть; недавно писано было, что Дерптъ уже взятъ жестокиѣмъ приступомъ и гварнизонъ его не пощажденъ отъ воинскаго великороссійскаго меча, и Нарва при дверехъ капитулаціи обрѣталася. Дай, Боже вышній, и благослови праведное оружіе православнаго и августѣйшаго нашего суврена.

Отъ собранейца варшавскаго господинъ Лещинскій обранъ въ короли полскія подъ мушкетомъ шведовымъ; кардиналъ примать полскій покушался продолжить обраніе, чаю, хатя дати время здѣшнему двору для поисканія короны Полскія принцу де Контію, къ сему кардиналу отсюды многія куріеры посылалися.

Господинъ посоль венеційскій сказывалъ мнѣ, что писали къ нему изъ Венеціи, что турки строятъ единую крѣпость на усти Днепровскомъ, что Рѣчь посполитая Венеційская всегда обнадеживается отъ Порты добрымъ содержаніемъ мира постановленнаго и что разности нѣкія, зашедшія междо здѣшнимъ дворомъ и Рѣчю посполитою уже окончались, и вскорѣ онъ учинитъ публичной вѣздъ въ Парижъ.

Французы взяли въ Савои крѣпость изрядную Версель, король указалъ разрушить фортификаціи сея крѣпости, которыя въ нѣкія миліоны стали господину дукѣ Савойскому, знамены многія цесарскія и савойскія, въ день благодарственнаго молебна о взятіи сея крѣпости, носи-

1) Полностію. Помѣта: „Принято въ Нарвѣ 1704 г., сентября въ 18 день.“

лися по улицамъ Парижа народно, цесарскія гораздо разбдраны были, сія знамены взяты были въ Версель. Поговариваютъ, что господинъ дукъ Савойскій починаетъ паки прихрамлевать къ сторонѣ союзныхъ; но еще не по-длинно сіе обносится.

Маршалакъ де Далардъ французскій совокупился съ електоромъ Баварскимъ; что произведетъ сіе соединеніе, еще неизвѣстно, союзныя въ Германіи гораздо сильны и во многихъ войскахъ; чаялъ бы я рѣшенію нѣкоему явиться изъ Германіи блѣши, неже изъ Гишпаніи или изъ Фландріи, нынѣшнія войны, понеже блѣшая и сильная война тамо есть. Господинъ дукъ Баварскій никогда не осмѣлится бой дати союзнымъ, для того что, есть ли онъ выиграетъ сей у нихъ, союзнымъ войскомъ есть куды отойти и въ сохранномъ останется мѣстѣ; а ежели дукъ Баварскій потеряетъ бой и союзныя выиграютъ, нѣкуды ему отоити токмо въ Жвейцары, и то зѣло трудно, отъ всѣхъ бо странъ путь ему прегражденъ. Сколко сему електору ни держатися при интересѣ французскомъ, наконецъ по запустошеніи своего владѣнія принужденъ будетъ къ воспріятію интереса общаго союзныхъ, понѣ имперіумъ починаетъ, аще мощно тако рещи, ворошиться и принцепы сего ясно видятъ, что електоръ Баварскій не противу токмо цесаря, но и противу имперіа дѣйствуетъ, и егда вси суврены имперіа не по конѣцъ рукъ, какъ говорятъ, стануть помогать цесарю, французомъ не удержатъ при себѣ сего електора, и златыя лудовики недѣйствителны явятся.

Имѣлъ я честь многожды доносити вашей вѣлести, въ какой противности лежитъ здѣшній дворъ къ нашей сторонѣ: какъ я усмотрѣлъ, шведа лелѣетъ, и посланикъ шведскій, чего ни требуетъ при здѣшнемъ дворѣ, удобно получаетъ. Вещи изкупленныя мною здѣ посланы уже къ городу Архангелскому и тѣ, которыя прошлаго лѣта не посланы за задершкою въ Лило, крѣпости галан-

ской, посланы къ Городу же нынѣшняго лѣта. Всенижайши вашей вѣлѣсти, мой присный благодѣтель и вседобрый защититель, благодарствуя благодарствую и челомъ бью за присланіе тысячи ефимковъ.

Имѣль я честь всенижайши просить вашу вѣлѣсть о милостивощедромъ прирѣвніи на мое желаніе, которое нѣкоторыми толко мѣсяцы умедлитъ пріѣздъ мой къ Москвѣ, единымъ путешествіемъ въ Римъ, въ Италію, въ которомъ никогда не бываль я еще и въ который любопытіе мое предпосылаетъ мене на сихъ недѣляхъ; и паки всепокорнѣйши прося васъ, мой государь, о милостивомъ предстательствѣ у его величествіа на сіе мое начинаніе, вѣчно пребываю и пребуду ваша вѣлѣсти, мой патронъ, низжайшій, покорнѣйшій и должнѣйшій рабъ Посниковъ перворожденный.

49. **20 августа 1704** ¹⁾. Мой государь, мой велій защититель. Уже извѣстная вѣдомость получена здѣ, что славная оружія его величествіа, милостивѣйшаго нашего суврена, возтріумфовали взятіемъ города Дерпта, и съ часа на часъ ожидаемъ вѣдомостей болшаго и знатнѣйшаго еще триумфа надъ Нарвою, которая въ тѣсной и крѣпкой осадѣ содержится; здѣ разглашается по писмамъ отъ сѣвера, что и Нарва уже взята, дай Боже подлинно слышать о семъ намъ.

Здѣ обносится что генераль шведскій Шлиппембахъ вовсе побить отъ нашихъ съ 7000, артилеріа его и обозъ взяты; еще что саксонцы въ Полшѣ побили 3000 шведовъ. Всюду же разглашается о пришествіи многочисленныхъ войскъ московскихъ въ Полшу, толико московскихъ, елико и казацкихъ, которыя его величествіе отъ героическаго своего великодушія изволилъ послать въ помощь законнаго короля полскаго, еже со многимъ удивленіемъ

1) Полностію. Помѣта: „принято въ Питерсбургѣ, октября въ 25 день.“

отъ всѣхъ потентатовъ Европскихъ созерцается. Здѣшній дворъ радостно принялъ вѣсть о нововыбранномъ королѣ подѣ мушкетомъ шведскимъ. Все что шведы дѣлають, чаю, по наущенію здѣшняго двора дѣлають, и чаялъ бы я, что нѣкія первыя особы при королѣ шведскомъ закуплены и ослѣплены денгами французскими, зане война полская прибылна интересу французскому, которымъ быть бѣло войскомъ въ цесарской службѣ, полскими нестроевыми забавлены въ Польшѣ, съ немалою трудностію вѣриль бы я, что бы, пребывая въ дружбѣ съ французы, мощно найти себѣ прибыль, господіе французы первыя ввести кого въ неумѣренныя замыслы, первыя и оставить, яко вся Европа уже искусствомъ своимъ усмотри.

Чаю, что вы изволите вѣдать подлинно о великой и совершенной побѣдѣ, которую вышніи союзныя обдержали въ Гогстеть надѣ французы и баварцы; сказываютъ ¹⁾, что союзныя съ 17000 побили и съ 17000 въ полонъ взяли французовъ и баварцовъ, между которыми маршалакъ де Талардъ французскій, и везуть его въ Англію съ многими иными знатными офицеры, взятыми на семъ тако славномъ бою. Господіе французы повѣся голову слышать сія вѣсти и во все нынѣшнее королевствованіе не было еще такого безщастія, не напрасно союзныя отбѣлили французовъ въ Германіи. Союзныя взяли въ проходѣ Гибралтарскомъ городъ испанскій, сказываютъ, что бой былъ между флотами союзныхъ и французскою, но обстоятельство еще сего боя не знаемъ. Король французскій дукъ Мантуанскому шпагу подарилъ въ 50000 ефимковъ, сей дукъ вскорѣ отъѣзжаетъ отсюда. Пишуть, что войски цесарскія паки вошли въ Италію на помощь дуки Савойскому. Французы намѣряются осадить еще крѣпость дуки Савойскаго, Иврѣ. Союзныя хотять осадить Ландау. Улмъ изпраждень.

1) Не ругаемся за правильное чтеніе этого слова. Е. Ш.

Имѣлъ я честь донести съ низжайшими моими благодареніями вашему изяществу о тысящѣ ефимковъ, которыя принялъ я здѣ, и употребилъ я ихъ на пошлины и провозы вещей, купленныхъ и отосланныхъ уже къ городу Архангелскому, такожде на пищю съ братомъ моимъ. Въ прошедшихъ моихъ писмахъ возпріалъ я дерзновеніе все-низжайши просить защищеніе и милостивое призрѣніе вашей вѣлести на мое любопытное начинаніе, которымъ предпосылаюся на сихъ днехъ съѣздить въ Римъ предъ пріѣздомъ моимъ къ Москвѣ, въ которомъ никогда я не бывалъ, въ краткое время управлю сей путь и малыми изживеніями, ѣдучи назадъ изъ Италіи на Парижъ, поѣду въ Галандію. Ежели изволите приказать мнѣ что исправить въ Парижю, буду ожидать вашихъ указовъ, пребывая вашей вѣлести низжайшій, покорнѣйшій и должнѣйшій рабъ Посниковъ перворожденный. Изъ Парижю, въ 20 августа, 1704.

50. 11 апрѣля 1706 ¹⁾. Мой милостивый государь, мой велій патронъ. Послѣ какъ ваша велѣсть изволили тако щедро позволить мнѣ честь вашего защищенія, всегда я низжайши призналъ и признаваю всемилостивая ваша призрѣнія туне и великодушно засвидѣтелствованная моей особѣ не по моимъ меритамъ; осмѣливаюся и нынѣ увѣщевать себѣ послѣдованіе неперемѣнное доброхотія и всякія милости отъ васъ такъ великаго господина и министра; зѣло славно и всехвално вашей велѣсти жаловать тѣхъ, отъ которыхъ ничего не чаете, ни ожидаете, такія мысли и намѣренія истиннаго христіанства.

Надѣяся на сію вашу ко мнѣ прямую милость, еще дерзаю докучать вашей велѣсти и покорнѣйши просить ю, дабы оставленъ былъ я при аглинскомъ дворѣ или при яковомъ изъ италіанскихъ за дѣломъ и для соблюденія

1) Полностію.

интереса его величества съ характеромъ или посланничемъ или и резидентовымъ, какъ изволите, котораго достоинъ я, вашему многоумному разсужденію оставляю.

Чего прошу и о чемъ всенижайши умоляю вашу велість, гораздо, яко видится мнѣ, пристойное есть моимъ лѣтамъ, воспитанію, малому вѣденію, которое Богъ благоизволилъ дать мнѣ, и полезное интересу государству и государственному; трудно могъ бы я вѣрить, что и вы, мой защититель, тожде не признали бы, подлинно знаю, что здравое и многоискусное ваше разсужденіе такожде будетъ судить о моемъ требованіи; развѣ только изволеніе монаршеское его величества не будетъ на сіе, которое будетъ яко облакъ по Іереміи пророкѣ, сквозь которой моя прошенія и желанія не пройдутъ, сіе припишу въ великое безчастіе мнѣ, яко недостойному служить его величеству въ чинѣ тако честномъ и надобномъ ему, великому государю, и государству. Никогда не могу оплакати доволно время послѣднего моего пребыванія въ чужихъ краяхъ, не полезное и не принезшее мнѣ лутчее состояніе, которое, едва показалось, тотчасъ какъ паки скрылось. Оле наглыхъ премѣнъ и изпроверзающихъ нечаяно вся подлунная!

Изволите пожаловать позволить мнѣ и сіе еще донести вашей велісти: когда былъ я при васъ, многожды всепокорнѣйши просилъ я васъ, моего особливаго патрона, что бы посланъ былъ я за какимъ дѣломъ государевымъ, еже по милости вашей и учинися, послѣ по многому моему безчастію сіе дѣло здѣланное премѣнися, не знаю, не могу поять какія ради вины. Нынѣ покажите заступленіе ваше и изволите благоволилъ помѣшать сіе премѣненіе, всенижайши умоляю и ввѣряю всего мене въ крѣпкое ваше защищеніе, надѣяся, что изволите по возможному произвести въ дѣло у его величества сіе мое тако благословное желаніе, лицеzemно прошу ваше предстательство, ежели воз-

можно мене оставить за дѣломъ государевымъ, надъ всѣми сими буди воля ваша, а найпаче его величества.

Не хотѣлъ бы я умолчати и то, что моя плохопотребная особа болшую ползу принесетъ въ чужеземствѣ его величеству и интересу государственному, есть ли бы не имѣлъ я честь знать острый вашъ умъ и многое вѣденіе; истинно ваша велѣсть знаетъ все, что хочю или хотѣлъ бы доносить ей, ничто бо не убѣгаетъ отъ остроты вашей.

Ни деревень, ни придатковъ не желаю, толко служить въ чину честномъ и потребномъ всячески. Есть ли бы оставленъ я былъ за дѣломъ, отъ жалованія присылаемаго ко мнѣ, ни копейки могъ бы я имѣть своей нуждѣ, но все употреблено бы было на честное и не гнусное житіе; изволите отъ сего видѣть, что за излишними денгами для моего особливаго приобрѣтенія не гоняюся, слава Вышнему, пренебрегаю ихъ, весьма устремляя моя намѣренія и покушенія къ честному и полезному услуженію его величеству, милостивѣйшему нашему государю, и государственнымъ публичнымъ интересомъ и дѣламъ. Не могу и сіе пропустить: отецъ мой государь уже давно вѣрно, честно, безъ всякаго порока служилъ блаженныя памяти отцу и брату его величества и самому его величеству, едва и повседневнаго свободнаго хлѣба не лишается, повышенія чина и не упоминаю, безъ всякаго воздаянія оставленъ и пренебреженъ, хотя я и трикратно имѣлъ честь низжайши мое доношеніе предпоставить его величеству о службахъ его тако многихъ и знатныхъ и прошать каждодневный нарочитый ему хлѣбъ и самую нуждную пищу, особливо въ Нюхченской пристани при отъѣздѣ моемъ, толко не плача за нѣкоторыми лишними въ головѣ моей рюмки Симеона аглинскаго тогда курящимися. Всемилоливо тогда его величество изволилъ призрѣть и молвить: „добро“; но по великому злощастію нашему, никогда отъ насъ неотступающему, по сіе время сіе его монаршеское премилосердое слово ни въ добро, ни во благо наше не произведется. Упо-

миная сія, никако рапцю съ древними неистовыми евреями, не употребляю съ ними пословицу оную, самимъ запрещенную Богомъ въ пророчествіяхъ Езехіиля и Ереміа: „отцы наши квасный виноградъ ядоша, и зубы дѣтей отехоша“, хотя и гораздо чювствую я оскомину прискорбныхъ скудости отца моего государя, однакожде хочю служить его величеству и внѣ моего отечества, жадаю наслѣдствовать его чинъ, а не безчастіе, яко уповаю. Низжайши прошу вашу веліестъ не негодовать на мене, для того что во всѣхъ моихъ писмахъ упоминаю о государѣ моемъ батюшкѣ: не возможно иначе моей совѣсти и сыновней должности молчати, зане премногія вѣрныя, безпорочныя внутри и внѣ государства честно отправленныя его службы, достойныя безсмертнаго возпоминовенія и щедраго воздаянія, не послѣднее имѣющія мѣсто въ архивахъ канцеляріи посолскія и иныхъ многихъ европейскихъ канцелярій, по сіе время въ темнотѣ скрываются, презираются, будто и не бывали; весма всякими образы надобно мнѣ говорить и писать о услуженіяхъ, коронѣ Московской учиненныхъ отцемъ моимъ государемъ, и приписывать ихъ въ немалую славу мнѣ, имѣющему честь быти сыномъ его.

Уповаю, что правость вашего сердца и здравое рассужденіе не будетъ принимать вся здѣ мною доносимая вашей веліести въ иной разумъ, токмо въ той, въ которомъ прямою истинною безъ прикрасы краснаго слова пишу и искренно безъ притворности изьявляю моѣ мысли: инаго ничего требовать не могу нынѣ; толко подпору вашего защищенія, междо лутчими моими счастіями буду имѣть предстательство ваше, которое съ респектомъ всякимъ желая желаю и всегда ожидаю. Вашея веліести, мой патронъ, низжайшій, послушнѣйшій и должнѣйшій рабъ Посниковъ перворожденный. Въ 11-е апрѣля, 1706, изъ Парижю.

51. **9 мая 1706.** . . . Пишутъ отовсюду, что его величество изволилъ итти въ Петербургъ и что войски

наши оставившія Гродно благополучно соединилися съ другими войски.

О чемъ и прежде сего и нынѣ низжайши просилъ я и прошю вашу велиестъ пожаловать призрѣть на мое требованіе и милостиво произвести е въ дѣло у его величества: бблшая полза государю и государственному интересу будетъ, есть ли изволите вы мене оставить при аглинскомъ или при другомъ изъ италіанскихъ дворовъ, неже мнѣ самому. Вся сія ваше остроумное разсужденіе добрѣ вѣдаетъ, толко ваше щедрое защищеніе изволите позволить оному, которая [sic] всегда со всякимъ респектомъ желаетъ имѣть честь быть подъ нимъ.

б) П. П. Шафирову.

52. **10 ноября 1707.** . . . Прошу низжайшій васъ, моего государя, пожаловать забвенію не предать прошеніе мое, которое послалъ я чрезъ многія мои писма къ вамъ, ожидая ожидаю честь вашего отвѣта на оное и остаюся, мой государь, низжайшій и послушнѣйшій рабъ вашъ Посниковъ перворожденный.

53. **20 ноября 1707** ¹⁾. Мой государь. Почасту даю я себѣ честь писать къ вамъ и посылать новины, обносящіяся здѣ чрезъ господина Вандербурка, резидента нашего въ Гагѣ пребывающаго, не вѣдаю еще, доходятъ ли мои писма до васъ, изволите пожаловать увѣдомить мене о семъ.

Прошю низжайши еще васъ, моего государя, о моемъ дѣлѣ, изволите пожаловать помочь дать мнѣ и дружелюбное показать предстательство ваше при его величествіи о моемъ прошеніи, которое есть, осмѣлюся молвить, надобное его величества интересомъ, и по нынѣшнему управленію

1) Полностію.

при нашемъ дворѣ всенадобное. Правда, что для резиденціи при иностранныхъ дворахъ инья множайшія есть изъ природныхъ подданныхъ его величества, которыя лутчи и умнѣ снесли бы мене оное дѣло, однакожде, мой государь, хотя бы я и не вовсе доволенъ былъ соблюсти интересы государственныя при другихъ дворѣхъ, поне по возможному моему покусился бы и потщился бы я быти достоинъ къ остереганію дѣлъ государевыхъ, и подражалъ бы отца моего государя, которой тако вѣрно, честно и безприбыточно служилъ многимъ нашимъ государемъ, есть ли бы указъ государевъ состоялся быть мнѣ гдѣ, служеніе мое простиралъ бы я яко и протчія. Не презрите, прошю вашу милость, моего благодѣтеля, сіе мое прошеніе, вспомогайте ми оными образы, которыя вѣдаетъ ваше многое искусство. Прошу, мой государь, пожаловать послать сію мою здѣ вложенную къ государю моему батюшкѣ. Ожидая честь вашего отвѣта, неотступно остаюся, мой государь, низжайшій и покорнѣйшій вашъ рабъ Посниковъ перворожденный. Изъ Парижю, въ 20-е ноября, 1707 г.

54. 1 марта 1708. Мой государь, мой велій благодѣтель. Имѣлъ я честь получить два ваши писанія изъ Минска, декабря въ 12 день и генваря въ 9 день написанныя, за которыя зѣло благодарствую вамъ, моему государю и благодѣтелю; я весма доволенъ здравыми и основательными совѣтами, которыми вы изволили почтить мене, низжайши прошю васъ, моего государя, простить мнѣ, что нынѣ пространно не отвѣчаю вамъ, на сихъ днехъ исполню должность мою. Изволите пожаловать безъ укосненія времени приобщить его величеству новину шкоцкую ¹⁾, чрезвычайная бо есть и достойная скорости французскія . . . Братъ мой отдаетъ вамъ низжайшій свой поклонъ . . . Изъ Парижю, въ 1 день марта по с. к., 1708.

1) „Шкоцкая новина“ — дѣло шло о намѣреніи Стюарта, претендента на Англійскій престоль, сдѣлать высадку съ войскомъ въ Шотландію.

55. **3 апрѣля 1708** ¹⁾. Мой государь. Благоволите принять такія новины, какія могу вѣдать, возмогъ бы я и лутшія вывѣдать, но по многому моему злощастію пешкомъ брожю; трудно и непригожо въ дома господъ пословъ и посланниковъ и прочихъ нарочитыхъ людей безъ корѣты входить. Есть ли бы имѣлъ я маленькой экипажъ, чаю, не остался бы я предъ иными въ сообщеніи новинъ многихъ и подлинныхъ. Мнѣ нынѣ не до корѣтъ стало: ожидаю денженцы на прямыя моѣ нуждицы отъ отца моего государя, которому мощно ли и прислать ихъ ко мнѣ отъ недостатковъ его многихъ! Всему двору нашему извѣстно, что отецъ мой государь не пожалованъ, богатъ и пребогать онъ службами, а не деньгами. Приемля честь поздравить васъ сердечно и обнадежить мене вашею любовію, присно пребываю, мой государь и благодѣтель, нижайшій и послушнѣйшій рабъ вашъ Посниковъ П. Изъ Парижю, въ 3 день апрѣля, 1708.

Приложеніе II.

Письма графа Г. И. Головкина П. В. Постникову ²⁾.

1. **25 января 1710** ³⁾. Мой господинъ: Вашей милости письмо отъ 8 апрѣля прошедшаго 1708 г. я того жъ получилъ, по которому все что вы жѣлали и исправлено, и впредь то пришлетца, въ чемъ пространнѣе ссылаюся на письмо къ вамъ господина посла князя Долгокурова, которому по указу велено къ вамъ писать.

1) Полностію.

2) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Сношенія съ Франціей 1710 г.: „Отпуски писемъ (вмѣсто рескриптовъ) канцлера графа Головкина къ находившемуся въ Парижѣ дворянину Петру Постникову“.

3) Полностію.

Сверхъ того пишу къ вамъ по указу моего всемилостивѣйшаго суверена, дабы ваша милость потрудился, сыскаль во Францыи такого огородника, которой бы могъ, изъ огородъ и изъ лѣсовъ большіе деревья вынявъ, изъ земли и инструментами оныя перенести на другое мѣсто. А сказываютъ, такихъ инвенторовъ во Францыи довольно число обрѣтается, а сколько ему потребно будетъ на выездъ денегъ, и оныя изволите ваша милость взять у господина Матвѣя Поппа въ Амбургѣ, х которому о томъ при семъ письмо посылаю. Изволь въ томъ потрудитца, чтобъ тотъ огородникъ конечно поспѣлъ къ Москвѣ или въ Петербургъ къ пересадкѣ деревъ къ нынешней веснѣ. Къ службѣ вамъ готовый графъ Головкинъ. Изъ Москвы, генваря 25 дня, 1710.

2. **25 января 1710** ¹⁾. Мой господинъ. Уже предъ давнимъ временемъ я ваше писаніе отъ 8-го апрѣля 1708 г. получилъ и по оному его царскому величеству, всемилостивѣйшему моему государю, доносилъ, которой то ваше доброжелательное къ службѣ его величества намереніе принялъ милостиво, и уже и давно бы прислана была къ вамъ желаемая комисія, что быть при дворѣ его королевскаго величества французскаго отъ его царскаго величества резидентомъ, но тогдашніе случаи трудные до того не допускали. Нынѣ же то его царское величество учинить соизволяетъ, только въ томъ такое препятіе есть, не ведая ещѣ, потребно ли королевскому величеству французскому дружба его царскаго величества, потому что по се число много противныхъ объявленій съ стороны его королевскаго величества его царскому величеству подано, какъ противными негоцыяци у Порты въ ползу шведскую, такъ и иными въ оаверь оному его царскаго величества непріятелю показуемыми добротства; и хотя какъ въ Польшѣ отъ бывшаго при дворѣ царскаго величества посланника Балюза

1) Второе письмо отъ того же числа. Печатается полностью.

его светлости генералу еелтъ-маршалу князю Менцикову говорено, такъ и при дацкомъ дворѣ отъ пребывающаго тамо французского секретаря посольства его царского величества тамо пребывающему послу князю Долгорукому объявлено, что королевское величество желаетъ съ его царскимъ величествомъ ближайшія дружбы и хочетъ прислать для того ко двору царского величества некоторую особу. Однакожь по се число къ тому никакого виду нетъ, и по указу ль королевскому оныя то говорили или изъ себя, того не ведомо; но понеже при нынѣшнихъ случаяхъ времени пропускать не надлежитъ, того ради повелѣлъ царское величество къ вамъ писать, дабы вы господину маркизу Деторзію предложили въ вышнемъ секретѣ, что его царское величество желаетъ ведать, потребна ль его королевскому величеству французскому дружба его царского величества и медіація въ сей войнѣ съ союзными потенціи противъ его воюющими, со объявленіемъ, что ежели его королевскому величеству то потребно, то бѣ изволилъ его королевское величество прислать для того къ его царскому величеству некоторую особу о томъ съ предложеніемъ не испуская времени. А когда то изволилъ его королевское величество, то и отъ царского величества прислана будетъ къ тебѣ верующая и комисія о пребываніи вашемъ при тамошнемъ дворѣ, и како о томъ отвѣтъ получишь, изволь ваше благородіе къ намъ писать. При семъ вамъ къ службѣ готовый граѣъ Гаврило Головкинъ. Изъ Москвы, генваря 25-го дня, 1710 году.

P. S. Посылаю при семъ къ вашему благородію азбуку, по которой впредь изволишь ко мнѣ о нужныхъ дѣлахъ писать.

Приложёніе III.

Дѣло С. Стрѣшнева ¹⁾.

Въ 1709 г. русскій корабль „Св. Алексѣй“ былъ захваченъ дункерскими каперами, и Постникову пришлось хлопотать во французскихъ судахъ о его возвратѣ. Обстоятельства дѣла узнаемъ изъ печатнаго прошенія на имя короля (7 стр. текста in-folio), составленнаго отъ имени Сильвестра Стрѣшнева, но за подписью „Me Godefroy, avocat.“ „Св. Алексѣй“ былъ только-что отстроенъ въ Архангельскѣ и принадлежалъ московскому купцу Ивану Степановичу (Jean-Estienne) Стрѣшневу; онъ совершалъ первое свое плаваніе подъ командою хозяйскаго племянника, Сильвестра Стрѣшнева, и везъ въ Лондонъ исключительно одни товары: доски, пеньку, нитки, холстъ, смолу, рогожи, дровяной лѣсъ (bois à bruler) и поташъ. Экипажъ корабля состоялъ изъ 16 природныхъ русскихъ и 15 голландцевъ. Comme les moscovites ont peu d'expérience de la navigation, ce leur est une nécessité de se servir d'étrangers, surtout pour venir dans les mers d'en-deça qui leur sont inconnues. . . . Tel est l'estat de son (т. е. просителя, du suppliant) commerce, qui est très-simple. L'on sçait que les moscovites s'appliquant depuis quelques années aux arts et à la navigation, s'efforcent d'envoyer directement leurs vaisseaux en Europe. Ils ne demandent pas mieux que de venir dans les ports de France, et d'y entretenir un commerce respectif, si l'on veut les seconder de la part de la France. — Обвиненіе въ томъ, что бывшіе на кораблѣ русскіе матросы были посажены лишь для отвода глазъ, такъ какъ оказались совершенно не опытными въ морскомъ дѣлѣ; что С. Стрѣшневъ — девятнадцатилѣтній юноша, неспособный

1) Archives du ministère des affaires étrangères de Paris. Moscovie, vol. III, feuil. 95—99, 108—109.

управлять кораблемъ; что послѣдній въ сущности находился подъ руководствомъ опытнаго голландца, — прошение парируетъ слѣдующимъ образомъ: русскіе только-что лишь начали знакомиться съ мореплаваніемъ и потому еще нуждаются въ руководителяхъ (*conducteurs*). Дѣйствительно, на суднѣ работали одни голландскіе матросы, но потому что бѣльшая часть русскихъ заболѣла. Что случилось бы съ кораблемъ, если бѣ онъ находился въ столь неопытныхъ рукахъ? . . . „Св. Алексѣй“, какъ призъ, былъ присужденъ капитану Vanstabel, командиру дункерскаго фрегата „La pomme d'or“.

На ряду съ апелляціей Годафруа (л. 95—98), въ архивѣ хранится записка такого содержанія (л. 99):

A monseigneur le marquis de Torcy ministre et secrétaire d'estat. — Monseigneur. Silvestre Streschnoff, moscovite, commandant le vaisseau le St. Alexis, a encore recours à la protection de vostre grandeur dans le moment que la réclame de son vaisseau doit estre jugée au conseil royal, et la supplie très humblement de se ressouvenir de la lettre que sa majesté czarienne a écrite à sa majesté en faveur du suppliant, et d'en parler à sa majesté avant le jugement de la cause. Le 5 septembre, 1709.

Кромѣ того сохранилось собственноручное письмо Постникова, 8 октября 1709 г. (л. 108—109). Печатаемъ его полностью, съ соблюденіемъ орфографіи:

Monseigneur. Je prend la liberte decrir avôtre grandeur, ne pouvant pas avoir l'honneur de saluer vôtre grandeur moy même acause de ma maladie, j'envois avôtre grandeur la lettre si jointe que j'ay reçu aujourdhuy de son excellance monseigneur De Matheveof, ambassadeur de sa majesté czarienne mon maitre, la quelle maété recommande par son excellance, devons remettre promptement, etjevous suplis tres humblement monseigneur sil ya quelque reponce, dexpedie promptement, alegard du vaissau de St. Alexis qui aete, confisqué acause de contre bande —

y si trouve bien des marchandises qui ne sont point de contrebande, c'est pourquoy, je supplis tres humblement vôtre grandeur devouloir bien enparller au Roy a fin que ces marchandises soyent rendu au proprieteire, car je puis vous assurer Monseigneur quil est runè (?) de font encomble [sic], je crois Monseigneur avoir un bon içu de mademende, et je suis avec un profond respect monseigneur vôtre tres humble et obeissant serviteur Deposnikoff Gentil-homme Moscovite. a Paris ce 8 octobre 1709 1).

Приложение IV.

Письмо Лионьера 2).

Monseigneur. J'ose prendre la liberté d'écrire a votre grandeur pour l'assurer de mes très humbles respects et pour la supplier de m'honorer de sa protection touchant une petite affaire que je vais avoir l'honneur de lui exposer. Monseigneur votre grandeur scaura que j'ai enseigné le sieur Pierre Posnicoff de la ville de Moskou pendant tout le tems qu'il a demeuré à Paris, c'est à dire, monseigneur, pendant plus de sept ans, et qu' au lieu de me payer la somme de sept cent vingt livres qu'il me doit, et dont j'ai son obligation il partit secrètement de cette ville sans que j'en eusse aucune connoissance; quand il fut arrivé à Moskou il écrivit à un abbé de cette ville et lui promit qu'il lui envoyeroit incessamment l'argent qu'il me doit,

1) Помѣта позднѣйшаго времени: „La suite de cette affaire se trouvera dans les lettres de M. Matveof en 1707 et 1708 à Londres et à la Haye.“ Грамота Петра В. къ Людовику XIV, съ просьбою освободить корабль Стрѣшнева, была составлена 8 апрѣля 1708 г. Въ собраніи бумагъ, извлеченныхъ А. И. Тургеневымъ, она помѣчена № 84 въ фоліантъ 4. В. Ф., Обзорѣніе извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго. Журн. Мин. Нар. Просв. 1843, № 1, стр. 14 - 15.

2) Къ канцлеру Головкину. Мос. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлѣ. Сношенія съ Франціей. Дѣла Французскаго двора 1711 г. Печатается полностью.

et quoi qu'il y ait plus de huit mois qu'il a écrit cette lettre, cependant ni l'abbé ni moi n'avons recû aucunes nouvelles de lui; c'est pourquoi, monseigneur, je supplie très humblement votre grandeur de commander au dit Posnicoff de me payer sans retarder d'avantage: j'ai eu tant d'honneteté pour lui que je n'ai jamais voulu le presser, ni l'inquiéter en aucune manière touchant le payement de mon argent, et je l'ai enseigné avec tant d'affection et d'application que j'en aurois fait un très habile homme s'il avoit voulu respondre à mes soins, et à mon exactitude; c'est de moi seul qu'il a appris les langues latine et françoise, le style epistolaire, la sphère, la géographie, la rhétorique, les interrêts de tous les souverains de l'Europe, et la philosophie: votre grandeur monseigneur est si juste et si équitable qu'elle trouvera fort mauvais que ce jeune homme ait si indignement abusé de ma bonne foi, et ait eu tant d'ingratitude pour mon honneteté, mon affection, mon exactitude, et tous mes travaux à son égard pendant plus de sept ans. J'ai eu l'honneur d'enseigner messieurs les comtes Golowkin vos deux illustres fils, monseigneur, et j'ai beaucoup travaillé pour les affaires de sa majesté czarienne en notre cour dont je n'ai eu aucune récompense, mais je n'en demande rien car je ne suis nullement intéressé, mais je demande seulement ce qui m'est dû si légitimement. Et cette consideration fortifie et augmente encore l'espérance que j'ai que votre grandeur voudra bien m'honorer de sa généreuse et puissante protection, et qu'elle commandera enfin au sieur Posnicoff de me payer les sept cent vingt livres qu'il me doit si légitimement. Si je puis, monseigneur, être utile à votre grandeur en quel que chose, je la supplie de disposer de moi comme il lui plaira, car je suis entièrement dévoué à son très humble service, et suis avec un profond respect, monseigneur, de votre grandeur le très humble et très obeissant serviteur De Lionniere. à Paris, ce 12e octobre, 1711 1).

1) На оборотъ: „Отъ нѣкоторого Де Лионера“къ господину графу Головкину принято въ Слуцкѣ.“

Приложение V.

Манифестъ Людовика XIV ¹⁾.

Переводъ съ грамматы по французски написанныя изъ Версалли отъ короля присланныя къ архіепископу Парижскому, кардиналу де Ноайль, чтобы онъ въ соборной церкви благодарственная отправилъ моленія о взятіи Ландау войскими его величества, подъ командаментомъ господина маршалка де Талартъ, писася въ Версалліяхъ въ 26 д. ноября, 1703, и послѣ напечатася въ Парижю.

Мой кузень. Послѣ разныхъ побѣдъ, которыя мои войски одержали въ нынѣшнемъ году въ Италиі, во Флан-

Lettre du roy,
écrite à monseigneur le cardinal De Noailles, archevêque de Paris.

Pour faire chanter le Te Deum dans l'église Notre-Dame, en action de graces de la victoire remportée près de Spire et de la prise de Landau, par les troupes de sa majesté, sous le commandement de m. le mareschal de Tallard.

A Paris, chez Louis Josse, imprimeur de son éminence, rue S. Jacques, à la Couronne d'épines.

M.DCCIII. Avec privilége du roy.

Lettre du roy, écrite à monseigneur le cardinal De Noailles, archevesque de Paris.

Mon cousin, après les differens avantages que mes armes ont remportez pendant cette année en Italie, dans les Païs-bas,

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Сношенія съ Франціей. Дѣло 1704 г., № 2: „Письма (вмѣсто реляцій) съ приложеніями къ боярину Головину отъ находившагося въ Парижѣ дворянина П. Шостникова“. Собственноручный переводъ Манифеста вмѣстѣ съ оригиналомъ пришить къ донесенію 1 января 1704 г., но отправленъ былъ 20 ноября 1703 г. На французскомъ экземплярѣ помѣта: „прислано въ 1704 году въ генварѣ мѣсяцѣ“.

дрии и особливо въ Германіи, не могъ я окончити войну нынѣшняго лѣта славнѣе, неже взятіемъ Ландау. Сіе мѣсто, обороняемое французами, одержа силы имперіа три мѣсяца, принуждено было здатися моему кузену маршалку де Талардъ въ тридесять дней траншей отверстыя. Мои войски утружденные отъ недавнешнего воинскаго исправленія, ихъ число мало знатное противъ силы мѣста и гварнизона, приближеніе принца де Гесь Кáсель приходящаго на выручку съ единымъ сильнымъ войскомъ, могли бы сотворить благополучное послѣдованіе сего начинанія долгшее и неизвѣстнѣйшее; но великодушіе моихъ войскъ въ забытіе имъ приведе прежднюю усталость ихъ и превзыти неспокойности одинаго времени уже предушедшаго; и мудрая и предвидящая бодрость моего кузена, маршалка де Талардъ, предупреди непріятелей: шель онъ противу ихъ и почаль битися съ ними близъ Спира; конница ихъ того часу преломлена была и въ бѣгъ обращенная, пехота болши

et particulièrement en Allemagne, je ne pouvois terminer la campagne plus glorieusement que par la prise de Landau. Cette place, qui défendue par les françois avoit occupé les forces de l'Empire pendant trois mois, a été forcée de se rendre à mon cousin le marechal de Tallard en trente jours de tranchée ouverte. Mes troupes fatiguées d'une expédition toute récente, leur nombre peu considérable par rapport à la force de la place et de la garnison, l'approche du prince de Hesse Cassel qui venoit au secours avec une puissante armée, auroient dû rendre le succès de cette entreprise plus long et plus incertain; mais la valeur de mes troupes leur a fait oublier leur fatigue précédente et surmonter les incommoditez d'une saison déjà avancée; et la sage et prévoyante activité de mon cousin le mareschal de Tallard a prévenu les ennemis: il a marché à eux et les a attaquez près de Spire; leur cavalerie a d'abord été rompuë et mise en fuite, l'infanterie a fait plus de résistance; mais elle a été chargée avec tant de vigueur, que de tous les bataillons

возпротивися ; но оная тако жестоко боемъ была отягчен-ная, что отъ всѣхъ баталіоновъ, составляющихъ ю, едва могли спастися четыре, которыя были въ великомъ нестрою. Съ пять тысящъ непріятелей на мѣстѣ побито, три тысящи въ полонъ взято, тритцать пушекъ, тритцать два знамя взято, поле боевое побѣдителю остася съ ихъ палатками и воинскими припасами ; деревни кругомъ Спира наполнены ихъ ранеными показываютъ, како бой былъ крова-вый ихъ ради, и что они совершенно были побиты. Сея ради вѣсти графъ де Фризь, отчаевъ возможи бо-ронитися болши въ мѣстѣ, отвори врата моему по-бѣдителю войску въ 18 д. сего мѣсяца. Единая сего лѣта война, ея же теченіе тако славное было, не могла окончитися съ бѣлшимъ сіяніемъ, неже чрезъ единую двой-ную побѣду. И понеже подобаетъ ми благодаренія воздати Богу о толикихъ благополучныхъ послѣдствованій, пишу къ вамъ сію граматку сказати вамъ приказать пѣти благо-

qui la composoient, à peine s'en est-il pû sauver quatre qui étoient en grand désordre. Près de cinq mille des ennemis restez sur la place, trois mille faits prisonniers, trente pièces de canon, trente-deux drapeaux ou étendard pris, le champ de bataille demeuré au vainqueur avec leurs tentes et leurs munitions, les villages des environs de Spire remplis de leurs blessez, font voir combien le combat a été sanglant pour eux, et que leur défaite a été complète. A cette nouvelle le comte de Frise désespérant de pouvoir se déffendre plus long-tems dans la place, a ouvert les portes à mon armée victorieuse le 18 de ce mois. Une campagne dont le cours a été si glorieux ne pouvoit finir avec plus d'éclat, que par une double victoire. Et comme je dois rendre graces à Dieu de tant de succès ; je vous écris cette lettre, pour vous dire de faire chanter le Te Deum dans l'église metropolitaine de ma bonne ville de Paris, au jour et à l'heure que le Grand Maître ou le Maître des Cérémonies vous dira de ma part. A quoy m'assurant que vous satisferez

дарственный молебенъ въ соборной церкви моего добраго града Парижа, въ день и часть, въ которой великой мастеръ или мастеръ церемоніи скажетъ вамъ отъ мене. Обнадеживая мене, вамъ сіе исполнити со звычайнымъ вашимъ благочестіемъ, сего ради молю Бога, да имѣетъ васъ, мой кузень, въ своемъ святомъ и достойномъ сохраненіи. Писася въ Версаліяхъ, въ 26 ноября по нов. календарю, 1703.

Подписано: Лудовікъ; и ниже: Фелипъ.

Надпись на грам. сицевая: моему кузену, кардиналу де Ноаль, архіепископу Парижскому, дукъ и перу Франціи, командеру моихъ чиновъ.

avec votre pieté ordinaire, sur ce que je prie Dieu qu'il vous ait, mon cousin, en sa sainte et digne garde. Ecrit à Versailles, le 26 novembre, 1703. Signé: Louis; et plus bas: Phelypeaux.

Et en dos est écrit: A mon cousin le cardinal de Noailles, archevesque de Paris, duc et pair de France, commandeur de mes ordres.

Вѣдательно¹⁾, что кузень реченіе французское, знаменуетъ брата двоюроднаго или племянника отъ родныхъ; король французской въ своихъ граматкахъ кузинами своими называетъ принцевъ кровныхъ, принцевъ иностранныхъ, кардиналовъ, маршалковъ. Перъ, равный: 13, чаю, во Франціи есть великихъ господъ, имянуемыхъ дукъ и перъ. Егда церковныя особы причтены въ кавалеріи, яко въ кавалерію св. Духа, не называются кавалерами, но командерами чиновъ. 4 во Франціи командеры духовныя, носящія чинъ святаго Духа.

1) Нижеслѣдующее — слова самого Постникова.

Приложение VI.

Викфоръ 1).

На рукописи, въ которой находится переводъ первыхъ страницъ сочиненія Викфора (24 л., 4^о), стоитъ слѣдующая помѣта :

„Переводъ съ книги французской доктора Петра Постникова „О послѣхъ и министрахъ чужестранныхъ и о должности дѣлъ ихъ, и что есть посоль, и честь ево“ — прислана изъ Петербурга іюня во 12 прошлаго 1712 году и отдана та книга переводить ему изъ приказу того же числа. Подалъ онъ, Петръ, сію тетрадь генваря 3 дня нынешняго 1713 году“.

Заголовокъ книги въ русскомъ переводѣ читается такъ : „Посоль и его дѣла чрезъ господина Девикфоръ совѣтника въ совѣту внутреннего дуки Брунзвицкого и Люнебургскаго земель и протчей, послѣднее изданіе, прибавленное мыслями на неморіялы посламъ и на отвѣтствованіе аутору и дискурсу историческому о избраніи императоровъ и курюистровъ, чрезъ того же аутора. Первая часть. Напечатана въ Колоніи у Петра Марто. Его высочеству свѣтлѣйшему господину Григорію Гулелму дуки Брунзвицкому и Люнебургскому“.

Оригиналомъ Постникову служило: „L'ambassadeur et ses fonctions par monsieur de Wicquefort... Dernière édition, augmentée des réflexions sur les mémoires pour les ambassadeurs, de la réponse à l'auteur et du discours historique de l'élection de l'Empereur et des électeurs, par le même auteur. A Cologne. Chez Pierre Marteau. 1690. 2 части, 457 + 219 + 48 + 267 стр.

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Сношенія съ Франціей. Дѣло 1713 т., № 3: „Опытъ переведенной бывшимъ въ Парижѣ дворяниномъ Постниковымъ книги сочиненія Викфорта О послахъ и о дѣлахъ его“.

Для образца перевода приводимъ одинъ отрывокъ (ср. стр. 3—4 оригинала):

„Король Генрикъ 4, въ началѣ сего вѣка приближился къ рубежамъ Фландріи для осады града Останды, который архидукъ Албертъ осадилъ, и королева аглинская прибыла въ Дубръ, велія пересылка писменная между сими князьями была. Королева отписала единое королю, въ которомъ послѣдніе строки тако неясственны были, что король мыслилъ нѣкоторое отъ неѣ таинству утаенну быти, чаяль освѣдомитися и наредити для сего одинаго министра, котораго тайна зѣло знатна была, дабы заставить королеву ростолювати съ нимъ безъ всякаго недоуменія, хотѣль, дабы марграѣ Рони, который послѣ объявился дукою де Сюлли, преплыль бы море подъ видомъ веселаго путешествуванія въ Лондонъ, понеже уверенъ былъ, что королевнѣ бы донесли о его проездѣ; не безъ разглаголтвуванія была бы съ нимъ. И тако здѣся, на выходѣ изъ корабля нашель

Le roy Henry IV s'estant, au commencement de ce siècle, avancé jusques aux frontières de Flandres, à l'occasion du siège que l'archiduc Albert avoit mis devant Ostende, et la reine d'Angleterre s'estant rendue à Douvres, il y eut un grand commerce de lettres entre ces deux princes. La reine en escrivit une au roy, dont les dernières lignes estoient si obscures, que le roy s'imaginant qu'elles cachotent quelque mistère, crût qu'il devoit s'en éclaircir et employer pour cela un ministre, dont la confidence fust assés connue, pour obliger la reine à s'en expliquer avec luy, sans scrupule. Il voulut que le marquis de Rosny, qui s'est fait connoitre depuis sous la qualité de duc de Sully, passast la mer, sous prétexte de faire un voyage de divertissement à Londres; parce qu'il estoit bien asseuré, que la reine, qui seroit, sans doute, avertie de son passage, ne manqueroit pas de luy parler. Et de fait, à son débarquement il trouva dans le port de Douvres plusieurs seigneurs anglois, qui l'ayant reconnu et salué, en donnèrent avis à la reine, qui

въ пристани Дуврской многихъ господарь аглинскихъ, которые узнали и поздравили его, послали съ вестію х королевнѣ, по котораго того часу послала капитана своей гвардіи. И долгое время о интересахъ опщихъ обѣихъ куронъ и о намѣреніяхъ, како мочно бы сочинити противъ Гишпаніи, доволнаго отослала. Не имѣлъ вѣрющей грамоты, по которой бы имѣлъ чинъ или характеръ, но такожде обходился яко и посоль. Понеже королевна знала, что господинъ его ему вѣрилъ, почитала его яко министра публичного. Аще бы нужно было, всеми правостями характера велела бы ему владети. Сіе мочно чинитися между князями, которые въ добромъ согласіи пребываютъ. Но не надобно сего отвѣдывати со оными, которые не въ согласіи суть и которые не тако будутъ почитати лице, яко повины отдавати характеру“.

l'envoya aussitost quérir par le capitaine de ses gardes. Elle l'entretint fort longtemps des intérêts communs des deux couronnes et des desseins qu'on pourroit former contre l'Espagne, et le renvoya satisfait. Il n'avoit point de lettres de créance, qui luy donnassent qualité ou caractère, mais il ne laissa pas de faire la fonction d'ambassadeur; parce que la reine, qui sçavoit qu'il avoit la confidence de son maistre, le consideroit comme ministre public, et l'auroit, sans doute, fait jouir de tous les droits du caractère, s'il eust esté nécessaire. Cela se peut faire entre des princes qui sont en parfaitement bonne intelligence; mais il ne faut rien hazarder avec ceux qui ne le sont point, et qui pourroient ne point avoir pour la personne, la consideration qu'ils sont obligé, d'avoir pour le caractère.

Двѣ поправки.

Къ стр. 135. Рекомендацію къ Давó А. А. Матвѣевъ далъ не Шлейсу, а Постникову. Сравн. Приложение I, письмо 22 юня 1704 г.

Къ стр. 137, прим. Постниковъ отправилъ манифестъ Людовика XIV о взятíи крѣпости Ландау не 1 января 1704, а 20 ноября 1703 г. Сравн. Приложение I, письма за эти числа.

Приложенія.

ГЛАВА II.

Исторія преобразованія Сената. Характеръ отношеній Сената къ В. Т. Совѣту.

Какъ это само собою понятно, именной указъ 8 Февр. 1726 г., коимъ создавался В. Т. Совѣтъ, наносилъ вмѣстѣ съ тѣмъ первый ударъ петровскому Сенату: въ немъ, хотя и кратко, но вполне опредѣленно обозначалось подчиненное отнынѣ положеніе Сената по отношенію къ Совѣту. Именно, „изъ первыхъ сенаторовъ“ образуется „при дворѣ Нашемъ“, какъ говоритъ указъ, — „для внѣшнихъ“ и „для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ“ — В. Т. Совѣтъ, „при которомъ Мы будемъ сами присутствовать“; назначается далѣе особый составъ сенаторовъ, „которые всегда при одномъ сенатскомъ правленіи будутъ“; Сенатъ, наравнѣ съ коллегіями и „прочими мѣстами“ получаетъ отъ Совѣта „указы“, а самъ обращается къ нему съ „доношеніями“; онъ ставится, наконецъ, въ равное положеніе къ тремъ первымъ коллегіямъ (Военной, Адмиралтейской и Иностранной), съ которыми долженъ сноситься взаимно „промеморіями“ (VII, № 4830). Какъ извѣстно, Сенатъ не отнесся совершенно пассивно къ этому указу, полагавшему начало его послѣдующему паденію; между нимъ и Совѣтомъ произошло кратковременное, но характерное пререканіе, на которомъ необходимо остановиться, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ очерку дальнѣйшаго преобра-

зованія Сената, такъ какъ въ литературѣ вопроса это пререканіе изображается не совсѣмъ вѣрно. Такъ, напр., А. Д. Градовскій, основывающій свой рассказъ на краткомъ извлеченіи изъ протоколовъ В. Т. Совѣта (помѣщенномъ въ „Чтеніяхъ О. И. Др. Р.“), говоритъ, что Сенатъ, получивъ указъ 8 Февраля объ учрежденіи Совѣта, послалъ эзекутора объявить, что „Сенатъ, оставаясь въ прежнемъ своемъ состояніи и достоинствѣ, принять того указа не можетъ“ („Высп. администр.“, стр. 137). Въ этой передачѣ, повторявшейся и другими, возраженіе Сената на названный выше указъ получаетъ тотъ смыслъ, что Сенатъ, сознавая свои права и достоинство, не могъ подчиниться указу, столь значительно умалявшему его значеніе. Подлинныя протоколы Совѣта рисуютъ, однако, дѣло иначе. Такъ, по записи 12 Февраля, къ вновь назначенному въ Совѣтъ, „для закрѣпы“ его протоколовъ, В. П. Степанову, пріѣхалъ на домъ эзекуторъ Сената Елагинъ и пытался возвратитъ ему присланный въ Сенатъ именной указъ объ учрежденіи Совѣта, такъ какъ-де сенаторы его принять и „по оному чинить“ исполненія не могутъ „для того, что присланъ къ нимъ указъ, велѣно Сенату быть въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ“. Степановъ, конечно, не принялъ отъ Елагина возвращаемаго Сенатомъ именнаго указа, ссылаясь на то, что указъ этотъ сама Императрица „апробовать изволила“, а того указа, на которой ссылается Сенатъ въ своемъ возраженіи, онъ не знаетъ, почему и предлагаетъ Елагину отправиться съ нимъ къ тѣмъ особамъ, „которыя тотъ указъ подписали“. Далѣе произошла между Степановымъ и Елагинымъ сцена, мало-соотвѣтствующая достоинству тѣхъ учреждений, отъ имени коихъ оба они дѣйствовали ¹⁾. На другой день о проис-

1) Въ виду важности этого протокола передадимъ его въ подлинникъ: „послѣ того, когда (члены Совѣта) разѣхались, пріѣхалъ въ

пештвіи этомъ было доложено Императрицѣ, которая и „изволила опредѣлить всему тому быть такъ, какъ въ томъ Ея Величества указѣ (8 Февраля) изображено“, извѣстить о чемъ Сенатъ былъ въ тотъ-же день посланъ кабинетъ-секретарь Макаровъ ²⁾; С. М. Соловьевъ, передавая содер-

домъ къ д. ст. сов. Василию Степанову сенатской экзекуторъ Елагинъ, съ такимъ объявленіемъ, что прислалъ его къ нему, Степанову, Правительствующій Сенатъ, съ присланнымъ къ нимъ изъ В. Т. Совѣта указомъ чтобъ онъ (т. е. Степановъ) его принялъ, для того, что они его принять и по оному чинить, безъ воли Ея И. Величества, не могутъ, для того, что присланъ къ нимъ указъ, велѣно Сенату быть въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ, и что они о томъ доносили самой Ея И. Величеству, и приговоръ закрѣпили, что тотъ указъ отослать. И д. ст. сов. Василій Степановъ на то ему объявилъ, что онъ того указу принять не смѣетъ, понеже Ея И. Величество сама оный апробовать изволила, и о томъ имянно имъ объявлено, а каковъ въ Сенатъ указъ Ея И. Величества присланъ, о томъ онъ не извѣстенъ, и чтобъ онъ (Елагинъ) ѣхалъ къ тѣмъ особамъ, которыя тотъ указъ подписали. И онъ экзекуторъ объявилъ, что ему ни къ кому иному ѣхать не велѣно, а велѣно отдать ему, д. ст. совѣтнику, и ежели онъ его не приметъ, то онъ его положить. И д. ст. сов. паки ему сказали, что онъ (указа) весьма принять не можетъ и ежели онъ (указъ) оставятъ будетъ, то онъ ему (его) за пазуху положить. И онъ экзекуторъ, то видя, сказалъ, что принужденъ онъ тотъ указъ паки отвезть и положить на столѣ въ Сенатѣ. Спустя его экзекутора, того-жъ числа, онъ д. ст. сов. ко всѣмъ учрежденнымъ особамъ В. Т. Совѣта ѣздилъ и о всемъ томъ донесъ, которыя тотъ его поступокъ апробовали, и согласились утре донести о томъ Ея Императорскому Величеству самой, и приказали взять экземпляръ того указу въ Сенатъ, который сама Ея И. Величество апробовать изволила“ (LV, стр. 27 сл.).

2) Протоколъ 13 Февраля гласитъ слѣдующее: „въ 13-ый день Февраля были у Ея И. Величества въ дому В. Т. Совѣта особы, окромѣ б. Остермана, который еще за болѣзнію не выѣзжаетъ, и о присылкѣ вчерашняго числа экзекутора къ д. ст. сов. Вас. Степанову донесли обстоятельно, какъ о томъ записано въ протоколѣ вчерашняго числа, и что указъ въ Сенатъ посланъ такой, какъ Ея И. В. сама оный апробовать изволила, который экземпляръ Ея В. паки показывали. И Ея И. В. изволила опредѣлить быть всему такъ, какъ въ томъ Ея В. указѣ изображено и послать въ Сенатъ тайнаго каб.-секретаря Макарова, чтобъ онъ имъ о томъ Ея В. соизволеніи объявилъ, и дабы потому поступали и болѣе Ея В. о томъ не трудили докладомъ“ (ib., стр. 28).

жаніе указанныхъ 2-хъ протоколовъ, добавляетъ къ нимъ (повидимому, на основаніи архивныхъ бумагъ Кабинета) лишь ту подробность, что Сенату былъ объявленъ 9 Февраля указъ, въ которомъ „повелѣно исправлять дѣла по указамъ, регламентамъ и сенатской должности, а не написано, чтобы Сенатъ подчиненъ былъ В. Т. Совѣту“ и что въ тотъ - же день, когда Макаровъ былъ посланъ въ Сенатъ съ указаннымъ повелѣніемъ, „Императрица словесно повторила сенаторамъ это повелѣніе исполнять указъ временно, пока дана будетъ подробная инструкція³⁾. И такъ, несомнѣнно, что Сенатъ, возвращая Совѣту указъ 8 Февраля, столь умалявшій его права, ссылался при этомъ вовсе не на „свое прежнее состояніе и достоинство“ вообще, что придавало его ссылкѣ нѣкоторый видъ протеста противъ измѣненія его прежняго значенія, а на указъ самой Императрицы, подтверждавшій это его „прежнее состояніе и достоинство“. Является естественный вопросъ, что это за указъ Императрицы отъ 9 Февраля, стоящій, повидимому, въ противорѣчій съ ея-же именнымъ указомъ отъ 8 Февраля (объ учрежденіи Совѣта), въ которомъ подчиненное Совѣту положеніе Сената было столь ясно обозначено? Ни въ дѣлахъ Совѣта, ни въ сенатскомъ архивѣ Минист. Юстиціи слѣдовъ этого указа не осталось, но если сравнить точно передаваемое содержаніе этого указа, въ вышеприведенномъ разсказѣ С. М. Соловьева, съ однимъ изъ пунктовъ извѣстнаго намъ „мнѣнія не въ указъ“, то это видимое противорѣчіе между названными 2-мя указами, можетъ быть, какъ намъ кажется, устранено. Именно, въ пунктѣ 11-мъ этого „мнѣнія“ говорится, что „какъ Сенатъ, такъ и всѣ прочія коллегіи, по

3) Исторія Россіи, XVIII т., стр. 288. Авторъ, дѣлая указанные добавленія къ свѣдѣніямъ выше-означенныхъ протоколовъ, къ сожалѣнію, не дѣлаетъ ссылки на первоисточникъ этихъ добавленій; рядомъ, впрочемъ, вездѣ ссылки дѣлаются, кромѣ документовъ В. Т. Совѣта, именно на документы Кабинета, почему мы думаемъ, что и эти добавленія основаны на документахъ Кабинета, изъ котораго вышелъ и указъ объ учрежденіи Совѣта (LV, стр. 1 и сл.).

обыкновенному до сего времени учрежденію и подчиненію въ совершенномъ такомъ дѣйстви и власти оставлены быть имѣютъ, чтобъ оныя всѣ происходящія дѣла, которыя по уставамъ и прочимъ состоявшимся указамъ, регламентамъ и инструкціямъ, вершены быть могутъ, и впредь вершили и въ дѣйство производили, и во всемъ поступали, какъ блаженныя памяти Его И. В. въ 1718-мъ году Декабря 22-го дня опубликованный указъ повелѣваетъ“ (LV, стр. 95). И такъ, болѣе чѣмъ черезъ мѣсяць послѣ учрежденія Совѣта (именно 16 Марта), — притомъ уже послѣ того, какъ Сенатъ получилъ новое положеніе о своей „должности“ (VII, № 4847), послѣ того, какъ у него отнято было наименованіе „правительствующаго“ (ib., № 4853) и произошли другія перемѣны въ отношеніяхъ Сената къ Совѣту, — „мнѣніе не въ указъ“ продолжаетъ утверждать, что все остаеся по прежнему, и притомъ почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ, какъ и указъ 9 Февраля, на который ссылался Сенатъ. Иначе говоря, не только 9 Февраля, т. е. тотчасъ по учрежденіи Совѣта, но и позднѣе, находили возможнымъ, — не впадая въ противорѣчіе съ указомъ объ учрежденіи Совѣта и другими распоряженіями, ставившими Сенатъ въ подчиненное положеніе къ Совѣту, — утверждать, что все остаеся по прежнему. Почему-же возможно было такое утвержденіе? Прежде всего потому, что оно относилось ко всѣмъ постановленіямъ о Сенатѣ, которыя думали оставить безъ перемѣнъ. Измѣненія, уже сдѣланныя раньше, были отмѣчены въ соответствующихъ указахъ, и Сенатъ былъ извѣщенъ о нихъ; о новыхъ, которыя могли воз-

4) Ср. Опись Сен. Арх., № 1639 сл.; Арх. М. Юст., журн. и пр. Сената, кн. 70/1951, Февраля 1826 г. Можно предположить, что указъ, полученный Сенатомъ 9 Февр., въ коемъ подтверждалось его „прежнее состояніе и достоинство“ былъ посланъ при объявленіи Сенату о новомъ его составѣ, опредѣленномъ именнымъ указомъ 8 Февраля (Опись Сен. Арх., № 1639).

никнуть впредь, по указаніямъ практики, какъ Императрица, такъ и Совѣтъ, едва-ли могли сказать что-либо напередъ, а потому для нихъ представлялась полная возможность утверждать спокойно, что въ Сенатѣ все будетъ оставлено „въ совершенно такомъ дѣйстви и власти“, какъ было прежде. Конечно, возможны и другія предположенія : напр., можно думать, что все новое въ положеніи Сената хотѣли проводить, прикрываясь уваженіемъ къ старому. Въ указахъ Екатерины I (какъ это бывало и въ другія царствованія) нерѣдки попытки связать какую-либо новую мѣру съ мѣрами предшествующаго царствованія, съ цѣлію показать, что эта новая мѣра является лишь продолженіемъ прежнихъ, хотя-бы, въ дѣйствительности, этого и не было вовсе (см., напр., VII, № 5033 и др.); можно, наконецъ, въ подобныхъ обѣщаніяхъ видѣть простое желаніе успокоить заинтересованныя учрежденія и т. д. Несомнѣнно лишь одно, что эти обѣщанія не могли имѣть смысла, парализующаго, хотя-бы въ будущемъ, дѣйствія тѣхъ началъ, на которыхъ создавался В. Т. Совѣтъ. Учрежденіе Совѣта, какъ намъ извѣстно, готовилось исподволь, Екатерина охотно согласилась съ доводами о необходимости этого учрежденія, а затѣмъ во все свое царствованіе относилось благосклонно къ его существованію и дѣятельности. Нѣтъ поэтому никакихъ основаній предполагать, что, давъ 8 Февраля 1726 г. именной указъ объ учрежденіи Совѣта, она могла-бы на другой день послать Сенату указъ, столь противорѣчащій первому по существу; противъ этого предположенія говоритъ и то обстоятельство, что 13 Февраля, т. е. на слѣдующій день послѣ происшествія между Степановымъ и Елагинымъ, она вновь подтвердила указъ 8 Февраля⁵⁾. Остается, конечно,

5) Къ этому надо еще добавить, что въ протоколахъ Совѣта сохранилось прямое указаніе на то, что указъ объ учрежденіи Совѣта 8 Февраля (VII, № 4830) былъ посланъ Сенату только послѣ представленія его 11 Февраля Императрицѣ, когда она его „апробовать изволила“; за-

неполнѣ яснымъ, почему Сенатъ понялъ указъ, полученный имъ 9 Февраля, въ смыслѣ своего неподчиненія Совѣту; можетъ быть, это произошло просто потому, что объ этомъ подчиненіи здѣсь умалчивалось, а говорилось лишь „объ исправленіи (Сенатомъ) дѣлъ по указамъ регламентамъ и сенатской должности“. Во всякомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, въ разбираемыхъ указахъ нельзя видѣть какого-либо колебанія или противорѣчія.

Послѣ этихъ замѣчаній, перейдемъ къ изложенію тѣхъ перемѣнъ, которыя послѣдовательно, тотчасъ послѣ учрежденія Совѣта, началъ испытывать на себѣ Сенатъ. Мы думаемъ излагать эти перемѣны, по преимуществу, въ хронологическомъ порядкѣ. Такое изложеніе представляетъ, конечно, свои удобства и неудобства. Если при хронологическомъ разсказѣ теряется цѣльность впечатлѣнія отъ перемѣнъ, происшедшихъ въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ права, то благодаря такому разсказу яснѣе и лучше изображается общій, послѣдовательный ходъ измѣненій, рельефнѣе выступаетъ наружу постепенность захватовъ, дѣлаемыхъ однимъ учрежденіемъ на счетъ другаго. Для насъ послѣднее обстоятельство имѣетъ рѣшающее значеніе. Дѣло въ томъ, что Се-

тѣмъ уже этотъ указъ, написанный „противъ того слово въ слово“ былъ посланъ въ тотъ-же день въ Сенатъ. Императрица имѣла такимъ образомъ возможность, если-бы хотѣла, добавить къ указу 8 Февраля что-либо въ обезпеченіе „прежняго состоянія и достоинства“ Сената, но ея этого не было сдѣлано и указъ былъ отправленъ въ его первоначальномъ видѣ. Очевидно, что эти слова не имѣли никакого ограничительнаго смысла для власти Совѣта. Въ протоколѣ 11 Февраля читаемъ, что когда Совѣтъ „слушалъ“, между прочимъ, „о посылкѣ указу Сенату съ копіею о опредѣленіи Ея И. Величества о В. Т. Совѣтѣ“, то отъ кабинетъ-секретаря Макарова явился посланный къ Степанову съ письмомъ, въ которомъ предлагалось послѣднему „указу о публикаціи В. Т. Совѣту, не показавъ ему, еще не отправлять“. Затѣмъ Макаровъ прибылъ самъ въ Совѣтъ и ему былъ отданъ вышеупомянутый указъ, съ которымъ онъ ѣздилъ къ Ея И. Величеству и „прислалъ вскорѣ съ подъячимъ кабинетнымъ Ив. Григорьевымъ, съ тѣмъ объявленіемъ, что Ея И. Величество то апробовать изволила“ (LV, стр. 24 сл.).

нать, на счетъ власти и компетенці котораго развивалась власть и компетенція Совѣта, былъ учрежденіемъ уже опредѣленно сложившимся къ концу царствованія Петра В. Совѣтъ долженъ былъ, вступая по отношенію къ Сенату на путь захватовъ, совершать это, такъ сказать, по мѣрѣ надобности, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе растущая власть его сталкивалась съ Сенатомъ. Поэтому, изложеніе, въ хронологическомъ порядкѣ, послѣдовательныхъ измѣненій въ устройствѣ Сената весьма характерно, какъ для выясненія отношеній между учрежденіями, такъ и для пониманія роли и значенія каждаго изъ нихъ; впрочемъ, для цѣльности разсказа, намъ придется иногда отступать отъ этого порядка. Такъ какъ, далѣе, оба царствованія представляютъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, нѣкоторыя различія, то мы сначала коснемся измѣненій, какія претерпѣлъ Сенатъ при Екатеринѣ I, а затѣмъ, обзрѣвъ ихъ общія результаты, перейдемъ къ царствованію Петра II-го.

Уже отправляя Сенату указъ 8 Февраля, Совѣтъ позаботился сдѣлать распоряженіе, чтобы указъ этотъ былъ немедленно объявленъ „всему Сенату, дабы за тѣмъ не было остановки въ посылкѣ нужнѣйшихъ Ея И. Величеству указовъ изъ В. Т. Совѣта“ (LV, стр. 25). „Остановки“, однако, происходили неразъ по разнымъ причинамъ, какъ при исполненіи указовъ Совѣта, такъ и другихъ дѣлъ находившихся въ завѣдываніи Сената. Такъ, напр., 15 Февраля Сенатъ донесъ Совѣту, что онъ затруднился „чинить резолюціи“ по поданнымъ ему изъ 3-хъ первыхъ коллегій „доношеніямъ“, такъ какъ указъ 8 Февраля требуетъ, чтобы коллегіи эти сносились съ Сенатомъ не „доношеніями“, а „промеморіями“, почему Сенатъ и ждетъ отъ Совѣта повелѣнія о возвращеніи этихъ „доношеній“ обратно въ тѣ коллегіи, изъ коихъ они поступили. Совѣтъ соглашается съ Сенатомъ и постановляетъ „возвратить“ ихъ обратно, добавляя, что коллегіи эти впредь должны „о самихъ важныхъ дѣлахъ требовать рѣшенія въ В. Т. Совѣтѣ, а о прочихъ

сноситься по прежнему съ Сенатомъ“ (ib., стр. 37 сл.)⁶⁾. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, весьма ясно намѣчается путь, по которому шелъ Совѣтъ, распространяя свое верховенство надъ Сенатомъ и другими учреждениями: постепенно, отъ случая къ случаю, ограничивалъ онъ предѣлы ихъ компетенціи, нерѣдко плохо мотивируя причины тѣхъ измѣненій, какія вносились въ эти учреждения, по предложенію отдѣльныхъ членовъ Совѣта. Такъ, напр., 18 Февраля состоялся указъ о подчиненіи генераль-провіантмейстера Военной коллегіи; 23 Февраля берутся изъ Сената „малороссійскія дѣла“. Прежде, „по опредѣленію“ Петра В., генераль-провіантмейстеръ „только зависѣлъ отъ Сенату“; при подчиненіи его Военной коллегіи — чего весьма желалъ Меншиковъ, — измѣненіе стараго порядка мотивируется просто лишь тѣмъ, что изъ дѣлъ „нынѣ усмотрѣно, что отъ него, г.-провіантмейстера, какъ въ Сенатѣ, такъ особливо въ Военной коллегіи о провіантѣ никакого и звѣстія не имѣется, отъ чего можетъ легко случиться какая въ томъ остановка“ (ib., стр. 48). Такъ частный и при томъ весьма обыкновенный тогда случай недоставленія Сенату свѣдѣній даетъ поводъ къ важному измѣненію самого порядка подчиненія; во второмъ случаѣ, Совѣтъ, вообще интересуясь малороссійскими дѣлами, находитъ, что между ними „есть важныя и секрету подлежащія . . . особливо, касающіяся до турецкихъ дѣлъ“, почему они и должны быть взяты изъ Сената въ Совѣтъ (ib., стр. 59 сл.). Несомнѣнно, что „секрету подлежащія дѣла“, особенно иностранныя, должны были сосредоточиваться въ Совѣтѣ, но отобраніе этихъ дѣлъ отъ Сената дѣлается какъ-то случайно, только потому, что въ данное время Совѣтъ интересуется малороссійскимъ вопросомъ; къ такому выводу приходишь невольно, читая журналъ засѣданія

6) Другая весьма характерная остановка въ теченіи дѣлъ произошла по случаю повелѣнія указа 8 Февраля о сношеніи съ Сенатомъ

Совѣта отъ указаннаго числа. Такое заключеніе, впрочемъ, приходится дѣлать неразъ, изучая дѣятельность Совѣта. Совѣтъ, приступая къ ограниченію компетенціи Сената и другихъ учреждений, едва-ли имѣлъ вполнѣ ясный и опредѣленный планъ для своихъ дѣйствій. Его цѣлю было лишь установленіе и развитіе своего верховенства; но пути къ этому должны были указываться уже самою практикою. Такъ, напр., даже такой важный указъ, какъ указъ 14 Марта о наименованіи Сената „высокимъ“, а не „правительствующимъ“ (VII, № 4853) произошелъ по указаніямъ практики, но не по непосредственной инициативѣ Совѣта. Именно, 7 Марта Совѣту было донесено, что Сенатъ не принялъ промеморіи изъ Иностранной коллегіи „за тѣмъ, что (въ ней) правительствующій (Сенатъ) не написанъ“. Меншиковъ при этомъ заявилъ, что по той-же причинѣ Сенатъ не принимаетъ промеморій отъ Военной коллегіи; спрошенный по этому поводу оберъ-прокуроръ Сената Бибииковъ также признался, что причиною непринятія промеморій является именно этотъ отказъ Сенату въ наименованіи его „правительствующимъ“; что, наконецъ, „самимъ имъ отставить то (наименованіе) невозможно, понеже и изъ Кабинета къ нимъ пишутъ еще (Сенатъ) правительствующимъ“ (ib., стр. 80). Черезъ нѣсколько дней, а именно 11 Марта, по этому вопросу былъ сдѣланъ докладъ Императрицѣ, съ указаніемъ именно на то, что „Сенатъ не принимаетъ промеморій, въ которыхъ не написано правительствующій“; Императрица спросила кабинетъ-секретаря, „какъ о томъ написано во мнѣніи В. Т. Совѣта“; затѣмъ, по выслушаніи послѣдняго, утвердила его, въ результатѣ чего и явился именной указъ 14 Марта о наименованіи Сената „высокимъ“⁷⁾. Здѣсь такимъ обра-

3-хъ первыхъ коллегій „промеморіями“, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже (LV, стр. 90)

7) Указанное „мнѣніе“ Совѣта, содержащееся въ протоколѣ 13-го Марта приводилось нами уже раньше (см. пр. 13, стр. 30); оно отли-

зомъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ любопытнымъ фактомъ, что у Сената отнимаютъ присвоенное ему право на наименованіе „правительствующимъ“ произвольно, повидимому, не безъ вліянія нѣкоторыхъ членовъ Совѣта, президентовъ 2-хъ указанныхъ коллегій; Кабинетъ Императрицы не принимаетъ участія въ этомъ отнятіи и продолжаетъ обращаться къ Сенату по прежнему, какъ къ Сенату „правительствующему“. Тогда Совѣтъ, ссылаясь на „остановку“ въ дѣлахъ изъ-за пререканій Сената, относительно этого наименованія, съ указанными учрежденіями, составляетъ „мнѣніе“ объ его измѣненіи; „мнѣніе“ это утверждается Екатериною: практика, можетъ быть, преднамѣренная, идетъ здѣсь впереди законодательнаго разрѣшенія вопроса.

Мы упомянули выше о роли Кабинета въ затронутомъ вопросѣ. Въ первое время, послѣ созданія Совѣта, мы вообще можемъ отмѣтить нѣсколько случаевъ участія Императрицы и ея Кабинета въ установленіи отношеній Сената къ Совѣту. Напр., 15 Февраля кабинетъ-секретарь объявилъ Совѣту словесно указъ Императрицы о разсмотрѣніи Совѣтомъ слѣдующихъ вопросовъ: гдѣ должны происходить выборы добавочныхъ сенаторовъ — въ Совѣтъ или Сенатъ; при какомъ учрежденіи должна состоять сенатская „друкарня“, т. е. типографія и, наконецъ, гдѣ должна находиться печать, „которою грамоты, указы и промеморіи печатаются внутри имперіи, со взятіемъ пошлинъ“. На первый вопросъ Совѣтъ отвѣтилъ, что Сенатъ „выбравъ оныхъ“ долженъ представить „и мѣ въ В. Т. Совѣтъ для ашпробаціи“; на второй и третій объявилъ, что должно „быть друкарнѣ по прежнему при Сенатѣ“, какъ и печати (ib., стр. 35). Изъ Кабинета далѣе была сообщена Сенату его новая „должность“,

чается отъ указа 14 Марта (VII, № 4853) лишь тѣмъ, что содержитъ мотивировку этой перемѣны. Съ 21 Марта указы Сената являются уже не отъ имени Сената „правительствующаго“, но — „высокаго“ (ib., № 4858 сл.).

взятая затѣмъ въ Кабинетъ обратно „для приправки“ (ib. 86); Императрицею-же было „апробовано“ знаменитое „мнѣніе не въ указъ“, нѣкоторые пункты котораго прямо относились къ Сенату (п. 10, 11, 12) и т. п.⁸⁾. Вообще Екатерина I, потому-ли, что члены Совѣта не хотѣли брать на себя всей отвѣтственности, — по крайней мѣрѣ въ началѣ, — за приниженіе Сената, потому-ли, что сама находила необходимымъ лично регулировать отношенія Совѣта къ Сенату, но нерѣдко вмѣшивалась въ возникавшіе при этомъ въ началѣ вопросы. Такъ, напр., въ разъясненіе вышеприведенныхъ указовъ 8 Февраля и 14 Марта, данъ былъ 28 Марта именный указъ (VII, № 4862) о формѣ сношеній Совѣта съ Сенатомъ и съ коллегіями и др.

Указы 8 Февраля, 14 и 28 Марта, равно какъ явившійся въ промежутокъ между этими указами, указъ „о должности“ (7 Марта) и „мнѣніе не въ указъ“ составляютъ вмѣстѣ цѣлый циклъ мѣропріятій, направленныхъ противъ Сената почти одновременно. При этомъ, если указъ 8 Февраля (объ учрежденіи Совѣта) и 14 Марта (о наименованіи Сената „высокимъ“), хотя и опредѣленно, но довольно кратко констатируютъ подчиненное положеніе Сената по отношенію къ Совѣту, то указы „о должности“ Сената и порядкъ сношеній Совѣта съ Сенатомъ и коллегіями, въ связи съ „мнѣніемъ не въ указъ“, развиваютъ эту мысль уже въ подробностяхъ. Интересно отмѣтить, что затѣмъ нѣкоторое время не появляется особенно важныхъ распоряженій Совѣта по отношенію къ Сенату⁹⁾, хотя Совѣтъ продолжаетъ такъ или иначе воздѣйствовать на Сенатъ; но мѣры эти

8) См., напр., указъ гр. Матвѣеву о ревизіи Московской губ. (LV, стр. 202).

9) Первымъ такимъ распоряженіемъ Совѣта, послѣ вышеуказанныхъ и нѣкоторыхъ мѣръ къ упроченію верховенства Совѣтъ въ финансовой области, надо считать, на нашъ взглядъ, указъ объ уничтоженіи должности генералъ - рекетмейстера, который послѣдовалъ лишь 6 Марта 1727 г. (LXIII, стр. 208).

не могутъ быть названы значительными каждая въ отдѣльности, хотя, въ цѣломъ, онѣ не были лишены важности для Сената ¹⁰⁾. На нашъ взглядъ, это служитъ указаніемъ на то, что Совѣтъ считалъ вышеприведенныя узаконенія, частію составленныя подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Императрицы и ея Кабинета, вполне достаточными, — на первое время по крайней мѣрѣ, — для утвержденія своей власти надъ Сенатомъ. Чтобъ составить себѣ общее представленіе о томъ, что внесено этими мѣрами новаго въ положеніе Сената, остановимся на обзорѣ изъ содержанія, не касаясь пока всѣхъ послѣдующихъ.

Какъ это само собою понятно, намъ нѣтъ основаній вновь останавливаться на изложеніи содержанія указовъ 8 Февраля и 14 Марта; но всѣ другія изъ вышеназванныхъ узаконеній нуждаются во внимательномъ разсмотрѣніи. Изъ нихъ обширный указъ „о должности“ Сената представляетъ собою какъ - бы уставъ Сената и содержитъ постановленія, касающіяся состава учрежденія, порядка его засѣданій, дѣлопроизводства и рѣшенія дѣлъ; онъ опредѣляетъ отношенія Сената къ В. Т. Совѣту и коллегіямъ и устанавливаетъ права Сената по выбору разнаго рода должностныхъ лицъ (VII, № 4847). Не останавливаясь пока на всѣхъ вопросахъ, о которыхъ здѣсь говорится,

10) Таково, напр., распоряженіе объ уничтоженіи сенатской роты, стоившей въ годъ болѣе 3-хъ тысячъ; Совѣтъ нашелъ, что довольно оставить Сенату 10 человекъ курьеровъ, присылая для карауловъ „по одному капральству“ (ib., стр. 313; ср. LVI, 541); далѣе указъ о немедленномъ репортованіи Сенатомъ Совѣту объ исполненіи указовъ (LV, стр. 396); о неподачѣ въ Совѣтъ Сенатомъ доношеній по дѣламъ, на которыя имѣются „точные указы“ (стр. 425); о подачѣ въ Совѣтъ изъ Сената „перечневыхъ вѣдомостей“ о приходѣ и расходѣ денегъ (LVI, стр. 541); о наблюденіи Сенату за недержаніемъ долговременно въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ колодниковъ (ib., стр. 599); о бытіи сенатскому экзекутору Елагину при Совѣтѣ (LXIII, стр. 45) „для взысканія по посланными въ Сенатъ и коллегіи указамъ исполненія и репортовъ“ (ib., 94) и мн. другія, частію указанные уже, по разнымъ случаямъ, выше.

коснемся лишь тѣхъ постановленій, коими опредѣляются отношенія Сената къ Совѣту и устанавливаются его права и обязанности. При этомъ, для болѣе нагляднаго представленія о томъ, чѣмъ былъ Сенатъ при Петрѣ В. и чѣмъ онъ сталъ въ изучаемую эпоху, сопоставимъ сенатскую должность 1726 г. съ таковою-же „должностью“ его 27 Апр. 1722 г. (VI, № 3978). Какъ извѣстно, Петръ В. далъ эту „должность“ въ отмѣну „должности“ 1718 г. (V, № 3264), приказавъ „поступать по сей, а старую, ради ея неполноты, отставить“. Послѣ указа „о должности“ 1722 г. не появлялось при Петрѣ В. ничего важнаго относительно Сената; авторъ изслѣдованія о Сенатѣ при Петрѣ В. приходитъ вообще къ тому выводу, что „1722 годомъ, можно сказать, заканчивается развитіе Сената при Петрѣ В.“¹¹⁾. Слѣдовательно, сравнивая обѣ „должности“ Сената (1722 г. и 1726 г.), мы беремъ два основныхъ момента въ исторіи Сената, поскольку они нашли себѣ выраженіе въ ихъ уставахъ: моментъ его окончательнаго сложенія при Петрѣ В., и моментъ перваго паденія послѣ Петра В. При этомъ, для болѣе полноты и ясности, мы отмѣтимъ и тѣ постановленія „мнѣнія не въ указъ“ и указа 28 Марта „о формѣ сношеній“ Совѣта съ Сенатомъ и коллегіями, которыя касаются разбираемыхъ вопросовъ и которыя, явившись нѣсколько позднѣе сенатской „должности“, дѣлаютъ въ ней нѣкоторыя исправленія.

Какъ въ „должности“ Сената 1722 г., такъ и въ таковой-же 1726 г., пунктъ первый, почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, говоритъ о составѣ Сената и лицахъ, могущихъ присутствовать въ его засѣданіяхъ; есть, однако, и различіе: по петровской „должности“ Сенатъ состоитъ изъ „тайныхъ дѣйствительныхъ и тайныхъ совѣтниковъ“; по екатерининской изъ тѣхъ „знатныхъ и повѣрен-

11) С. А. Петровскій, *ib.*, стр. 47.

ныхъ персонъ“, которымъ „отъ насъ нынѣ и впредь повелѣно будетъ“. Различіе это вполне объяснено уже въ указѣ 8 Февраля (VII, № 4830 ; ср. LV, стр. 204). Несовѣмъ понятно другое : екатерининская „должность“ Сенату, подобно петровской, продолжаетъ еще нѣсколько разъ упоминать (п. 1, 3 и 8) о генераль - прокурорѣ, хотя фактически Ягужинскій уже не отправляетъ своей должности ни въ Сенатѣ, ни въ Совѣтѣ, съ учрежденіемъ котораго, по вѣрному замѣчанію одного изъ современниковъ¹²⁾, „отъ его должности ему осталось одно только названіе“ ; затѣмъ вскорѣ и самъ Ягужинскій получаетъ другое назначеніе (LV, стр. 208). Можно предположить, что Екатерина I, согласившись съ Меншиковымъ на исключеніе Ягужинскаго изъ числа членовъ вновь образованнаго Совѣта¹³⁾, не рѣшилась почему-либо вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить его должности, которая, какъ извѣстно, и позднѣе *de jure* не была упразднена : найдено достаточнымъ просто не назначать на вакантную должность другаго генераль - прокурора. Совѣтъ не могъ быть доволенъ этимъ, что видно, между прочимъ изъ того, что имъ было сдѣлано Сенату, въ лицѣ одного изъ сенаторовъ, кн. Черкаскаго, замѣчаніе за напечатаніе Сенатомъ его „должности“ безъ донесенія объ этомъ Совѣту. Черкасской оправдывался тѣмъ, что „по указу (Петра В.) велѣно всѣ публичныя указы печатать, для того и та должность для разсылки въ коллегіи напечатана“. При этомъ изъ объясненій между членами Совѣта и кн. Черкасскимъ оказалось, что Сенатъ, получивъ „должность“ свою изъ Кабинета, даже не „объявилъ“ объ ней Совѣту. Совѣтъ, принимая во вниманіе, что въ этой должности уже „есть нѣкоторая отъ мѣна ; чего ради каб.-секретарь Макаровъ ту должность для приправки изъ Се-

12) Донесенія Лефорга отъ 26 Февраля 1726 г. — Сб. И. Общ., III, стр. 434.

13) С. М. Соловьевъ, XVIII, стр. 283.

ната уже взялъ въ Кабинетъ“, приказалъ Сенату обождаться напечатаніемъ, а разосланные экземпляры „отобрать“ (ib., стр. 86). Къ чему относилась упоминаемая здѣсь „отмѣна“ неизвѣстно; можетъ быть Совѣтъ, въ лицѣ Меншикова и другихъ враговъ Ягужинскаго надѣялся, что должность его будетъ уничтожена, при пересмотрѣ указа 7 Марта; во всякомъ случаѣ, ясно, что Совѣтъ, не былъ доволенъ напечатаніемъ этого указа. Къ сожалѣнію, исправленной сенатской „должности“, если таковая вообще была когда-либо составлена, въ изучаемыхъ документахъ не оказалось. Весьма возможно, впрочемъ, предположить, что „должность“ 1726 г. никогда и не была позднѣе исправляема: измѣненія въ компетенціи Сената и пр. не послѣдовали одновременно, тотчасъ послѣ учрежденія Совѣта; наоборотъ, они производились постепенно, по мѣрѣ надобности; поэтому „исправленная“ въ концѣ 1726 г. „должность“ могла уже непригодиться въ началѣ 1727 г. 14) и т. д. Вообще остается довольно неяснымъ, съ какою цѣлю „должность“ Сената была издана тотчасъ почти послѣ учрежденія Совѣта, даже до утвержденія Императрицею знаменитаго „мнѣнія не въ указъ“, въ которомъ Совѣтъ опредѣлялъ свои права и отношенія къ Сенату и коллегіямъ (послѣднее было утверждено, какъ извѣстно, лишь 16 Марта 1726 г.). Если Кабинетъ Императрицы, издавая „должность“ хотѣлъ обезпечить за Сенатомъ извѣстныя права и положеніе въ государствѣ, то надо удивляться, съ какою легкостію и быстротою были затѣмъ постоянно нарушаемы Совѣтомъ эти права, не вызывая никакого возраженія со стороны Им-

14) Напр., первоначальная „должность“ 1726 г. (7 Марта) упоминаетъ еще о ракетмейстерѣ; ракетмейстеръ остается еще затѣмъ до указа 6 Марта 1727 г. (LXIII, стр. 208); такимъ образомъ исправленная во 2-ой половинѣ 1726 г. „должность“ Сената не отвѣчала-бы его дѣйствительному положенію въ началѣ 1727 г. и т. д.; указанный примѣръ, конечно, не единственный.

ператрицы (не говоря уже о ея преемникѣ). Если предположить, что создавая „должность“, со всѣми тѣми учрежденіями и ихъ преимуществами, о которыхъ въ ней упоминается и отъ которыхъ вскорѣ затѣмъ не осталось и слѣда, думали, что все это, не смотря на созданіе такого учрежденія, какъ Совѣтъ, можетъ оставаться въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ“, то неменѣе надо удивляться, съ какою малою осмотрительностью, безъ опредѣннаго плана дѣйствій, предпринималась реформа центральныхъ учреждений. Повидимому, была ясна одна только необходимость создать верховное политическое учрежденіе „для генеральнаго управленія и надзирающаго“ за всѣмъ, учрежденіе, которое дѣйствовало-бы непосредственно именемъ Императрицы; остальное казалось подробностями, которыхъ значеніе и важность должны были опредѣляться лишь постепенно, по мѣрѣ развитія самого учрежденія.

Продолжаемъ дальнѣйшее изученіе „должности“. Пунктъ 2 касается важнаго вопроса объ отношеніи Сената къ Совѣту. Сенатъ, по этому пункту, долженъ отправлять свои обязанности „со всякимъ прилежаніемъ и ревностію по указамъ, уложенію и государственнымъ правамъ, развѣ такое дѣло случится, на которое нѣтъ ясныхъ указовъ или какое новое и весьма важное, которое нашему рѣшенію подлежить, о такомъ доносить намъ въ В. Т. Совѣтъ, представляя свое мнѣніе, и требовать резолюціи“. Это опредѣленіе повторяется затѣмъ и въ пунктѣ 10-мъ „мнѣнія не въ указъ“, съ тѣмъ, впрочемъ, важнымъ отличіемъ, что здѣсь подчеркивается, что „новыя подати или инныя какія учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ В. Т. Совѣтъ“¹⁵⁾, т. е. Совѣтъ находить нужнымъ, хотя кратко, но отгѣнить свое значеніе, какъ высшаго финансоваго учрежденія. Эта особенность обращаетъ на себя вниманіе потому, что „должность“, попрежнему, оставляетъ Сенатъ высшимъ ревизіоннымъ

15) пунктъ 10-ый „мнѣнія“ приведенъ цѣликомъ выше, стр. 33 и 34, пр. 17.

учрежденіемъ, которое должно „имѣть счетомъ въ полномъ вѣденіи“ своемъ всѣхъ „генераловъ - крихсъ - комиссаровъ, казначеевъ и цалмейстеровъ . . . такожь и Ревизионъ-контору“ (п. 13), что, въ дѣйствительности, скоро уничтожается¹⁶⁾, такъ что и здѣсь „должность“ (какъ это отмѣчено нами по отношенію къ генераль - прокурору и рекетмейстеру) утверждаетъ за Сенатомъ то, что, естественно, должно было затѣмъ выйти изъ его вѣдомства.

Интересно, далѣе, отмѣтить отношеніе коллегій къ Сенату. По „должности“ проведена разница (въ п. 3) между 3 первыми и остальными коллегіями въ ихъ отношеніи къ Сенату, но проведена очень неполно, такъ что и въ этомъ случаѣ „мнѣніе не въ указъ“ гораздо болѣе отвѣчаетъ, чѣмъ „должность“, дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что въ „должности“ указано, что, когда „случатся такія дѣла въ штатскихъ коллегіяхъ, которыхъ въ тѣхъ коллегіяхъ (члены) рѣшить не могутъ“, то дѣла вносятся на рѣшеніе Сената ихъ президентами, черезъ генерала или оберъ - прокурора; но когда такія дѣла представляются Сенату изъ 3-хъ первыхъ коллегій, то въ Сенатъ должно „съ оными приходитъ тѣхъ коллегій совѣтникамъ“. Здѣсь, такимъ образомъ, внѣшне, въ порядкѣ сношеній, выражено различіе между коллегіями, стоящими „подъ Сенатомъ“, и наряду съ нимъ: по петровской „должности“, гдѣ, по крайней мѣрѣ, *de jure* всѣ коллегіи стояли „подъ Сенатомъ“, дѣла всѣхъ ихъ одинаково „объявлялись“ генераль - прокурору президентами коллегій (п. 2-ой). Если даже и считать это различіе въ сношеніяхъ между первыми 3-мя коллегіями и Сенатомъ выраженіемъ принципа, высказаннаго въ пунктѣ 11-мъ „мнѣнія не въ указъ“, что „первыя три коллегіи подъ Сенатомъ быть

¹⁶⁾ LVI, стр. 325, 555; VII, № 5017 (п. 9); ср. выше, стр. 88 сл.; стр. 100 сл.

не могутъ“ (LV, стр. 95) ¹⁷⁾, то въ „должности“, далѣе, вовсе нѣтъ упоминанія о пунктѣ 12-омъ „мнѣнія“, гдѣ сказано, что „апелляціи на Сенатъ и прочія первѣйшія 3 коллегіи всемѣрно къ Ея И. Величеству учинить позволено быть имѣть“, и даже, наоборотъ, по п. 4-му, не различаются „первѣйшія“ коллегіи отъ всѣхъ прочихъ, когда дѣло идетъ объ жалобахъ на нихъ ¹⁸⁾. Если мы обратимъ вниманіе на то, что этотъ 4-ый пунктъ „должности“ 1726 г. есть буквальное повтореніе четвертаго-же пункта сенатской „должности“ 1722 г. то можно придти къ заключенію, что здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, думали, повидимому, оставить все „по обыкновенному до сего времени учрежденію и подчиненію“, не предвидя никакихъ неудобствъ отъ этого, даже послѣ того какъ былъ созданъ Совѣтъ.

Новая „должность“ Сената говоритъ, наконецъ, о правахъ Сената по выборамъ разнаго рода лицъ на государственную службу. Такъ, по пункту 5-му, Сенатъ выбираетъ кандидатовъ на должности президентовъ, вице-президентовъ и совѣтниковъ „штатскихъ коллегій“, представляя ихъ на утвержденіе Совѣта; по пункту 6-му тоже постановлено относительно выбора кандидатовъ въ губернаторы, вице-губернаторы, оберъ-комменданты и комменданты, при чемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, эти выборы должны производиться Сенатомъ по сношенію съ Военною коллегіею. Затѣмъ тѣ-же пункты перечисляютъ ¹⁹⁾ рядъ должностей, которыя замѣщаются са-

17) Ср. еще указъ 28 Марта о формѣ сношеній „промеморіями“ Сената съ тремя первыми коллегіями (VII, № 4862).

18) п. 4: „какія челобитныя поданы будутъ рекетмейстеру на неправый судъ коллегій и канцелярій, которые къ коллегіямъ неподчинены, то ему, рекетмейстеру, оныя принявъ, по нихъ предлагать Сенату . . . къ рѣшенію“ и пр.

19) п. 5: „въ штатскія коллегіи президентовъ, вице-президентовъ и совѣтниковъ выбирать сперва кандидатовъ и оныхъ для опредѣленія, Намъ въ В. Т. Совѣтъ представить; а въ другіе коллежскіе члены и прочія нижнія чины выбирать по указу, какъ и прежде бывало, достойныхъ“; п. 6: „Сенату-же выбирать и объявлять въ провинціи вое-

мимь Сенатомъ безъ представленія Совѣту. Здѣсь также „должность“ 1726 г. неполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности, повторяя, въ общемъ, постановленія „должности“ 1722 г. (п. 6) ²⁰). Такъ, напр., по пункту 6-му, Сенатъ „выбираетъ и объявляетъ“ воеводъ въ провинціи; въ дѣйствительности-же, выборы ихъ производились въ Совѣтѣ, по особому порядку, имъ установленному ²¹). Такъ, далѣе, и въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда Сенатъ по своей „должности“ имѣлъ самъ право на назначеніе того или другаго лица на одну изъ указанныхъ въ пунктѣ шестомъ должностей, онъ представлялъ лишь своихъ кандидатовъ Совѣту: напр., въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1726 г. понадобилось назначить президента въ курскій надворный судъ, чтó вполнѣ было во власти Сената; онъ, однако, обращается въ Совѣтъ „съ всеподаннѣйшимъ доношеніемъ“, въ которомъ указываетъ только своего кандидата (LV, стр. 432) и т. п. Впрочемъ, какъ мы увидимъ потомъ, многія изъ указанныхъ въ 6-мъ пунктѣ

водъ, ассессоровъ, камерировъ, рентмейстеровъ и земскихъ и судебныхъ комиссаровъ; въ губерніяхъ президентовъ въ надворные суды и земскихъ секретарей; а губернаторовъ, вице-губернаторовъ и оберъ-комендантовъ и коммендантовъ, которые изъ воинскихъ чиновъ, и тѣхъ выбирать, снесись съ Военною коллегіею (сіе разумѣется о тѣхъ, которые обязаны гражданскими дѣлами, а которые гражданскими дѣлами не обязаны, тѣхъ Военской коллегіи по прежнему выбирать) и намъ въ В. Т. Совѣтѣ для опредѣленія представлять“.

20) Кромѣ, конечно, постановленія 5-го пункта о баллотировкѣ „въ вышнія чины“, такъ какъ выборъ въ послѣдніе принадлежитъ теперь Совѣту, даже „по должности“.

21) Въ журналѣ 18 Января 1727 г. читаемъ: „призвать сенатскаго секретаря и объявить ему, что для выбора въ города, въ которыхъ нѣтъ воеводъ, такожъ и на перемѣну другихъ, когда позваны будутъ въ В. Т. Совѣтъ, во время собранія, сенаторы и изъ коллегій президенты съ членами, тогда-бы оны имѣли при себѣ извѣстіе, въ которыхъ провинціяхъ воеводы, во отправленіи дѣлъ, по посланнымъ изъ Сената и изъ коллегій указамъ, исправны и кои неисправны. И о семъ изъ Сената дать знать всѣмъ коллегіямъ, кромѣ 2-хъ военныхъ и иностранной, а въ оныя послать изъ В. Т. Совѣта“ (LXIII, стр. 45).

должностей исчезаютъ, такъ что, если сама „должность“ Сената 1726 г. быстро отживаетъ свой вѣкъ, то не менѣе быстро исчезаютъ упоминаемыя въ ней учрежденія и лица. Это приводитъ насъ опять-таки къ тому выводу, что, преобразованія велись безъ намѣченного ранѣе плана, что, учреждая В. Т. Совѣтъ, не знали сами, какъ и куда направить онъ свою дѣятельность, что будетъ оставлено имъ въ дѣйстви и что исчезнетъ. Иначе, чѣмъ объяснить, что столь многое, о чемъ упоминается въ „должности“, какъ относительно Сената, такъ и другихъ учреждений, такъ быстро исчезаетъ? Зачѣмъ было и издавать ее, когда столь скоро упоминаемое въ ней сдѣлалось архаизмомъ?

Но, если, такимъ образомъ, новая „должность“ Сенату была какимъ-то архаическимъ уставомъ, повторявшимъ частію постановленія петровской „должности“ 1722 г., безъ особаго вниманія къ тому, что совершалось кругомъ, то указъ 28 Февраля о формѣ сношеній Совѣта съ Сенатомъ и коллегіями являлся естественнымъ дополненіемъ къ указу 8 Февраля²²⁾; при этомъ небезынтересно также отмѣтить, что указъ этотъ санкционировалъ для всеобщаго свѣдѣнія лишь то, что Совѣтъ самъ для себя выработалъ въ своемъ „мнѣніи не въ указъ“; поэтому въ немъ почти дословно говорится о сношеніяхъ Совѣта съ Сенатомъ то, что было установлено самимъ Совѣтомъ и затѣмъ утверждено Императрицею²³⁾. При этомъ указъ 28 Марта яснѣе, чѣмъ указъ 8 Февраля, подчеркиваетъ, какъ и „мнѣніе не въ указъ“, непосредственность отношеній Совѣта къ верховной власти. Такъ, въ немъ указывается

22) Соответствующія мѣста указовъ 8 Февраля и 27 Марта приведены нами выше, стр. 30 сл.; пр. 12-ое и 14-ое.

23) По „мнѣнію не въ указъ“ сказано объ указахъ, выходящихъ изъ Совѣта, что должно „писать въ началѣ: Мы, Божіею милостію, въ срединѣ: повелѣваемъ; а во окончаніи: данъ въ нашемъ Т. Совѣтѣ; послѣ далума: „по указу Ея И. Величества“ (для указовъ, состоявшихся безъ подписи Ея В.) — LV, стр. 94, п. 2-ой, въ концѣ; ср. выше, пр. 14, стр. 31.

на „президентство“ самой Государыни въ Совѣтъ²⁴⁾ (о чемъ еще не говорилось въ указѣ 8 Февраля); опредѣленіе, чѣмъ по указу 8 Февраля, говорится о исхожденіи и м е н н ы х указовъ Императрицы изъ Совѣта и устанавливается, наконецъ, поступленіе „рапортовъ, доношеній или представленій“, идущихъ въ Совѣтъ, „прямо на имя наше“²⁵⁾. Особенно интересно остановиться на послѣднемъ вопросѣ о порядкѣ поступленія въ Совѣтъ рапортовъ и доношеній, который устанавливается въ указѣ 28 Марта прямо на основаніи 4-го пункта „мнѣнія не въ указъ“, хотя, конечно, здѣсь и не повторено тѣхъ мотивовъ, которые высказаны по этому вопросу во „мнѣніи“. Именно, пунктъ 4-ый гласитъ, что „тѣ рапорты, доношенія и представленія, которыя изъ Сенату и другихъ коллегій и канцелярій, приходитъ могутъ и до вершенія Т. Совѣта принадлежатъ, не имѣютъ на имя Т. Совѣта (какъ это было опредѣлено указомъ 8 Февраля), но для объявленной во 2-мъ пунктѣ причины, прямо на имя Ея И. Величества надписаны быть, одна кожъ, къ подаванію въ Т. Совѣтъ“. „Причина“ эта, по указанному пункту „мнѣнія“, заключалась въ томъ, что „Ея Величество во ономъ первое президентство сама управляетъ“ и что она „персонально часто присутствовать будетъ“, почему все восходитъ въ Совѣтъ и исходитъ изъ

24) Подобно тому, какъ въ п. 2-мъ „мнѣнія не въ указъ“, сказано, что „Ея В. въ ономъ Т. Совѣтъ первое президентство сама управляетъ“.

25) Именно, въ указѣ 8 Февраля говорится, что изъ Совѣта посылаются въ Сенатъ и коллегіи указы „съ такимъ изображеніемъ въ заглавіи: указъ Е. И. В., состоявшійся въ В. Т. Совѣтъ“; въ законѣ-же 28 Марта различаются указы, идущіе изъ Совѣта „за собственною нашею рукою“ и „указы, которые не будутъ за собственною нашею рукою“; о поступленіи „репортовъ, доношеній“ и пр. въ В. Т. Совѣтъ „прямо на имя наше“ вовсе ничего не говорилось, а лишь повелѣвалось писать просто „доношеніе въ В. Т. Совѣтъ“.

него „ея именем“²⁶⁾, т. е., иначе говоря, Совѣтъ, въ своемъ „мнѣніи не въ указъ“, которое перешло затѣмъ и въ указъ 28 Марта, болѣе ясно и опредѣленно, чѣмъ это было въ указѣ 8 Февраля, отгѣнилъ свое положеніе по отношенію къ верховной власти; это, въ свою очередь, яснѣе и опредѣленнѣе поставило вопросъ объ отношеніи Сената какъ къ верховной власти, такъ и къ самому Совѣту: Сенатъ не имѣетъ отнынѣ права на непосредственное сношеніе съ верховною властію, онъ, наравнѣ съ другими коллегіями, можетъ входить съ доношеніями своими на высочайшее имя только черезъ Совѣтъ; Совѣтъ „именемъ нашимъ“ даетъ указы Сенату и коллегіямъ, отъ которыхъ Сенатъ, въ порядкѣ сношеній съ Совѣтомъ, ничѣмъ теперѣ не отличается и т. д.

Таковъ былъ первоначальный кругъ узаконеній, касавшихся Сената: послѣдній сталъ въ одинъ рядъ съ прочими коллегіями, поскольку дѣло касалось его сношеній съ Совѣтомъ. Но сами коллегіи по отношенію къ Сенату распались на 2 вида: на коллегіи, стоявшія въ равномъ положеніи къ Сенату (это такъ называемыя „три первыя коллегіи“) и на

26) Указъ 28 Марта передаетъ этотъ пунктъ „мнѣнія“ слѣдующимъ образомъ: „рапорты-же, доношенія или представленія, которыя изъ Сената и изъ другихъ коллегій и канцелярій приходятъ могутъ, и до вершенія Т. Совѣта принадлежатъ, имѣютъ прямо на имя наше писаны быть, а именно по сему: Ея И. В—ву, самодержицѣ Всероссійской всеподданнѣйшее доношеніе изъ Сената . . . И къ тѣмъ доношеніямъ подписываться самимъ членамъ въ Сенатѣ, а изъ коллегій и президентамъ и членамъ. А въ тѣхъ доношеніяхъ въ низу подписываться: къ подаенію въ В. Т. Совѣтъ“. За исключеніемъ предписанія о порядкѣ подписей доношеній, все остальное является здѣсь повтореніемъ четвертаго пункта „мнѣнія“. Замѣтнѣе кстати, что указъ 28 Марта о формѣ сношеній Совѣта съ Сенатомъ и коллегіями (VII, № 4862) былъ данъ изъ Совѣта Сенату еще 18 Марта (LV, стр. 119), т. е. всего черезъ два дня послѣ утвержденія Императрицею совѣтскаго „мнѣнія не въ указъ“. Совѣтъ такимъ образомъ очень слѣпшилъ, какъ-бы игнорируя сенатскую должность 7 Марта, сдѣлать извѣстнымъ Сенату свои постановленія, созданныя въ развитіе указа 8 Февраля и закрѣпившія его значеніе и отношеніе къ Сенату.

коллегіи ему подчиненныя. То начало единства въ подчиненіи коллегій Сенату, какъ высшему учрежденію, которое проводилось законодательствомъ предшествующаго царствованія, по крайней мѣрѣ *de jure*, теперь было нарушено, въ угоду наиболѣе вліятельныхъ членовъ Совѣта; вполнѣ послѣдовательно поэтому нѣсколько позднѣе, а именно указомъ 8 Іюня того-же года, Совѣтъ, по требованію Военной коллегіи, предписалъ и Сенатской конторѣ сноситься съ конторами первыхъ трехъ коллегій „промеморіями“ (VII, № 4905).

Переходя отъ обзора этихъ первоначальныхъ и вмѣстѣ важнѣйшихъ узаконеній, касавшихся Сената, къ послѣдующимъ, замѣтимъ, что изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе прежде всего мѣры, имѣвшія цѣлю развить въ подробностяхъ идею верховенства Совѣта въ области финансоваго управленія, чѣмъ подрывалось прежнее значеніе Сената; сдѣлать, далѣе, Совѣтъ сосредоточіемъ всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Извѣстна роль петровскаго Сената въ области верховнаго финансоваго управленія: Сенатъ долженъ былъ заботиться объ усиленіи средствъ государственнаго казначейства; онъ распоряжался доходами и расходами государства, являлся высшимъ органомъ контроля надъ приходомъ и расходомъ государственныхъ суммъ. Всѣ эти функціи Сената, естественно, переходятъ теперь къ Совѣту: уже указъ 15 Іюля 1726 г. запрещаетъ чрезвычайные расходы безъ именнаго или совѣтскаго указа (VII, № 4930); указъ 4 Января 1727 г. требуетъ подачи Сенатомъ въ Совѣтъ ежедневныхъ перечневыхъ вѣдомостей о движеніи государственныхъ доходовъ и расходовъ (*ib.*, № 4998), конечно, для того, чтобъ Совѣтъ зналъ о состояніи государственнаго казначейства и могъ, сообразно съ этимъ, распоряжаться его суммами; наконецъ, указъ 24 Февраля того-же года, учреждая Ревизионъ-коллегію, подчиняетъ ее В. Т. Совѣту, требуя, чтобы „оная обо всемъ состояніи ея дѣлъ помѣсячно въ В. Т. Совѣтъ рапортовала“ (*ib.*, № 5017, п. 9). На по-

слѣднемъ указѣ необходимо остановиться болѣе подробно, ввиду его важности. Дѣло въ томъ, что уже въ царствованіе Петра В. раздавались голоса противъ плохаго состоянія отчетности въ государствѣ ²⁷⁾. Петръ В., однако, нашелъ необходимымъ уничтожить въ 1722 г. Ревизіонъ-коллегію и передать вполнѣ контроль надъ движеніемъ государственныхъ доходовъ и расходовъ въ руки Сената (VI, № 3877, п. 3), откровенно сознавшись, что „Ревизіонъ-коллегіи (надлежитъ) быть при Сенатѣ, понеже едино дѣло есть, что Сенатъ дѣлаеть, и не разсмотря тогда учинено было“. Но Сенатъ, въ его многотрудной и разнообразной дѣятельности, повидимому, мало успѣвалъ въ этой контролирующей роли въ данной области, почему указомъ 7 Іюля 1726 г. было вновь повелѣно „Оберъ-ревизіонъ-контору учинить по прежнему коллегіею, дабы крѣпкое смотрѣніе было за приходами и расходами“ (VII, № 4753). Съ учрежденіемъ В. Т. Совѣта, по новой „должности“ Сената 1726 г., однако, было повелѣно „Ревизіонъ-контору имѣть счетомъ въ полномъ вѣденіи въ Сенатѣ“ (ib., № 4847, п. 13), т. е. возстановленъ былъ вновь петровскій порядокъ. Сенатъ, какъ это видно изъ его „доношенія“ Совѣту отъ 10 Октября 1726 г., ничего не имѣя противъ этой важной обязанности, возложенной на него „должностью“, представилъ, однако, Совѣту, что въ Ревизіонъ-конторѣ въ данное время никого нѣтъ, кромѣ канцелярскихъ служителей (почему „взысканія счетовъ имѣть некому“) и что, не смотря на то, что по указу 1725 г. въ Ревизіонъ-коллегіи должны были быть особый президентъ, вице-президентъ и совѣтники, ихъ до сихъ поръ назначено не было, т. е., иначе говоря, фактически этой коллегіи не существовало вовсе. Представляя кандидатовъ на нее

27) П. Н. Милоковъ, ib., стр. 683 сл.; С. А. Петровскій, ib., стр. 280 сл.; стр. 300 сл.

Сенатъ всеподданнѣйше просилъ, „дабы по силѣ указа (1725 г.) повелѣно было Ревизионъ - контору учинить коллегією, дабы (она) надъ счетами и взысканіемъ имѣла прилежное смотрѣніе“, повидимому, полагая, что это не поведетъ къ изъятію изъ его вѣдомства высшаго контроля надъ новою коллегією, на чтó прямо указываетъ ссылка Сената, въ его доношеніи, на вышеприведенный 13 пунктъ его „должности“. Совѣтъ согласился съ Сенатомъ въ необходимости возстановленія Ревизионъ-коллегіи (LVI, стр. 554 сл.), добавивъ, однако, въ именномъ указѣ 24 Февраля слѣдующаго года (коимъ это возстановленіе было сдѣлано), что новая коллегія „репортуетъ“ о состояніи своихъ дѣлъ прямо и непосредственно Совѣту. Знаменательно, что мотивъ, приведенный Совѣтомъ для оправданія этой мѣры, косвенно (и едва ли несправедливо) осуждалъ предшествующую дѣятельность Сената²⁸); несомнѣнно, Совѣтъ надѣялся, что, подъ его главенствомъ, дѣла государственнаго контроля, переданныя въ болѣе самостоятельное учрежденіе, чѣмъ прежняя сенатская Ревизионъ - контора, пойдутъ лучше; но эта надежда, однако, на дѣлѣ плохо оправдалась. Въ Іюль мѣсяцѣ 1727 г., напр., Совѣтъ весьма настоятельно, подъ угрозою штрафовъ, приказывалъ новой коллегіи окончить въ этотъ годъ ревизію всѣхъ счетовъ за предъидущій годъ; въ Апрѣль 1728 г., однако, эта ревизія не была еще окончена, и Совѣтъ долженъ былъ удержать у сенаторовъ, президентовъ и членовъ неисправныхъ коллегій (въ томъ числѣ и у самой Ревизионъ-коллегіи) жалованье, „покаместъ тѣ

28) Именно, указъ 24 Февраля 1727 г. говорить, что „понеже ревизія не меньше, какъ и экономія (нужна); а у насъ только она именовъ, а въ самомъ дѣлѣ счету никогда не бывало и отъ того происходитъ, что и по сіе время нѣтъ совершеннаго извѣстія о приходѣ и расходѣ и объ остаткахъ: того ради учредить Ревизионъ-коллегію“ . . . (VII, № 5017, п. 9); срав. п. 12 указа 9 Января 1727 г. о томъ-же, въ „Сбор. отд. р. яз. и сл.“, т. IX, стр. 97.

счета исправно подадутъ“ (VII, № 5124; VIII, № 5263), повторивъ эту угрозу вновь въ Декабрѣ того-же года (ib., № 5350). Такъ всеильный вообще Совѣтъ оказывался безсильнымъ въ организаціи на практикѣ правильной отчетности въ движеніи государственныхъ суммъ.

Если указанныя мѣры, въ связи съ другими, во всякомъ случаѣ, сдѣлали изъ Совѣта сосредоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго финансоваго управленія, то другія, и изъ нихъ прежде всего уничтоженіе должности генераль-рекетмейстера, продолжали разрушать прежнюю организацію Сената. Такъ, 2 Марта 1727 г. кн. Меншиковъ, освѣдомившись, что на вакантную должность рекетмейстера никто еще не назначенъ, приказалъ оберъ-секретарю Маслову (докладывавшему ему о дѣлахъ Совѣта, которыя состоялись въ его отсутствіе), объявить въ Совѣтѣ „свое разсужденіе“, что лучше всего было-бы, еслибы члены Совѣта согласились поручить эту должность сенатскому оберъ-прокурору. Послѣдній, по разсужденію Меншикова, и безъ того дѣлаетъ Сенату представленія „о всякихъ дѣлахъ“; поэтому „приличнѣе быть имѣетъ ему и челобитныя принимать въ неправыхъ вершеніяхъ на коллегіи, также и прочія, гдѣ, по которымъ бить челомъ надлежитъ, разсматривая помѣчать и отсылать“ . . . При этомъ Меншиковъ находилъ, что обязанности оберъ-прокурора и генераль-рекетмейстера почти совпадаютъ, такъ какъ, по его мнѣнію, „почитай-то все дѣло одно: и рекетмейстеръ въ Сенатъ приходитъ, а представлять долженъ (о дѣлахъ) оберъ-прокурору; отъ того двойныхъ людей для одного дѣла и на нихъ жалованія происходитъ напрасно не будетъ“ (LXIII, стр. 190). „Разсужденіе“ Меншикова, при его всемогуществѣ, было закономъ для собранія, и вотъ уже 6 Марта состоялся указъ Совѣта о соединеніи должности генераль-рекетмейстера съ должностью оберъ-прокурора Сената, при чемъ указъ этотъ мотивированъ тѣми-же соображеніями, какія высказалъ и Меншиковъ въ своемъ „разсужденіи“ (ib.,

стр. 208) ²⁹⁾; рекетмейстерская контора при этомъ уничтожалась, „чтобы напраснаго жалованья не происходило“, какъ добавляетъ указъ въ поясненіе. Остановимся на этой мѣрѣ Совѣта болѣе подробно. Хотя Меншиковъ и находилъ, что должность генераль - рекетмейстера совпадаетъ съ должностію оберъ - прокурора и что съ ея уничтоженіемъ не будетъ „двойныхъ людей для одного дѣла“, но, конечно, это было совершенно невѣрно. Обязанности оберъ-прокурора, соединенныя въ это время, кромѣ того, съ исполненіемъ должности генераль - прокурора, были совершенно отличны отъ обязанностей генераль-рекетмейстера, и раздѣленіе ихъ функцій, къ которому Петръ В. пришелъ несразу, а путемъ долгаго опыта, имѣло за себя великое оправданіе. Достаточно вспомнить главнѣйшіе указы Петра В., относящіеся къ той и другой должности, и обратить вниманіе на тѣ столкновенія, какія происходили въ петровскомъ Сенатѣ между носителями обѣихъ должностей ³⁰⁾, чтобы согласиться съ этимъ. Важное для правильнаго движенія государственнаго механизма начало раздѣленія отдѣльныхъ функцій управленія, положенное въ основу многихъ реформъ Петра В., нуждалось, конечно, въ дальнѣйшемъ развитіи и нечего было думать о тѣхъ небольшихъ выгодахъ, какія могли получиться отъ сокращенія бюджета при уничтоженіи той или другой должности, ввиду тѣхъ неудобствъ, какія неминуемо происходили при соединеніи разнородныхъ, и прежде раздѣленныхъ обязанностей, въ рукахъ одного лица. Можно, впрочемъ, думать, что сокращеніе расходовъ, о

29) Ср. VII, № 5023, указъ 7 Марта о томъ-же. Наглядный примѣръ всемогущества Меншикова, перерѣшавшаго даже указы самой Екатерины I, представляетъ, между прочимъ, еще дѣло о назначеніи Хлопова вице-губернаторомъ (журналъ 8 Марта того-же года, LXIII, стр. 219).

30) Эти указы и столкновенія подробно отмѣчены въ изслѣдованіи С. А. Петровскаго „О Сенатѣ и пр. (стр. 157 сл.; стр. 181 сл.; стр. 185 сл.; стр. 200 сл.), куда мы и отсылаемъ за справками.

чемъ говоритъ Меншиковъ въ своемъ „разсужденіи“, было лишь однимъ изъ поводовъ, на который сочли возможнымъ открыто указать, хотя дѣйствительныя причины къ уничтоженію должности генераль-рекетмейстера были совѣтъ иныя. Какъ уже мы говорили неразъ, Совѣтъ постепенно дѣлался сосредоточіемъ всѣхъ дѣлъ управления: чѣмъ выше подымалось значеніе учрежденія, тѣмъ больше, между прочими дѣлами, къ нему стекалось всякаго рода прошеній и челобитій. Къ концу уже царствованія Екатерины I, Совѣтъ жалуется на умноженіе челобитій въ его канцеляріи и принимаетъ мѣры къ устраненію изъ нея тѣхъ, кои не относятся до его компетенціи ³¹⁾. Нѣсколько позднѣе, именно 26 Апрѣля 1727 г., Совѣтъ, по предложенію Макарова, вновь разсматриваетъ вопросъ о челобитьяхъ, причемъ Макаровъ, исходя изъ мысли, что „должность генераль-рекетмейстера — челобитныя принимать и разсматривать“, находилъ, что исполняющій обязанности рекетмейстера Воейковъ долженъ ежедневно являться „при дворѣ Ея Величества для принятія тѣхъ челобитенъ“. Воейковъ, однако, отказался отъ этого, справедливо указывая на то, что „ежели ему ежедневно быть при дворѣ Ея И. Величества ради принятія челобитенъ, то въ Сенатѣ при другихъ дѣлахъ будетъ остановка“, почему и предложилъ отсылать къ нему впредь челобитчиковъ. Совѣтъ согласился съ этимъ. Но само предложеніе Макарова показываетъ, что была мысль какъ-бы превратить рекетмейстера изъ лица, состоявшаго при Сенатѣ, въ лицо, состоявшее при Совѣтѣ (ib., стр. 469). Весьма возможно, что и Меншиковъ, вслѣд-

31) Въ журналѣ 16 Марта 1727 г. читаемъ: „разсужденіе имѣлось, что умножилось челобитчиковъ при канцеляріи В. Т. Совѣта; того для, буде стануть впредь подавать челобитныя и оныя оберъ-секретарю А. Маслову разсматривать, и прежде поданныя разсмотрѣть-же, и ежели, по онымъ будетъ что являться до рѣшенія Сената или которой коллегіи, отсылать туда со объявленіемъ указаго рѣшенія безъ продолженія времени“ (LXIII, стр. 301).

ствіе все болѣе и болѣе увеличивавшагося притока челобитій въ Совѣтъ, находилъ, хотя и не высказывалъ этого, что особый генераль - рекетмейстеръ при Сенатѣ излишенъ ; сама практика указывала, наоборотъ, что при Совѣтѣ необходимо лицо, которое разсматривало-бы эти челобитья, почему временно и былъ назначенъ къ исполненію этой обязанности оберъ - секретарь Совѣта Масловъ. Расширеніе дѣятельности Совѣта, обращеніе всѣхъ къ нему за милостіями, естественно, уменьшало значеніе Сената и вело къ разрушенію его прежняго строя, въ которомъ генераль-рекетмейстеръ (подобно упраздненному *de facto* генераль-прокурору), игралъ громадную роль, теперь становившуюся почти излишнею, по мнѣнію Совѣта. Совѣту слѣдовало-бы не уничтожить этой должности, а перевести ее изъ Сената въ Совѣтъ, чтó собственно нѣсколько поздно и предлагалъ Макаровъ, и съ чѣмъ согласился Совѣтъ, забывъ, что отдѣльно должности этой уже не существуетъ въ это время, и Воейковъ несетъ на себѣ другія обязанности, прямо привязывающія его къ Сенату ³²).

Въ своемъ стремленіи къ уменьшенію штата и избавленію учреждений отъ „двойныхъ людей у одного дѣла“, Совѣтъ готовъ былъ даже иногда вернуться къ петровскимъ порядкамъ. Такъ, напр., уже 18 Февраля 1726 г., т. е. тотчасъ по учрежденіи Совѣта, послѣдній, указывая на президента Мануфактуръ-коллегіи В. Я. Новосильцева, какъ на кандидата въ сенаторы, находилъ, что онъ можетъ вмѣстѣ

32) Странно, что Макаровъ, предлагая Воейкову являться ежедневно ко двору для принятія челобитенъ, прямо указываетъ на то, что де „сія должность генераль - рекетмейстера, что ему оныя челобитныя н а д о б н о принимать и разсматривая, которая, куда надлежитъ, отсылать указаго ради рѣшенія“ (ib.), забывая, что этой должности, послѣ указа 6 Марта, уже не существуетъ. Впрочемъ, какъ это видно изъ указа 6 Марта, Совѣтъ всего за мѣсяць, по указу 9 Февраля, еще не думалъ объ уничтоженіи этой должности и, наоборотъ, имѣлъ намѣреніе назначить на нее кого-либо (ib., стр. 208), но воля Меншикова рѣшила иначе.

съ тѣмъ продолжать вѣдать названную коллегію, „яко президентъ“. Императрица, впрочемъ, усумнилась въ удобствѣ такого совмѣщенія и „изволила разсуждать, что, хотя та коллегія невелика, однакожъ, дѣло новое“. Совѣтъ, черезъ Макарова, возразилъ на это, что „и прежде сего были президенты въ коллегіяхъ и въ Сенатѣ присутствовали“, что, кромѣ того, „въ помощь“ Новосильцеву выбранъ, какъ вице - президентъ, прокуроръ той - же коллегіи А. Бибиловъ; Императрица уступила этимъ доводамъ и утвердила выборъ означенныхъ лицъ (LV, стр. 46, 86, 134). Характерно отмѣтить, что Совѣтъ, ссылаясь на прежній порядокъ соединенія президентства въ коллегіяхъ съ званіемъ сенатора, какъ - бы забылъ, что самъ Петръ В., указомъ 12 Января 1722 г., осудилъ совершенно эту систему (VI, № 3877), по очень вѣскимъ основаніямъ. Кажется, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Совѣтъ мало обдумывалъ свои рѣшенія: по крайней мѣрѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а именно уже 15 Іюня того - же года, онъ разсуждалъ о томъ, что „дѣламъ трехъ коллегій, которыя касаются до одного купечества, а именно, Коммерцъ, Мануфактуръ, Магистратъ“ надлежитъ „быть въ одномъ мѣстѣ“ (LV, стр. 363), что позднѣе и было исполнено: такъ, по указу 24 Февраля 1727 г. (VII, № 5017, п. 5), Мануфактуръ-коллегія была соединена съ Коммерцъ - коллегіею, и Новосильцевъ изъ ея президентовъ превратился въ „протектора“ фабрикантовъ, которые могли время отъ времени съѣзжаться „для совѣта въ Москву“. Такъ Совѣтъ, начавъ съ одной мѣры, вскорѣ, въ отмѣну ея, узаконилъ другую, при чемъ и послѣдняя, какъ увидимъ ниже, была затѣмъ отмѣнена. Впрочемъ, мысль о соединеніи должности президента коллегіи съ званіемъ сенатора возникла у Совѣта позднѣе. Такъ, когда 4 Ноября 1726 г., Совѣтъ, по докладу Сената, рѣшилъ „учинить Ревизионъ-контору коллегіею“, то онъ въ президенты ея представилъ сенатора Наумова, основываясь на томъ, что онъ „и прежде у тѣхъ дѣлъ уже былъ“ и что онъ могъ-бы, „когда

въ коллегіи (для дѣла) крайней нужды не будетъ . . . въ Сенатѣ присутствовать-же“ (LVI, стр. 325). Императрица, однако, назначила другаго президента, а именно И. И. Бибикова (VII, № 5017, п. 9), оберъ-прокурора Сената, исполнявшаго тогда и обязанности генераль-прокурора. Очень вѣроятно, что и здѣсь Совѣтомъ руководило желаніе сокращать, по возможности, штатъ служащихъ; но, Императрица, не согласившись съ Совѣтомъ и назначивъ, указомъ 17 Февраля слѣдующаго года, въ Сенатѣ, на мѣсто Бибикова, М. Воейкова (LXIII, стр. 120), тѣмъ еще яснѣе подтвердила, что новая коллегія должна, какъ указывалось уже нами выше, стоять въ непосредственномъ отношеніи къ Совѣту, а не зависѣть, какъ прежняя Ревизіонъ-контора, отъ Сената (по 13-му пункту его „должности“).

Мало замѣтное, но довольно характерное измѣненіе произошло далѣе и по отношенію къ составу т. н. Сенатской конторы. Какъ извѣстно, указомъ 19 Января 1722 г., Петръ В., ввиду тѣхъ неудобствъ, какія представляло нахожденіе Сената и коллегій въ Петербургѣ, повелѣлъ устроить въ Москвѣ ихъ „конторы“; затѣмъ приказалъ поставить надъ конторами коллегій одного „члена изъ Сената“ и „имѣть Сенатскую контору для сего управленія и исполненія указовъ сенатскихъ“; при этомъ члены этихъ всѣхъ конторъ должны были перемѣняться „по годно“ (VI, № 3887). Еще до учрежденія Совѣта, по указу 5 Іюля 1725 г., въ Сенатскую контору членомъ былъ опредѣленъ гр. Ив. А. Мусинъ-Пушкинъ, старѣйшій изъ сенаторовъ. Въ Августѣ 1726 г. Сенатъ, — основываясь на вышеназванномъ указѣ Петра и именномъ указѣ Екатерины объ отправленіи въ Москву, на смѣну гр. Мусину-Пушкину, другаго сенатора, — представлялъ, какъ кандидата, кн. Алексѣя Долгорукаго; при этомъ Сенатъ, въ своемъ „доношеніи“, объявилъ „мнѣніе, что въ той конторѣ, для лучшаго управленія, надлежитъ быть изъ сенатскихъ членовъ двумъ человекамъ, того ради, чтобъ въ дѣлахъ поспѣшнѣе управленіе было

и ежели кто заболитъ, то другой могъ - бы безъ остановки дѣла отправлять“. . . . Сенатъ въ это время состоялъ изъ 8 членовъ, и Совѣтъ согласился, что двое изъ нихъ могли бы быть отправлены въ Москву для занятій въ Сенатской конторѣ. Екатерина, однако, не только не нашла возможнымъ исполнить этого требованія, но, вопреки своему собственному и петровскому указамъ, оставила Мусина - Пушкина въ Москвѣ „по прежнему“, приказавъ лишь состоять при немъ его сыну Платону (LVI, стр. 601 сл.). Такъ, по тѣмъ, или инымъ соображеніямъ, мотивы коихъ не всегда доступны изслѣдованію, то возвращались къ петровскимъ узаконеніямъ, то отступали отъ нихъ. Оставляя сенатскую контору въ рукахъ престарѣлаго гр. Мусина-Пушкина, который самъ тяготился своею должностію (Соловьевъ, XVIII, стр. 283), и не желая исполнить предложенія Сената объ усиленіи, для успѣха дѣла, ея штата изъ числа наличныхъ сенаторовъ, могли руководствоваться тою мыслию, что сенатскія учрежденія вообще не нуждаются въ подъемѣ, что, наоборотъ, при существованіи В. Т. Совѣта, ихъ роль совершенно второстепенна и незначительна. Есть цѣлый рядъ мелкихъ постановленій Совѣта, которыя ясно живописуютъ эту мысль, не говоря уже о тѣхъ крупныхъ мѣропріятіяхъ Совѣта по отношенію къ Сенату, на которыя мы указывали неразъ выше. Напр., указъ 14 Октября 1726 г. беретъ „изъ сенатской сумму“ на штатъ канцеляріи В. Т. Совѣта 3300 р. (VII, № 4965); указъ 19 Декабря того-же года, повелѣвая оставить изъ сенатской роты при Сената лишь 40 человекъ³³⁾, находить возможнымъ „содержать ихъ изъ положенной на сенатскую канцелярію суммы“ (LVI, стр. 541); изъ Сената и другихъ учрежденій берутся въ Совѣтъ разныя лица и оставляются

33) Ранѣе, по указу 27 Мая того-же года, эту роту предполагалось уничтожить вовсе (см. выше, стр. 157, пр. 10).

при немъ, нерѣдко безъ замѣны ихъ въ первыхъ — другими³⁴⁾. Совѣтъ вообще былъ склоненъ уменьшать штаты Сената³⁵⁾ и уничтожать существующія при немъ учрежденія, безъ особенно внимательнаго изученія, насколько это возможно сдѣлать безъ ущерба для дѣла. Когда, напр., въ Январѣ 1727 г. въ Совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ о назначеніи „протекторомъ“ фабрикантовъ сенатора Новосильцева и соединенію Мануфактуръ - коллегіи съ Коммерцъ-коллегію, то было найдено, что „для того конторы при Сенатѣ быть не для чего“, но Новосильцевъ можетъ о фабрикантахъ „стараніе имѣть какъ въ коллегіи (т. е. въ Коммерцъ - коллегіи), такъ и въ Сенатѣ безъ особой конторы“, обходясь при этомъ съ тѣми подъячими, которые есть налицо въ Сенатѣ (LXIII, стр. 51); затѣмъ въ Февралѣ послѣдовалъ указъ объ от-

34) Напр., оберъ-секретарь Сената Ан. Масловъ былъ назначенъ въ канцелярію Совѣта, вмѣстѣ съ секретаремъ 2-го департамента Синода Ив. Топильскимъ (ib., стр. 251); сенатскій секретарь Ив. Елагинъ былъ назначенъ въ Совѣтъ „для исправленія всѣхъ дѣлъ“ (LXIII, стр. 45); при Петрѣ II также берутъ „къ дѣламъ въ канцелярію В. Т. Совѣта Сената и изъ канцеляріи“ канцеляристовъ и кописистовъ (ib., стр. 654), такъ что, сравнительно съ петровскимъ временемъ, она дѣлается гораздо малочисленнѣе. Впрочемъ, иногда взятая въ Совѣтъ изъ другихъ канцелярій секретари и прочія лица отсылаются въ нихъ обратно (ib., стр. 515), соблюдая то правило (какъ читаемъ въ журналѣ 15 Мая 1727 г.), что ежели въ В. Т. Совѣтѣ въ дѣлахъ позовется какая нужда, то брать секретарей изъ Сената и изъ коллегій воинскихъ“ . . . (ib.).

35) Это, конечно, вполне соответствовало его общему взгляду, что „отъ умноженія разныхъ правителей и канцелярій не точію отягощеніе штата, но и народу тягость чинится“, вслѣдствіе чего, указомъ 24 Февраля 1727 г., Сенату было повелѣно разсмотрѣть государственные штаты и составить, для внесенія въ Совѣтъ, особый проектъ объ ихъ уменьшеніи (LXIII, стр. 258). Интересно отмѣтить, что въ своемъ стремленіи къ уменьшенію вообще числа служащихъ, Совѣтъ заходилъ иногда довольно далеко: напр., онъ предполагалъ отпустить изъ коллегій всѣхъ иноземцевъ, находя, что они „жалованье получаютъ больше, а нужды въ нихъ не предусмотрѣно“. Императрица, однако, не согласилась съ Совѣтомъ, и рѣшила, что они должны остаться на службѣ по тому, что были приглашены на нее Петромъ В. (LV, стр. 410).

дѣль Мануфактуръ - коллегіи въ Коммерцъ - коллегію. Однако, уже въ Мартѣ „усмотрѣно, что тѣмъ дѣламъ при Коммерцъ - коллегіи быть не прилично“ и вновь повелѣно имъ быть „при Сенатѣ, впродъ до опредѣленія, въ вѣдомствѣ сенатора Новосильцева, и при той конторѣ оставить секретаря, да канцеляриста и 2-хъ копистовъ, чтобы фабрики не пришли въ слабое состояніе своимъ дѣйствомъ“ (ib., стр. 363). Однако, недалѣе, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (а именно въ Іюнь того-же года), эта, столь недавно уничтоженная, а затѣмъ вновь возстановленная, контора обращается уже къ Сенату съ заявленіемъ, что „тѣми служителями (ей) управиться невозможно“ и требуетъ къ нимъ „прибавки“ (ib., стр. 656). Изъ этого примѣра, какъ, впрочемъ, и изъ многихъ другихъ, ясно, что рѣшенія Совѣта не всегда бывали достаточно хорошо продуманы; не удивительно поэтому, что ему приходилось, подъ давленіемъ необходимости, быстро отъ нихъ отказываться. Не говоря уже о томъ, что передача дѣль Мануфактуръ - коллегіи Коммерцъ-коллегіи (къ чему Совѣтъ прибѣгнулъ также въ интересахъ сокращенія штатовъ)³⁶⁾, была мѣрою совершенно для дѣла непригодною, само соображеніе Совѣта о томъ, что мануфактурныя дѣла не нуждаются „въ особой конторѣ“ при Сенатѣ скоро оказалось неосновательнымъ, и Совѣтъ, поневолѣ, долженъ былъ возстановить ее. Между тѣмъ, несомнѣнно, что всѣ эти перемѣны, разрушая прежнюю организацію учреждений вообще³⁷⁾ и Сената — въ частности, не могли содѣйствовать упорядоченію государ-

36) Это ясно, между прочимъ, изъ обзора журнальной записи 15 Іюня 1726 г., гдѣ, вслѣдъ за записью совѣтскаго „разсужденія“ объ общемъ сокращеніи штатовъ коллегій, идетъ запись о томъ, что „дѣла трехъ коллегій, которыя касаются до купечества“ должны быть вѣдомы „въ одномъ мѣстѣ“ (LV, стр. 363).

37) См., напр., еще указъ 15 Іюля 1726 г. о присоединеніи Штатсъ-конторы къ Каммеръ-коллегіи и о небытіи въ провинціяхъ рентмейстерамъ (VII, № 4928).

ственнойнаго управленія, прежде всего потому, что слѣдовали другъ за другомъ весьма быстро и неожиданно. Едва, напр., въ Совѣтъ было рѣшено представить кандидата на вакантную должность генерала - рекетмейстера, какъ затѣмъ совершенно неожиданно пришли къ мысли о необходимости ея уничтоженія; едва мануфактурныя дѣла передаются въ Коммерцъ-коллегію, какъ ихъ вновь изъемяютъ изъ ея вѣдомства и передаютъ Сенату и т. п.

Остановимся, наконецъ, на нѣкоторыхъ другихъ мѣропріятіяхъ Совѣта по отношенію къ Сенату; они, въ сущности, не прибавляя новаго *de jure* къ выше-разобраннѣмъ узаконеніямъ, не лишены, въ цѣломъ, однако, важности по практическимъ послѣдствіямъ для Сената и его положенія относительно Совѣта.

Какъ уже указывалось выше, Совѣтъ съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, стремился сдѣлаться сосредоточіемъ всѣхъ дѣлъ верховнаго управленія. Въ этихъ цѣляхъ онъ заботился о собраніи всякаго рода свѣдѣній, быстромъ полученіи отвѣтовъ на его указы, объ упорядоченіи сношеній съ Сенатомъ и т. п. Такъ, уже 23 Февраля 1726 г., Совѣтъ постановляетъ, что „ради скорости“ полученія „вѣдомостей“ изъ Сената и коллегій по разнаго рода запросамъ нѣтъ нужды посылать къ нимъ письменные указы, а достаточно призывать въ Совѣтъ изъ Сената и коллегій ихъ оберъ-секретарей и секретарей, приказывая имъ „на словахъ“ доставлять Совѣту тѣ или иныя свѣдѣнія. Эта мѣра, конечно, была разумна, и Совѣтъ заимствовалъ ее изъ практики петровскаго Сената (LV, стр. 59). Когда затѣмъ вскорѣ (а именно въ началѣ уже Іюля мѣсяца) обнаружилось, что Сенатомъ „на многіе посланные изъ Совѣта къ нему указы рапортовъ, какъ о полученіи оныхъ, такъ и о исполненіи по тѣмъ указамъ не подано“, то Совѣтъ потребовалъ отъ Сената объясненій по поводу этого замедленія, приказавъ въ то-же время, „чинить исполненіе немедленно“. При дальнѣйшемъ изслѣдо-

дованіи, однако, оказалось, что Сенатъ, какъ словесно доносилъ Совѣту одинъ изъ его членовъ, не виноватъ въ промедленіи, такъ какъ еще до полученія названнаго указа въ Совѣтъ „были приношены (рапорты) не по одно время, токмо подать (ихъ) не успѣли“ (ib., 396, 428). Система личныхъ сношеній съ учрежденіями, которую установилъ Совѣтъ, бывала такимъ образомъ ему не всегда подъ силу: принесенные „рапорты“, по которымъ, обыкновенно, давались объясненія представителями тѣхъ или иныхъ учреждений, не всегда попадали вовремя къ докладу. На это обратила вниманіе, въ одномъ изъ засѣданій Совѣта, сама Екатерина I, потребовавшая, „чтобы Совѣтомъ на сенатскія доношенія, какъ скоро можно, чинились резолюціи“. Совѣтъ оправдывался во 1-хъ тѣмъ, что важныя дѣла нельзя рѣшать „безъ всего собранія“ (а такое — не всегда могло состояться) а во 2-хъ тѣмъ, что Сенатъ подаетъ иногда „доношенія“ по такимъ предметамъ, на которыя имѣются „точные указы“; ихъ приходится затѣмъ, по разсмотрѣніи, возвращать обратно и такимъ образомъ въ теченіе дѣлъ происходитъ большое замедленіе. Вслѣдствіе этого, было предписано впредь такихъ доношеній отъ Сената не принимать. Однако, это предписаніе нелегко было привести въ исполненіе, такъ какъ обнаружилось, что, когда сенаторы не дѣлаютъ лично докладовъ Совѣту по принесеннымъ имъ доношеніямъ, они оставляютъ ихъ въ совѣтской канцеляріи, которая разсматриваетъ ихъ уже послѣ. Совѣтъ поэтому нашелъ, что на будущее время, при приѣмѣ этихъ доношеній отъ сенаторовъ, долженъ находиться сенатскій оберъ-секретарь или секретарь; доношенія принимаются совѣтскимъ оберъ-секретаремъ Ан. Масловымъ, который просматриваетъ ихъ, и если - бы при этомъ оказывалось, что, „которыхъ доношеній зачѣмъ принять не надлежитъ“, то они должны были быть тотчасъ возвращены обратно сенатскому оберъ-секретарю или секретарю „съ росписками“; если дѣло касалось доношеній, на которыя имѣлись „точные

указы“, то изъ нихъ должны были дѣлаться Сенатомъ особыя „экстракты“, которые вмѣстѣ съ „ненадлежащими“ доношеніями Сената, „по случаю“ (т. е. при удобномъ случаѣ), могли затѣмъ подлежать всеподаннѣйшему докладу, съ цѣлю, конечно, болѣе строгаго надзора за дѣятельностью Сената (ib., стр. 408, 425). Все разсказанное отлично рисуетъ тогдашніе порядки дѣлопроизводства: Сенатъ, несмотря на свое высокое положеніе, не знаетъ точно, когда онъ долженъ обращаться къ Совѣту; Совѣтъ занимается понапрасну разсмотрѣніемъ неподлежащихъ его вѣдомству дѣлъ; самый порядокъ сношеній устанавливается *de facto* несразу, а лишь черезъ пять мѣсяцевъ, послѣ образованія Совѣта³⁸⁾ и т. д.

Далѣе. Едва проходитъ мѣсяць послѣ установленія на практикѣ болѣе цѣлесообразнаго, чѣмъ прежде, порядка сношеній Сената съ Совѣтомъ, какъ послѣднему приходится рѣшать весьма важный вопросъ, возбужденный Сенатомъ еще въ концѣ Апрѣля³⁹⁾. Именно, Сенатъ требуетъ у Совѣта рѣшенія вопроса о томъ, долженъ - ли онъ „чинить исполненіе“ только по именнымъ указамъ, объявленнымъ ему изъ Совѣта, или-же онъ долженъ исполнять также именныя словесныя указы, полученные „отъ разныхъ персонъ“?

Вопросъ этотъ уже самъ по себѣ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, достаточно ясно показываетъ, какія неурядки существовали тогда въ объявленіи именныхъ указовъ. Эти

38) Онъ устанавливается 8 Юля 1726 г. (ib., стр. 425).

39) Именно, еще 29 Апрѣля того-же года Сенатъ подаетъ Совѣту доношеніе, содержащее въ себѣ запросъ, какъ поступать Сенату въ разсматриваемомъ нами теперь случаѣ; лишь 5 Августа отвѣчаютъ на него именнымъ указомъ, объявленнымъ изъ Совѣта (LVI, стр. 14 сл.; VII, № 4945) — наглядный примѣръ, какъ медленно разрѣшались Совѣтомъ сенатскіе „доношенія“ даже по столь важнымъ вопросамъ; изъ архивныхъ документовъ также видно, что Сенату приходилось иногда напоминать Совѣту вторично о скорѣйшемъ разрѣшеніи того или другаго вопроса, на что бюджетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

непорядки еще рѣже выступать наружу, когда мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности этого вопроса. Дѣло въ томъ, что Сенатъ, въ первые три мѣсяца послѣ учрежденія Совѣта, встрѣчался въ своей практикѣ съ такимъ явленіемъ: ему объявлялись „разными персонами“ именныя указы, по которымъ онъ долженъ былъ „чинить исполненіе“, лишь „утверждаясь подпискою того, отъ кого тѣ указы объявляются“, т. е., иначе говоря, онъ получалъ словесныя именныя указы Императрицы, подписанные лишь тѣми или другими „объявителями“ указовъ. Въ архивныхъ документахъ сохранились, напр., такія словесныя объявленія Сенату воли Государыни: „Господа Сенатъ“, — пишетъ Меншиковъ, подражая Петру В. въ его обращеніяхъ къ Сенату — „всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, В. Г. Императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, пожаловала рыбинскаго полка полковничья сына, Ивана Иванова, сына Тевяшева на мѣсто отца его въ тотъ-же полкъ въ полковники. А понеже оной въ сихъ числахъ отправляется къ ген.-фельдмаршалу кн. Голицыну съ нужнѣйшими Ея И. В. указами, того ради о дачѣ ему изъ Сената на оный рангъ Ея И. В. указу учинить надлежащее немедленное рѣшеніе, генераль-фельдмаршалъ, кн. А. Меншиковъ“⁴⁰). Этотъ примѣръ не былъ, конечно, единственнымъ⁴¹). Между тѣмъ тѣмъ такой порядокъ объявленія именныхъ словесныхъ указовъ не былъ согласенъ (какъ справедливо отмѣтилъ это и самъ Сенатъ въ своемъ „доношеніи“ Совѣту) ни съ указомъ 28 Марта 1726 г. котораго мы уже касались выше, ни съ повелѣніемъ Петра В. о словес-

40) Арх. Мин. Юст., журн. и пр. С., кн. 70/1951, л. 70 (18 Февраля 1726 г.).

41) ib., кн. 72/1953, л. 127 (указъ о назначеніи Ильи Исаева президентомъ и оберъ-инспекторомъ въ Ригу, объявленный Меншиковымъ); ib., кн. 75/1956, л. 203 (ук. о „каникулахъ“ въ Сенатъ и коллегіяхъ, объявленный гр. Девіэромъ) и др.

ныхъ указахъ, отъ 11 Декабря 1724 г. По первому различаются два вида именныхъ указовъ, прошедшихъ черезъ Совѣтъ : „указы за собственною нашею рукою“ и „указы, которые не будутъ за собственною нашею рукою“ ; въ послѣднихъ, однако, „по датумъ“ должно было писать : „по нашему указу“ (VII, № 4862) ⁴²). Сенатъ спрашивалъ, долженъ-ли онъ „впредь исполнять по такимъ объявленнымъ отъ разныхъ персонъ указамъ“ или - же долженъ исполнять „только по тѣмъ указамъ, которые присланы будутъ изъ В. В. Совѣту“, на основаніи указа 28 Марта. При этомъ Сенатъ обращалъ вниманіе Совѣта, что еще въ концѣ царствованія Петра В. состоялось повелѣніе, по которому въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ воля государя должна была выражаться письменно, а не словесно ⁴³). Эта ссылка Сената на петровскій указъ показываетъ, что Сенатъ видѣлъ на практикѣ все неудобство объявленія воли монарха словесно по столь важнымъ вопросамъ, какъ тѣ, которые отмѣчены въ названномъ указѣ (напр., возведеніе въ чины, о чемъ „объявлялъ“ Сенату, какъ мы видѣли, Меншиковъ) и, какъ блюститель закона, хотѣлъ, чтобы указъ 28 Марта строго исполнялся (LVI, стр. 15). Совѣтъ согласился съ сенатскимъ доношеніемъ, въ результатъ чего 4 (5) Августа и явился именной указъ, объявленный затѣмъ изъ Совѣта Сенату (VII, № 4945) ⁴⁴), чтобы въ важныхъ дѣлахъ „не вѣрили“ ука-

42) См., выше стр. 31, пр. 14.

43) Именно, указъ Сенату, отъ 11 Дек. 1724 г., гласитъ слѣдующее : „буде кто впредь станетъ въ Сенатъ или коллегіяхъ и канцеляріяхъ объявлять Его Величества словесные указы о дѣлахъ, которые подлежатъ къ какому вновь постановленію или кого какимъ чиномъ и другимъ чемъ пожаловать или жалованья прибавить и сверхъ окладнаго въ приказъ дать, чего въ штатѣ опредѣлено не будетъ и о прочемъ тому подобномъ — того ни по чьему объявленію, безъ подписанія собственной Его И. В. руки, не дѣлать, развѣ о какихъ малыхъ дѣлахъ“ . . . (LVI, стр. 15).

44) Указъ этотъ въ II Собр. Зак. помѣченъ 5 Августа, но изъ протоколовъ Совѣта видно, что онъ былъ данъ Совѣту еще 4 числа (LVI, стр. 14).

замъ словеснымъ или даже и письменнымъ, объявленнымъ „безъ подписанія нашея собственныя руки или всего В. Т. Совѣта“. Эти „важныя дѣла“, требующія подписи Императрицы или всего Совѣта, въ сущности, — тѣ-же, на которыя указывало и петровское повелѣніе, и „мнѣніе не въ указъ“ (п. 10-ый). Новою здѣсь является лишь форма подписи, съ которою должны были теперь отправляться указы Совѣтомъ въ тѣ или иныя учрежденія: именно, по указу 8 Февраля протоколы Совѣта должны были крѣпить всѣ назначенныя особы В. Т. Совѣта“, но указы отправлялись за подписью лишь одного Степанова (это подтверждено и указомъ 28 Марта); теперь, въ важныхъ случаяхъ, они должны и отправлять за подписью „всего В. Т. Совѣта“ 45).

Но, если въ данномъ случаѣ Сенату приходилось являться передъ Совѣтомъ въ роли блюстителя закона, нарушавшагося „разными персонами“ то вскорѣ ему пришлось защищать законъ противъ самого Совѣта, который явился нарушителемъ только - что изданнаго именнаго указа 4 Августа, приславъ Сенату указъ объ отдачѣ земли Остерману, подписанный не всѣми членами Совѣта, а лишь присутствующими; Сенатъ, „имѣя сомнѣніе“ въ правильности такого дѣйствія Совѣта, замедлил первоначально исполненіемъ указа, но

45) Интересно отмѣтить, что Совѣтъ, въ своемъ докладѣ Императрицѣ, по поводу сенатскаго доношенія, предлагалъ нѣчто болѣе важное, но Екатерина не согласилась съ этимъ предложеніемъ. Именно, Совѣтъ предлагалъ, что, если повелѣнія Императрицы будутъ касаться Сената и Коллегій, то, „чтобы о томъ тѣ люди (которые ихъ получаютъ) прежде объявляли въ В. Т. Совѣтъ, откуда о томъ указы посланы будутъ, а мимо В. Т. Совѣту и въ коллегіяхъ словесныхъ Вашего Величества указовъ, не объявляли - бѣ“ (LVI, стр. 16); это предложеніе напоминало 3-ій пунктъ „мнѣнія не въ указъ“ въ его первоначальной, отвергнутой Екатериною, редакціи („никакимъ указомъ прежде не выходить, пока оныя въ В. Т. Совѣтъ „совершенно не состоялись“ . . . и пр. — LV, стр. 94). Отвергнувъ 3-ій пунктъ „мнѣнія“, послѣдовательно было не согласиться и съ вышеуказаннымъ докладомъ.

затѣмъ, покоряясь Совѣту, уступилъ ⁴⁶⁾. Одна журнальная записъ вскрываетъ при этомъ такую подробность: Совѣтъ, находя для себя болѣе удобнымъ, чтобы его указы подписывались лишь присутствующими, а не всеми членами, какъ этого требовалъ и указъ 8 Февраля, и указъ 4 Августа, готовъ былъ, повидимому, идти даже на неблаговидные поступки, а именно, на измѣненіе, при разсылкѣ, текста именнаго указа 4 Августа. Въ послѣднемъ было, — какъ уже это было отмѣчено нами выше, — сказано, что не должно вѣрить „объявленіямъ, словеснымъ или письменнымъ, безъ подписанія нашея собственныя руки или всего В. Т. Совѣта“ (LVI, стр. 14); въ журналъ 17 Сентября читаемъ, что членамъ Совѣта былъ „предъявленъ“ вышеупомянутый указъ 4 Августа, который „бранъ былъ въ Петергофъ“ (гдѣ тогда пребывала Екатерина) и затѣмъ возвращенъ Совѣту Макаровымъ, при чемъ „показано, что въ ономъ учинена только добавка: „все го“ В. Т. Совѣта; а въ посланныхъ тогда указахъ изъ В. Т. Совѣта того слова „все го“ не было написано“. Затѣмъ возникъ вопросъ о томъ, должно-ли „то слово прибавочное въ тѣ указы вписать“, и было рѣшено указы эти взять обратно и „то слово прибавочное приправить и паки отдать“ тѣмъ учрежденіямъ, которымъ они были посланы ранѣе (ib., стр. 85). Такимъ образомъ, указъ 4 Августа разсылался Совѣтомъ въ той редакціи, въ какой онъ это находилъ для себя болѣе удобнымъ, и только когда въ этомъ дошло до свѣдѣнія Императрицы (можетъ быть, вслѣдствіи указаннаго возраженія Се-

46) См., выше, стр. 44; ср. LVI, стр. 81 сл. (журналъ 16 Сентября 1726 г.). Совѣтъ отвѣтилъ Сенату, что указъ присланъ „за рукою“ одного Степанова „по силѣ указа Ея И. В., каковъ за собственноручнымъ Ея В. подписаніемъ въ Сенатъ присланъ былъ о томъ, что какимъ образомъ изъ В. Т. Совѣта указы отправляемы быть имѣютъ“ т. е., очевидно, имѣя ввиду указъ 28 Марта. Но, имѣя передъ собою указъ 4 Августа, измѣнявшій именно форму подписи на отправляемыхъ Совѣтомъ указахъ, совершенно неправильно было Совѣту ссылаться на указъ 28 Марта.

ната), указъ возстановлялся въ его первоначальномъ видѣ 47) — случай, рѣзко характеризующій самовластіе Совѣта! На этомъ, впрочемъ, дѣло не остановилось и Совѣтъ, несмотря на петергофскую добавку, продолжалъ поступать по прежнему. Сенату вновь пришлось явиться передъ Совѣтомъ въ роли блюстителя закона, и Совѣтъ на этотъ разъ долженъ былъ ему, хотя временно, уступить. Такъ, спустя слишкомъ полгода, Совѣтъ послалъ Сенату указъ о назначеніи М. Воейкова оберъ-прокуроромъ Сената за подписью одного Степанова, „а не всего В. Т. Совѣта, какъ о томъ указъ повелѣваетъ“, на что сенаторы, будучи допущены въ собраніе, сами и указали Совѣту. Тогда Совѣтъ рѣшилъ „указъ оной (обратно) принять и, переписавъ, В. Т. Совѣта у всего собранія подписать и потомъ въ Сенатъ отослать“; впрочемъ, черезъ нѣсколько дней Совѣтъ вновь рѣшаетъ дѣло иначе 48). Здѣсь, такимъ образомъ, Сенатъ добился лишь временно своего, давъ понять Совѣту, что именныя указы, — какъ и всякіе другіе, конечно, — должно исполнять въ точности. Совѣтъ, какъ учрежденіе не юридическаго характера, въ своемъ стремленіи къ самовластію, скло-

47) Что указъ этотъ въ первоначальномъ видѣ содержалъ въ себѣ слово всего, на это указываетъ и его текстъ, помѣченный 4-мъ числомъ Августа, и ссылка Сената, въ своемъ возраженіи, на то, что Сенату указъ объ отдачѣ земли Остерману посланъ „не за всѣхъ руками В. Т. Совѣта“ (ib., стр. 14. 81). Слова журнала 17 Сентября, что въ этомъ указѣ, послѣ его разсмотрѣнія въ Петергофѣ, „учинена только добавка всего В. Т. Совѣта“ относятся, какъ намъ кажется, къ его копіи, а не къ подлиннику.

48) LXIII, стр. 231, журналъ 9 Марта 1727 г.; но въ журналѣ 13 Марта (ib., стр. 241 сл.) читаемъ вновь слѣдующее: „о переписанномъ (согласно съ предшествующимъ рѣшеніемъ, конечно) въ Сенатѣ указѣ объ оберъ-прокурорѣ Матвѣѣ Воейковѣ для подписанія В. Т. Совѣта особамъ докладовано, на которое разсуждено, что всѣмъ особамъ онаго указа подписывать не надлежитъ, а отослать прежній подписанный рукою д. ст. сов. В. Степанова, который того-же числа съ экзекуторомъ Елагинымъ и посланъ въ Сенатъ“... Такъ, съ удивительною легкостію перерѣшались вопросы Совѣтомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, не смотря на существованіе точныхъ указовъ.

ненъ былъ придавать мало значенія подобнымъ формальнымъ ограниченіямъ своихъ дѣйствій и легко нарушалъ ихъ. Наоборотъ, Сенатъ, какъ учрежденіе инаго-порядка, смотрѣлъ на дѣло иначе и неразъ призывалъ учрежденія, начиная съ самого Совѣта, къ исполненію закона. Когда, напр., въ Январѣ 1727 г. обнаружилось, что начальникъ Преображенской канцеляріи, кн. Ив. Ѳ. Ромодановскій, нежелая подчиниться общему порядку, отказался отсылать въ только-что учрежденную Ревизионъ-коллегію счетныя вѣдомости о приходѣ и расходѣ денегъ, Сенатъ донесъ объ этомъ Совѣту; послѣдній подтвердилъ, конечно, обязательность указа „генерально“ для всѣхъ и приказалъ Преображенской канцеляріи подчиниться ему, сопровождая, впрочемъ, это подтвержденіе соображеніями вовсе не юридическаго характера⁴⁹⁾; въ такихъ соображеніяхъ не могъ нуждаться Сенатъ, стоя твердо на почвѣ обязательности закона для всѣхъ: онъ и не дѣлаетъ ихъ, а просто указываетъ Совѣту, что такое-то учрежденіе отстаетъ отъ закона. Мы еще будемъ имѣть случай коснуться болѣе подробно этой стороны дѣятельности Сената; теперь лишь замѣтимъ, что къ концу царствованія Екатерины I, когда Сенатъ былъ столь значительно ограниченъ въ своихъ правахъ, а Совѣтъ стоялъ надъ нимъ во всеоружіи своей власти и значенія, Сенатъ продолжалъ, худо-ли, хорошо-ли, но отстаивать идею законности въ государственномъ управленіи: доброе зерно, положенное въ его основаніе Петромъ В., такимъ образомъ, не погибло. Въ этой идеи законности надо, на нашъ взглядъ, несомнѣнно, искать причину того, что Сенатъ, не смотря на превратности его

49) *ib.*, LXIII, стр. 72. Именно, Совѣтъ нашелъ при этомъ, для большей убѣдительности, необходимымъ замѣтить, что „по предложенію словесному тайн. сов. Макарова . . . и изъ кабинета Ея И. Величества счеты въ ревизию отсылаются, нежели изъ Преображенской канцеляріи“, т. е., что, если кабинетъ подчиняется „ревизиі“, то тѣмъ болѣе ей должна подчиняться Преображенская канцелярія,—соображеніе вовсе не юридическаго характера. . .

судебъ, уцѣлѣлъ надолго, а отъ этихъ самовластительныхъ учреждений, время отъ времени у насъ возникавшихъ, не осталось скоро даже и имени. . .

Мы закончили очеркъ мѣропріятій Совѣта по отношенію къ Сенату въ царствованіе Екатерины I. Какъ ясно изъ всего предъидущаго, Совѣту удалось быстро (едва въ какіе-нибудь пятнадцать мѣсяцевъ), безъ опредѣленнаго заранѣе и исполнѣ ясно плана, разрушить прежнюю организацію Сената: компетенція его была сведена къ наименѣ важнымъ дѣламъ управленія, его учрежденія частію были уничтожены, частію искалѣчены, его общее значеніе было сильно подорвано самовластительствомъ Совѣта. У Сената, впрочемъ, — какъ это увидимъ, когда будемъ изучать подробно вопросъ о кругѣ его вѣдомства — оставалось еще обширное поле для дѣятельности, хотя и подъ верховенствомъ другаго учрежденія, чтó уже самую себѣ указываетъ ясно на необходимость его существованія. Комитетъ министровъ, чѣмъ въ сущности, былъ В. Т. Совѣтъ, — какъ - бы закономѣрно онъ ни былъ устроенъ (чего нельзя сказать, конечно, о Совѣтѣ) — не могъ замѣнить собою высшаго коллегіальнаго учрежденія, гдѣ - бы могли изготавляться разнаго рода обширные законопроекты и сосредоточивались - бы всѣ сложныя функціи подчиненнаго управленія, по скольку они нуждались въ одномъ общемъ органѣ. Было исполнѣ законно и понятно, что л и ч н о е начало въ верховномъ управленіи, послѣ Петра В., нашло себѣ болѣе яркое, чѣмъ прежде, выраженіе въ особомъ учрежденіи, какъ Совѣтъ; но нельзя, однако, не пожалѣть, что нестолько право, сколько политика ложились въ основу его организаціи у насъ, какъ въ изучаемую эпоху, такъ иногда и позднѣе. Это, въ свою очередь, не могло не отразиться дурно на исторіи преобразованія всѣхъ учреждений вообще и Сената въ частности. Преобразования велись безпорядочно, съ постоянными отступленіями и колебаніями, безъ достаточнаго уваженія къ праву. Мы видѣли, напр., какъ Сенатъ долженъ былъ настаивать передъ

Совѣтомъ на исполненіи указа 4 Августа; къ концу царствованія Екатерины, Совѣтъ былъ, хотя временно, принужденъ уступить его требованію. Но едва умираетъ Императрица, какъ Совѣтъ, безъ всякаго уже стѣсненія, пользуясь малолѣтствомъ Петра II, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, вообще измѣняетъ только что установившійся порядокъ: уже 12 Мая 1727 г., едва проходитъ недѣля послѣ кончины Екатерины, въ Совѣтъ ставится вновь вопросъ о томъ, должны-ли отправляемые изъ Совѣта указы подписывать всѣ присутствующіе или „но прежнему учрежденію“, лишь одинъ Степановъ; „повелѣли“, конечно, послѣднее, какъ болѣе удобное для Совѣта, нисколько не стѣсняясь ни указомъ 4 Августа, ни его позднѣйшимъ подтвержденіемъ со стороны Императрицы (LXIII, стр. 481) и т. д. Царствованіе Петра II, какъ мы уже неразъ указывали выше, еще меньше, чѣмъ царствованіе Екатерины I представляло преградъ къ подобнымъ дѣйствіямъ; Совѣтъ, чувствуя себя вполне господиномъ положенія, могъ идти въ своихъ олигархическихъ затѣяхъ, столь далеко, сколь это входило въ его политическіе планы: право теперь могло еще болѣе, чѣмъ прежде, попирается политикою.

Обращаемъ къ мѣропріятіямъ Совѣта по отношенію къ Сенату въ царствованіе Петра II.

Намъ уже было своевременно отмѣчено (стр. 133), что, хотя царствованіе Екатерины I, при существованіи Совѣта, было вдвое короче царствованія Петра II, на него приходится гораздо болѣе важныхъ законодательныхъ и административныхъ актовъ Совѣта, чѣмъ на царствованіе Петра II. Рѣзче всего это утвержденіе наше подтверждается на Сенатъ: его преобразование, собственно говоря, заканчивается, въ общемъ, уже въ первое царствованіе; второе — только развиваетъ и дополняетъ въ подробностяхъ ту основную идею верховнаго господства и „генеральнаго управленія и надзиранія“ Совѣта за всѣмъ, на которой строилось это преобразование въ екатериненское царствованіе. Частію это объясняется тѣмъ, что сама идея эта, — по

крайней мѣрѣ въ той постановкѣ ея на практикѣ, какую давалъ ей Совѣтъ, идя въ своей дѣятельности отъ случая къ случаю — была столь несложна, что для ея осуществленія, по отношенію къ Сенату, достаточно было одного краткаго царствованія, при условіи, конечно, полнаго согласія на это осуществленіе со стороны верховной власти; частію это объяснялось уже обстоятельствами самого царствованія Петра II. Какъ уже указывалось выше, Совѣтъ въ послѣднее царствованіе расширилъ свою власть почти до предѣловъ власти монарха. Сенатъ, послѣ тѣхъ ударовъ, которые были нанесены его самостоятельности еще при Екатеринѣ I, не могъ являться уже для Совѣта главнымъ объектомъ нападенія и захватовъ, если бы даже дѣятельность Совѣта была болѣе сосредоточена, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Сенатъ теперь былъ учрежденіемъ съ совершенно подорваннымъ значеніемъ. Онъ продолжалъ, конечно, и теперь, еще — наряду съ другими учрежденіями, какъ Кабинетъ, Военная коллегія, — испытывать на себя самовластительство Совѣта, но Совѣтъ могъ спокойнѣе, чѣмъ прежде, относится къ Сенату, лишь попутно касаясь его въ своей законодательно - административной дѣятельности. Это не означало, впрочемъ, вовсе того, чтобы преобразование Сената (какъ и другихъ учреждений) вообще было закончено и не нуждалось въ дальнѣйшемъ развитіи, а лишь указывало, что Совѣтъ, уронивъ прежнее значеніе Сената въ цѣляхъ собственнаго верховенства, потерялъ вкусъ, — если позволительно такъ выразиться, — къ преимущественному занятію сенатскими дѣлами: политическій характеръ учрежденія, ставшаго надъ Сенатомъ, здѣсь, какъ и вездѣ, давалъ себя знать вполне явственно. Обстоятельства царствованія Петра II сложились еще болѣе благопріятно для развитія и укрѣпленія этой особенности учрежденія, что въ свою очередь, отразилось и на законодательствѣ Совѣта по отношенію къ Сенату въ послѣднее царствованіе.

Прежде, чѣмъ перейти къ обзору этого законодательства, замѣтимъ вообще, что, если Совѣтъ уже черезъ нѣсколько дней

послѣ кончины Екатерины отмѣнили неудобный для него порядокъ подписанія протоколовъ, изъ-за котораго, какъ указывалось уже выше, у него происходили пререканія съ Сенатомъ, то, конечно, на этомъ дѣло не остановилось. Такъ, въ томъ-же засѣданіи Совѣта положено начало нарушенію 4-го пункта тестамена Императрицы объ участи въ Совѣтѣ цесаревнѣ (объ этомъ, см., выше, стр. 63)⁵⁰); такъ, далѣе, нѣсколько позднѣе отмѣненъ Совѣтомъ ея-же указъ объ утвержденіи Совѣтомъ приговоровъ по преступленіямъ, которыя влекли за собою смертную казнь или политическую смерть (ib., стр. 115 сл.). Эти, какъ и многіе другіе примѣры, приводившіеся уже по разнымъ поводамъ нами выше, ясно показываютъ, какъ мало стѣснялся Совѣтъ въ своей дѣятельности уже съ самаго начала царствованія Петра II, и притомъ даже въ вопросахъ только - что рѣшенныхъ такъ или иначе Екатериною; позднѣе, онъ все смѣлѣе и смѣлѣе идетъ по пути утвержденія своего верховенства въ управленіи дѣлами страны, не встрѣчая никакихъ преградъ себѣ. Сенатъ отъ этого, впрочемъ, мало уже проигрываетъ: имъ во первыхъ меньше, чѣмъ прежде занимаютъ, почему онъ можетъ болѣе спокойно отдаваться исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, а во вторыхъ самъ Совѣтъ менѣе ревниво относится къ нему. Это сказывается какъ въ томъ, что Совѣтъ болѣе охотно, чѣмъ прежде, отдаетъ теперь на обсужденіе или даже рѣшеніе Сената различные вопросы, такъ и въ томъ, что онъ готовъ въ это время идти иногда даже на расширеніе его компетенціи. Конечно, когда говорятъ о такомъ учрежденіи, какъ Совѣтъ

50) Въ добавленіе къ примѣчанію 62-му, на вышеуказанной 63 страницѣ, надо замѣтить, что Совѣтъ, во исполненіе своего постановленія отъ 12 Мая 1727 г., давалъ нѣсколько разъ подписывать свои протоколы и царевнамъ Аннѣ и Елизаветѣ, но затѣмъ это скоро прекратилось (см., LXIII, стр. 509, 525 и сл.) и царевны, вопреки екатерининскому тестаменту, не участвуютъ въ дѣлахъ правленія и засѣданіяхъ Совѣта.

Ученія Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета будутъ выходитьъ въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученія Записки распадаются на

- I) отдѣлъ оффиціальныи — и
- II) отдѣлъ научный: въ послѣднемъ будутъ помещаемы:
 - A. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензіи, библиографическіе обзоры и т. п.
 - B. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложений, съ особой пагинаціей каждое.

Статьи могутъ быть написаны на всѣхъ наиболѣе распространенныхъ европейскихъ языкахъ.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб.

Редакторъ **А. Гуляевъ.**
